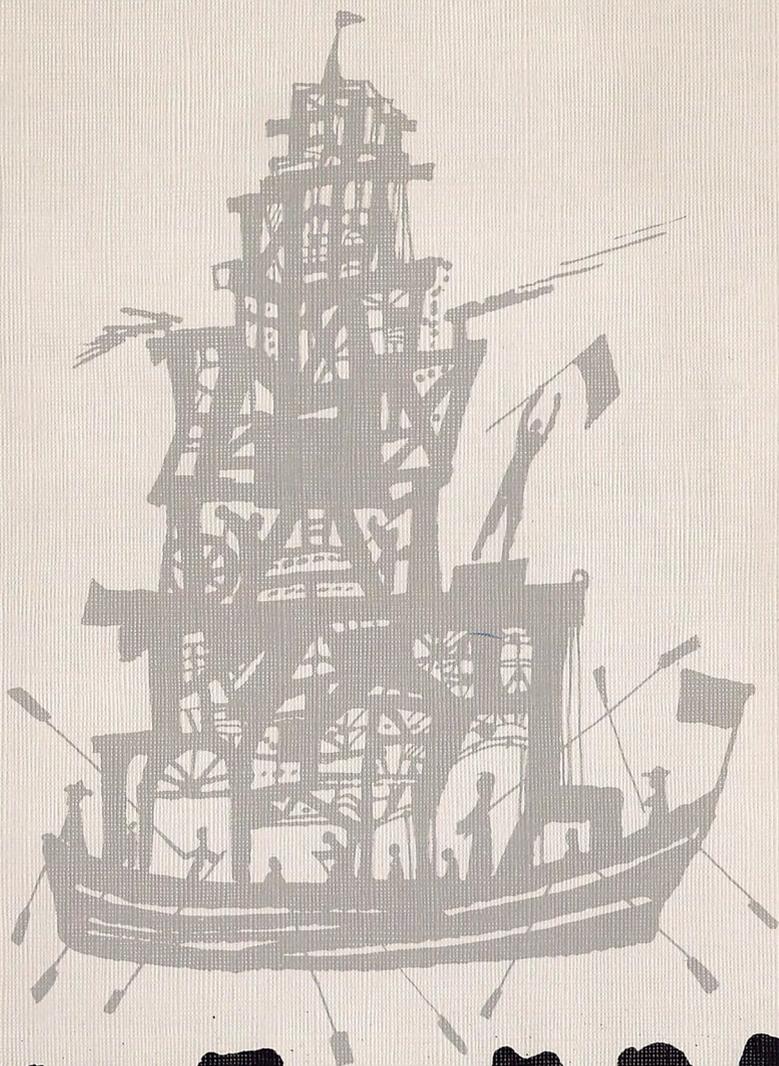

ГОД за ДВА

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

ГОД за ДВА

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ

М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ

М. ЖВАНЕЦКИЙ

М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ

М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ
М. ЖВАНЕЦКИЙ

М. ЖВАНЕЦКИЙ

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

ГОД
за
ДВА

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

ГОД
за
ДВА

Москва
«Искусство»
1989

84Р7—4
Ж 41

Рецензенты:
З. С. Паперный,
доктор филологических наук
Е. Д. Уварова,
доктор искусствоведения

Иллюстрации
Резо Габриадзе
Оформление
Вадима Радецкого

Ж $\frac{4702010201-075}{025(01)-89}$ 30—88
ISBN 5-210-00093-1

© Издательство «Искусство», 1989

Под куполом гласности

---

*Он даже хаживал один на паука.
И. А. Крылов*

1

*Книга стоит на полке — слава висит в воздухе.
Слово письменное уступило устному.*

*В наш нечитающий, телевизионный век мы особенно
полюбили артистов. Мы их любим, потому что
знаем в лицо. Тут уже и устных слов не надо.
Посмотрели, и будет. Молчание — золото.*

*Мы так уж полюбили нашего артиста, что и не заме-
чаем, сколько в нашем восторге неблагодарности
и барского отношения: он — для нас, мы его
награждаем. Раз ему славу дали (мы), раз ему
хлопают (мы), — значит, его любят (мы). И раз
мы все это ему дали, значит, все остальное у него
в порядке. А плохо и трудно — это уже только
нам. Что ему?..*

*Так что мы не любим артистов. В чужой славе мы
любим себя. Молча и восторженно улыбаемся друг
другу, утаивая взаимное неуважение.*

Дошли до точки и замерли в ней.

*Слово письменное уступило устному, когда замерло
время. В эпоху многосерийного анекдота и сем-
надцати мгновений. Сейчас время тикнуло и тор-
жествует публицистика, пограничная область сло-
ва устного. Сквозь нее пробивается слово пись-
менное — первая травка.*

Слава висит в воздухе — книга стоит на полке.

Слава Жванецкого безмерна, от Северного полюса до Южного. И в невесомости (у космонавтов). Популярность его сравнима только с популярностью Высоцкого.

Но у Высоцкого — стихи, голос, гитара... а теперь и смерть. У Жванецкого — ничего этого нет, одна проза.

Популярность прозы в таком масштабе — вещь невообразимая. И это при минимальном тираже (число мест в зрительном зале) и неограниченной перепечатке (число магнитофонных кассет). Артист под маской писателя или писатель под маской артиста? Чтобы вычислить это, нужна книга. Вот эта.

И это нужно самому Жванецкому. Казалось бы, чему может завидовать человек с такой известностью? Жванецкий завидует... писателям, их нечитаемым кирпичам.

Слава Жванецкого раздражала поклонников: чем больше она росла, тем больше ее не хватало. То экран не дали, то зал не предоставили.

Теперь она раздражает иных и иначе: и зал и экран... символ гласности!

Только что он и был наша гласность, а теперь, когда ее стало полно, стал символ... И этот вот переход он нам преподал первый. И стоит это учесть — как в одночасье гласность переходит в символ: только что не было и снова не стало.

Устное слово нуждается в письменном.

Нас с Жванецким сблизили многообразные противоположности. Всех не перечислишь. Упомяну одну: я хотел написать комедию, он — трагедию. У такого намерения как раз и находится заказчик. «Кина» не вышло. Победила дружба.

Так и подмывает начать подмигивать и острить... Сколько раз я это наблюдал меж его поклонников. Удостоенные чести, в тесном кругу, в нетерпеливом ожидании новорожденной (при них, для них!) шутки, в счастье приобщения к своему

кумиру, они прежде всего не давали ему рта раскрыть, начиная безудержно и безнадежно острить, сами себе удивляясь и скрываясь в свое очередное фиаско как в бездну. И страшно и не удержаться. Как спеть для Карузо. Так неизбежно начинаешь жать на газ, если доведется подвезти до трека знакомого гонщика...

Что же я сейчас о нем напишу — по праву, по долгу, по бесстрашию и отчаянию дружбы? Когда все так ясно, что и сказать нечего? Когда я еще и рта не раскрыл, а он уже понял? Когда при встрече вместо долгожданного обмена сокровенными мыслями и взглядами хочется начать толкаться и пихаться, как на переменке в первом классе? Потому что — что тут еще скажешь?..

Представлять публике Жванецкого — что за невысказанная задача!

4

Тут нам Зоценко в помощь, не в качестве сравнения, а для цитаты: «Пусть эта книга называется, ну, скажем, культурфильм. Пусть это будет такой, что ли, культурфильм, вроде как у нас бывали на экране: «Аборт», или там «Отчего идет дождь», или «Каким образом делают шелковые чулки», или, наконец, «Чем отличается человек от бобра». Такие бывают фильмы на крупные современные научные и производственные темы, достойные изучения».

Представьте себе такой культурфильм — «Жванецкий», где он не произносит ни слова и ни разу не глянет на вас с экрана и не звучит за кадром его голос и текст, а просто он на ваших глазах приготовляет салат, как в том своем замечательном монологе, исполняемом белым клоуном Ильченко. Начнем ли мы в таком фильме так же безудержно хохотать, когда он перейдет к нарезанию третьей составной части? Родится ли новый Бестер Китон? А над чем же мы, собственно, так уж хохотали, когда слышали это его описание приготовления салата?..

В этом описании не было ни одного смешного слова. В нем полностью отсутствовала шутка.

Где скрывается смех? В словах? между словами? под словами? над?..

Ответ настолько затруднителен, что не проще ли взять академический тон и написать монолог-диссертацию, вроде «Мир М. Жванецкого. К вопросу о логике и телеологии стереотипа» или «Бытие пародийного механизма в речевых масках Жванецкого». Тут и «Взаимодействие чужой и авторской речи», и «Проблема речевого жеста», и «Жизнь как аудитория».

Но и наука слаба, и не только моя. И здесь я удержался как от шутки, так и от преувеличения: филология не готова описать это явление.

Получится то же: «Чем отличается человек от бобра?»

Жванецкий — это проза лишь по одному признаку: что рифмы нет. Но это и не поэзия, хотя смысл пролетает между словами со скоростью, свойственной лишь поэзии. В записанном виде и слова-то у него — какие-то и не слова. Разве это слова?..

Может, это и не слова, а молчание.

Монолог — это когда один персонаж произносит подряд много больше слов, чем все остальные персонажи, монолог — это когда остальные вынуждены молчать, когда им некуда вставить словечко.

Даже когда это замечательная пьеса, монолог — это натяжка, условность, драматургически оправданная разве что истерикой, причем более принадлежащей автору, чем его герою.

Монолог будет естествен только тогда, когда никого на сцене больше нет.

Но человек, в одиночестве произносящий вслух хорошо найденные слова, тоже смахивает на ненормального.

Когда же монолог окончательно естествен? Когда человек один и ничего не произносит вслух. Когда ему кажется, что он молчит.

В этом эффект Жванецкого. Мы не его слышим. Мы слышим себя. Свой внутренний монолог, который

не только не звучал при других, но и себе-то мы отчета не давали, сколь постоянно звучит в нас непроницаемое вслух слово.

7

Жванецкий смел, как молчание. Как молчание, когда говорят все. Ибо не словами он пишет. Наше молчание стало столь выразительным за долгие годы! Что и языка не надо. Это и есть наша речь — дырки между словами. Пустоты, зияния. Карстовая эпопея, вымытая историей.

«Все произведения мировой литературы, — писал Мандельштам, — я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух».

Однако в различные эпохи очень разные вещи могли показаться смелыми, а потом смешными и наоборот. Например, французский поэт XVIII века гордится как подвигом тем, что впервые употребил в стихах слово «корова», что дает повод Пушкину заметить:

«Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике. Жалка участь поэтов (какого б достоинства они, впрочем, ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса! Есть высшая смелость...»

В этой же заметке Пушкин приводит достойный пример поэтической смелости:

«Крылов говорит о храбром муравье, что

Он даже хаживал один на паука».

Смел, однако, и сам муравей...

Смелость художника — особая смелость. Не одно лишь бесстрашие в преодолении запретов, за что его зачастую преувеличенно хвалят. У художника все-таки побольше воображения, и он лучше всех себе представляет, что он преступает и что за это грозит.

Ибо он рассчитывает на п о н и м а н и е. Понят же он в своем, желаемом смысле, скорее всего, не бывает. И признан и наказан он бывает не за т о. Не за «можно и нельзя», а как раз за «воровство

воздуха», который якобы «ничей», которого нам не хватает, без которого мы не живем.

Смех — не что иное, как судорожное дыхание. На Жванецком задыхаются, давятся глотками воздуха, им для нас сворованного. А что тут такого смешного? Над чем?.. Все это мы знаем и без него — самая что ни на есть наша каждодневность. Тогда, значит, здорово написано, слова особенно найдены... Но и текста никакого нет. Не только письменного, но как бы и устного: одни междометия, пропуски, пустоты, дырки, меканья — все тот же воздух. Тут тоже лучше Мандельштама не скажешь: «...для меня в бублике ценна дырка. А как же быть с бубличным тестом? Бублик можно слопать, а дырка останется.

Настоящий труд — это брюссельское кружево, в нем главное — то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы».

И далее, славя Зоценко: «Вот у кого прогулы дышат, вот у кого брюссельское кружево живет!»

«Воздух, проколы, прогулы» — наследство Зоценко, в полноте перешедшее к Жванецкому. Никто не посягал. Не сочли «за вещь».

8

Вода дырочку найдет... Когда нет слов, найдешь непечатное слово, чтобы выразить то, что тебя переполнило. Когда не только нецензурное, но и просто живое слово стало непечатным, сначала запрещенным, а потом и неприличным, как из тюбика поползла магнитофонная лента... И это было третье состояние слова — не устное и не письменное. Магнитофон — не типографский станок, он может быть собственностью. Индивидуальное пользование. Чужое как свое, и свое как чужое. Высоцкий воспел чужое как свое. Жванецкий рассказал нам свое как чужое. Ибо Высоцкий — поэт, а Жванецкий — прозаик. Поэзия есть приобщение, а проза — отчуждение. Такова их природа.

Можно ужаснуться условиям, свергнувшим литературу в догуттенберговскую средневековую темень, а можно и восхититься неистребимости природы

литературы, а можно и возрадоваться вынужденному возвращению литературы к собственным истокам, к изначальному естеству.

Это неустное и неписьменное слово Высоцкого и Жванецкого оказалось неуследимо, неуловимо, неконтролируемо, и оно завоевало страну. Хлеб есть хлеб. И его вкус как-то не обсуждается, когда он — насыщенный.

Писатель — завистник. Он завидует краскам художника, инструменту музыканта. Он вынужден писать, потому что у него нет ни того ни другого. Поэзия льнет к музыке, призывает голос... Что же бедной прозе, говорящей на том же языке, что и мы с вами? Как ей-то вырастить свой кристалл?..

У Жванецкого ни гитары, ни голоса, ни стойки Высоцкого... Одно косноязычие, да мычание, да заикание. Он извлек из них, однако, красноречие и выразительность практически античные. Демосфен, так и не вынувший камня из рта.

9

Жванецкий — одессит и любит подчеркнуть это. В ранних текстах он ее воспевает как патриот; в поздних — сетует, что она уже не та и даже на то, что ее больше не осталось. Пафос его тот же, что и у защитников природы и памятников. Дерево — это тоже не только ветви и листья, но и тень под деревом и небо сквозь них. Для Жванецкого человек тоже природа, и отстаивает он язык, характер, юмор — кружевную тень человека.

Юмор — последний оплот свободы, последний шаг отступления. Утратить его — значит сдаться. Сохранить — перейти в наступление. Сказать остроумно — уже выжить, уже спастись. Наше просторечие хорошо выражает остроумие как действие именно военное, вроде рукопашной: срезал, снял, убрал...

У слабого находится защитник, у погибшего — летописец. В слове таится бессмертие. Меня всегда занимало, что вперед чего: слово или дело? Если В. Даль собрал словарь «Живаго русского языка», то в какой момент этот словарь стал уже не «живаго», зато сохранил нам сокровищницу русской речи? Может, Даль взошел на свой подвиг в пред-

чувствии близкого разорения этих сокровищ? Может, он у с п е л? И тогда он-то и спас «живаго». И что, скажем, сделал Достоевский в «Бесах»: выразил или предвосхитил, предостерег или вызвал?

То есть как отличить поражение от победы?

Это и сейчас каждый день вопрос. Пусть на менее классических примерах.

Если одесский юмор вымирал, то не последний ли Жванецкий? Во всяком случае, с его появлением шутить в Одессе стало еще труднее. Так что же он, доконал, добрал его или, наоборот, спас и именно в нем-то он, умерший, и возродился?

Спасение национального юмора заслуга не меньшая, чем спасение водоема. Экологическая заслуга Жванецкого, кажется, еще не отмечалась.

10

Каким бы нескладным ни вышло это предисловие, хотя бы от обязанности излагать здесь жизненные вехи Жванецкого я свободен. Они все — в этой книге. Годы, отступая в прошлое, сливаются в периоды. Эта книга и автобиография и дневник.

Одесса, инженер в порту, КВН. 1934—1964.

Ленинград, Райкин. 1965—1969.

Карцев, Ильченко, Москва. 1970—1971.

А дальше:

Жванецкий 1972.

Жванецкий 1973.

Жванецкий 1974.

Годы как циклы. Как кольца на дереве. Как сезоны:

Весна 1975.

Лето 1976.

Осень 1977.

Зима 1978.

Или:

Любовь 1979.

Дружба 1980.

Грусть 1981.

Злость 1982.

Год за годом. Виток за витком. А годы те самые. Когда ничего...

И сквозь них, живым побегом, прорастает слово.

Как же все-таки представлять Жванецкого?

Жванецкий — это очень серьезно. Поэтому ни в коем случае ведущий не должен выходить на сцену приветливо улыбаясь, будто он подарит нам сейчас любимца публики. Это вам не Кобзон и не Лещенко. Выходить надо мрачно, похоронно, с недовольным видом, как похмельному рабочему сцены, забывшему на ней свой ломик, когда занавес уже отдернут, посмотреть исподлобья в зал с неудовольствием, не понимая, чего это они все лыбятся заранее, и сказать внезапно, грубо и нехотя одно слово: «жванецкий».

Это уже слово такое. Оно что-то уже значит для каждого. С маленькой буквы — даже больше, чем с большой. Как, впрочем, и положено человеку быть хотя бы с экологической точки зрения — с маленькой. Человек — это звучит горько. Чаплин тоже — только пишется с большой, а воспринимается с маленькой, будто котелок приподнял. Жванецкий — это уже не человек, и не текст, и даже не сама наша действительность. Жванецкий — это наиболее естественное отношение к этой действительности. Это — взгляд, это — жест, это — интонация. Надо иметь глаза и уши. Мы не смеяемся — мы рады, что они у нас еще есть.

Когда в 1886, кажется, году Василий Андреев организовал свой великий оркестр, многие ценители относились к затее скептически: на филармоническую сцену выйдут подзаборные лапотники с балалайками! Андреев, зная цену своему оркестру, естественно, волновался за исход. И вот что он выдумал. Он надел на своих мужиков вполне филармонические фраки и штіблеты! И успех превзошел...

И вот как бы я в таком случае представил Жванецкого нашей просвещенной публике (она же — любезный читатель).

Цирк, прожектора, выходит в своем фраке шпрыхшталмейстер и своим немислимо торжественным мане-

ром провозглашает: «Под куполом гласности —
Михаил Жванецкий!»

И тут на арену выбегает...

Или, еще лучше, на фоне органа выходит всем нам
известная Анна Чехова и с тою неприступностью,
с какою объявляет классику...

И тут на сцену выпархивает... со своей скрипачкой —
со своим портфельчиком... и достает из него пар-
титуру — излохмаченные листы рукописи, по че-
тыре крупные ноты-буквы на страницу...

Вот эту вот книгу.

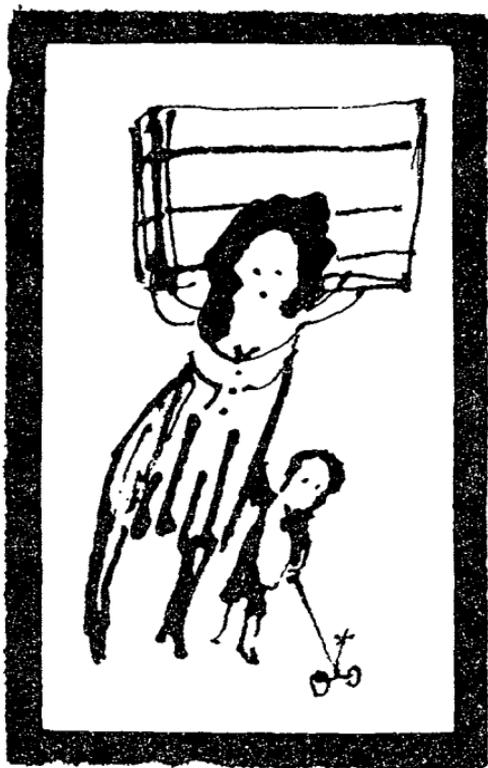
Слушайте...

13

.....
.....
.....

Андрей Битов

1934-1987

Одесса

Итак, Одесса для тех, кто ее не знает и не хочет знать. Довольно красивый город на нашем Юге и чьем-то Севере. На берегу Черного моря, трехтысячный юбилей которого мы недавно отмечали.

Обычно очень жаркий август, когда мы по ночам обливаемся потом, а серая морская вода не охлаждает, а засаливает.

Дачи здесь маленькие — квартиры без крыш. Засыпаешь один, просыпаешься впятером. Жуют здесь все и всегда — семечки, креветки, копченую рыбку, раков, виноград. Лучшие в стране рты не закрываются ни на секунду: хрумкают, лузгают, щелкают, посапывают, слушают ртом.

Рты прекрасные — смесь украинской, русской, греческой и еврейской породы.

Девушки весной хороши, как кукурузные початки молочно-восковой спелости. Летом еще лучше: стройные, упругие, покрытые горячим загаром и легкой степной пылью. Идти за ними невозможно. Хочется укусить и есть их. От красоты у них скверные характеры, а в глазах коварство.

— Миша, уже есть шесть часов?

— Нет, а что?

— Ничего, мне нужно семь.

Вообще, женщин умных не бывает. Есть прелесть какие глупенькие и ужас какие дуры. Но с нашими горя не оберешься. Большое количество бросило меня, кое-кого бросил я, о чем жалею. Правда, мне пятьдесят и жалеть осталось недолго.

Итак, лучший месяц август — дикая жара. Если в залив вошел косяк, рыбой пахнут все — никого нельзя поцеловать.

Вся жизнь на берегу моря: там жарят, варят и кричат на детей.

Для постороннего уха — в Одессе непрерывно ос-

трят, но это не юмор, это такое состояние от жары и крикливости.

Писателей в Одессе много, потому что ничего не надо сочинять. Чтоб написать рассказ, надо открыть окно и записывать.

— Сема, иди домой, иди домой, иди домой!

— Он взял в жены Розу с верандой и горячей водой...

— Скажите, в честь чего сегодня помидоры не рубль, а полтора, в честь чего?

— В честь нашей с вами встречи, мадам.

— Почему у вас семечки по двадцать копеек, а у всех десять?

— Потому что в двадцать раз больше.

— Чем вы гладите тонкое женское белье?

— А вы чем гладите тонкое женское белье?

— Рукой.

Они не подозревают, что они острят, и не надо им говорить, не то они станут этим зарабатывать. У них выпадут волосы, вместо того чтоб говорить, они будут прислушиваться, записывать, а потом читать по бумаге.

Старички сидят на скамейках у ворот с выражением лица «Стой! Кто идет?!». Когда вы возвращаетесь к себе с дамой, вы покрываетесь потом и не знаете, чем ее прикрыть. Весь двор замолкает, слышен только ваш натужный голос:

— Вот здесь я живу, Юленька.

А какой-то только что родившийся ребенок обязательно ляпнет: «Дядя Миса, только сто вчерасняя тетя приходила».

Когда вы выходите, двор замолкает окончательно и кто-то — шепотом, от которого волосы шевелятся:

— Вот эта уже лучше.

Здесь безумно любят сводить, сватать, настаивать и, поженив, разбегаться. Отсюда дети.

Худой ребенок считается больным. Его будут кормить все, как слона в зоопарке, пока у него не появятся женские бедра, одышка и скорость упадет до нуля. Теперь он здоров.

Одесса давно и постоянно экспортирует в другие города и страны писателей, художников, музыкантов и шахматистов. Физики и математики получают хуже, хотя отец нашей космонавтики Королев — одессит.

Но Бабель, Ильф и Петров, Катаев, Ойстрах, Ги-

лельс — все мои родственники. Мечников и еще куча великих людей. А я до того необразован, что сам пишу эпиграф и произведение к нему. Ужас.

Со времен Бабеля и до сих пор в детей вкладывают все надежды. Раньше на крошечное болезненное существо вешали скрипку, теперь вешают коньки, шахматы или морской бинокль. И хотя он не больше сифона с газированной водой, он уже бьет ножкой в такт и такой задумчивый, что его уже можно женить.

Август у нас лучший месяц в году, но сентябрь лучше августа. Начинается учебный год, пляжи пустеют, на берегу те, кто работает, но ничего не делает, а таких довольно много. По вечерам прохладно и целуются в малолитражке «Фиат», куда целиком не помещаются, и мужа можно узнать по стоптаным каблукам.

В октябре вы лежите на берегу один. Правда, и вода холодная, градусов двенадцать.

Я спросил старичка, что купался: «Вы что, не мерзнете?»

— Почему? — ответил он.

Зима в Одессе странная. Дождь сменяется морозом, образуя дикую красоту! Стоят стеклянные деревья, висят стеклянные провода, земля покрыта стеклянными дорогами и тротуарами. Машины и люди жужжат, как мухи на липкой бумаге. Если она неподвижна, — значит, едет вверх; если едет вниз, — значит, тормозит. Ушибы, переломы, носки, надетые поверх сапог, — очень красивая зима.

Город компактный. Пешком — за полчаса от железного до морского вокзала. Главная улица — Дерibasовская. Если спросить, как туда пройти, могут разорвать, потому что объясняют руками, слов «налево» и «направо» не употребляют. Пойдете туда, потом туда, завернете туда, сюда — туда, туда — сюда... Спрашивающий сходит с ума, пока кто-то не скажет — вон она.

— Где?

— Вон!

— Где?

— Вон, вон и т. д.

Одесситка, у которой руки заняты ребенком, ничего не может рассказать.

Почему здесь рождается столько талантов, не могут понять ни сами жители, ни муниципалитет. Только время от времени его уговаривают назвать улицу име-

нем кого-то. Построены огромные новые районы, но там дома стоят отдельно и там жить неинтересно. Интересно в старых дворах, где стеклянные галереи и все живут как в аквариуме и даже подсвечены лампочками, поэтому я не женат.

Мужчины в этом городе играют незначительную роль и довольны всем происходящим.

Ну-ка, давайте откроем окно:

— Скажите, этот трамвай идет к вокзалу?

— Идет, но сейчас он движется в обратную сторону — хоть сядьте туда лицом.

— Вчера я видел раков по три рубля, но большие. Но по три рубля. Но большие, но по три рубля, но очень большие. Сегодня были по два, но маленькие, но по два, зато маленькие, но по два, но маленькие, но по два. А вчера — по три, но очень большие, но по три.

— Скажите, где можно увидеть старую Одессу?

— На кладбище.

— Граждане купающиеся, соблюдайте осторожность на воде. Вчера утонула гражданка Кудряшова, и только самозабвенными действиями ее удалось спасти.

— Ой, я видела эту сцену. Они все делали, но не с той стороны! 'А! Это искусственное дыхание не с той стороны. Она хохотала, как ненормальная.

— Остановись, Леня, что делает эта бабка?

— Она думает, что она перебегает дорогу, я не буду тормозить.

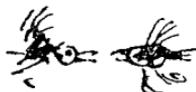
О боже! Сохрани этот город! Соедини разбросанных, кто в других местах не может избавиться от своего таланта и своеобразия. Да! Что-то есть в этой нервной почве, рождающей музыкантов, художников, певцов, шарлатанов и бандитов, так ярко живущих по обе стороны начального образования.

Но нет одесского юмора, нет одесской литературы. Есть юмор, вызывающий смех, а есть шутки, вызывающие улыбку сострадания. Есть живой человек, степной, горячий, как летний помидор, а есть бледный, созревший под стеклом и дозревающий в ящике. Он и поет про свою синтетику и пишет про написанное, а писать надо, когда уже не можешь, и, если у человека есть его единственное движимое имущество — талант, он и идет с ним, и поет им, и пишет им, и волнует им, потому что талант — это очень просто. Это переживать за других.

Холера в Одессе

Здравствуйте, дорогие зрители! Вам передают привет наши родственники, знакомые, знакомые наших знакомых, а это уже вся Одесса, из которой мы часто выезжаем и редко возвращаемся... Как приятно после долгой поездки вернуться домой, войти в родной двор, увидеть родное АГВ, услышать родное КВН. И утром сквозь сон слышать голос соседки:

— Мадам Жванецкая, ваш Миша вернулся?..

— Да... Он еще спит.

— Я же говорила... Это все детство — он будет человеком... это все детство. Кстати, у меня есть девочка. Мне кажется, она ему подойдет.

— Я уже не знаю, кто ему подойдет.

— Она ему точно подойдет. Она любому подойдет. Только сначала мы должны туда подойти.

— Я уже не знаю. У него нет времени для личной жизни.

— У нее фигура. Я такой фигуры не видела. Таких фигур сейчас нет вообще! А умница!.. Пишет, пишет, все время что-то пишет. Что она пишет?.. Когда ни войдешь, она пишет... Папа профессор, мама профессор, брат профессор.

— Профессор или провизор?

— Провизор. Таких семей нет вообще.

Я уезжаю и возвращаюсь, а двор наш не меняется, только жители тихонько стареют. И соседу напротив все трудней подниматься на бельэтаж. И дворничихе, которая развешивает кучу белья каждое утро, труднее подпрыгивать, чтобы отщипывать его. И моей маме трудно уже ездить в аэропорт, и она встречает меня дома. А кого-то уже и нет во дворе. Да и я, как бы далеко ни заезжал, вопреки законам Эйнштейна старею также. Мой двор, куда мы приехали сразу в 45-м, где мы знаем друг друга, как муж и жена, где жаркими ночами лежим на своих верандах и переговариваемся, где утром выскакивает намыленный жилец второго этажа и кричит вниз:

— Даша, закройте воду: мне нечем смыть!

— А я что, по-вашему, я тоже в мыле. У меня дети в мыле. В общем, я крикну — вы откроете. Вы крикнете — я закрою.

Двор, где ничего нельзя удержать в секрете:

— Что вы несете, Гриша, в одеяле с женой? Что-то тяжелое, квадратное, похожее на телевизор?

— Телевизор.

— Если мне не изменяет зрение, вы недавно купали телевизор.

— Этот нам подарил сын.

— Какой сын, когда он вам подарил, что вы рассказываете, противно слушать?! Надежда Тимофеевна, что это у вас в руках такое круглое?

— Это левая краска, занесли во двор.

— Какая это краска?

— Я вам говорю, левая.

— Я понимаю, левая, но она имеет цвет.

— Левое бордо.

— Что вы будете красить?

— Плинтуса и наличники.

— Я тоже хочу.

— Идите к Даше. Там уже сидит продавец.

Мой двор, жители которого с восьми утра учителя, врачи, канатчики, столяры, а в пять они снова — тетя Рита, дядя Коля, баба Даша.

— С приездом, Миша. Откуда?

— Из Ленинграда.

— Тянет в Одессу... Слушай, тут слух идет... Неужели правда? Такой человек... Это правда?

— Это неправда.

— Я же говорю: такой человек. Конечно, это неправда... А что с командой КВН? Команда грустит?..

— Нет.

— Конечно, нет. Грустить из-за этого Баку? Терять здоровье из-за Баку?! Таких КВН еще будет и будет, а Одесса требует жизни... Что ты смеется? Я не прав?

— Ты прав.

Из Одессы можно выезжать, можно уехать навсегда, но сюда нельзя не вернуться. Здесь, когда доходит до дела, все моряки, все рыбаки, все врачи и все больные... И когда была холера, в Одессе стало еще лучше.

Холера в Одессе. Курортники в панике покинули гостеприимный город. На крышах вагонов битком, купе забиты, а в городе стало тихо: холера в Одессе... В ресторане свободно. «Заходите, рекомендуем...». В магазинах от вашего появления начинается здоровая суeta. В трамвае вы могли уступить место женщине без опасения, что на него тут же ринется быстрый

конкурент. Холера в Одессе!.. В городе стало так чисто, что можно было лежать на асфальте. На улицах появились растерянные такси с зелеными огоньками, чего не наблюдалось с 1913 года.

И стаканы в забегаловках вымыты, и трубы все исправлены, и туалеттики в порядке, и личики у всех чистые, и мы моем ручки до еды и после еды, и кипятком, и чистим, и пьем тетрациклин, и взаимовежливы... Вся холера стóит той вежливости, которая появилась в Одессе. А анализы, как они сближают... Конечно, холеру быстро ликвидировали, но то хорошее, что принесла холера с собой, могло бы и остаться. То, что есть в людях, но проявляется в трудную минуту. Забота. Сплочение. Мы — одесситы! Один коллектив, одна семья, одна компания! Мы живем в одном доме, и лозунг наших врачей — «чистые руки» — пусть будет перед глазами в прямом и переносном смысле. Чистые руки, чистая совесть, чистые глаза перед людьми... В общем, вам передают привет наши родственники, знакомые, знакомые наших знакомых, то есть вся Одесса, где нас девятьсот восемьдесят тысяч и девять человек в Театре миниатюр, от имени которого говорим мы, от имени которых говорю я. И чтоб мы были все здоровы, и побыстрей, потому что летом нас будет девятьсот восемьдесят тысяч и, наверное, миллион приезжих, чтоб они были, наконец, здоровы и мы тоже, хотя нам это трудней. Они у нас отдыхают, а мы тут каждый день. Но кто об этом говорит, когда речь идет о гостеприимстве, а в этом вопросе Одесса приближается к Грузии, удаляясь от Ирана... Мы приветствуем вас, желаем вам счастья, трудов, забот, побед и крепкого здоровья, тьфу, тьфу, тьфу.

После разлуки

Итак, Одесса, после долгого перерыва здравствуй! Разные чувства овладевают при выходе на знакомую сцену. Раньше можно было сказать: Одессу нужно беречь. Сегодня нужно сказать: Одессу нужно спасать.

Одесса держалась на трех китах: искусство, медицина, флот. Что такое искусство, медицина, флот? Это люди, личности. Если их выкорчевывать, если одобрительно смотреть, как резбегаются писатели, журналис-

ты, если преследовать редчайших ллойдовских капитанов, загнать их в Тикси, как Никитина, в Ялту, как Дашкова, на Дальний Восток, как Назаренко, то мы получим то, что мы получили. Анкеты у всех в порядке — полный ажур — и нет жизни. Теперь, чтоб что-то поставили в театре, надо пригласить, чтоб вылечили, надо выехать, чтоб спасли, надо позвать с берега.

Долгое время нам внушали, что своеобразие Одессы в промышленности. Нам запрещали говорить одесским языком, нам запрещали петь одесские песни и танцевать под них. Разные бригады из разных городов наводили здесь порядок. И сейчас некоторое среднее руководство одолевает тоска по порядку: «Эх, крепкая рука нужна», «Эх, осадить надо», «Эх, вона что с молодежью, прикрутить надо».

Я только хочу сказать, мы там уже были. Мы только что оттуда. Мы этот край запретов, раздолбов и КПЗ знаем наизусть. Мы там каждую тропку знаем. Результат известен всем, на все запреты и приказы мы ответили огромной неосознанной неподвижностью, очень напоминающей забастовочное движение: ни в одной столовой нельзя было поесть, ни одно пальто нельзя было надеть, ни одна электроника не срабатывала, залы кинотеатров были пустыми, центрами культуры стали очереди. А успехи мы имели там, где не могли проверить сами. Сейчас другое. Сейчас мы испытываем один из тех счастливых моментов, когда мы живем в согласии со своим правительством. Этот момент надо использовать для возрождения Одессы.

В Москве и Ленинграде собираются люди и защищают памятники культуры, старые дома. Вся Одесса — величайший культурный памятник мира.

Напиши в любой афише: «Как пройти на Дерибасовскую», «Одесса улыбается» — в любом месте земли аншлаг обеспечен.

Я счастлив, что я снова в Одессе, Одесса — не Сицилия, нам не свойственно чувство мести, мне достаточно того, что те, кто запрещал, пригласили меня.

Я снова в Одессе, хотя я жизнью обязан Ленинграду, Москве, где я честный член одеколона, то есть Одесской колонии в Москве. Я жил Одессой, кормился ею, писал для нее, и жаль, что полностью понять меня могли только там, где меня не было. Но когда я летом хожу мимо одесских дач и из-за забора слышу свой голос, — что может быть выше этой чести быть понятым еще при жизни?!

1965-1969

Приветствие, которое могло быть зачитано

23.12.81 г. в 21.00
в концертном зале «РОССИЯ»

Райкин — моя первая любовь. Это именно то слово и то чувство. Это именно то счастье из несчастья и наслаждения. Райкин — великий артист. С этим надо смириться и не заходить к нему со второй и третьей стороны.

Райкин любой текст делает настолько своим, что с этим тоже надо смириться. И правильно народ говорит: «Как сказал Райкин». Кому охота докапываться до того, кто именно сочинил анекдот, кроме специалистов.

Тут кто-то крикнул: «Дайте мне личность!»

В общем хоре «дайте того, дайте этого» крик интересный. А. И. Р. может откликнуться на этот крик. При всеобщем микрофонном равенстве уберите фамилию, и вы узнаете, чье произведение наслаждало ваш слух.

Один всеобщий баритон по радио и один большой шутник на шестнадцатую полосу.

Райкина вы узнаете по первым звукам голоса, по фигуре, одежде и по тому, что вам неудержимо захочется встать.

Его появление отрывает от стула любой и самый уважаемый зад. Что-то есть в этом человеке.

Как-то чуть смелей он именно тогда, когда все смельчаки озабоченно беседуют, не поднимая глаз. Обаяние его выше женского, чего не бывает. Вы не успеваете оглянуться, как уже трусите за ним, опустив голову, говорите его голосом, из зеркала на вас глядит знакомое лицо с проседью, и писать ему все легче, ибо вы уже подражаете.

С непоправимым опозданием вы начинаете шарить вокруг — где же ваша независимость, строптивость и собственный взгляд на жизнь? Пока он в вас не разочаруется или устанет. Тогда к вам мучительно и постепенно возвращается ваше лицо.

Он хозяин людей, окружающих его. Он великий артист — с этим надо смириться и не искать у него ответов, а наслаждаться вопросами.

И позвольте мне — с самой загадочной точки. С точки зрения автора этого человека, сказать, зажав себе рот: он заслуживает того, чтобы иметь своего собственного члена Союза писателей, не страдающего повышенной возбудимостью в трамваях.

«В греческом зале, в греческом зале». «Огородами, огородами ушел к Котовскому...». «А вас доцент тупой». «Пусть все будет, но пусть чего-то не хватает...».

Да! Это сказал Райкин. Не нравится — еще выпей. Но не царапай ногтем свою фамилию на этом постаменте.

Послушай овацию, посмотри, как впервые в стране зал встает, и подтверди с грустью: «Если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке...» Кто это сказал? Это сказал Райкин.

Закончившие высшую школу А. И. Р. привыкают нестись вперед головой. Так и пробиваем лед: вы — сверху ломом, мы — снизу головой. Привыкают не бояться написанного самим собой, не дрейфить от своего мужества.

Эти семьдесят лет прошли на глазах у всех. Это мука — не выпить и не споткнуться. Это мука — не сделать двух шагов в одиночестве. Не иметь никакой возможности зайти в кино, магазин, ресторан, ни скрыться, ни отвернуть лицо.

Под юпитерами утром и вечером, на работе и отдыхе. Это отказ от всего, чтоб не уронить. Кто из вас пойдет на это?

Кто из вас возьмет трех провинциалов из самодеятельности в костюмах цвета электрик и будет учить собою?

Простите, у меня не получилось смешно: я писал не для него, а про него.

В огромной толпе поющих и пародирующих все время его голос. Это легко. Ибо он нашел. Теперь можно подражать, размножая и выдавая.

И люди благодарно смеются, адресуя смех через голову пародиста туда, наверх, где бесконечно и одиноко трудится великий и народный артист Аркадий Райкин.

Письмо в театр

Я вам пишу, потому что плохо слышу. Недавно я имел честь быть на вашем спектакле. К моему глубокому сожалению, я кое-что не расслышал. Например, вы играли одного директора, который развалил два треста и комбинат. Его разоблачили в газете, о нем писали, его уволили с большим скандалом, а потом все начали смеяться. Он что, нигде не работает? Я плохо слышу.

Ваш театр существует двадцать шесть лет, это я слышал. Вы все эти годы боролись с бюрократами. Вы еще боретесь или уже перестали? Говорят, что после вашего спектакля кто-то не выдержал и уволился, или это врут?

Против чего вы еще боролись, я не расслышал? Помню, еще в 1930 году вы сказали, что нет ваты в аптеках. Так вы что, уже перестали говорить или в аптеках появляется вата?

Понимаете, в чем моя трагедия? У меня слуховой аппарат встроен в очки. И когда я забываю очки, я плохо слышу и ничего не вижу тоже. Поэтому в общих чертах я вижу сцену, но не понимаю, что там происходит. А если я в общих чертах понимаю, что происходит, то не вижу сцены. Объясните мне, что вы имеете в виду.

Из средней школы

Кабинет директора школы. Директор просматривает журнал.

Директор. Ольгу Ивановну!

Входит молодая учительница.

Ольга Ивановна, у меня в руках журнал. Опять двойка, и опять Кочегаров.

Учительница. А что я могу с ним сделать, Сергей Михайлович? Он идиот.

Директор. Идиот?! Специальная комиссия проверяла его способности. Полноценен, как вы и я.

Учительница. Но у меня нет сил с ним бороться. Честное слово. Он сам ничего не знает. Подбивает других. Вчера с ним ушло двадцать человек. В зоопарк. Дразнить белого медведя. Один упал в бассейн. Хорошо, что медведь спал. Я с ним не могу работать.

Директор. Это не разговор, Ольга Ивановна. Исключить его нам никто не даст.

Учительница. Но я не могу с ним... Это такой тип.

Директор. Родителей вызывали?

Учительница. Они работают на Севере, отдыхают на юге. Я вызвала старшего брата. Может быть, придет.

Директор. «Может быть». «Не может быть». Это не разговор. Педагог не может взять в руки мальчишку! Идите, позовите сюда Кочегарова.

Голос Кочегарова (*из-за двери*). Я здесь!

Появляется маленький злющий Кочегаров.

Учительница *выходит*. Директор *прохаживается по кабинету, поглядывая на Кочегарова, постукивает по столу*. Кочегаров *тоже начинает постукивать по столу*.

Директор (*раздражается*). Так. Кочегаров! Так. Стой прямо! Не кривляйся! Долго мы с тобой будем мучиться? Как ты думаешь?

Кочегаров. Год.

Директор. Ты — в седьмом. Так... (*Постукивает по столу*.)

Кочегаров тоже постукивает по столу.

Ну, давай по-хорошему. (*Садится на стул*.)

Кочегаров. Давайте.

Директор. Ты почему взорвал прибор «Сообщающиеся сосуды»?

Кочегаров. А я больше не буду.

Директор. Уже все равно. Другого прибора нет.

Кочегаров. Ну, ладно.

Директор. Зачем ты намазал школьную доску стеарином?

Кочегаров. Чтоб мел не писал.

Директор. Я понимаю. Ты думаешь, одни дураки кругом. А зачем — чтоб мел не писал?

Кочегаров. А пусть не пишет.

Директор. Почему — чтоб не писал?

Кочегаров. А пусть не пишет.

Директор. Нет. Но почему он не должен писать?

Кочегаров. А пусть не пишет.

Директор. Да... Но почему?

Кочегаров. А так.

Директор. «А так»... Зачем ты преподавателю физики Самуилу Яковлевичу воды налил на стул?

Кочегаров. Я говорил, что он в теплом белье, а все говорили — нет.

Директор. Но он только к концу урока почувствовал.

Кочегаров. Значит...

Директор. Вот. Пожалуйста. Варит у тебя башка, Кочегаров. Ты же виртуозные гадости придумываешь! Почему я не могу встать со стула? Почему я не могу подняться, Кочегаров?!

Кочегаров улыбается.

Сейчас же открепи! Я тебе... Ах, это гвоздь!.. Мда... Позоришь школу. И Ольгу Ивановну.

Кочегаров манит пальцем директора и что-то шепчет ему на ухо.

Ты с ума сошел! У нее семья есть.

Кочегаров. А я вам говорю... (*Шепчет.*)

Директор. А я тебе... (*Шепчет.*) Понял? В колонию отдадим.

Кочегаров. Ну да!

Директор. Сидеть будешь в тюрьме. Срок отхватишь двадцать пять лет!

Кочегаров. Ну да.

Директор. Хлеб и воду будешь лакать!

Кочегаров. Да ну!

Директор. На холодном полу спать.

Кочегаров. Ну да.

Директор. Крысы кругом.

Кочегаров. Да ну!

Директор. Все! Довольно! Ты почему — два по геометрии?! Почему — два по геометрии?!

Кочегаров. Она меня спрашивала тупой угол, а сама тупой не задавала.

Директор. Не задавала?

Кочегаров. Не задавала.

Директор. Все. Выйди. Позови Ольгу Ивановну.

Кочегаров выходит, входит учительница.

Директор. Ольга Ивановна, что же вы, сами не задавали, а сами спрашиваете?

Учительница. Ну как же — не задавала? Задавала. *(Смахивает слезинку.)*

Директор. Перестаньте. Позовите Кочегарова.

Учительница выходит, входит Кочегаров.

Ты, Кочегаров, дурака не валяй. Она говорит, задавала.

Кочегаров. Задавала? А почему у меня в дневнике не записано?

Директор. Выйди. Позови.

Кочегаров выходит, входит учительница.

Ольга Ивановна! Мальчик говорит, что вы не задавали.

Учительница. Задавала! Что же я, совсем уже?..

Директор. Слушайте, моя дорогая, задавали, не задавали — это ваше дело. Он вас предупреждал, что не знает?

Учительница. Да.

Директор. А вы его спросили?

Учительница. А что я могла сделать — весь класс на меня смотрел.

Директор. И вы ему — «два»?

Учительница. А что я могла сделать?

Директор. На «три» нельзя было натянуть?

Учительница. У меня совесть какая-то есть...
За что ему «три», за что?

Директор. Родителей вызывали?

Учительница. Старший брат пришел.

Директор. Зовите всех сюда.

Учительница зовет, входят Кочегаров и его старший брат.

Старший брат. Здравствуйте. Опять этот тип что-то натворил. *(Бьет Кочегарова по шее.)*

Кочегаров. А-а!

Старший брат. Тихо!.. Как у него академуспеваемость?

Директор. Ужасно. По геометрии одни двойки. По физике...

Старший брат. Ясно! Подойди сюда...

Кочегаров. Убегу.

Старший брат. Никуда не убежишь. Будешь учиться. Будешь инженером, болван! (*Бьет Кочегарова по шее.*)

Кочегаров. А-а!

Директор. Не нужно так. Он мальчик неглупый. Вот и Ольга Ивановна говорит...

Старший брат. Это — Ольга Ивановна?

Директор. Да.

Старший брат. Так... (*Кочегарову.*) Три рубля отдай! Кто сказал, что Ольге Ивановне на веночек?! А ну — трешку!

Директор. Постойте... Он что, на веночек у вас взял?.. Ты взял?

Старший брат. Два раза брал, гад. Один раз — Ольге Ивановне, другой раз... (*Смотрит на директора.*) Отдай шесть рублей! Кто сказал, что директор... от тифа... А?

Директор. Выйдите.

Братья выходят. Из-за двери крик: «А-а-а!»

Он его убьет. Надо забрать Кочегарова. Кочегаров!

Входит Кочегаров. Крик за дверью продолжается.

Ну, давай по-хорошему. Ты же хороший, нормальный мальчик.

Кочегаров кивает.

Может быть, ты хочешь убежать?

Кочегаров всхлипывает и отрицательно качает головой.

Ты хочешь все-таки учиться?

Кочегаров кивает.

И именно в нашей школе? Может, ты сбежишь?.. Я тебе помогу.

Кочегаров отрицательно качает головой.

Ну, давай двойку исправлять. Сколько будет дважды два?

Кочегаров. Четыре.

Директор. Умница. Можешь, если хочешь! Теперь геометрия. Спрашивайте его, Ольга Ивановна.

Учительница (всхлипывая). Чему равен квадрат гипотенузы? (После паузы.) Шурик, сынок, подумай, сосредоточься.

Директор (шепчет). Сумме квадратов.

Кочегаров. Сумме квадратов!

Директор. Правильно! Достаточно. Три.

Кочегаров. Четыре.

Директор. Что вы им задавали на завтра?

Учительница. Биссектрису угла.

Директор. Шурик, выучи завтрашний урок. Для меня. Это я тебя прошу! Для меня лично! Ни для кого. Для меня!

Кочегаров. Я выучу, а она не спросит. У меня уже так было. Она уже так делала.

Директор. Спросит, спросит. Запомни, Кочегаров, получишь еще одну двойку — исключу, и ни в какую школу не возьмут. Иди.

Кочегаров выходит.

А вы, Ольга Ивановна, поставите еще одну двойку — уволю, и ни в какую школу... Вы это знаете. Идите!

Учительница выходит.

(Садится на стул. Под ним что-то взрывается.) Кочегароф!

Дневник

«Первое сентября 62 года. Первый урок десятого класса. Через год институт. Нужно научиться конспектировать. Буду писать все, что говорит учитель.

Учитель: «Здравствуйте, дети! Поздравляю вас с окончанием каникул, если с этим можно поздравить, и с началом десятого класса!

Вы стоите на пороге... Селиванов, не вертись, когда я говорю! Что?! Так. Кто подложил Селиванову кнопку?.. Пусть сам встанет! Я подожду... Хорошее начало десятого класса. Садись, Селиванов. Не можешь, тогда выйди за дверь. А ты, Фетисов, встань! Ого, когда

мама тебя привела в третий класс, ты был ростом с котенка. Мама волновалась, что ты таким останешься. Передай ей, что я из-за тебя не вижу половины заднего ряда и они этим пользуются! Так вот, вы стоите на пороге... Языкова, ты разговариваешь!.. А я говорю — ты разговариваешь! Хорошо, говори ты, я подожду!.. Большинство из вас пойдет в институт. В институте нужно выдержать конкурс. Конкурс — это что?.. Подлежащее. Правильно, Боря, можешь, если хочешь!.. Языкова! Языкова! Я истекаю кровью, а ты разговариваешь! Нет, вас нужно рассадить! Сядь на первую парту к Петрову: он отличник, с ним не о чем говорить! Пропусти ее! Пропусти ее!.. Хорошо, я подожду!.. Школа дает вам знания, необходимые в институте. Школа — это основа... Кто сказал — звонок? Кто сказал — звонок, я вас спрашиваю? Ты сказал — звонок? До звонка еще пять минут. На твоих часах звонок? Иди, иди, гуляй! Не хочешь? Хорошо, я подожду. Вернись! Вернись и закрой дверь!.. Через год вам предстоит выбрать профессию. Например, ты, Бобиков. Где Бобиков? Не стесняйся, я знаю, что ты есть. Кто-то же прибил мне калоши к полу. Кем ты собираешься стать, Бобиков? Инженером? Правильно! У тебя большие способности, а изобретательности хоть отбавляй — я это знаю по себе. Школа дала вам все, чтобы стать хорошими студентами. Счастливого пути!»

Профессор: «Доброе утро, друзья! От имени профессорско-доцентско-ассистентско-лаборантского состава поздравляю вас с поступлением в наш институт. Хотя я не понимаю, как вам это удалось при таком конкурсе.

Итак, первое, что вы должны сделать, — забыть школу, как дурной сон. У нас здесь своя программа, своя метода, сплошная демократия и свобода. Здесь не будет уроков, дневников и родительских собраний. Захотел — выучил, пришел, сдал. Хорошо! Не захотел — не выучил. Тоже хорошо! Я пораньше освобожусь, и вас пораньше освободят. Во втором ряду! Можете держать руку своей соседки, меня это не смущает, только не делайте вид, что вас интересует лекция.

Итак, переложим ручку соседки в левую руку, в правую возьмем авторучку, пишем курсивом первую заповедь студента: «Чтобы стать хорошим инженером,

знай наизусть все, чему тебя здесь учат!» Обведите эти слова в рамочку и запомните на всю жизнь».

Директор завода: «Здравствуй, товарищи! Времени у меня мало, пару слов — и по местам. Разрешите поздравить вас с успешным окончанием института и с успешным приездом к нам на завод. Наш завод растет. Нам инженеры очень нужны, особенно с дипломами.

Хочу вас сразу предупредить: забудьте институт, все, чему вас там учили, никогда в жизни не понадобится. Идите в цех и начинайте учебу. Забудьте индукцию и дедукцию — давайте продукцию. Я шучу. Главное — это план. Я не шучу. Откуда хочешь вынь, а сюда положи. Не сделаете — мы вас не пугаем, но мы вам не завидуем.

Споткнетесь — поддержим. Упадете — подыдем. Сядете — возьмем на поруки. Я шучу. У нас уже были неприятности. Я не шучу. Со всеми трудностями обращайтесь ко мне в любое время по понедельникам с четырнадцати до пятнадцати. Желаю успехов!»

Письмо: «Здравствуй, дорогая мамочка! Пишет тебе твой сын Витя, молодой специалист. Приехал я на работу в понедельник. Вы очень хотели увидеть меня с высшим образованием, можете приехать и посмотреть. Здесь много грибов, я недавно отравился. Но об этом потом...

Итак, я приехал и пошел на завод. Завод очень большой. Особенно горячий цех. Мы вошли, а на нас сразу пустили искры и огонь. Мамочка, ты помнишь мои новые светлые брюки?.. Но об это потом. Тут же сверху стали спускать железный маховик. Мы отскочили, и я попал в форму, куда заливают жидкий чугун. Но ты не волнуйся, я и оттуда успел выскочить, а... Мамочка, помнишь сандалии мои чешские новые?.. Но об этом потом... Правда, я им тоже всю форму развалил, они сказали, что она стоит три тысячи, но директор сказал, что все высчитывать не будут.

Потом что-то загудело, зазвенело. Все побежали. Я заметался влево-вправо, сбил трех человек, меня долго ловили, оказалось, что это был гудок на обед.

Сегодня у нас сломалась машина. Все побежали за мной. Я побежал за конспектом и сразу определил — мы ее не проходили. Но я вспомнил все свои знания, схватил гаечный ключ, чего-то подвернул и добился такого успеха, что директор сказал, если я

добьюсь еще большего успеха, он будет говорить со мной отдельно.

Вот и все.

П. С. Надо мной взяли шефство молодые рабочие, обещали сделать из меня инженера. Они своего добьются.

Целую. Витя!»

Сосредоточенные размышления

Зарядку себе придумали, лишь бы не работать! Лишь бы дурака валять!

Здоровый бугай поднимает гири впустую — воздух перемешивает. Пускай камни таскает или вагонетки с углем. И платить ему не надо: он же за гири денег не берет!

Если весь народ по утрам вместо гирь будет яму копать, знаете, какая колоссальная экономия будет?! А если другие туда воды накачают и гусей пустят... На каждого получится по два гуся.

Я ж не один день думал!

А этот футбол — двадцать два бугая мяч перекачывают. А если им вместо мяча дать каток, они ж за полтора часа все поле заасфальтируют. А зрители еще по рублю дадут. Бешеные деньги пойдут.

А марафонца видали? Страус. Сорок километров дает бегом. Его кто-нибудь использует? Он же бежит пустой! А если он почту захватит или мешок крупы в область? У нас же составы освободятся. Я уже не говорю про штангистов. Человек полтонны железа поднимает и обратно кладет. Так дайте ему груз, чтоб он его наверх подавал. Бочки с селедкой, раствор, ящики с кирпичом пусть выталкивает. И рекорды ставь: ты — две бочки, я — четыре, чемпион мира — шесть!

Кто у нас остался? Артисты, художники, ревматики, склеротики и прочий боевой отряд физически недоразвитых людей. Их надо использовать на тонких работах. Вот балерина — крутится. Крутится, крутится, аж в глазах рябит. Прицепить ее к динамо — пусть ток дает в недоразвитые районы.

А ты, иллюзионист, у тебя из пустого ведра курица вылетает. Иди, обеспечивай народ курями. Ведра у

всех есть, куры не у всех. Тебе каждый спасибо скажет, если честно будешь работать.

А писатель пишет. Ходит туда-сюда, обдумывает. Что он там напишет, никому не известно, а пока ходит — прицепить к нему рычаг, пускай воду качает. Хоть какая польза будет...

Вот так каждого использовать. Такое будет! Такое состояние благо. Такой прогресс. Такой урожай. Вместо голубей этих дурных на крышах индюки будут сидеть, и тогда сразу вперед скакнем. Я ж не один день думал, что я, дурак?!

Те сказали, эти сказали!

Я никогда ничего против него не говорил...

А они мне сказали: «Он же не прав! Ты пойди и скажи ему, что ты его не боишься!» Я пошел и сказал, что я его не боюсь. А те сказали: «Что вы там ему наговорили, вы же не то ему сказали. Он же не так поймет! Вы пойдите извинитесь!»

Я пошел, извинился. А эти сказали: «Вот тепа, извиняется еще. Тут не то что извиняться, тут покрепче надо было сказать!»

Я пошел, сказал покрепче, а он мне выговор объявил. А те сказали: «Ну, что, Дон Кихот, выговор схлопотали, что теперь будете делать? Идите, извиняйтесь!»

Я пошел, извинился, а эти сказали: «Тепа, извиняется еще... Тут не то что извиняться, тут в лицо надо было сказать, что он из себя представляет». Я пошел и сказал в лицо — он мне зарплату урезал. А те сказали: «Ну, что, Рокфеллер? Допрыгались? Что вы теперь будете делать? Ну, идите скажите, что он вас не так понял. Идите извинитесь!» Я пошел, извинился.

А эти сказали: «Ну, давай, давай! Бегай, извиняйся! Характер-то у тебя есть? Тебе в лицо плюют, а ты извиняешься! Если бы он нам урезал, мы бы ему такое сказали!..» Я пошел сказал такое... Он меня уволил!

А те сказали: «Ну, что? Джордано Бруно, он же вас правильно уволил. Идите, в ногах валяйтесь, чтобы

он вас кем угодно обратно взял!» А эти сказали: «Ничего, ничего, все правильно! Ты только характер свой выдержи, а мы уж за тебя бороться будем!»

Теперь они за меня — апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь — год восемь месяцев борются, а я дома сижу. Так вот, я думаю, может, хватит характер показывать? Пойти извиниться? Или вот, как эти говорят, посидеть дома еще год, два, три, совсем доконать его?! Или... А может... Или... А может... Или... А может...

Или, может, вообще... А?

Участковый врач

«Заканчивая медицинский институт, я торжественно клянусь быть верным своей профессии, свято хранить врачебную тайну, оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся в любое время дня и ночи...»

— Здравствуйте. Врача вызывали?.. Ничего, ничего, я сам разденусь. Как вам не стыдно лежать, на дворе такая погода! Вы ходите на лыжах? Поднимите рубашечку. Лежите спокойно. Дышите... Не дышите... А когда оно у вас закололо?.. Вчера... Может быть, что-то произошло? Вы не спали всю ночь?.. Ну, не стесняйтесь. На вас накричали в присутствии рабочих... Да, я понимаю... Кем вы работаете? Старшим мастером? Я понимаю, у вас все на крике. Появляется директор и что?.. За грудь берет. С метлой грозит пустить. Я уже слышал о нем. У меня с вашего завода уже трое больных, и у всех сердце. И все-таки нужно что-то делать. Может быть, вы все вместе пойдете к нему?.. Хотя бы вы трое, с сердцами. Да, нам, врачам, легко говорить. Покой вам нужен. Вы на работе скажите, что у вас с сердцем плохо, что врач запретил вам волноваться. Ну, не смейтесь. Лежите спокойно. Может быть, век сейчас такой — все на износ. А может быть, еще и хамы. У нас — валидол, у них — хамство. Разве валидол — средство против хамства?! Лежите, пожалуйста, я зайду. *(Выходит, звонит по телефону.)*

— Девушка, мне директора приборостроительного... Это говорит участковый врач!.. Вы знаете, что из-за вас три человека лежат с сердечными приступами?!.. Это не

директор?.. А кто?.. Заместитель... А где ваш директор?.. Болен?.. Что?.. Сердце!.. До свидания. (*Вешает трубку.*)

— Здравствуйте! Врача вызывали?.. Что с вами, девушка? Заболели... Сколько лет, простите за нескромность? Семнадцать. Ну, что я вам скажу. Вы будете матерью. Ну, зачем плакать? Судя по моему опыту, где-то должен быть виновник торжества. Он отцом не хочет быть?.. А кем?.. Летчиком?.. От этого не умирают. А вы лучше вставайте и приходите ко мне вдвоем. Познакомимся с летчиком. Вот здесь адрес...

— Здравствуйте! Врача вызывали?.. Алло, здесь есть кто живой? Врач еще нужен?.. Ой, маленький, ты один? А где мама? На работе... А папа? Уехал в командировку... Два года назад. Открой рот и скажи: «А-а-а!.. А-а-а!..» Господи, какое горло! И молоко уже холодное! Где у вас кухня? Сейчас... Вот, пей. Я его подогрел. Это игрушечная кастрюлька? А я перепутал. Видишь, какой я смешной. А ты смейся, смейся. А теперь выпей. Капитан, капитан, улыбнитесь... Раз! Ну, ну, ну... Ага, вот и мама. (*Шепчет.*) У него острая ангина, как вы смеете его оставлять?! Ну, нельзя же... Да, нам, врачам, легко говорить. Когда вы завтра работаете? В вечер. Хорошо, я зайду вечером...

— Здравствуйте, врача вызывали?..

На что жалуетесь, папаша? Я говорю, на что жалуетесь? По ночам что-то схватывает за талию и держит! Жена у вас есть?.. Умерла уже... Теперь вы хотите лечиться? Вам сколько набежало, отец? Семьдесят три... Это все возрастное... Конечно, не было, вам когда-нибудь было семьдесят три?.. Грейте. Сядьте у печки, прибодритесь. Паровое у вас? Возрастное, папаша. Я еще зайду, папаша, мы с вами потолкуем... о политике. А мне молодежь надо лечить. До свидания...

— Здравствуйте, врача вызывали?.. Лифт у вас не работает? Ну-с, что с вашим сыном?.. Ну-ка, рубашечку, молодой человек. Что это?.. Грязные бинты?.. (*Разматывает.*) Я очень осторожно... Потерпи, потерпи. Вот, вот. Присохло! Ножницы! Не шевелись! Лежать, лежать! Еще чуть-чуть. Вот... Спирт у вас есть?.. Нет. Одеколон?.. Тоже нет. А водка?.. Есть. Давайте. Так, потерпи. Перевяжем. Как тебя зовут? Женя. Как же это ты!.. На отвертку? На заводе?.. Ах, ты не работаешь... У товарища... В следующий раз будь осторожнее. Рана неглубокая. Тебе повезло. Вы его мама?.. Слушайте. У вашего сына ножевое ранение. Немедленно в

больницу, немедленно. Вызывайте «скорую помощь»! Начинается воспаление. Я знаю вашего сына. Каждый вечер они стоят в парадном. Каждый вечер они пьют. Идите звоните. У вас дома ни одной книжки нет. А мебель дорогая! Идите звоните! Очень рад познакомиться. А теперь в милицию! Ну! Лучше вы, чем я! Вы хотите, чтобы тот остался безнаказанным, чтобы еще одного пырнул. Ну!.. Не надо помогать, я сам оденусь... (Шагает.)

Еще один шестой этаж без лифта... Черт бы побрал этих царей, как они строили, никаких условий для врачей... Хотя Чехов — врач. Кстати, каким он был врачом? Не думаю, чтобы блестящим... Хорошо, что писал. Бородин написал «Князя Игоря», а каким он был химиком?.. Но это неважно, если ты пишешь музыку. О! О! Кто-то мчится, кто-то скачет. Здравсте... Филимонов, вы куда?.. (Вниз.) Что?.. Хоккей?.. С вашим давлением?.. Нормальное?.. Врите, врите... (Бормочет.) Нормальное у него. Почему так любят ходить на стадион?.. Простор. Зеленое поле. Солнце. Семечки. Мороженое. Фу! (Задыхаясь.) Вот их и тянет на стадион. Фу!.. Сорок пятая.

— Здравствуйте! Врача вызывали?.. Что? Не нужен... Как?.. Не пони... Что значит — в следующий раз? Минуточку... Но у меня вызов... Дверь захлопнули... Ну, что ж, пойдем вниз... (Шагает.)

Вот вам и недостатки бесплатной медицины. Если б он платил, он бы подумал. А так... Врач... Ноги казенные.

— Здравствуйте, врача вызывали?.. Что с вами?.. Поднимите рубаху. Дышите... Не дышите... Чего вы мне голову отодвигаете?.. Ах, хоккей! Так вот, повернитесь к нему спиной. (Поворачивает больного, сам оказывается лицом к телевизору.) Не дышите. Слушайте, они же дерутся?! Их же надо разнять! Ой! Это же не по правилам! По правилам? Ну и правила... Есть! Ура! Гол! Наши, наши. Не дышите... А у вас грипп. Знаете, да? Положите горло вот этим. Уже полощите. В нос сыворотку. Уже вдыхаете. Спасибо, дорогой. Натяните вам больничный. Я подпишу. Возле вас гастроном есть?.. Мне нужно взять кое-что на ужин. Нет, нет, спасибо, я все куплю...

— Здравствуйте, врача вызывали?.. Девочка, помогите снять пальто. Простите, я присяду. Включите телевизор — там хоккей. Кончился... Поднимите рубаху...

(Засыпает.) Простите, устал. Пожалуйста, не дышите мне в лицо. У вас грипп. Сейчас эпидемия, лежите. Девочка, помоги мне надеть пальто. А гастроном далеко?.. Закрыт уже... А у меня еще один вызов — и домой... (Шагает.)

Еще один маленький вызов... И книжку... И спать... Еще один ма-аленький вызовок... Держись... Держись... Дверь и больной, дверь и больной. Вот и дверь.

— Здравствуйте, врач. Кашляю... Отодвиньтесь от меня: я сам уже где-то... Понимаете... Вы знаете, я рискну сказать, что вы здоровы. Больны? На что жалуетесь? На меня. Вот моя фамилия, жалуйтесь. Да, да, даром деньги получаем. Да. Сказать вам сколько? Все правильно. Врачей много развелось. Да. Да. Ну, в общем, ничего у вас нет. И больничный я вам не дам. С перепою больничный не дают. Рассол помогает. Что вы мне сунули?! Вы?! Дешево вы меня оценили. И больничный я вам не дам.

Вот и все. Вот и все. Что-то ломит... и ноги не идут. Домой... домой... Противно как во рту..

Г о л о с с в е р х у. Доктор, человеку плохо!

В р а ч. Где?

Г о л о с с в е р х у. Здесь, на девятом этаже!

В р а ч. Иду.

Сила слова

Они мне сказали: «Ты, Федя, пропагандист, полтора часа говоришь — непонятно о чем». Кому непонятно? Вот я скажу вам, а вы мне скажите, вам понятно или нет? Я решил сказать потому, что я старше их не по возрасту, а по годам. Конечно, да, конечно, надо выражаться, чтоб тебя понимали и чтоб ты сам себя понимал. Да! И чтобы все остальные — нет, не забывали о силе слова. Потому что слово — это сила, слово — это... О! Слово понимает каждый, но ему нужно объяснить! Речь пойдет о слове, о силе слова. Это сила! О чем, я ниже буду перечислять. О воспитательной работе.

Вы заглянули в цех, вас бросило в жар от холода. Вас это устраивает? Да, не устраивает. Значит, воспитательная работа в кочегарке ведется? Да, не ведется. Там сменили руководство. Парень молодой, ему двад-

цать четыре года. Он пятьдесят третьего года рождения. Прошедшему тоже двадцать четыре, но он тридцать восьмого года рождения. Конечно, да, конечно, новая метла метет пронизательно, у ей свежий взгляд. Но в каждом деле нужен свой запевала: ты запьешь, другие, другие подхватят! И вот пошло, покатилося, и участок на первом месте. Но их никто не ругает, они пару не дают! Другой пример приведу. В подшефном колхозе двое наших пожинали чужие плоды, то есть грузили навоз. Погоди смеяться. Что — га-га-га? Ну что — га-га-га?.. Слушай! Так они вместо этого послали председателя и лошадей матом на поля, а сами пошли на танцы.

Отставание в воспитательной работе становится хроникальным. В конструкторском бюро на потолке обнаружены следы неизвестного животного. А мы не знаем, что это за животное и животное ли это вообще. Может, это потолок протекает? Нужно людей водить в музей и на примере первобытного человека показывать, насколько мы оторвались.

Перехожу к спорту. Спортзал. Нет, фундамент — да, стены — да, крыша — да, паровое отопление — нет, рамы — нет, стекла — нет! Поехали в главк — вырвали рамы, выбили стекла, оторвали отопление. Спортзал готов. Кто висит на турнике — инструктор. Вбил два кольца в потолок, на них что? Ни одного человека. Вот отсюда наша хилость, и мы так будем хилить, чем дальше, тем больше!

Перехожу к самодеятельности. Вместо того чтобы выпимши петь и танцевать на улице, иди на сцену, дурень. Мы тебе аплодировать будем. Дак нет же. Мы свой балалаечный оркестр передали с баланса на баланс родильному дому, у них будет самодеятельность, у нас нет. Устроили мне экзамен. Собрали комиссию. Я говорю: «Вы хотите поставить меня в тупик своими вопросами, а я вас поставлю в тупик своими ответами». Нет, говорят, Федя... Меня Федей зовут. Нет, говорят, Федя... Мне сорок лет, и все Федя. Нет, Федя! Нет, говорят, Федя, ты, говорят, Федя! В состоянии пропагандистом не быть. Сила в словах у тебя есть, но ты их расставить не можешь. Ты говоришь долго, Федя, но непонятно о чем.

Кому непонятно? Вам понятно, нет? Вот! А они говорят... Да! Все!

В Греческом зале

Дали этим женщинам два выходных, так они прямо с ума посходили. Убивают время как попало. Вместо того чтобы отдохнуть... В прошлое воскресенье потянула она меня на выставку. Вернисаж какой-то... Я думал — музей как музей. А это не музей, а хуже забегаловки: горячего нет, один сыр и кофе. В Третьяковке хоть солянка была, а на вернисаже одна минеральная. Нет, думаю, тут не отдохнешь...

А воскресенье проходит.

Пока экскурсия таранилась на статую, я выскочил, прихватил на углу. Только разложился, газетку постелил, вахтерша прицепилась:

— В Греческом зале, в Греческом зале, как вам не стыдно!

Аж пенсне раскалилось. Я ей так тихо возражаю:

— Чего орешь, ты, мышь белая?.. Ты здесь каждый день дурака валяешь, а мне завтра на работу. Стакан бы лучше вынесла... Видишь, человек из горлышка булькает?!

...Что селедку?.. Кто селедку?.. Какую селедку?.. Ну, селедку развернул у него на плече... А что ему сделается? Двести лет стоял, еще простоит, а у меня выходной кончается, поймешь ты, коза старая?!

...Кто Аполлон?.. Я — Аполлон? Он — Аполлон? Ну и нехай себе Аполлон... Повесил я ему авоську на руку, а куда вешать, на шею?!

От народ!.. Никакой культуры. Еле от нее отбил. Хорошо еще, ребята поддержали... А на часах уже три! А я еще с продуктами и ни в одном глазу. А уже три на часах.

Стал искать, чем консервы открыть. Бычки в томате прихватил. От умора! От смех! Музей, музей — нечем банку открыть! Хоть убейся. Куда я только не лазил. Приспособился под конем... Железку какую-то оторвал, только ударил, как заверещит, у меня даже банка выпала. Вахтерша с указкой! Ну?! Я ей из-под коня так тихо замечаю:

— Чего ты дребезжишь?! Что я, тебя трогаю или кусаю кого?! Ты себе, я себе, они себе...

Хорошо, ребята меня поддержали, вроде все уладилось... Так штопора нет! Вот музей...

Тут я ей совсем тихо, ну, тихо совсем:

— Слышь, штопор есть?

— Это итальянская живопись семнадцатого века!

— Ты не поняла, — говорю, — я тебя не спрашиваю, где брала живопись, я спрашиваю, штопор есть?

— Вы понимаете, что вы говорите, здесь вокруг живопись!

— Понимаю, а ты без штопора можешь открыть? Я же об пол буду стучать, мешать. А вокруг живопись...

Намучился! Оторвал от этого же коня еще одну железяку, пропихнул внутрь, но настроение уже не то... В какой-то гробнице в одиночку раздавил кагор в крошечной тьме, в антисанитарных условиях.. Бычки, конечно, руками хватал... Хорошо, грузин стоял на камне, я у него кинжал вытащил, колбасу хоть порубил на куски.

Когда я из гробницы вылез, еще мог экскурсию продолжать, хоть в паутине и в бычках... Но они исчезли. Так что воспринимал в одиночку... Поковырял того грузина — мура, опилки, дурят людей.

А тот железный, что на лошади сидел, — тот ничего, крепкий... Меч я у него из кулака вырвал, а щит рвал, рвал, не идет — неплохое качество!

Ну а в целом потерял выходной, угробил. Хорошо еще, вечером, в скверике врезали «Зверобой» и закусили с колен... Хоть как-то отдохнули.

Теперь говорят, в Большом театре «Столичная» появилась, только билет на «Чародейку» надо брать. Почему же у них сто грамм?

«Дурочка»

Справа и слева — два управления. Два стола. За каждым столом по два человека. Начальник и подчиненный. Слева Белибердинск. Справа Комаринское.

Комаринский начальник вызывает подчиненного.

Комаринский начальник. Насосы из Белибердинска прибыли?

Комаринский подчиненный. Нет еще.

Комаринский начальник. Немедленно телеграмму!

Музыка. Подчиненный сел, написал. Машинистка — тррах! Телеграфистка — тррах! Музыка смолкает. Слышно сопение белибердинского начальника.

Белибердинский начальник (*вызывает подчиненного*). Зайцев!

Входит Зайцев, подает начальнику депешу.

(*Читает.*) «Как выполняется наше распоряжение изготовления насосов все сроки прошли телеграфируйте дату отгрузки». Когда отгрузим?

Зайцев. Никогда. У нас и без них!.. Давайте честно напишем и откажемся.

Белибердинский начальник. «Честно»?! За такой ответ нас сегодня же разгонят и никуда больше не возьмут.

Зайцев. Давайте молчать.

Белибердинский начальник. Тогда нас завтра разгонят и никуда больше не возьмут. Нам нужно выиграть время.

Зайцев. Что же делать?

Белибердинский начальник. Отвечать, писать, тянуть резину. А за это время или завод реорганизуют, или насосы отменят, или министерство ликвидируют. У пишущих есть выражение: «Запустить «дурочку».

Музыка. Сели, написали. Машинистка — тррах! Телеграфистка — тррах! Музыка смолкает, слышно сопение комаринцев, читающих депешу.

Комаринский начальник. «В ответ на вашу телеграмму за номером таким-то от такого-то докладываем радостью ваше распоряжение выполнено колеса направлены урал сидоров представлен правительственной награде ждем дальнейших распоряжений».

Комаринский начальник. Обратный адрес — Белибердинск?

Комаринский начальник. Они что-то перепутали. Запросите еще раз.

Белибердинский начальник (*читает*). «В ответ на ваш номер такой-то от такого-то сообщаем какие колеса какой сидоров вы нас не поняли немед-

ленно телеграфируйте дату отгрузки насосов согласно нашего распоряжения срыв плана угрозой нечем качать управление». Отвечайте.

К о м а р и н с к и й   н а ч а л ь н и к (*читает*). «В ответ на ваш номер такой-то от такого-то сообщаем вашей телеграммы поняли колеса вы не получили самолет колесами потерпел аварию горами азербайджана сидоров катапультирован понижен должности лишен наград колеса раскатаны местными жителями по аулам ждите сообщений».

К о м а р и н с к и й   п о д ч и н е н н ы й. Обратный адрес — Белибердинск?

К о м а р и н с к и й   н а ч а л ь н и к. Может, у них девчонка путает? Запросите в последний раз.

Б е л и б е р д и н с к и й   н а ч а л ь н и к (*читает*). «На ваш номер такой-то от такого-то сообщаем какие колеса это круглые такие не знаем никаких колес вы нас с кем-то путаете прекратите план предприятия сорван нечем качать сточные воды отсутствия ваших насосов текучка кадров массовые простои молнируйте дату отгрузки противном случае гарантируем скандал».

З а й ц е в. Я отвечу.

К о м а р и н с к и й   н а ч а л ь н и к (*читает*). «На ваш номер такой-то от такого-то молния возмущением узнали отравлении сточных вод одеколоном никаких обещаний кроме сообщений сидоров сидит под следствием дирекция местком завком военком». (*Одевается.*) Я еду в Белибердинск. Я узнаю, кто такой Сидоров. Я им устрою аварию горами Азербайджана! Спасибо за внимание! (*Застегивает шубу, надевает шапку. Идет.*)

Ночь. Пурга. Свист ветра. Комаринский начальник идет. Приходит.

К о м а р и н с к и й   н а ч а л ь н и к. Это Белибердинск?

Б е л и б е р д и н с к и й   н а ч а л ь н и к. Да. А что?

К о м а р и н с к и й   н а ч а л ь н и к. Здравствуйте, я из Комаринского. Слушайте, вы серьезным делом занимаетесь?

Б е л и б е р д и н с к и й   н а ч а л ь н и к. Серьезным. А что?

К о м а р и н с к и й   н а ч а л ь н и к. Какие колеса? Какой Сидоров?

Белибердинский начальник. Какие колеса? Какой Сидоров?

Комаринский начальник. Мы вам написали телеграмму. И вот вы нам ответили.

Белибердинский начальник (*прочел свою телеграмму*). Кто такой Сидоров?

Комаринский начальник. Я вас и спрашиваю: кто такой Сидоров?

Белибердинский начальник. А вы знаете, кто он такой?

Комаринский начальник. Я вас спрашиваю.

Белибердинский начальник. Я не знаю.

Комаринский начальник. А что это за колеса?

Белибердинский начальник. А вы знаете, что это за колеса?

Комаринский начальник. Кто это подписывал?

Белибердинский начальник. А-а!.. Зайцев. Ух, Зайцев! Сейчас, сейчас. Я мигом разберусь. Если это он, я от него камня на камне не оставлю! Я ему при вас... Ох, я ему... при вас! Зайцев!

Входит Зайцев.

Вы им писали, не отпирайтесь!

Зайцев. Куда?

Комаринский начальник. В Комаринское.

Зайцев. Да.

Белибердинский начальник. Ага. Мы нападаем на след. Почему вы пишете о колесах, когда они вас спрашивают о насосах?!

Зайцев. Кто спрашивает о насосах?

Комаринский начальник. Мы.

Зайцев. Вы?

Белибердинский начальник. Они.

Зайцев. Где?

Комаринский начальник. Вот наша телеграмма. Нечем качать, где насосы... А вы?..

Белибердинский начальник. Как вы могли так ответить?

Зайцев. Я не мог так ответить. Здесь ведь о насосах, правильно?

Комаринский начальник. Правильно.

Зайцев. А здесь о колесах, правильно?

Комаринский начальник. Правильно.

Зайцев. Ну, вот.

Белибердинский начальник. Слава богу, разобрались.

Комаринский начальник. Что?

Белибердинский начальник. Все в порядке.

Зайцев. Я могу идти?

Комаринский начальник. Что?! Что?!
Что — в порядке?! Это же ваша подпись?

Зайцев. Где?

Комаринский начальник. Вот.

Белибердинский начальник. Вот.

Зайцев. Что?

Белибердинский начальник. Вы плетете интриги. Вы лодырь и бузотер! И вообще, где вы были сегодня с восьми до одиннадцати?

Зайцев. Кто?

Белибердинский начальник. Вы.

Зайцев. Что?

Белибердинский начальник. Где вы были с восьми до одиннадцати?

Зайцев. Вчера?

Белибердинский начальник. Сегодня.

Зайцев. Что значит — где я был?

Белибердинский начальник. Вот, где вы были?

Зайцев. Что значит — где я был?

Белибердинский начальник. Да, где вы были?

Зайцев. Когда?

Белибердинский начальник. Сегодня с восьми до одиннадцати.

Зайцев. Не понял.

Комаринский начальник. Ну, хорошо, товарищи...

Белибердинский начальник. Почему вас не было на рабочем месте?

Зайцев. Меня не было?

Белибердинский начальник. А что, меня не было?

Зайцев. А почему вас не было?

Белибердинский начальник. Я спрашиваю, почему вас не было?!

Зайцев. Почему меня не было?!

Комаринский начальник. Товарищи, я ехал тысячу километров.

Белибердинский начальник. Минуточку, вы знаете, что вас искали?

Зайцев. Знаю.

Белибердинский начальник. Где же вы были?

Зайцев. Не слышу.

Белибердинский начальник. Ну, где вы были?

Зайцев. А где я мог быть?

Комаринский начальник. Стоп, все. Глуши. Меня интересуют насосы. Когда будут насосы?

Белибердинский начальник. Когда будут насосы?

Зайцев. Что?

Комаринский начальник. Когда будут отправлены насосы?

Зайцев. Где?

Белибердинский начальник. Все! Хватит! Надоело! Я вас увольняю! Я оставляю вас без средств!

Комаринский начальник. Подождите...

Белибердинский начальник. Увольняю!

Комаринский начальник. Давайте разберемся с насосами.

Белибердинский начальник. Увольняю! Идите! Между нами все кончено!

Зайцев. Хоть сейчас!

Белибердинский начальник. Именно сейчас!

Зайцев. Хоть сию секунду!

Белибердинский начальник. Именно сию секунду!

Комаринский начальник. Стойте, товарищи, стойте, сначала разберемся... ну, может, он не хотел.

Белибердинский начальник. «Не хотел»? Именно хотел. Мне все ясно! Разобрались! Не с кем работать! Я один вопиющий в пустыне! Возвращайтесь спокойно. Пишите, я сам буду отвечать. Лично! Я их к чернилам не подпущу! Они мне все развалили, теперь я им все развалю! Разгоню всех! Вы еще увидите, что я наделаю!

Комаринский начальник. Как же все-таки с насосами?

Белибердинский начальник. Что?

Комаринский начальник. Насосы...

Белибердинский начальник. Где?

Комаринский начальник. Те, что вы делаете?..

Белибердинский начальник. С восьми до одиннадцати?..

Комаринский начальник. Товарищи, идите работать, а я пойду в сумасшедший дом! Спасибо за внимание! *(Возвращается к себе.)*

Комаринский подчиненный. Из министерства запрашивают, когда подключим насосы. Грозят большим скандалом.

Комаринский начальник. Пишите, что куры передохли, и запросите новый телескоп. Вы что, не знаете, как запустить «дурочку»?!

Дефицит

Послушай меня, дорогой! Что я тебе скажу. Все идет к тому, что всюду все будет, изобилие будет! Но хорошо ли это будет? Подожди, не торопись, ты молодой, горячий, кровь играет. Я сам был огонь, сейчас потух немного, хотя дым еще идет иногда... С изобилием не надо торопиться! Почему?..

Ты идешь по улице, встречаешь меня.

— Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

— Зачем?

— Заходи, увидишь.

Я прихожу к тебе, ты через завсклада, через директора магазина, через товароведа достал дефицит! Слушай, ни у кого нет — у тебя есть! Я попробовал — во рту тает! Вкус специфический! Я тебя уважаю.

На другой день я иду по улице, встречаю тебя.

— Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

— Зачем?

— Заходи — увидишь!

Ты приходишь ко мне, я через завсклада, через директора магазина, через товароведа, через заднее

крыльцо достал дефицит! Слушай, ни у кого нет — у меня есть! Ты попробовал — речи лишился! Вкус специфический! Ты меня уважаешь. Я тебя уважаю. Мы с тобой уважаемые люди.

В театре просмотр, премьера идет. Кто в первом ряду сидит? Уважаемые люди сидят: завсклад сидит, директор магазина сидит, сзади товаровед сидит. Все городское начальство завсклада любит, завсклада ценит. За что? Завсклад на дефиците сидит! Дефицит — великий двигатель общественных специфических отношений!

Представь себе, исчез дефицит. Я пошел в магазин, ты пошел в магазин, мы его не любим — он тоже пошел в магазин.

— Туфли есть?

— Есть!

— Черные есть?

— Есть!

— Лакированные есть?

— Есть!

— Черный верх, белый низ есть?

— Есть!

— Белый верх, черный низ есть?

— Есть!

— Сорок второй, самый ходовой, есть?

— Есть.

— Слушай, никогда не было. Сейчас есть.

— Дамские лакированные, бордо с пряжкой, с пуговицей есть?

— Есть!

Ты купил, я купил, мы его не любим — он тоже купил. Все купили.

Все ходим скучные, бледные, зеваем. Завсклад идет — мы его не замечаем. Директор магазина — мы на него плюем! Товаровед обувного отдела — как простой инженер! Это хорошо? Это противно! Пусть будет изобилие, пусть будет все! Но пусть чего-то не хватает!

В век техники

Мы живем в век техники. Выходим на международные рынки. Машины у нас хорошие, отличные, но их надо рекламировать.

Вот на заводе номер восемь дробь шесть, в общем, на одном из наших предприятий, изобретатель Се-рафим Михайлович... В общем, один чудак изобрел машину для этого... В общем, не дураки сидят!

Целый год работал над машиной, и решили машину в Париж на выставку отправить! Правда, самого не пустили, у него кому-то чего-то не понравилось в рентгене, анализы у него не те. Так что поехал я, у меня в этом смысле не придерешься — все качественное и количественное. И девчужка еще из колхоза поехала, ей давно обещали во Францию. Девчужка как раз еще кое-что в физике помнила. А я сам, понимаешь, подустал... Все это мотаешься, гоняешься, перевариваешь эти процессы, все это осваиваешь, так что уже элементарные законы начинаешь подзабывать. Не то что там Джоуля — Ленца или Ома, но и Архи... этого... меда уже конкретно себе в лицо представить не можешь. Вот так! Но дядя я представительный, сами видите, черная тройка, баретки, шляпа сидит как на гвозде.

Перед отъездом с изобретателем переговорили: выяснили там, какие заряды, какие притягиваются, какие оттягиваются... Ну, в общем, сели, поехали! Приезжаем, слышу на платформе: «Пардон, пардон». Что же это, уже Париж? Ну, прибыли в павильон, распаковались. Народу набежала уйма. Машина — всеобщий восторг!

Я уже речь толкнул и закончил по-французски. Так и сказал: «Селяви!» В смысле — есть что показать! Народ мне кричит: «Включайте!» Я уже через переводчика говорю: «Нам понятно, граждане французы, ваше нетерпение...»

Только это я сказал...

И вот тут мы куда-то воткнули...

Потом меня спрашивали: «Куда ты воткнул, вспомни давай!»

Комиссия приехала из Москвы, меня спрашивала:

«Куда ты втыкал, ты можешь вспомнить?» Какое вспомнить, когда врачи ко мне вообще два месяца не допускали, у меня состояние было тяжелое.

Девчушка, та покрепче оказалась, но у нее что-то с речью случилось и не может вспомнить, как доить. Принцип начисто забыла! Откуда молоко берется, не помнит. Сейчас ее колхоз за свой счет лечит, врачи говорят, есть надежда.

Ну, павильон-то быстро отремонтировали, там ерунда, только крышу снесло.

Машину собрали... в мешок и привезли уже другие люди. Хотели изобретателя под стражу взять, но я в это время в больнице лежал, тут за него коллектив поручился, так что просто взяли подписку о невыезде. Легко отделался...

Я вот, как видите... Маленько перекос, и вот не сгинается. Говорят, могло быть хуже. Ну, ничего, я подлечусь. Живем в век техники! Так что, может, еще и в Японию поеду!

А что вы думаете? Селяви!

Берегите бюрократов

Мальчики, девочки, деточки, дамочки! Отнесемся бережно к окружающей нас природе. К ее разнообразным формам. Не допустим полного уничтожения бюрократов. Пусть их вид нам неприятен. Что делать? Все в природе увязано и укрупнено. Уничтожишь одно звено — рушится другое. Уничтожишь бюрократов — испортится народ.

Представьте: только попросил — сразу дали! Только подошел — подписали! Только обещали — тут же сделали! Что же это такое?! Люди дома сидят. По телефону договариваются, животы пошли, инфаркты, общая вялость, дети малоподвижные, мужчины нерешительные, юноши женственные.

- Эй! А ну-ка, давай!
- Я — к вам.
- Отказать!
- Как?..
- А так!

Я — к другому.

— А я этот вопрос не решаю.

Я — к третьему.

— Это не по моей специальности.

— Это не в моей компетенции.

— С этим обождем!

— С этим переждем!

И тут чувствуешь, как у тебя второе дыхание прорезается. Легкость в теле необыкновенная. Упругость удивительная. Ножки напружинил и пошел по кругу!

Отказать — хорошо!

Подождать — хорошо!

Переждать — мирово!

Мчишься по городу крепкий, легкий, закаленный и только слышишь: хлоп-хлоп! Буль-буль! Слабенькие отпадают, хрум-хрум — косточки ихние хрустят...

Но остаются самые-самые! Самые зубастые, самые жилистые. Вы мне: «Отказать!» А я с женой, с детьми — в приемную! Хлоп на пол!

— У меня течет.

Вы мне: «Убирайтесь вон!» А я из колодца:

— Здравствуйте! Это у меня...

Вы мне: «Пошел вон!» А я из-под машины, из-под колеса:

— Здравствуйте, это у меня промокает.

Вы самолетом, а я через винт.

Вы за границу. А я в Монтевидео из-под пальмы:

— Здравствуйте, это у меня...

— Ах, чтоб ты пропал! Откуда ты такой выискался?

— «Откуда»? А путем вашего искусственного отбора. Скорость как у гепарда, кожа как у хамелеона, челюсть своя и запасная, справа автобиография, слева справка о состоянии здоровья, в зубах прописка, в глазах вид на местожительство!

И плотным строем пошел! Только ветер в ушах, только пыль по дороге, и жилмассив в одну линию сливается.

Отказать — хорошо!

Отложить — хорошо!

Переждать — мирово!

Табличкам не верим. Мест нет — найдешь! Билетов нет — поищешь!

Самолеты не летят — отправишь!

Ни черта не страшно нам, закаленным, перченым, проверенным. Мужчины поджарые, женщины стройные, население красивое!

Не трогайте бюрократов! Большая польза от них происходит.

Сколько лет мы их терзаем. А они все есть. Знаете почему? Мы их породу улучшаем — съедаем самых слабых!

Что охраняешь, товарищ?

Я в охране природы работаю. Лилиеводы, тюльпановоды. Звонят из ресторана — пальму выбросили. Я еду. Как я стал любителем охраны? Ну, хочу взять два лося. Приезжаю в область в сезон. Вот разрешение взять два лося. Резолюция товарища вот... А мне говорят, этой резолюцией, говорят, можешь клопов давить. Если выпить хочешь, так и скажи. А насчет лосей или иди к первому на подпись, или вступай в общество инспекторов охраны. Думаю, идти к первому, толкаться... Вступил за полчаса. Три рубля за книжечку дал. Пошел взял два лося. А как же! Все так. Хочешь лося взять — иди в общество охраны природы! Что охраняешь, то имеешь и еще с друзьями делишься!

Хочешь интересные книжки читать — иди редактором: первым будешь читать, никому не дашь! Лес охраняешь — дрова есть! Аптеку охраняешь — вата есть! Возле змей сидишь — яд имеешь! Хочешь кооператив иметь — берись квартиры распределять! За очередью следишь — без очереди берешь!

Что охраняешь, то имеешь! Ничего не охраняешь, ничего не имеешь! Недаром говорят: «Все на охрану всенародной собственности!»

Для вас, женщины

Я не знаю, как для вас, но для меня Восьмое марта — второй день рождения.

Я холостяк. Не старый. Мне восемнадцать до семнадцатого года, плюс пятьдесят один, минус подходящие, плюс бездетность. Я по профессии бухгалтер. Итого мне... шестьдесят девять с копейками.

Все друзья хотят меня женить, потому что люди не выносят, когда кому-нибудь хорошо. Но я не спешу. Шестьдесят девять — время еще есть. С моим возрастом, о котором я сказал выше, с моими данными, о которых я скажу ниже, я мог бы женить на себе весь балет Большого театра, но я не тороплюсь.

Мне говорят:

— Слушай, Сигизмунд, для тебя есть девушка в Ташкенте, стройная, как козочка, ароматная, как персик.

— В Ташкенте. Улица Навои, шестьдесят пять, вход со двора, налево, отдельная квартира с отцом?

— Да.

— С черными глазами, заикается?

— Да.

— Тетя болела желтухой в тридцать шестом году?

— Да.

— Хорошая девушка, но зачем привязывать себя к одному месту?

Я всю жизнь менял адреса и места работы, менял, когда мне не нравился пейзаж за окном или голоса сотрудников. Зачем же мне затихать вдаль? И я сказал себе: «Сигизмунд, тебе рано отдавать, ты еще не все взял от жизни».

И я сбегал к одной врачихе. Доцент. Вот такая толстая диссертация, и тема очень интересная — что-то там в носу. Такая умная женщина. Бывало, по радио: «Буря мглою небо кроет...»

— Откуда это, Сигизмунд?

Я только открывал рот и напрягал память, как она говорила:

— Ты прав — это Пушкин.

С ней я пошел дальше всех, с ней я дошел до загса. У меня уже был букет, мы с ее мамой перешли на «ты», а папа подарил мне белые тапочки. И тут я сказал себе: «Стой, Сигизмунд. Она чудная женщина со всеми удобствами, с горячей водой, в прекрасном районе, но умна угнетающе». С таким же успехом можно жить в библиотеке или спать в машиносчетной станции.

И я бежал к третьей. Та ничего не соображала, и я

почувствовал себя человеком. Я сверкал остроумием, я пел и решал кроссворды. А она сидела, раскрыв рот. Когда человек, раскрыв рот, смотрит на вас целый день, это приятно. Но через месяц это начинает раздражать. Я ей говорю: «Закрой рот, я уже все показал». И хотя был ужин, и нас поздравляли, и ее папа подарил мне белые носки, я сказал себе: «Стоп, Сигизмунд, шутки шутками, но могут быть и дети». И я бежал домой... где из живых людей меня ждет только зеркало.

Но сегодня, женщины, у нас с вами большой день... Я чувствую, что я созрел. Сегодня я выгляжу, как никогда. У меня еще стройная фигурка, блестящая в некоторых местах голова, слегка подкашивающиеся ноги, небольшое пришепётывание при разговоре, посвистывание при дыхании и поскрипывания при ходьбе. Но если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке, со мной еще очень, очень можно поговорить! О Восьмом марта, о весне, о вас, женщины...

Готовьтесь, птички! Я еду к вам на трамвае!

Дай ручку, внучек!

Юзик, Юзик, дедушка не может быстро, дедушка устал. У дедушки ноги старенькие. Давай посидим. Ты же хороший мальчик. Сядь, Юзенька, сядь, дорогой. Я сказал сядь! Я стенке сказал или кому я сказал?! Или стенке, или кому?! Дедуля что сказал?.. Что надо дедуле сказать?.. А, бандит, чтоб ты был здоров, арестант. Если бы у меня было такое детство! Ну-ну...

Наша мама всегда стирала, а мы всегда ходили грязные... И какой гвалт... Пятеро хотят писать, один хочет селедку. Какие книжки, какие тетрадки?.. Я еще получил очень удачное образование, я чинил примуса. Ты слышишь, Юзик, головки, пистоны, насосы, я знаю, главное — это керосин, чтоб он горел... Моя вся жена пропахла керосином. Нас нельзя было позвать в гости: они от нас имели аромат... Собаки падали в обморок. Ты не знаешь, что такое примус. Вся Одесса качала по утрам и вечерам, и ревела, и взрывалась.

Я тоже был отчаянным, я имел троих, и они выросли. Старший стал военным, утонул в Керченском

проливе в первые дни войны. Младший окончил политехнический, уехал в Новосибирск, твоя тетя закончила консерваторию, сидит в Москве... Все разъехались, все ищут счастья. Только мы остались на месте... Ты знаешь, Юзик, я так смотрю и думаю, что я такого сделал особенного?.. Так я тебе скажу что. Ничего... Все вложил в детей. стакан молока — дети. Кусочек яблочка — дети. Ложка сахара — дети. Твой папа был слабый мальчик, ему нужны были витамины. А твоей тете нужен был приличный инструмент — она в консерватории. Так всю жизнь. Вы маленькие — мы переживаем, что вы болеете. Вы старше — мы переживаем, что вы плохо кушаете. Потом вы устраиваете нам попадание в институт — мы ночи не спим. Потом вы женитесь — с нами такое творится, моим врагам!

Что надо сказать дяде? Ну!.. Здра... Ну!.. Здра... Ох, я ему напомню, так он всю жизнь будет помнить. Ну!.. Здра... Такой буц здоровый, четыре года скоро.

Отдай девочке мячик. Отдай, солнышко. Ухаживай за ними. Все равно они отдают нам больше, если они хорошие. Все равно они отдают нам все, если они золотые. Твоя бабушка была и ударник, и застрельщик, и я знаю кто?.. А дети на ней, весь дом на ней. Я ей говорю, Соня, перестань уже... Перестань! Дети все устроены, мы на пенсии. Перестань, Соня, поспи до восьми. Поедем к детям. Дети за нами будут ухаживать.

И мы сели на колеса и поехали в Новосибирск, где твой папа кандидат, а мама аспирант. Все математики, все в очках, а кто будет варить обед?.. И я вижу, моя Соня стирает, а я выкручиваю. Она моет полы, я стою в очередях.

Кое-как поставили этих кандидатов на ноги. Поехали к дочке. Уже Москва, уже скрипачка, уже все удобства. И что я вижу?.. Соня стирает, я выкручиваю. Соня варит, я стою в очередях.

Поставили на ноги скрипачей, сняли у них с шеи детей, вернулись домой. Дома отдохнем. Летом у моря. Мы на пенсии. Дети съедутся, будут ухаживать. Съехались дети... Что я вижу, Юзик?.. Соня стирает, я выкручиваю. Она варит, я тяну с базара кошелки — лошади оборачиваются. Дети должны отдохнуть. У детей один только месяц. Так мы не пойдём на море. Я не помню, когда я был на пляже. Лет десять назад. Случайно. Неважно. Мы отпляжили свое.

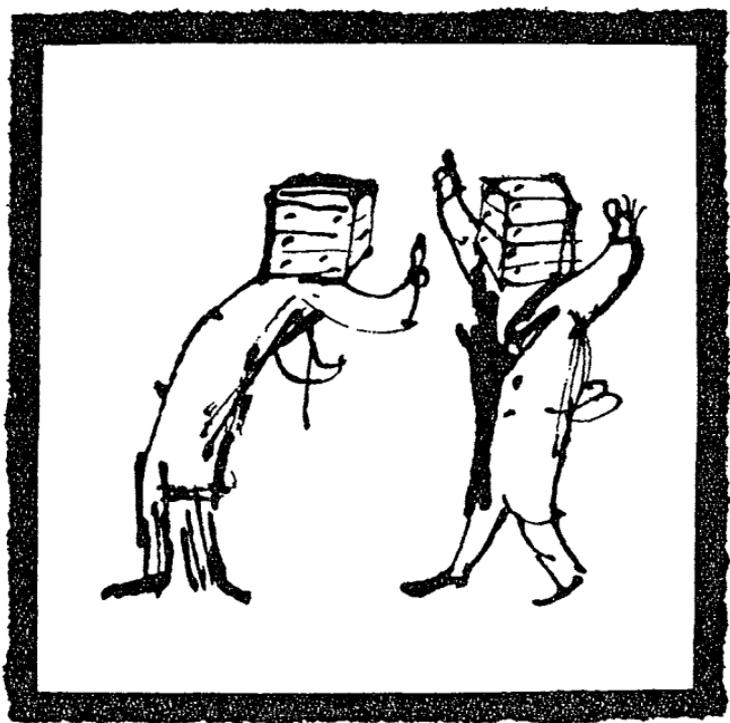
Что нам надо, Юзик?.. Чтоб у детей наших было не-

много больше счастья, чем у нас. Чтоб ты уже попал в институт и удачно женился: есть такие жены — моим врагам, ты же знаешь. И чтобы у тебя были хорошие дети, и чтобы они попали в институт и удачно женились, и чтобы у них были свои дети, тоже хорошие и тоже способные. А мы будем ездить и не будем говорить о болячках. Потому что у кого их нет, и еще не хватает об этом говорить.

И будем смотреть на наших внуков, и радоваться, и потихоньку уходить... А все это называется очень просто — хорошая старость.

Правда, Юзик?.. Ты же все понимаешь. Ну, дай ручку дедушке, дай, золотко. Мы уже идем. Бабушка нас ждет. Дай ручку. Чтоб ты не знал, что я видел... Чтоб ты был здоров! Юзик, дедушка не может быстро, не забывай...

1970-1971

К морю

Я обнимаю вас, мои смеющиеся от моих слов, мои подхватывающие мои мысли, мои сочувствующие мне. И пойдем втроем, обнявшись, побредем втроем по улице, оставим четвертого стоять в задумчивости, оставим пятого жить в Алма-Ате, оставим шестого работать не по призванию и пойдем по Пушкинской с выходом на бульвар, к Черному морю. Пойдем весело и мужественно, ибо все равно идем мужественно — такой у нас маршрут. Пойдем с разговорами: они у нас уже не споры — мы думаем так. Пойдем достойно, потому что у нас есть специальность и есть в ней мастерство. И что бы ни было — а может быть все, и в любую минуту, — кто-то неожиданно и обязательно поможет нам куском хлеба. Потому что не может быть — их были полные залы, значит, будущее наше прекрасно и обеспечено.

Мы пойдем по Пушкинской прежде всего как мужчины, потому что — да, — потому что нас любят женщины, любили и любят. Мы несем на себе их руки и губы, мы живем под такой охраной. Мы идем легко и весело, и у нас не одна, а две матери. И старая сменится молодой, потому что нас любят женщины, а они знают толк.

Мы идем уверенно, потому что у нас есть дело, с благодарностью или без нее, с ответной любовью или без нее, но — наше, вечное. Им занимались все, кто не умер, — говорить по своим возможностям, что плохо, что хорошо. Потому что, когда не знаешь, что хорошо, не поймешь, что плохо. И бог с ним, с наказанием мерзости, но — отличить ее от порядочности, а это все трудней, ибо так в этом ведре намешано. Такой сейчас большой и мужественный лизоблюд, такое волевоe лицо у карьериста... И симпатичная женщина вздрагивает от слова «национальность» даже без подробностей.

Мы пойдем легко по Пушкинской, потому что нас знают и любят, потому что люди останавливаются, увидя нас троих, и улыбаются. Это зыбкая любовь масс. Это быстротечно, как мода. Мода быстротечна, но Кристиан Диор живет. И у нас в запасе есть огромный мир на самый крайний случай — наш внутренний мир.

Три внутренних мира, обнявшись, идут по Пушкинской к морю. К морю, которое, как небо и как воздух, не подчинено никому, которое расходится от наших глаз вширь, непокоренное, свободное. И не скажешь о нем: «Родная земля». Оно уходит от тебя к другим, от них — к третьим. И так вдруг вздыбится и трахнет по любому берегу, что попробуй не уважать.

Мы идем к морю, и наша жизнь здесь ни при чем. Она может кончиться в любой момент. Она здесь ни при чем, когда нас трое, когда такое дело и когда мы верим себе.

Молчание — золото!

Шшш!.. Шшш!.. Тише! О таких вещах только между нами. Я тебе, ты мне и разбежались! Не дай бог! Что вы?! Жизнь одна, и прожить ее надо так, чтобы не было больно... Читали?!.. И все! Все разговоры, замечания только среди своих — папе, маме, дяде, тете. И все! И разбежались. А вы на всю улицу... Что вы?! Осторожнее! Десять тысяч человек, и все прислушиваются. Вы их знаете? А кто за углом?.. Ну, не можете молчать, вас распирает — возьмите одного-двух, заведите домой... Окна заложите ватой и — всю правду шепотом! Недостатков много, а здоровье одно. Недостатки исправишь... А так, сидим, молчим. Ничего не видели, не слышали. Глухонемые. Мычим. И все! Кто к глухонемому пристанет?! Что вы!.. Молчание — золото Читали, в Гостином дворе золото нашли — шесть кирпичей.

Они растрезвонили — шесть кирпичей! Уррра! Шесть кирпичей! Землекопы, некультурные люди! Ну и сразу пришли и забрали! Что, им дали хоть один кирпич?! Апсурд! Они теперь ходят за зарплатой, локти кусают. Ну а если бы они не сказали?.. Я понимаю, но допустим. Ну, нашли. Ну чего кричать? Молчание — золото!

Шесть кирпичей. Пять закопал, один на расходы. Кусочек отпилил — и в Сухуми на пляж. У всех зима, а вы загораете. Всем зубы золотые вставил — себе, жене, теще, детям. Младшему полтора года — он уже в золотых зубах. Что, некрасиво? Красиво! Улыбнуться нельзя — арестуют! И нечего улыбаться. Нечего рот раскрывать! Дома радиаторы золотые — сверху глиной обмазаны. Что, плохо греют? Согреют. Это же золото! Сын в институт попасть не может — полный идиот. Декану полкирпича — сын академик, золотая голова! Дочка — корова, еле ходит. Полкирпича в зубы — прима-балерина в Большом! И в результате все устроены и три кирпича на черный день. Только тихо! Никаких собраний. Никаких обедов, никаких праздников. Окна закрыты ставнями, из дома не выходить! Круглосуточные дежурства. Кушать только ночью под одеялом! Вот это жизнь! И — тсс! Молчание — золото!

У кассы

— Дайте мне два билета по безналичному расчету, дайте! Мне подождать? Я подожду. Дайте мне два билета по безналичному расчету, дайте мне. Подождать? Я подожду. Дайте мне два билета, дайте!

— А вы кто такой?

— Я Петров, уполномоченный.

— Чем вы докажете, что вы — Петров?

— Вот мое удостоверение! Видите? Вот!

— Мало ли что я вижу. Я все вижу. Вот верю ли я?

— Вот письма на мое имя, вот бланки, читайте, все — Петрову, читайте!

— Можете мне все это не показывать. Чем вы докажете, что вы — Петров?

— Вот моя доверенность!

— А чем докажете, что она ваша?

— Удостоверение, фотокарточка! Сличайте! Сличайте!!

— Похоже, ну и что?

— Это — я!

— А это — я.

- Это мое удостоверение!
- Чем докажете?
- Родинка, видите, вот!
- Ну-ну.
- Видите — родинка?
- Ну.
- И вот родинка. Видите?
- Ну и что?
- Я встану вот так, а вы сличайте меня, сличайте!
- Есть сходство. Доверенность на Петрова?
- Да!
- Вот он придет, я ему и дам.
- Он пришел, я уже здесь!
- Чем докажете, что вы Петров?
- Удостоверение!
- А чем докажете, что это ваше удостоверение?
- Фотокарточка!
- А чем докажете, что это ваша фотокарточка?
- Родинка!
- Чем докажете, что это ваша родинка?
- А чем вы докажете, что вы — кассир? Чем?
- Я — кассир! Вот деньги, билеты, окошко и надпись: «Сидоров — кассир».
- Вы не Сидоров — кассир!
- Нет, я кассир!
- Вы не кассир!
- Нет, я кассир!
- Вы пришли с улицы и сели, а кассира убили!
- Труп — в сейфе!
- Что ты плетешь? Вот сейф пустой, ты что?
- Убрали, успели, и сели вместо него. Вы не Сидоров — кассир!
- Да ты что? Вот паспорт на десять лет, дурака валяешь!
- А паспорт отняли!
- А карточка?
- Наклеили!
- А печать?
- Выкрали из милиции. Зарезали паспортистку, достали бланк, заполнили ее рукой, кровь смыли. Вы же смыли всю кровь! Зачем вы смыли кровь?
- Да ты что? Вот, все знают, все подтвердят. Ребята, кто я?
- Ничего не значит, вы сговорились!
- Да вот мой начальник!

- Это не он.
- Лаптев!
- Врет!
- Константин Петрович!
- Притворяется. Как ты сюда попал, убийца? Ты убил кассира! Ты его... Зачем ты его убил? Что он тебе сделал? Сидел человек, работал, а ты взял да его кокнул. Убийца!
- Да чего ты, чего ты, чего ты?! Я двадцать лет тут сижу работаю, чего ты?
- Я вот тебя сейчас укою, сам сяду. Что, я буду Сидоров — кассир?
- А я умею работать, а ты нет!
- Тебя выучили и подготовили.
- Я выдаю деньги и получаю зарплату!
- Ты не кассир!
- Ну а кто я?
- Какой ты кассир?
- Ну а кто я?
- Не кассир, и все!
- Ну, а кто я?
- Ты танкист. Я тебя узнал.
- А-а, вот ты и влип! Я же не умею заводить танки!
- Научат!
- Я даже не знаю, как в него влезть.
- Покажут!
- А где эти танки, где они?
- Узнай и приходи!
- Нет, я все-таки Сидоров — кассир!
- Нет!
- Возьми свои два билета, отстань от меня!
- Отойди от меня! *(Рвет билеты.)* Убийца!!!

Диспут

В е д у щ и й. Так... Товарищи! У нас сегодня диспут! На любую тему. Столкновение разных мнений. Утверждение! Возражение! Вот вы, гражданин из первого ряда... Идите сюда! Подойдите! О чем вы хотели бы поспорить?

— Я?

— Да, вы. Именно вы! Я вчера с вами говорил. Вы были таким темпераментным, запальчивым. Вот теперь здесь, на сцене, попробуйте отстоять свое мнение. Покажите, как это делается! Итак, что вам не понравилось?

— Где?

— Вчера. Вам что-то не понравилось. Вы спорили.

— Мне все понравилось. Я еще вчера говорил, что мне все понравилось.

— За исключением...

— Без всяких исключений! Все понравилось!

— Ну, это не разговор. Вот, к примеру, мне не нравится ваш галстук!

— Мне тоже! (*Сорвал, выбросил.*) Тряпье!

— Ну, постойте... Вы не понимаете. Это диспут. А диспут — разговор, где сталкиваются разные мнения. То есть, если я «за», вы должны быть «против». У нас должен быть спор, понимаете?

— Понимаю.

— Так что вы возражайте. Итак, мне понравился...

— И мне.

— Нет, ну, вы не поняли. Вы участник диспута, понимаете?

— Да.

— Вы должны спорить.

— Да.

— Мне понравилась эта книга. А вам она...

— Мне тоже.

— Подождите. Вам она не понравилась.

— Понравилась.

— У нас так не будет спора.

— Будет.

— Как же — будет? Вы же мне не возражаете. А вы должны возражать. Мне не нравится зима!

— И мне не нравится.

— Товарищ, вы участвуете в диспуте.

— Да.

— Мне вчерашний фильм понравился, а вам нет.

— Мне тоже.

— Вы морщились.

— У меня зуб болел.

— Проклятый зуб?

— Проклятый зуб.

— А мне нравится ваш зуб!

- А я его люблю!
- А пиджак на вас ужасный! Просто жуткий!
- Кошмарный!
- Я бы его выбросил!
- Я тоже. (*Снимает, выбрасывает.*)
- Товарищ, постойте. Вы вчера согласились.
- Я и сегодня согласен.
- Вы сказали, я буду участвовать в диспуте. Мы им покажем, что такое борьба мнений, вы еще намекали.
- Ни на что я не намекал.
- Ну, хорошо. Я считаю, что в семье должен быть один ребенок. А вы?
- Я тоже.
- А вы возражайте.
- Я возражаю!
- Вот. (*После паузы.*) Вот. Почему вы возражаете?
- Я возражаю.
- Почему?
- Я возражаю.
- Нет, но почему?
- Я возражаю.
- Это хорошо. Но почему вы возражаете?
- Я возражаю.
- Нет. Вы так просто не возражайте. Вы должны говорить — два.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я считаю, один.
- И я считаю, один.
- Вы же говорили, два.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я говорю, один.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я говорю, один.
- Два.
- Вот видите, уже спор. А я говорю, один.
- Два.
- Вот, чудно. Так что, я говорю, один.
- Два.
- Так, один.
- Два.
- Один.
- Два.
- Ну, спорьте, спорьте... Один.
- Два.

- Ну, вы спорьте, возражайте... Один.
- Два.
- Один.
- Два.
- Чего-то тут... Чего-то мы не спорим... Один.
- Два.
- Чего-то у нас не то. Один.
- Два.
- Вы должны доказывать, почему два.
- Два.
- Да ну вас. Один.
- Два.
- Перестаньте. Один.
- Два.
- Прекратите. Один.
- Два.
- Сейчас же бросьте. Один.
- Два.
- Это чепуха, а не диспут. Один.
- Два.
- Это чушь собачья! Один.
- Два.
- Стоп! Стоп! Я понял. Вы должны мне доказывать, почему два.
- Чего?
- А про то, что мы спорим.

Он молчит.

Ну, что один — два? Что, один — два?! Что вы — два, я — один?

- Что?
- Ну, чего я говорил, один. А вы мне возражали, говорили, два?
- Я не возражал.
- Вы говорили, два.
- Два.
- Вы почему говорите, два?
- Вы мне сказали.
- А про что мы спорим?
- Мы не спорим, вы мне сказали — говори, два.
- А я почему говорю, один?
- Вы мне сказали. Скажи два, и я сказал, два.
- А кто мне сказал, чтобы я говорил один? Ты мне сказал?
- Вы сами.

— Нет. Мне кто-то сказал... Сам бы я... вообще бы... А здесь чего?

— Диспут.

— И что, и что я здесь делаю?

— Вы ведущий.

— А вы как сюда попали?

— С улицы.

— А у вас пропуск есть?

— Нет.

— Ну идите домой. Диспут окончен. Ничья!

Ранняя пташка

А я с утра уже... Ох, люблю я с утра!.. Эрли Бёрд, ранняя пташка, — это я. Как идет! Сначала колом, потом соколом, потом мелкими пташками. С утра ее возьмешь, всю ломоту снимает.

Итальянский коньяк привез наш советский товарищ, «Шпок» называется. Это да! Шпокнули мы по первой — сразу стала голова проясняться. Шпокнули по второй — голова ясная, как стеклышко! Шпокнули по третьей — свет невозможный, яркий. Сам легкий, как ангел. Все соображаешь. Я из своего окна Невско-Печерскую лавру увидел. Первый раз, никогда не видел. Обострилось все. Еще по стакану дали себе — вижу странное здание на горизонте, но не могу черты разглядеть. Добавляю. Всматриваюсь — он! Точно, университет. МГУ. Московский. Из Одессы вижу. Шутка сказать, зрение обострилось до орлиного. Коньячок... «Шпок» называется...

Ну, глядим на университет и шпокаем еще. Прислушался. По-немецки говорю. Ну?.. Сроду ни одной буквы не знал. Ну!.. И все понимают. Ну? А раньше — ни в зуб колесом. Голова ясная, как хрусталик. Все вспомнил, что в жизни было. Ножки легкие, как перышки. Тельце тоненькое, как шнурочек, организм работает, как часы! Вот коньячок! Еще две бутылки осталось. Хочу сегодня Достоевского вызвать и по-гречески думаю заговорить. Вот коньячок! «Шпок» называется!

В магазине

Покупатель (*шепотом. Подмигивая и оглядываясь*). Мне туфли, комнатные... Вам звонили обо мне?

Продавец (*шепотом. Подмигивая и оглядываясь*). Звонили.

Покупатель (*шепотом*). Туфли, комнатные.

Продавец. Понятно, не кричите... Нету.

Покупатель (*шепотом, оглядываясь*). Ясно...

Куртка оригинальная на меня, пятидесятый, два?..

Продавец. Тсс... Тише...

Покупатель. Буду тише.

Продавец. Всюду уши.

Покупатель. Куртка?..

Продавец. Тсс...

Покупатель. На меня?..

Продавец. Шшш...

Покупатель. Оригинальная?..

Продавец. Тсшшшсс...

Покупатель. Есть?

Продавец (*долго оглядываясь*). Нет.

Покупатель. Брюки интересные (*оглядывается*)... пятидесятый?..

Продавец (*оглядывается*). Шшш. Тсссс. Нету.

Покупатель. Вам же звонили?

Продавец. Да.

Покупатель. Пальтишко-дубленочка?..

Продавец. Нету.

Покупатель. Вам звонили или не звонили?

Продавец. Звонили, звонили.

Покупатель (*оглядывается*). Может, я попозже?

Продавец. Не надо. (*Оглядывается.*)

Покупатель (*оглядывается*). Ага... Тогда я больше не зайду.

Продавец. Тсс.

Покупатель. Вы меня больше не увидите.

Продавец. Тсс!

Покупатель. Может, позвонить?

Продавец. Не надо.

Покупатель. Не буду. Договорились.

Продавец. Только умоляю.

Покупатель. Я могила — исчезаю.

Продавец. Шшш... Куда?.. Через черный ход!

Ваше здоровье?

Дедушка, дедушка, как ваше здоровье? Нет, нет, мы незнакомы, дедушка, но меня интересует. Вижу, вы вздыхаете. Честное слово, я просто так. Как ваше здоровье, дедушка, дорогой? Нет, я не из поликлиники. Я же вам говорю, просто так. Да нет, ну что вы, дедушка. Я не от Зины. Я не знаю Зину, я прохожий. Вижу, вы переходите улицу, я шел за вами. Я случайно шел за вами. И думаю, спрошу, как здоровье. Погода великолепная сегодня. Ну, не хотите отвечать — пожалуйста. До свидания.

Я вам говорю, я просто поинтересовался. Честное слово, я вас не знаю. Клянусь, я вас вижу в первый раз. Я просто так спросил. Как ваше здоровье? И все. Ну, хорошо. Не хотите отвечать — не надо. Все. Я пошел. До свидания.

Отец, идите своей дорогой. Я говорю, у меня сегодня хорошее настроение, и я спросил, как ваше здоровье. Ну что здесь такого? Я ничего не думал. Незнакомы, незнакомы. И не работали вместе и не учились. Как мы могли учиться вместе? Ну как?

Я не знаю вашу дочь. И в Саратове никогда не был. Я просто спросил, как ваше здоровье. Вы не захотели ответить! Все! Вам куда? А мне — налево. И чудесно. И будьте здоровы.

Папаша, бросьте это дело. Не приставайте на улице. Папаша, я объяснил. Ну вы посмотрите на себя. Вы еле дышите, вы весь держитесь на этих подтяжках. Я вам говорю, я нервный. У меня просто настроение хорошее, но я звездану, и все. Зачем вам эти волнения к концу жизни?.. Я вам говорю, я за тобой шел. У меня было хорошее настроение, и я спросил, как твое здоровье, чтоб ты не дошел. Понимаешь? Я тебя в жизни не видел и горя не знал. Слушай, старый, переползай на другую сторону: у меня терпение кончается!

Какой я тебе родственник? Ты посмотри на мой овал лица. Какой Саратов? Я из Копенгагена, у тебя там есть родственники? И катись к чертовой матери. Пока я тебе все шнурки не оборвал, и быстро набирай обороты, догоню — устрою здоровье на все два дня, что тебе остались!

Нет! Нет! Если бы ты был моим родственником, я бы на себя руки наложил. Слушай, у меня было хорошее

настроение — я не виноват, но я разворочу мостовую, я найду тот кирпич... Дед, отойди, дед, дай умереть спокойно. Дед, я тебя не знаю, у меня сердце не выдерживает! Дед, уйди!

Граждане, братья, отодвиньте его, не доводите до греха. У меня сегодня радостный день, у меня сегодня день рождения. Мне сегодня было тридцать лет. Я защитился — вот диплом, жена красавица, дети умницы. Я ему говорю: «Отойди, дед, я здоровый человек, меня любят на работе. У меня все впереди». Он ходит за мной с утра, любимый, старый. Разве я могу взять его за бороду и об себя два раза, я же интеллигентный человек?!

Мальчик, мальчик, где здесь аптека?

Личный опыт

Ничто так не приободряет человека, как личный опыт... Билеты у спекулянта взял в кино. Оказалось, на вчера, в другом городе и не в кино, а куда-то в планетарий. Черт с ним. Но опыт приобрел. Теперь дудки меня объедешь... Теперь билеты — намертво! Пока сам не обожжешься, никто тебе не докажет.

Копил на машину. Предупреждали! Ничего, купил. Подержанную. Всего пятьсот тысяч прошла, прогрохала. Доехал домой, а из дому — ни колесом. Ни гудком! Даже дверцу не откроешь. Что с ней ни делал — не идет, стерва! Все, что накопил, в нее вбухал и продать не могу... Вдряпался, конечно. Но опыт приобрел. Теперь на машину веревкой не затанешь. Даже разговоров избегаю.

Все самому надо испытать. Только на себе. Ничто так не убеждает, как собственный затылок. Говорили, готовый бери. А я сшил... Портной как летчик. Он ошибется — я погиб. В общем, снять не могу. Трещит. Под горячей водой снимали. Дудки я теперь шить буду. Убедился. Конечно, средств на все эти опыты уходит — будь здоров. От еды временно отказался... Но неоценимый опыт приобрел. Багаж. Мудрость. Будет что молодежи рассказать!

Пошел к зубному технику одному. Они со стоматологом вместе. Ай!.. Чего они там?.. Ой, они там чего-то

плавили вдвоем, в тигле... Чего-то там автогеном варили... Гипсом заливали... Еле отодрали... Вместе со своими зубами отодрали... И выколотить не могли, так и выбросили. Теперь, конечно, «с», «ж», «з», «ф», «к», «п», «ч», «ш», «щ» не выговариваю, но опыт приобрел. Теперь я к этим двум жукам ни ногой. Хо-хо! Теперь ты меня там увидишь?! Я у них первым был, оказывается... Ничего, зато они у меня последние. Без зубов и без букв как-нибудь проживу, а они меня теперь увидят!.. Задним умом буду крепок, если передним не прошибаю.

Этот тип косою мне заграничную радиолу подбросил. «Хрундик». Многооборотную. С пяти метров берет. В его руках, на пустыре, она все брала. А у меня теперь на ней только чайник — «Маяк» с трудом... А я на нее свержурочно, как дурачок, пульман цемента на горбу... А «Маяк» любой наш репродуктор берет, за пять рублей. Ничего. Поумнел. Опыт есть. Я теперь того косога за квартал... Найдет он меня... На всю жизнь зарекся радиолы брать. Шалишь! Умнеем на глазах!

С этой тоже так нехорошо получилось... С личной жизнью. Нелегко... Ой!.. Ну, дает она мне прикурить... Ой!.. Один раз ей изменил. Разок... Но теперь опыт есть. Обжегся. Все! Теперь ни ногой... Конечно, малость подзалетел... Платим теперь... Выплачиваем... Доходит до того, что в получку шесть рублей получаем. Двое там растут... Но опыт есть. Дудки теперь домой провожать, только до троллейбуса. Извините, я теперь опытный.

Что еще мне осталось?.. Ерунда. Почти все на своем опыте испытал.

Это все теория: красный свет, зеленый свет, а пока тебя не переедет, пока грузовик на себе не почувствуешь — никому не поверишь.

Новички

На сцене женщина — бухгалтер. Она что-то считает и пишет. Он подходит, снимает шапку, кашляет.

Б у х г а л т е р. Чего вы кашляете? У вас грипп?

О н. Не... Это я хотел узнать...

Б у х г а л т е р. Что вы хотели узнать?

О н. А тут мне в получку выписали тринадцать рублей шестьдесят копеек.

Б у х г а л т е р. Правильно выписали. Ну?

О н. Правильно... Да... Но чего так мало? В прошлом месяце шестьдесят рублей, в позапрошлом шестьдесят шесть.

Б у х г а л т е р (*нетерпеливо*). Ну?

О н. Так вот, я... Чтоб проверить мне.

Б у х г а л т е р. Так вы думаете, мы ошиблись?!

О н. Не... Не ошиблись... Но мало... Что же я... Я работал. А он говорит, иди посмотри... А я говорю...

Б у х г а л т е р. Участок?

О н. Подсобный.

Б у х г а л т е р. Фамилия?

О н. Гоголь.

Б у х г а л т е р (*за кулисы*). Маша, подымите февраль на «Г». И подымите январь.

Входит М а ш а, вручает бумаги бухгалтеру.

Так, вот смотрим на вашу карточку. (*Сосредоточенно.*) Значит, в январе по нарядам вы заработали сто сорок два рубля. Неплохо.

О н. Хорошо, да... Это хорошо.

Б у х г а л т е р (*не обращая на него внимания*). Вы заработали сто сорок два рубля. Премия квартальная сорок три рубля. Получили?

О н. Да... А как же... Это очень кстати было.

Б у х г а л т е р. Так вот... В этом месяце премии у вас не было, а налог берется за прошлый месяц с общей суммы. Берем сто сорок два плюс сорок три, отсюда берем десять процентов, получаем восемнадцать рублей пятьдесят копеек. В этом месяце вы работали хуже. У вас сто пять рублей шестьдесят копеек.

О н. Да, хуже... Чего ж — хуже? Работа невыгодная... Я копал тот же траншей... На два штыка. А сейчас зима. Она мерзлая и не берет. Конечно, хуже получается.

Б у х г а л т е р (*не обращая на него внимания*). Аванс пятьдесят. (*Говорит все быстрее и быстрее.*) Плюсую налоги. Подоходный десять процентов. Плюс премия, минус... У вас есть дети?

О н. А как же, Сережа, десять лет. Ну, негодяй. Ой... Вчера в школу вызывали. А кто пойдет?

Б у х г а л т е р (*не обращая на него внимания*). Значит, за бездетность с вас не удерживаем.

О н. Да... А чего ж... Такой бандит, на него еще приплачивать? Каждую неделю штаны новые и портфель. На портфелях съезжают с горы. А мать у нас в гостинице работает... И еще дочка, шестнадцать лет, уже барышня. В институт на вечера... Я говорил прорабу.

Б у х г а л т е р. Таким образом, получается (*продолжая считать*) девятнадцать рублей шестьдесят девять копеек. Ой!..

О н. Чего?

Б у х г а л т е р. Ой!..

О н. Чего?

Б у х г а л т е р. Мы же ошиблись. Мы забыли с вас удержать...

О н. Ну, в общем, я пошел...

Б у х г а л т е р. У вас же рассрочка есть. «Квас...» «Мас...» «Вас из дас...»

О н. «Аидас». Так он же не работает ни черта... Я его на праздники воткнул, музыку послушать. Шипит и не вертится. Степка зашел, дай починю. Молоток потребовал и ниток. Ну, я дал. Он выпимши... Потом нитки оттуда неделю вынимали. Дочка в слезы...

Б у х г а л т е р. Ой!..

О н. Чего?

Б у х г а л т е р. Стойте!

О н. Да я пошел. Я выяснил.

Б у х г а л т е р. У вас еще одна рассрочка. Опять «Вас из дас».

О н. «Веритас» — швейная машина. Она же не строчит... Жена — купи-купи, сама шить хочу... Там операции — зигзаги. Я ей говорю, куда ж ищо? У нас «Аидас», еще «Веритас». Ни в какую — шить-шить! На курсы эти — кройте сами, шейте с нами. Ну, шут с тобой, шей. А она на второй день зигзаг не дает. Степка как раз зашел. Сейчас сделаю. Нагрей паяльник. Ну, я нагрел. Олова достали... Он спаял. Тоже выпимши был... Так что в мастерской не могут найти, что он там спаял. И он сам не помнит. Так что это ни к чему...

Б у х г а л т е р. Две рассрочки — это пятьдесят четыре рубля семьдесят копеек, плюс подоходные восемнадцать рублей пятьдесят копеек, плюс премиальные шесть пятьдесят. Плюс сверхурочные. На сверхурочные оставались в позапрошлом месяце?

О н. А как же, там должно это быть.

Б у х г а л т е р. Вы их получили. Удерживаем с них налог. (*Быстро, невнятно.*) Минус тридцать восемь,

плюс сорок девять, минус сорок шесть, итого восемь рублей шестнадцать копеек. Значит, в следующем месяце мы с вас дополнительно удержим пять рублей сорок четыре копейки. Теперь все правильно?

О н. Правильно, да... Вот только, значит, сколько теперь? Восемь рублей... Не мало, нет? В прошлом месяце шестьдесят рублей, в позапрошлом шестьдесят шесть и в получку пятьдесят пять, вот у меня тут записано... А теперь — восемь. Не мало, нет?

Б у х г а л т е р. Вы меня спрашиваете?.. Мы же с вами все посчитали. Смотрите внимательно. В прошлом месяце вы заработали сто сорок два рубля пятьдесят семь копеек, плюс премия сорок три рубля шестьдесят девять копеек. (*Убыстряет счет.*) Плюс амортизация три рубля восемнадцать копеек, итого восемьдесят девять рублей тридцать четыре копейки. Отсюда десять процентов, получается восемнадцать рублей девяносто три копейки. Я сотые не беру в расчет.

О н. Да. Не надо.

Б у х г а л т е р. Вот. Дети у вас есть?

О н. Двое, да... Ох, младший бандит, сладу нет. В школу вызывают каждый день. Не могу. Сверхурочно остаюсь. Жена в разные смены. А он — как бурьян. Уж я его стегал, стегал...

Б у х г а л т е р. Две рассрочки. Магнитофон «Аидас» — двадцать два рубля.

О н. Так он же не работает.

Б у х г а л т е р. Швейная машина «Веритас».

О н. Не шьет, я ж говорю...

Б у х г а л т е р. Итого рассрочка сорок четыре рубля шестьдесят девять копеек. Стойте, стойте... (*Кричит за кулисы.*) Маша! Вы будете внимательно просматривать карточки, или я с вами буду говорить иначе? Почему вы не внесли дрель?

О н. Какую? Это, что ль, ручную, пистолетную?

Б у х г а л т е р. До каких пор я буду ваши огрехи подбирать?! Лишим вас премии за то, что с него не удержали, и все! Хорошо еще, что он сам пришел, так мы теперь можем удержать. Спасибо вам, Гоголь.

О н. Да...

Б у х г а л т е р. А он бы уволился, где бы вы его искали?

О н. Конечно... Ищи меня...

Б у х г а л т е р. Это уже второй случай, когда вы не удерживаете с человека. Вас пять лет учили. Ну, да-

вайте, Гоголь, значит, тут с вас за дрель... Почему за дрель, вы же подсобник?

О н. Вот... Я ему говорю, зачем мне дрель? Я лопатой возьму. А он говорит: давай, бери дрель на складе, обсерли — канаву легче копать будет. Грунт мерзлый.

Б у х г а л т е р. Кто он такой? Прораб, что ли?

О н. Да я его не знаю. Хромой какой-то. Ну, мы пошли, пока кабель достали, пока тянули от щита... Уж после обеда сверлить начали. Ну, он выпимши был... Дрелька на сто двадцать, а мы дали триста восемьдесят, так что она прямо в руках гибнуть начала и током как даст...

Б у х г а л т е р. В будущем месяце удержим с вас двести шестьдесят семь рублей тридцать восемь копеек, так что работайте хорошо.

О н. Обязательно. Да... теперь хорошо, что зашел. Он мне говорит, главное, зайти, там тебе еще положено, узнай, хромой этот.

Б у х г а л т е р. Извините нас за ошибки, у нас молодой сотрудник.

О н. А как же, у меня тоже молодой напарник, каждый раз ломает... Ну, ничего, пусть учатся... Значит, сколько там — двести шестьдесят семь рублей? Это на юг можно всей семьей и еще фотоаппарат выйдет в рассрочку... До свидания, пожалуйста...

Б у х г а л т е р. Да. А вы, Маша, из-за частых ошибок с удержаний переходите на начисления.

Куда толкать?

Железнодорожная станция. Маневровые пути.

Н а ч а л ь н и к — молодой парень — нажимает кнопку селектора.

Н а ч а л ь н и к. Семенов!

Бытовка железнодорожной станции. Широкое окно. Стол. За столом сидят двое, играют в домино, пьют кефир, заедают батоном. Пожилой рабочий — б р и г а д и р, молодой — его н а п а р н и к.

Г о л о с н а ч а л ь н и к а (из динамика). Семенов!

Б р и г а д и р. Слушаю.

Г о л о с н а ч а л ь н и к а. Где стоит вагон?

Б р и г а д и р. Посредине — между солью и сахаром.

Г о л о с   н а ч а л ь н и к а .   Н у ж н о   п о с т а в и т ь   е г о
п о д   с а х а р .   Б е р и   л ю д е й ,   С е м е н о в ,   и   к а т и !

Б р и г а д и р .   С д е л а е м !

Н а п а р н и к   в с т а е т ,   н а д е в а е т   р у к а в и ц ы .

Т ы   к у д а ?

Н а п а р н и к .   Т а к   в е д ь   в а г о н . . .

Б р и г а д и р .   С и д и ,   с н о в а   в ы з ы в а т ь   б у д е т .   И г р а й .

Щ е л ч о к   в   д и н а м и к е .

Г о л о с   н а ч а л ь н и к а .   С е м е н о в !   В ы   е щ е   н е   п е -
р е к а т и л и   в а г о н   п о д   с а х а р ?

Б р и г а д и р .   У ж е . . .   П е р е к а т и л и .

Г о л о с   н а ч а л ь н и к а .   Т у т   о б с т а н о в к а   и з м е н и -
л а с ь ,   н а д о   п е р е к а т и т ь   п о д   с о л ь ,   п р о с т и т е .

Б р и г а д и р   (ж у я) .   Э т о   у ж е   н е   г о д и т с я .   Э т о   н е
р а б о т а .

Г о л о с   н а ч а л ь н и к а .   Н у ,   г р а ж д а н е ,   п р о с т и т е .

Б р и г а д и р .   Л а д н о ,   м ы   п о ш л и .   Х о д и !

Н а п а р н и к   в с т а е т ,   н а д е в а е т   р у к а в и ц ы .

С и д и .   Д у б л ь   ш е с ь .   С е й ч а с   о т м е н и т !

Г о л о с   н а ч а л ь н и к а .   С е м е н о в ?

Б р и г а д и р   (б о д р о) .   Д а - д а !

Г о л о с   н а ч а л ь н и к а .   Э т о   о п я т ь   я ,   з д р а в с т -
в у й т е !

Б р и г а д и р .   Д а - д а !   А   э т о   я !

Г о л о с   н а ч а л ь н и к а .   И з в и н и т е .   В ы   с л у ч а й н о
в а г о н ч и к   е щ е   н е   п е р е к а т и л и   п о д   с о л ь ?   М о ж е т ,   н е   у с -
п е л и ? . .

Б р и г а д и р .   У ж е !   К а к   п р и к а з а н о !   Т а к   и   п е р е к а -
т и л и .

Г о л о с   н а ч а л ь н и к а .   Я с н о . . .   С п а с и б о .   Т у т   о б -
с т а н о в к а   и з м е н и л а с ь ,   н а д о   е г о   п е р е к а т и т ь   п о д   с а . . .

Б р и г а д и р .   Н о   э т о   у ж е   з н а е т е   ч т о ? . .

Н а п а р н и к .   Э т о   н е   р а б о т а .

Г о л о с   н а ч а л ь н и к а .   Я   в а с   у б е д и т е л ь н о   п р о -
ш у . . .   Н у ,   р а д и   м е н я .

Б р и г а д и р .   Н у ,   е с л и   р а д и   в а с . . .   М ы   п о й д е м .

Н а п а р н и к .   Я   п о ш е л .   Д у б л ь   п у с т о !

Б р и г а д и р .   Я   п о ш е л !   (С т у ч и т   к о с т я ш к о й   д о м и -
н о .)   С е й ч а с   о н   п р и д е т .

З а   д в е р ь ю   в с х л и п ы в а н и я :   « О й ,   о й ,   к а к   м н е   с ь т ь д н о . . . »

Н а п а р н и к .   Ц а р а п а е т с я .

Б р и г а д и р. Пусть войдет.
Н а п а р н и к. Входите, чего уж там.

Входит начальник, снимает фуражку.

Н а ч а л ь н и к. Вы уже?..

Б р и г а д и р. Уже... А что, не надо?

Н а ч а л ь н и к (*опускает голову*). Мне сказали, я сказал. Мне бы не говорили, я бы не говорил.

Б р и г а д и р. Перекатить?

Начальник кивает.

Что я, мальчик — катить вагон туда-сюда? Вы на его руки посмотрите. (*Кивает на напарника.*)

Напарник показывает-без всяких изменений.

Куда? Под соль?

Начальник отрицательно качает головой.

Под сахар?

Начальник отрицательно качает головой.

А куда?

Н а ч а л ь н и к (*шепотом*). Посредине... Промеж.

Б р и г а д и р. Уже стоит.

Н а ч а л ь н и к. Как вы догадались? Вы талант!

Б р и г а д и р. Вы у нас сколько работаете?

Н а ч а л ь н и к. Месяц.

Б р и г а д и р. А я — пятнадцать лет.

Все мы движемся, движимые желанием...

Двое спорят, третий, посторонний, что-то ест неподалеку.

Первый. Вы не правы, друг мой. Мы, конечно, многим обязаны техническому прогрессу. И средства передвижения, и наш быт — все это во многом зависит от технических достижений сегодняшнего дня. Это безусловно, и в этом я с вами согласен. Но мировой прогресс, так сказать, наше общее движение зиждется на идеях. То есть, грубо говоря, идеи движут миром. Одна общественная формация сменяет другую. Меня-

ется философия, мировоззрение. Идея переустройства общества и движет им, вы согласны?

В т о р о й. Отчасти. Только отчасти! Главное, и я настаиваю на этом, — технический прогресс. Революции в технике, которые потрясают нас в равные промежутки времени. Оглянитесь назад!

Третий оглядывается.

Колесо, которое пришло на смену примитивным полосьям, — это ли не революция?!

П е р в ы й. Но...

В т о р о й. Я вас не перебивал!.. Пар! Пришел на смену лошади. Появились железные дороги, ткацкие фабрики, паровые мельницы... Наступил век пара. Пш-шш! Человечество начало быстрее передвигаться. Куда вашим философам. Разве им угнаться за паровозом? Середина девятнадцатого века. Разряд! Искра! Электричество! Радио! Люди стали слышать друг друга. Двигатель Дизеля. Моторы внутреннего сгорания. Темп жизни. На дорогах появились автомобили. На полях застучали трактора. Чих-чих-чих! Что это? Смотрите вверх!

Третий, жуя, смотрит вверх.

Слышите гудение?

Третий прислушивается.

Это самолет. Это начало двадцатого века. У-у-у-у... Летит, летит человек! Летит мозг! «Мне сверху видно все, ты так и знай!» Человечество село на моторы и поехало, и полетело. Наконец! Закройте глаза — опасно!

Третий закрывает глаза.

Ослепительное пламя. Взрыв! Атомная бомба. Начало атомного века. Атомные лодки, атомные станции, атомные ледоколы. Сумасшедшие скорости. Люди летят в ракетах. Вверх. Туда! В неизведанное. В черное. От-ве-чайте. (*Напыщенно.*) Если не технический прогресс, то что... движет миром?

Т р е т и й. Извините, я перебиваю... Значит, почему все-таки едет паровоз? Вы говорите, пар... А я говорю, потому, что машинисту платят от километра. Почему такси носятся туда-сюда? Вы говорите, мотор, а я говорю, шофером движет желание заработать... Троллейбусы, трамваи полные. И те, что туда, набиты, и те, что сюда, битком. Нужны трамваи и троллейбусы?! Потому

что в них движутся люди, движимые желанием заработать. Потому все и носятся молча... Два пенсионера помчались, цепляясь кошелками, потому что там выставку открыли?.. Потому что там на рубль дешевле. Либо на тот же рубль, но на одну селедку больше, что одно и то же. Потому все и передвигаются, и глазами некоторые очень далеко видят. Производство двигают инженеры, движимые желанием заработать. Земля вращается потому, что мы по ней бегаем, движимые желанием заработать. Дай человеку заработать — он горы свернет. Он на Луну без пальто взлетит. Не успеет надеть. Если дашь хорошо заработать. Не просто заработать, а хорошо заработать. И не спрашивай, где взял ракету, где достал горючее, где нашел карту. Только скажи, куда и сколько. И жди! Конечно, идеи, конечно, бензин, пар. Но, простите меня, перестаньте платить...

Первый. Ну?

Второй. И что?

Третий. И все! И все... Все паровозы пар выпустят... Два-три на энтузиазме еще прокатят пару километров — и пшшшш... На ваших глазах будет падать давление. Казалось бы, пар по всем законам должен давить во все стороны одинаково, а он не давит. Кривошипно-шатунный механизм должен преобразовывать поступательное движение во вращательное, а он не преобразует. Лучшая машина чихнет в последний раз — и псссс, пшшшш... Элементарная кирка тюкнет в последний раз где-то на Севере и блям-пам-бам, упала. В двигателях внутреннего сгорания зажигание исчезнет, и не найдешь. А напряжение, вы думаете, будет двести двадцать?.. Можете спать в трансформаторной будке. А батареи вы щупали?.. А включите репродуктор. Казалось бы, он должен сообщать. А ему и сообщать нечего. А фонари будут гореть?.. Хах-ха... Перестаньте платить, и ни одной элементарной частицы не найдете. Не такие уж они элементарные. Вот вам и технический прогресс. Вот вам и идеи. А дай человеку заработать, он идей всяких, мировоззрений, философий напридумывает, как пропеллер вертеться будет! Да, идеи движут миром. Так же, как качество продукции. Но чтобы они появились... Нужно... Или я не прав?

Первый. Идемте в другое место. С ним невозможно дискутировать.

Второй. Да нет. Он просто не от мира сего.

Третий (жуя). Может быть, может быть...

Полезные советы

Вы знаете, может быть, я ничего не понимаю, но все это нужно играть не так. Как?.. Я не знаю. Но не так. Может быть, я ничего не понимаю, но играть нужно совершенно иначе. Может быть, даже как-то наоборот. Там, где он заходит спереди, попробовать... попробовать... нет, не сзади. Попробовать совсем не заходить. Там, где все играют слева направо, попробовать сыграть по диагонали, что ли, и завернуть штопором вбок! Попробовать! Надо делать. Это же все не так. Все! Как? Еще раз говорю, я не специалист. Я знаю, что не так. Господи! Ну что тут сложного?.. Ну, может быть, появиться в зале на лошади, а может быть, в темных очках, с брандспойтом. Я сейчас фантазирую, вы заметили?.. Или в другом ключе. Более эмоционально.

Может быть, актеры через трубу должны полезть на крышу. Допустим, мы все в зале, а они все на крыше. Может быть, так. А может быть, мы все на крыше, а они все... дома... Я опять фантазирую, вы заметили?..

Я не знаю, я не специалист, меня недавно оперировали. Я лежу и чувствую — не так. Не знаю как, но не так. Я не специалист, поэтому я молчал, иначе они бы меня зарезали. Но это в больнице, а здесь мы же можем фантазировать. Может быть, я не прав, но у меня такое ощущение... Это все нужно играть не так. Как?.. Отвечу. Иначе! Может быть, настолько иначе, что не играть вообще. Попробовать. Если получится хорошо, продолжать не играть. Может быть, так. А может быть, ничего не менять, все так играть, но без публики. Вы следите за ходом моей мысли?.. Следите вы, потому что мне трудно. А может быть, так играть, чтобы не играть? Ставить и в то же время не ставить. Обращать внимание и не обращать. Говорить о чем-нибудь и не говорить. Речка движется и не движется. Трудно высказать и не высказать. То, что это не так, я знаю твердо. А вот как? Если вы не сыграете так, как я говорю, еще раз извините... Я могу изложить свои пожелания в письменном виде.

Колебаний у меня нет

(*Оглядывается.*) Нам объявили, завтра горячей воды не будет. Тсс... Отключают наш район на три дня. Испытание системы (*оглядывается*) высоким давлением. Не пропускает ли где.

Новый дом сдали в Черемушках. Трамвай будут продлевать. А осенью начинается охота... (*Оглядывается.*) Люди с ружьями пойдут. А без ружей как?..

Неподалеку от нашего овощехранилища что-то строить начали. Сваи бьют: тук-тук, тук-тук. Забором обнесли — и бум-бум. А чего там будет? На заборе, кроме известных слов, ничего.

А вчера что-то как ба-бах! И еще раз ба-бах и дзень.

Сомнения меня одолевают...

В магазинах вроде все есть... И никто ничего не говорит. А может, все ж таки — запасец небольшой?.. Ничего не слышали? Чтоб у кого-нибудь покрупнее спросить?.. А? На будущее?..

А то в белых сорочках все будем сидеть и в галстуках, а без перловки. Из телевизора крупы не отсыпешь, из репродуктора постное масло не пойдет.

Я сегодня опять в магазин сбегал... (*Оглядывается.*) Еще есть... Яйцо диетическое. С печатью. Курочки такие пошли — с печатями яйца дают, или, может, начальство отмечает, кто сколько съел?.. А?..

Сомнения у меня есть. Я, конечно, понимаю и вижу. И колебаний у меня крупных нет, но мелкие сомнения...

Приемники у всех, телевизоры...

Бабка такая — еле дышит, а телевизор волокет... И у меня есть. Я пока самый большой не покупал, пока маленький. Как в скважину смотрю, мучаюсь. А большой не решаюсь.

Вдруг в один прекрасный день... А?.. Отдай большой... А?.. Верни шестьдесят один по диагонали... Короче, почему такой экран?

А что я скажу? Виноват! Ну что я скажу?..

Носишь габардиновое, ратиновое, заграничное? Ношу. Почему? Виноват...

Почему такой толстый, жизнерадостный, розовый, ясноглазый?.. Виноват... А что я скажу?..

А с деньгами как? Я в сберкассе не держу.

Я в холодильнике, в морозильнике, — залил водой, и окостенело триста двадцать два рубля пятьдесят семь копеек.

А черт его знает! Колебаний у меня крупных нет, а мелкие сомнения...

Все в квартире держу — картошечка, лучок, мучка...

Ванна всегда полная. Вдруг — с водой? Есть, есть — и нет, нет.

Свечечка наготове. Лампочка — тюк, а у меня свечечка и спичечка.

Я электричеству доверяю, и колебаний у меня крупных нет. Но сомнения мелкие...

Два запасных стекла... Примус. Помните? У всех был, а у меня есть.

Керосина банка, мыла ящик. Вата, бинты, йода два литра, пенициллина ящик. Все в доме.

А вдруг таким снегом занесет, что мы не выйдем никуда?! А у меня все есть.

Пенициллину принял, примус разжег, бинты приготовил, консервы открыл и живешь и из окна смотришь.

Хуже будет, если ничего такого...

Все в новой квартире держу...

На антресолях такое развел! Проросло все там. Такие жуки, как лягушки. От спичек самовозгорание два раза было. Еле спаслись...

Мне б с кем покрупней поговорить...

Чтоб сомнений у меня не было. А?.. Я могу надеяться? Тогда я это к чертовой матери... А?

Может, мне не запастись? А?..

А что там строят? За забором?

Как бы мне узнать!

Колебаний у меня крупных нет. Хочу, чтоб сомнений не осталось.

Что вы сказали?.. Какой слух идет?..

Гражданское мужество

Вот я тут слышу, многие говорят, что у нас все хорошо. С хоккеем замечательно, с шахматами просто хорошо совсем. Вроде уже больше никаких таких проблем,

таких крупных, не осталось. Вот еще, мол, сигналы поступают с других планет.

Так вот, отвечать или отмалчиваться? Если это, мол, решим, ничего уж такого важного, крупного, такого серьезного не останется.

Уже вроде все налажено, решено, надделано очень хорошо.

Ну, еще там витрины не умеем оформлять, а как научимся, так вроде уже и ничего такого крупного... Это говорят некоторые, а некоторые не удовлетворяются тем, что говорят, и пишут еще... Еще пишут об этом в книгах.

Думаете, они так говорят, что действительно так уж со всех сторон?..

Смелости не хватает, гражданского мужества. Посмотреть в лицо себе. Крикнуть: «Не могу молчать!» Что значит: недостатки кончились? Да ты выйди, встань на площадь, оглянись. Реклама горит. А в ней третья буква горит?

«Пар...ходами». Что «пар...ходами»? Ах, «плывите парходами»! Все проходят мимо, все.

Милиция куда-то пьяного тащит, очередь за чем-то мерзнет, и никому нет дела. А меня гнев терзает. Крикнуть хочется: «Буква, буква!»

Всем плевать, у всех все решено. Где же гражданский гнев? Вот вам — все хорошо!

Идем дальше. Новые районы, жилье. Во, вижу — глаза загорелись. Что, не проблема? Так куда форточки открывать? Туда или сюда? Сюда или туда?

Я в новых районах был, я из люка наблюдал. Как раз в люк провалился.

Водой там все залило, ни черта не видеть.

Смотрю из люка на форточки, и ярость меня душит.

Что это, не проблема? Почему не обсудить с народом? Опрос населения, дискуссию развернуть. Могут быть разные мнения. Неприятно, неожиданно, но что делать? Кто-то будет «за», а какой-то гад — против. Может такой гад найтись.

Так что ж, из-за него не проводить дискуссию? По такой проблеме? Все молчат, а я не могу. Достоинство не позволяет, гордо поднятая голова.

Иду дальше, рубить так рубить. В глаза, в душу, в лицо. В кафе иду, в вечернее. Полдня стою в очереди, попадаю. Вроде все хорошо. Острым глазом подмечаю:

к чашке два куса сахара дают. Так, это откуда же идет? Это где решили? Наверху? А может, нам мало тут, внизу? Они же живые люди, тут, внизу? Они еще и разные кое в чем. Некоторые даже отличаются друг от друга. Да, не слышали? А может, кому-то не сладко здесь, в кафе? А мы за что боремся друг с другом? Чтoб всем одинаково было хорошо.

Да, на первых порах кто-то бросит три куса, когда ему нужно два. Ничего, сглотнем. Это доверие к людям. А людям осторожно, с оглядкой, но иногда можно доверять.

Вот вам еще проблема.

И, как ни горько, кроме тех недостатков, что я перечислил, есть еще.

С удобствами как на улицах? Я вижу, некоторые оживились.

Есть недостаток — нет удобств: идешь-идешь, бежишь-бежишь... Тьфу.

А ручки на троллейбусах? Многие заерзали. Что, большое место задел? Да, неудачно стоят. Не во что вцепиться. И никто мне рот не закроет.

Зеркала в бане волнистые. То ли ты в штанах, то ли без. И рожа такая... Ну, зеркала делают!

Бритва электрическая: жужжишь, жужжишь, жужжишь, жужжишь... Это настолько остро, что об этом можно уже и не каждому говорить.

Тут и туристы, которые не должны знать, тут и свои некоторые.

Так что лучше вообще молчать. При встрече бритву показал, оба понимающе усмехнулись и исчезли. И продавцу — ни слова. Хорошо, мол, бреет.

— А почему возвращаете?

— А на железную перехожу. По совету врачей.

— А чего возвращаете пылесос, магнитофон, туфли, плащ и брючный пояс?

— А так, мол, увольняюсь.

Но это уже проблемы, о которых молчат. Разражаешься справедливым гневом в урну, в ямку.

Да, есть проблемы, о которых молчат, если это нужно для их устранения. Но есть то, о чем молчать нельзя! Вот я и не могу молчать.

Все довольны: нашелся один смельчак. И всем легче стало. А он — давай шкурой вперед. Я тоже могу молчать и про ручки и про форточки. Никто меня не обязывал и не просил. Мог и не говорить. А что я ска-

зал? Что думал, то и сказал. Конечно, кто-то будет недовольный, я его понимаю. Может, я что-то лишнее сказанул?

В запале, наверное, я что-то лишнее наплел. Понесло меня тут. Но я хотел, чтоб лучше все-таки. Но если я действительно что-то, то я могу отказаться. Тут же.

Я, если задел кого-нибудь, я могу извиниться. Все молчат, но я, знаете, не то чтобы нагорело или, не дай бог, накопилось, — нет. По дураости. Сколько раз себе говорил: «Все молчат. А ты?»

Это когда гражданское мужество понесет, так тут запирай ворота. В общем, я просто на коленях умоляю: забудем то, что я здесь наговорил. Что я, не понимаю? Если нужно помолчать, значит, помолчим. Чем дольше молчишь о недостатке, тем лучше для него. Это — правило. И не нужно бояться своей смелости — не трусить от своего мужества, не дрейфить от своего бесстрашия. Чувство собственного достоинства... Гордо поднятая голова... и тсс!

Ставь птицу

За столом — к л а д о в щ и к. Перед ним — м е х а н и к с мешком.

М е х а н и к. Здравствуйте.

К л а д о в щ и к. Здравствуйте.

М е х а н и к. У нас к вам сводная заявочка.

К л а д о в щ и к. Сводная заявочка.

М е х а н и к. Я думаю, прямо по списку и пойдем.

К л а д о в щ и к. Прямо по списку и пойдем.

М е х а н и к. Втулка коническая.

К л а д о в щ и к. Нету.

М е х а н и к. Конической втулки нету?!

К л а д о в щ и к. Откуда, что вы? Не помню, когда и была.

М е х а н и к. Коническая втулка?! Я же издалека ехал...

К л а д о в щ и к. Так, издалека. Я сам неместный.

М е х а н и к. А ребята брали.

К л а д о в щ и к. Какие ребята, кто их видел?

*Механик вынимает из мешка стаканы, бутылъ, нали-
вает. Оба молча выпивают.*

Механик. Втулка коническая.
Кладовщик. Ставь птичку.
Механик. Что ставить?
Кладовщик. Птичку ставь. Найдем.
Механик. Подшипник упорный ДТ-54.
Кладовщик. Нету.
Механик. Так ребята брали.
Кладовщик. Какие ребята?!

*Механик снова вынимает стаканы, бутыл, наливает.
Оба пьют.*

Механик (*прячет стаканы и бутыл*). Подшипник упорный ДТ-54.

Кладовщик. Ставь птицу. Найдем.

Механик. Диски спецления ГАЗ-51.

Кладовщик. Еще раз произнеси, недопонял я.

Механик. Диски спецления. Для спецления между собой. Педаль специальная.

Кладовщик. Нету.

Механик. Так... ребята...

Кладовщик. Нету!

Механик (*достаёт стаканы, бутыл, наливает*).

Ой!

Кладовщик. А-а!

Механик. Ой!

Кладовщик. А-а!.. Буряковый... Сами гоните... Хорошо. А то на соседнем заводе спирт для меня из тормозной жидкости выделяют. У них там лаборатория — культурно, но у меня судороги по ночам и крушения поездов каждую ночь.

Механик. Диски спесления?

Кладовщик. Бери сколько увезешь.

Механик. Псису?

Кладовщик. Рисуй.

Механик. Уплотнения фетровывыстыеся восьмой номер.

Кладовщик. Недопонял.

Механик. Фетровыстывыеся уплотнения восьмой номер.

Кладовщик. Ах, фетровывыя?

Механик. Да, фетровывыстывыеся, но восьмой праашу.

Кладовщик. Все равно нету.

Механик наливает кладовщику.

К л а д о в щ и к. Себе!

М е х а н и к. Я не могу. Меня послали, я должен продержаться.

К л а д о в щ и к. Один не буду.

М е х а н и к. Не могу — еще список большой.

К л а д о в щ и к. Езжай назад.

М е х а н и к. Назад дороги нет! *(Наливает себе.)*

Выпивают.

Уплотнения фетровые.

К л а д о в щ и к. Где-то была парочка.

М е х а н и к. Псису?

К л а д о в щ и к. Рисуй.

М е х а н и к. Пятеренки... шестеренки... вологодские.

К л а д о в щ и к. Как ты сказал?

М е х а н и к. Сейчас. *(Срочно уходит. Возвращается. Не попадает на стул.)*

К л а д о в щ и к. Целься, целься.

М е х а н и к. Пятеренки... шестеренки. Четверенки вологодские.

К л а д о в щ и к. А-а-а, волговские. Нету.

М е х а н и к. Псису? *(Наливает кладовщику.)*

К л а д о в щ и к. Себе.

М е х а н и к. Не могу.

К л а д о в щ и к. Езжай назад.

М е х а н и к. Назад дороги нет!

Пьют.

Пятеренки, шестеренки?

К л а д о в щ и к. Пошукаем.

М е х а н и к. Псису?

К л а д о в щ и к. Рисуй.

М е х а н и к. Пошукаем псису? *(Неожиданно.)*

«Здравствуй, аист, здравствуй, псиса... Та-ак и должно бы-ыла-а слушисса-а. Спасибо, псиса, спасибо, аист...».

К л а д о в щ и к. Давай сначала до конца списка дойдем.

М е х а н и к. Дойдем, дойдем. Я уже почти дошел... Трисалата...

К л а д о в щ и к. Чего-чего?

М е х а н и к. Трисаторные штуки, четыре псисы и бризоль... Экскаваторные шланги, четыре штуки, и бризент...

К л а д о в щ и к. Брезента нет. Пожарники разобрали.

Механик. Может, водочки?
Кладовщик. Нету брезента.
Механик. А коньячку?
Кладовщик. Нету брезента.
Механик. Сосисочный фарш.
Кладовщик. Нету брезента.
Механик. Банкет для семьи с экскурсией...
Кладовщик. Нету брезента, и не наливай.
Механик. Верю тебе, Гриша, если нет, ты не пьешь, потому что ты честный человек.

Доктор, умоляю...

Кабинет врача.

Врач (*вслед кому-то*). Согревающий компресс на это место и ванночки, если не поможет, будем это место удалять. Марья Ивановна, поставьте ему компресс на это место.

В кабинет входит больной со свертком.

Слушаю вас.

Больной. Доктор, помогите мне. Я вас очень прошу. Я уже в этом не могу ходить.

Врач. Что?

Больной. Посмотрите, я уже три года его ношу.

Врач. Ну?

Больной. Сшейте мне костюм.

Врач. Что-что?!

Больной. Костюм для меня, я вас очень прошу.

Врач. Что?!

Больной. Сколько скажете, столько будет...

Врач. Я хирург. Я даже не психиатр, я хирург!

Больной. Я понимаю. Я с раннего утра вас ищу. Он мне записал адрес таким почерком, чтоб у него руки и ноги отсохли. Вы посмотрите, как написал, вы посмотрите на это «р». А это «м»?

Врач. Это поликлиника.

Больной. Я понимаю.

Врач. Хирургическое отделение!

Больной. Я знаю.

Врач. Я врач.

Больной. Очень хорошо. Я тоже охранник, я знаю, что такое ОБХСС. Материал у меня с собой. Сейчас покажу, очень оригинальный цвет. *(Пытается развернуть пакет.)*

Врач. Слушайте, вы нормальный человек?!

Больной. Допустим...

Врач. Я хирург! Там все больные!

Больной. Я вас понимаю. Я у вас много времени не отниму. Однобортный, с обшитыми пуговицами, с жилетом. Троечку такую.

Врач. Как вас сюда пропустили? Вы сказали, что вы больной?!

Больной. Конечно. Что я не понимаю, что такое ОБХСС?

Врач. Вон отсюда!

Больной. Хорошо. Я подожду, доктор. Брюки двадцать четыре. Наискось.

Врач. Закройте дверь. Я сейчас милицию позову.

Больной. Обязательно. Доктор, врезные карманы.

Врач. Уйдите, меня ждут больные. У меня обход!

Больной. Да, да. Обход, рентген, я не дурак. Я с утра вас искал... Он так записал адрес, чтоб у него руки и ноги отсохли. Посмотрите на это «р», это все что угодно, только не «р». Два часа я ждал приема. Материал свой. Подкладка своя. Вам только раскроить и застрочить, это для вас пустяк.

Врач. У меня диплом врача. Вот он. *(Показывает.)*

Больной. Я понимаю.

Врач *(плача)*. Как я могу шить костюмы?!

Больной. Теперь войдите в мое положение, я в этом уже не могу ходить.

Врач. Я никогда не шил костюмы!

Больной. А мне на улице стыдно показаться.

Врач. Но я врач.

Больной. Я знаю.

Врач. Я всю жизнь лечил больных. Травмы, переломы... *(Всхлипывая.)* Стойте прямо. Не наклоняйтесь. Брюки двадцать четыре?

Больной. Да. Наискось.

Врач. Хорошо. Сейчас все хотят наискось. Жилетку из этого же материала?

Больной. Да.

Врач. Сколько у вас материала?

Больной. Два девяносто.

Врач. Где вы работаете?

Б о л ь н о й. Охранник на строительстве.

В р а ч. Плитка есть?

Б о л ь н о й. Сделаем.

В р а ч. Согните руку. Двадцать пятого придете на примерку. Только запишитесь на прием. Без этих штук.

Б о л ь н о й. Обязательно.

В р а ч. Скажете, что у вас грыжа, правосторонняя.

Б о л ь н о й. Обязательно.

В р а ч. Двадцать пятого, с утра. Идите.

Б о л ь н о й уходит.

(*Кричит вслед.*) Согревающий компресс на это место и ванночки. Если не поможет, будем это место удалять!

Появляется второй больной, с рукой на перевязи.

Посидите в коридоре, я занят.

Б о л ь н о й. Доктор, у меня высокая температура, я не могу стоять, я падаю, доктор, я достал точно такой кусок, точно. (*Разматывает руку.*)

В р а ч. Я врач! Я хирург! Не забывайте, что кругом больные!

Теория относительности

— Так что такое теория относительности?

— Все относительно. Это не значит, что надо что-то относить, а что-то можно отнести потом. Здесь все сложнее. Вот я стою, а вы идете. Идите... Я стою... Ходите, ходите... Вы идете относительно меня.

— Так.

— Теперь вы стойте... Я пошел... Стойте, стойте. (*Уходит.*) Что я сделал?

— Вы пошли.

— Правильно. Я пошел относительно вас. То есть один относительно другого все время что-то предпринимает... Теперь мы оба поехали. Что мы делаем?

— Едем.

— Правильно. Относительно чего?

— Ну?

— Относительно предметов, камней, домов, деревь-

ев. Я понимаю, что это пока сложно, но вы привыкнете к этой мысли и будете сами двигать ее дальше. Кстати, двигать... Мы с вами толкаем третьего... Что мы делаем?

— Толкаем его...

— Так, толкнули.

— Толкнули.

— Толкнули, и он упал.

— Так, упал. Относительно чего?

— Относительно домов.

— Относительно нас. А мы толкали его относительно... но...

— Домов.

— Правильно! Мы толкали его относительно домов, улиц, городов, он упал относительно нас. С него слетели очки.

— Мы толкали его. С него слетели очки.

— Так.

— Мы остановились.

— Так. Относительно чего?

— Относительно домов.

— Так. Относительно нас он продолжал двигаться, а очки...

— Относительно...

— Продолжали двигаться относительно...

— Домов.

— Его! Допустим, мы толкали его в очки. Тогда мы упираемся в очки относительно чего?

— Его.

— Домов!

— Так.

— Очки останутся у нас. Он продолжает двигаться относительно...

— Очков?

— Точно!

— Если его затолкать далеко, он вернется помолодевшим?

— Ровно настолько, насколько...

— Мы его толкнули.

— Насколько он не видел нас. Мы его толкнули так, что он не видел нас три дня. Насколько он помолодел?

— Относительно домов?

— Нет. Упрощу. Он нас не видел три дня. Сколько мы его не видели?

- Относительно чего?
- Вот. Вы правильно мыслите, теория предполагает во всем принцип относительности. Дома спрашивают, куда идешь?
- Относительно чего?
- Правильно. Сколько получаешь?
- Относительно чего? Относительно директора — мало, относительно студентов — много.
- Точно... Значит, мы его толкнули.
- Так.
- И он нас не видел три дня.
- Так. Сколько не видели мы его?
- Если мы его так толкнули, что он нас не видел три дня, то мы не можем его видеть каждый день.
- Да, но это уже не относительно него, а относительно нас. Ему крышка. Он может нас не увидеть вообще... Важно, что мы относительно него продолжем существовать и толкаем...
- Других.
- Относительно?
- Домов.
- Правильно. Все в мире относительно. Автор подчеркнул и просил этого принципа придерживаться всегда. Тебе говорят: срочно приезжайте на работу, здесь не ладится.
- А как относительно?
- Вот. Выяснив принцип относительности, вы можете начинать двигаться...
- Относительно домов.
- Умница. Усложним задачу. Вы развалили, вы не справились, вас увольняем.
- Радость! Именно! Увольняем, увольняем. Относительно чего? Автор пишет, узнайте. Не на улицу, а относительно.
- Домов.
- Да, то есть автор пишет, если увольняют относительно домов на улицу, это одно, а если увольняют относительно дверей в коридор, это третье, то есть ты помолодеешь настолько...
- Насколько я их не увижу.
- Сложная штука.
- Это еще не все. Там есть о движении относительно других поодиночке и сплоченной кучкой.
- Относительно домов?
- Да.

— Было время, когда это понимали несколько человек. Теперь понимают все относительно...

— Других.

— Себя.

— Если я что-то сделаю себе относительно других...

— То есть что-то сделал себе, что-то сделал себе и еще достал что-то относительно других, то другие?..

— Толкнут относительно домов?

— Да, потому что дома двигаться не могут, может двигаться коллектив относительно...

— Домов.

— Точно, толкая впереди себя очки, надетые на одного...

— Который движется относительно очков...

— Коллектива.

— В очках.

— Вот мы едем... Что такое «едем»?

— Нас везут. Ехал парень, ехал парень, а под парнем ехал конь. Эх удила, вы удила, эх супонь, моя супонь.

— То есть мы сидим с тобой в помещении, названном парходом или такси.

Включаем мотор, и под звук нашего мотора все едут назад.

— А мы стоим...

— Ты понял? Автор утверждает, что мы стоим, а все отъезжают на рубль двадцать.

— Нужно заплатить Аэрофлоту за огромную мощность мотора, чтобы он оттолкнул всех на двадцать три рубля, то есть чтобы твои жена, дети и теща были отброшены на тысячу шестьсот километров, и уже совсем дикие деньги должны, по утверждению автора, затрачивать люди, чтобы оставить всех позади. То есть, пишет автор, чтобы все от тебя отстали, ты за дикие деньги должен включить дикий мотор на дикую мощность, и все от тебя отстанут... Относительно, конечно.

— Какая теория? А? Восторг!

— Она отвечает на разные вопросы, поднимает многие проблемы...

Преступность! То есть один, назовем его ученый, экспериментатор не платит, тянет, ловчит, а все вокруг него совершают честные действия, платят по счету, возвращают вовремя. Плохо лежит, пусть плохо лежит. То есть, пишет автор, один как бы застывает.

— Один?

— Это не имеет значения. Один, или два, или тысяча. Она...

— Кто?

— Ну, эта тысяча. Как бы застывает с меховыми шапками в сумках, с краденными запчастями в портфелях, с ворованными шлангами, досками и так далее. Это детали, говорит автор.

— Запчасти.

— Детали... для автора. Теория рассматривает картину в целом, якобы застыла толпа с запчастями, гвоздями, досками и линолеумом, а вокруг движутся...

— Относительно...

— Относительно них движутся остальные в поисках запчастей, линолеума и так далее. То есть рост преступности можно определить как уменьшение честности. Далее автор приступает к рассмотрению бутылки.

— Водка?

— На бутылке цена сорок копеек. Относительно чего?

— Чего?

— Относительно содержимого, то есть напитка: боржоми, «Байкал», пепсикола и так далее — автора это не интересует. Он утверждает, что если на этикетке стоят неизменные сорок копеек, а внутри все время изменяется напиток — становится жиже, проще, хуже, — то надо и этикетку менять. То есть, если за последний напиток платим сорок копеек, значит, первый, настоящий, стоит уже шестьдесят. Или проигрывать за пятьдесят рублей. Первый, который работает десять лет, и последний, недоношенный, которому два дня работы достаточно, чтобы сдуреть, и оба стоят пятьдесят рублей. Значит, утверждает автор, цена на граммофоны растет, ибо теперь пятьдесят рублей стоит тот, который работает два дня, либо, говорит автор, давайте разойдемся.

— Почему автор не пойдет на завод и не раздолбает?

— Это можешь сделать ты или я. Автор беспристрастный ученый, сидящий в стороне от ваших дел. Он создает чистую теорию относительности.

— У него все есть?

— Вот тут мы подходим к кульминации теории, за что автор и получил Нобелевскую премию. Все есть, и ничего не работает, значит, нет ничего, пишет автор.

Дома все есть — пылесос, холодильник, стиральная машина, — а работает один водопровод, значит, есть один водопровод. Тут автор дает первый практический совет — размещать в тех же местах деньги... Триста восемьдесят рублей на столике, двести пятьдесят рублей на кухне, пять тысяч пятьсот на улице под дождем и в это же время включать водопровод, который работает, пишет автор, даже стойкие противники моей теории получают яркое подтверждение и т. д.

Машина, с которой украли колеса, не машина, утверждает автор и берется это доказать.

— И что, автора совсем не интересует, как у меня украли?.. И где достать?

— Конечно. Он настоящий ученый. Это все ваши заботы. Его дело создать теорию...

— Кто он, интересно, такой?

— Это тоже детали.

— Нет. Кто он такой? Отчество или что-нибудь?

— Какое это имеет значение для теории?

— Он что, приезжий или давно здесь? Сам он, гад, откуда? Имеет значение!

— Какое значение для теории имеет автор?

— Имеет. Я хочу знать, где он, например, сейчас. Я хочу съездить посмотреть ему в рожу. Я хочу ее оглядеть. Я тебе больше скажу, от него все идет — все, что меня интересует: почему у меня украли колеса, кто разбавляет пиво, премию, значит, в сертификатах, дачку в Аркадии, а я должен провода искать. Он мне объяснит, почему их нет... А я у него под микроскопом должен мотаться, как микроб. Ты его будешь видеть?.. Я чувствую, вы заодно... Ты ему передай — теория теорией, а меня пусть избегает — относительно себя, конечно... И теорию и организм я ему разрушу постепенно, но окончательно. Опиши ему меня... И сам на глаза не попадайся!

Ночью

Стемнело. Опускается ночь. Я не могу уснуть. Я верчусь. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Вот я к вам пришел. Да. Сейчас. Именно. Я не ответил вам сегодня днем в вашем кабинете, когда вы на меня

пошли, как танк. Я сообразил потом, на лестнице. Я могу так же пойти на вас. Мне есть что сказать. Я не сообразил сразу. Ха-ха! Отвечаю сейчас, ночью. Первое! Второе! Третье! Четко. Где вы слышали такие выражения? Раз! Два! Четко, сжато, лаконично — характерно для меня! Мною сделано это, это, это! Не сделано то-то, то-то, то-то. По таким причинам. Лаконично, сжато, сжато, телеграфно — рубленый стиль!

Ваши слова: «Дурака валяешь, детский сад развел», «...на горшке сидеть». Мой ответ: «Я здесь по распределению — раз! Сижу не на горшке, а в бедламе, которым вы жутко руководите, — два! И ничего вы мне не сделаете — три!» Отвечаю сжато, сжато, лаконично — характерно для меня! И болтаю столько, сколько нахожу нужным.

Пожилой человек, перестаньте говорить чушь. Я тоже с высшим, я тоже могу нахамить! Ха-ха! Продолжаю мысль, не давая опомниться: «Доверять надо всем. И мой детский лепет — это смелый ход вперед». Дайте ему воды. Он не выдержал. Он мне неинтересен. Иду дальше. Какая ясная голова, какая легкая походка.

Тетя Катя. Это я. Так вот, тетя Катя. Вы вахтер, а я опоздал. Я пробежал. Вы крикнули. Я промолчал. И только на лестнице сообразил. Отвечаю сжато, сжато, лаконично, остроумно — характерно для меня! «Штаны потеряешь!» Глупо. Бежал достойно, хотя и тяжело дыша. «Все уже работают, а он лезет». Ну, не лезет, а идет к себе. А насчет «все работают», то ха-ха-ха! И я могу обернуться и прокричать назад большое оскорбление. «Не надо вязанье в кобуре держать!» Поднимите ее. Отстегните портупею и дайте ей воды. Она мне неинтересна.

Так... Кто еще? Ночь проходит, а народу много. Всем, кому не ответил днем, отвечаю сейчас. Каждый, кто хочет, найдет меня в любое время ночью в постели. Я его жду.

Иду дальше, сохраняя хладнокровие и выдержку.

Он! Вы! Я — к нему! Нет уж, пропустите. Отстраняю рукой, вхожу. Он! Вы! Слушайте! Вы собрали вокруг себя подхалимов и думаете, что правда к вам не просочится. Она просочилась. Она здесь. Ничего. Я в белье. Я в ночном. Никто ему не скажет, кроме меня. Ты стар! Твои традиции, которые ты так уважаешь, — гибель твоя! Твои друзья, к фальши кото-

рых ты так привык, — гибель твоя. Твое самолюбие — гибель твоя. Твоя принципиальность — гибель твоя. Не спрашивай мнения у тех, кто согласен, спрашивай у тех, кто возражает.

Все! Он побледнел! Он осекся. Он не знал этого! Он мне неинтересен!

Теперь вы, девушка. Я пробивался через весь вагон. Я стоял три пролета возле вас, собираясь пошутить. Но вы вышли вдруг. Видимо, вам было нужно. Я растерялся. И только когда вагон со мной отъехал, я сообразил... Отвечаю скупое, точно, сжато, остроумно — характерно для меня! Пошутить я собирался так: «Смотрите, как рвет водитель. Не мешки везешь».

Вы резко ушли, оставив себя без этой шутки. Кто больше потерял? Такими, как вы, полны вагоны. Таких, как я, мы там не видим. Только без рук... Не надо меня целовать... Ну, не балуйтесь... Ну, все, перестаньте! Я уже весь в помаде... Вы же видите — у меня опущены руки. Все! Ищите встреч.

Вот и он. Стой, что ты мне крикнул вслед, а я не обернулся и только втянул голову в плечи?! Отвечаю тебе сейчас, ночью, резко, грубо, жутко, сильно — характерно для меня! Хам! Я таких, как ты... Ты меня понял. Смотри, как я тебя беру за грудь, как у тебя болтается голова, как мои пальцы сжимают твой ворот. Они побелели. И это одна рука. Что будет, если я применю вторую? Не извиняйся, не дрожи. Умей отвечать сильному. Ты никогда не будешь кричать вслед. Или я тебя сейчас буду бить. Страшно, жутко, сильно и резко. Характерным, присущим мне боем.

Я еще сильнее сжимаю твой ворот. Мои зубы скрипят. Ты задыхаешься. Не кричи мне вслед больше. Не кричи! А теперь иди домой, шатайся и схватившись за горло. Ты уже запомнил меня. Ступай вон! Не обращай внимания! Что?.. Ну, я же догоню... И бежать мне легко. Я лечу... лечу...

Оставьте меня... Кончается ночь... Мне еще нужно повидать его... моего единственного... Я же не успел сказать ему самого главного. Это все пустяки... Я сразу не нашелся... Это же все мелочи... Только тебе я могу сказать... Только от тебя я могу услышать... Мы просто были в запале... Я позвоню... Я позвоню...

Кончается ночь... Мне надо сказать маме, как я хочу сберечь ее. Я позвоню... Я позвоню...

Сказать моей первой, моей ранней, что я любил ее и

не говорил из дурацкой сдержанности, которую называл мужской. И если бы я сказал второй, что люблю, я бы ничего не потерял, а только стал бы лучше... Я позвоню... Я позвоню...

Звонок... Я прощаюсь с вами... Одеваюсь. Ем. Бегу. Лечу. Сажусь и молчу. Скупое, сжато, остроумно — характерно для меня!

Портрет

О себе я могу сказать твердо. Я никогда не буду высоким. И красивым. И стройным. Меня никогда не полюбит Мишель Мерсье. И в молодые годы я не буду жить в Париже. Я не буду говорить через переводчиков, сидеть за штурвалом и дышать кислородом.

К моему мнению не будет прислушиваться больше одного человека. Да и эта одна начинает иметь свое.

Я наверняка не буду руководить большим симфоническим оркестром радио и телевидения. И фильм не поставлю. И не получу ничего в Каннах. Ничего не получу — в смокинге, в прожекторах — в Каннах. Времени уже не хватит... Не успею.

Никогда не буду женщиной. А интересно, что они чувствуют? При моем появлении все не встанут.

Шоколад в постель могу себе подать. Но придется встать, одеться, приготовить. А потом раздеться, лечь и выпить. Не каждый на это пойдет...

Я не возьму семь метров в длину... Просто не возьму. Ну, просто не разбежусь... Ну, даже если разбежусь. Это ничего не значит, потому что я не оторвусь... Дела... Заботы...

И в том особняке на набережной я уже никогда не появлюсь. Я еще могу появиться возле него. Напротив него. Но в нем?! Также и другое... Даже простой крейсера под моим командованием не войдет в нейтральные воды... Из наших не выйдет. И за мои полотна не будут платить бешеные деньги. Уже нет времени!

И от моих реплик не грохнет цирк и не прослезится зал. И не заржет лошадь подо мной... Только впереди меня. И не расцветет что-то. И не запахнет чем-то. И не скажет девочка: «Я люблю тебя». И не спросит мама: «Что ты ел сегодня, мой мальчик?»

Но зато... Зато я скажу теперь сыну: «Парень, я прошел через все. Я не стал этим и не стал тем. И я передам тебе свой опыт».

Специалист

Бебеля, двадцать один, квартира три — нет звука?.. А изображение?.. Нормальное... Хорошо... Я буду у вас с пяти до семи... Пожалуйста...

Да, да... Слушаю... Плохо шьет?.. Строчку не дает?.. Немецкая... Свердлова, восемь, квартира сорок семь... Буду до пяти... Пожалуйста...

Алло... Да, я... Почему болит?.. А вы согревающий компресс на ночь... Нет, мой дорогой. Кто кого лечит?.. Я же вам оставил рецепт... Как — потеряли?! И что, температура поднялась?.. Тридцать восемь и три... Ничего без меня не принимайте. Только горчичники к ногам. Я буду у вас между шестью и восемью... Ложите спокойно.

Да... Снова замолчал... А вы ему телеграмму давали?.. Я же вам продиктовал текст... Ну, пишите: «Надоедать не буду. Но хочу оградить тебя от неприятностей. Жду на вокзале у газетного киоска в двадцать часов. Наташа». Прибежит. Мужчины трусливы. Если позвонит, не разговаривайте. Все при встрече. Потом мне расскажете... Не за что...

Алло... Это вы... Я вам неправильно предсказал. Вместо большой дороги в казенный дом следует читать: «Задуманное вами исполнится вскоре. Вас ожидает большая радость и спокойная жизнь, что вам будет в награду за пережитое. Насчет личных интересов можете не сомневаться. Они окончатся удачно, и в жизни вашей удачи будут продолжаться вплоть до преклонных лет...» Записали?.. Если что-нибудь будет неправильно, позвоните, уточним... Я думаю, все будет хорошо.

Да... Алло... С этим?.. Попробуйте сметану с пивом за четыре часа до. Полное отключение радио и телевидения. За три часа — чай с малиной и коньяком. Мюзик-холл с коньяком в антракте. Минут за двадцать — крепкий кофе с лимоном. Проветрите комнату и позвоните мне. Если не поможет, будем действовать

током... Шестьсот вольт. Решающее средство... Всего доброго... В любое время...

Замдиректора камвольного комбината?.. Минуточку!.. 298-18-23, с восьми до семнадцати... Пожалуйста.

Да, да... В «Смене» сегодня «Люди и розы», сеансы в восемь, десять, двенадцать и так далее через каждые два часа... Пожалуйста...

А-а! Арнольд Степанович!.. Откладывается у вас ревизия... Она нагрянет внезапно, восемнадцатого января, в десять утра... Будьте здоровы. Звоните...

Да... Слушаю вас, товарищ... Нет, мой дорогой. Так перед людьми не выступают... А мы вот взгреем вас на коллегии. Тогда вы возьметесь за дело... Что значит — записочки посылают? А вы отвечайте... Ну, мой милый, вы за это зарплату получаете. Все!

Шестнадцатый. Я — Таганрог. Посадку разрешаю... Ветер тринадцать боковой...

Алло... Да... Пылесос «Ракета»? Бьет током?.. Провод не отсырел?.. Попробуйте просушить... Канатная, четырнадцать, квартира три... Буду у вас до трех...

Натирку полов сейчас некому... Звоните в пятницу.

Да-да... Не подошла?.. Ей тридцать пять... Вам пятьдесят пять, слава богу... Не читает газет... Что вы от нее хотите?.. Она не знает, где Лаос?.. Так объясните ей. Пойдите... Вы просили... Вот у меня записано... Не старше тридцати пяти. Блондинку. Не больше одного, не старше десяти. С высшим. С удобствами. Не выше третьего этажа. Район Парка культуры... Ничего — насчет газет... Ах, вы решили добавить... Надо заранее... Записывайте. Лесной проспект, восемнадцать, корпус три, квартира четырнадцать... Библиотечарша. Вся периодика — через нее.

Что у вас?.. Ого!.. Завтра вводите новую камеру Вильсона... В Серпухове?.. Посчитайте заново эффект Броуди — Гладкова. Подставьте лямбда 2,8 вместо 3,1... Да. Должно сойтись... Держите меня в курсе...

Нет, мальчик, амнистии в этом году не будет.

У вас что?.. Пьеса.. А вы попробуйте поменять концовку. Не грустно лег, а радостно вскочил... И не на кладбище, а в санатории... И позвоните мне... А сейчас извините, у меня обед...

Он развернул бумажку. Прижал пальцем котлетку к кусочку черного хлеба и начал есть, глядя в пространство.

Время больших перемещений

Наступило такое время, когда сказать, кто куда поедет, невозможно. Наступило время больших перемещений. Люди ездят. Над головой жужжат битком набитые самолеты, они летят на юг. Такие же набитые самолеты летят обратно. Если бы Ту-104 имели подножки, на них бы висели гроздьями. В Воркуту билет достать невозможно, на Дальнем Востоке битком, на Крайнем Севере на каждом камне турист, в Москве, как обычно, вынесет из метро, ударит об забор и понесет в другое метро — ваше счастье, если вам туда надо. В каждом городе полно приезжих, откуда же они выезжают?

Мы встречаемся с друзьями в Ленинграде, уезжаем от них в отпуск и там встречаем тех же друзей...

Время больших перемещений! Половина людей едет туда, половина обратно, остальные стоят в очереди за билетами. Мой дедушка пятьдесят лет сидел камнем, вчера он двинул в Новосибирск с ответным визитом.

Такое время! Все знают правила уличного движения. Появились миллионы непьющих: они за рулем, их пешком под кирпич не затолкаешь!

Такое время — каждый третий спрашивает, как пройти, каждый второй не знает.

— Скажите, этот трамвай идет до вокзала?

— Да.

— Значит, я сел правильно?

— Да. Только сейчас он идет в другую сторону. Вы хоть сядьте туда лицом.

Время больших перемещений. Массы двинули за город. В музеях демографический взрыв. В гостиницах толпы. Под каждым деревом семья. В гнездах по два птенца и по четыре первоклассника.

На одного лося по двадцать тысяч человек с фотоаппаратами. На малого зайца сорок человек с ружьями, собаками и удостоверениями.

Волки растерялись: за каждым их движением следят по восемь человек, и в их стаю затесался самец с кинокамерой и билетом клуба кинопутешественников.

За Полярным кругом завыл белый медведь, печатанный, окольцованный и зарегистрированный.

Двадцать человек ждут, когда вынырнет морж. Он бы и не вынырнул, но его снизу подталкивают четыре аквалангиста.

Рыба кит, по фамилии Джек, с потухшим взглядом, крутит сальто за полведра рыбы, которая свое уже открутила.

Шестнадцать человек помогают льву охотиться. Двое держат козу, один бежит впереди и лаем показывает, где она находится.

В стае акул двое наших!

Люди ездят. Пообедать им уже неинтересно, одеться им уже неинтересно, им интересно путешествовать, видеть, слышать и кроме желудка и тела доставлять наслаждение своей душе, чтобы еще полнее сделать то, что называется этим простым словом — жизнь!

Ищу одиночества

---

*На сцене — квартира-коробка с тонкими стенками.
Входит о н. Садится на стул.*

Г о л о с с в е р х у. Пришел.

Г о л о с с л е в а. А где он был?

Г о л о с с п р а в а. На работе. Где ж еще? Может быть, он отпросился? Рановато сегодня. Послушайте, вы сегодня отпросились?

О н. Я отпросился. Хочу побыть один немного. Мне надо подумать.

Г о л о с с л е в а. Что-нибудь случилось или по работе?

О н. Нет, ничего не случилось. Я просто хочу побыть один.

Г о л о с с л е в а. А-а... Ну, тогда...

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Простите, вы с улицы?

О н. Да.

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Вы там не видели девочку с санками?

Г о л о с с л е в а. Тише! Он хочет побыть один.

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Что «тише»? Что

«тише»? Ребенок пропадает, «тише»! Мне это нравится — «тише»!

Г о л о с с в е р х у. Ну, тише же! Ну, тише. Ну, просил человек, ну? Совесть у вас есть?

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Совесть есть. Ребенок пропал! Вера! Вера!

Г о л о с с л е в а. Вы подумайте, какая женщина. Да вот ваша Вера, во дворе!

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Ну, слава богу. Все. Тсс!

Г о л о с с в е р х у. «Тсс»... Полчаса кричала, теперь «тсс». Господи, когда же мы научимся уважать друг друга?

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Тише! Тише! Тишина!

Г о л о с с л е в а. Во! Слышали? Теперь она воет. А когда надо было... Ну, народ.

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Ну вас же просили — тише.

Г о л о с с л е в а. Перестаньте тишкать! Вы так тишкаете, что у меня стены разваливаются!

Г о л о с с в е р х у. Ну, все. Тсс. Пусть работает.

Тишина.

Г о л о с с л е в а. Прошу прощения. Вы уже думаете?

О н. Нет еще.

Г о л о с с в е р х у. Сейчас я передвину комодик... Одну секундочку.

Слышен звук передвижаемой мебели: «Трих-та-тах. Бабах! Тара-рах!»

В с е. Тсс...

Г о л о с с в е р х у. Вы не начали еще?

О н. Нет.

Г о л о с с в е р х у. Сейчас я быстренько пройду в кухню. Вернусь и лягу. И уже не встану... Вот, я иду... У меня шаги тяжелые, да?

О н. Да.

Г о л о с с в е р х у. Ну, что вы хотите? Две войны, три больницы. Надо похудеть. И возраст. И врачи все это говорят. Вот я уже берусь за кран. Вот я напиваюсь. Иду обратно. Тяжелые шаги? А я в носках. И ложу... Сейчас, сейчас... *(Кряхтит.)*

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Ну!..

Г о л о с с в е р х у. Сейчас, сейчас...

Г о л о с с л е в а. Ну!..

Г о л о с с в е р х у. Сейчас. (*Кряхтит.*)

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Что вы удивляетесь? Он всегда по полчаса устраивается. Пока он устраивается, мы высыпаемся.

Г о л о с с в е р х у. Сейчас, сейчас. Это же надо... Куда она положила?.. Вот баба чертова. Я извиняюсь перед детьми. Сейчас... Сейчас... О!.. Есть. Ложусь!

Слышно, как он шумно укладывается.

Л е г. Ффу! Замолчал. Фу!

Г о л о с с л е в а. Перестаньте фукать. Вы так фукаете, что у меня стены разваливаются.

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Ну, тише. Пусть он думает. Он же просил.

Г о л о с с л е в а. Тсс...

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Тсс...

Г о л о с с в е р х у. Тсс... Думайте... Думайте, думайте.

О н. Ищу одиночества. Хотя бы на два часа в день. Если я накрываю голову подушкой, я верчусь и задыхаюсь. Все, что снаружи, рвется внутрь. Все, что внутри, рвется наружу. Я встаю утром. Я не сплю ночью, поэтому нельзя сказать, что я встаю утром. Но допустим, я встаю... Встаю и иду на работу. Моя работа — думать. Нас двадцать человек в одной комнате. Наша работа — думать. А один свистит! А пятеро сцепились из-за футбола! А тринадцать обсуждают вчерашний телевизор. А остальные у нас не работают, они просто пришли попеть.

Я ищу одиночества. Я иду по улице и думаю о чем-то своем. Вот я такой человек. У меня есть что-то свое, и я о нем думаю, пока оно у меня есть.

Бах! Удар в живот: «Здорово, старик, как дела?» Какие уж тут дела! К тому же я не могу вспомнить, кто он такой. Еще четверо интересуются моими делами, и всех их устраивает ответ: «Ничего».

Я прихожу домой. Я запираю свои дела на английский замок. И сажусь. Когда я жил в старом доме, за мной через щель наблюдала старушка жуткими зелеными глазами, слабеющими пальцами отмечала гостей в особой книге, бледными кулачками впихивала бритвочку в кусочек мыла, тихим голоском выжила полковника, героя двух войн, на лестницу...

Теперь мы все живем отдельно. В новых домах. Теперь я только вздрагиваю. Вздрагиваю, и все. В час ночи по моей голове идет пьяный к себе наверх. Потом по моей голове спускаются гости. В два у меня на лбу что-то рубят. В пять в моей комнате разворачивается первый трамвай с прицепом!

Проснулся я как-то... Стоит моя кровать посреди улицы. Люди кругом. Машины. Комнатные туфли под кроватью, и машины, машины кругом и люди, люди. Спешат. Идут. На меня смотрят. Я натянул на себя одеяло. Я шепчу: «Пожалуйста, отвернитесь. Пожалуйста. Я оденусь. Ну подождите, я только оденусь. Кто же это меня сюда?.. Ну не смотрите, ну пожалуйста! Товарищ милиционер, бросьте мне, пожалуйста, брюки».

— А-а! Здравствуйте! Я натяну на себя простыню. Извините, я в таком виде... Обязательно! Я буду на собрании. Я иду вместе со всеми.

— Отвернитесь на секундочку. Я только оденусь. Я иду, иду. Только отвернитесь!

Я отталкиваю всех голыми руками. «Ну товарищи, ну будьте добры». Ничего не осталось на мне, кроме кожи и простыни. И она соскальзывает, и она соскальзывает. И тут машина...

— А-а! Я, кажется, задремал...

Ж е н с к и й г о л о с с п р а в а. Пожалуйста.

Г о л о с с в е р х у. Ну, что, побыли один?

О н. Да, спасибо.

Г о л о с с л е в а. Подумали?

О н. Благодарю.

Стук.

В с е. К вам стучат!

О н. Да. Я открываю. Здравствуйте. Как дела?.. Ничего...

Тренер

А ну, ты давай!.. Ба-бах... (С отвлечением.) Хорошо... Теперь с переворотом! Давай ты, Костюков. Подальше, подальше. Разгон! Толчок! Бух! Рассеянный ты... Может, у тебя дома неприятности?.. Отец с вами живет?.. Посиди.

А ну, Кандыба... Сними эту тряпку с головы. Давай рондат, фляк, сальто с переворотом прогнувшись с приходом на прямые... Бодрее. Соберись! Завтра встреча с англичанами. Давай! Мы с Пузаном страхуем. Ну, что? Пошел! И-и...

Почему?.. Костюков, давай втроем пострахуем... Ерунда... Выйдет, выйдет... Только — сильный разгон. Пошел! И-и... Почему?.. Трещит... Гриша, брось ему эту тряпку! Завяжи. Если не накажем англичан, я покину большой спорт. Вы можете валять дурака, а я уйду с ковра.

Гриша, иди сюда. Стань у той стенки. Мы вчетвером страхуем! Давай, Кандыба! И-и-и...

Накажу! Накажу! Я тебе не мама! Соберись! Собрался? Нет еще? Уже? Нет еще? Уже? И-и!..

Мы все ждем. Нас шестнадцать человек. Собрался? А я вижу, нет. Еще подсоберись. Еще! Сеня, Гриша, Костюков, приготовились... Откройте ему дверь. С улицы давай разгон. Ну?.. Что «сейчас»?

Сереня, мат на стенку. На ту тоже.

Ну, что ты канючишь? Не могу больше! Все! Ломаю подкидную доску, покидаю большой спорт. Это не коллектив... Раньше не было команды, был коллектив. Сейчас есть команда, нет коллектива. Ведущий прыгун собраться не может! Цирк! Ты у меня в Мелитополе на межколхозных... Так! Все. Он собрался! Двери. Маты. Разгон!.. Раз, раз, раз, раз!.. Хорошо! Толчок! Оборот! Оборот!.. Лови! Лови!.. Ба-ам! Уй!..

А где он был вчера? Кто с ним был? Что это за дом? При чем тут салат? Салат не дает такого полета. А потом?.. Все. Нет?.. А что?.. Рюмочку?.. стакан... Что еще? Сколько? Рюмочку? Фужер... Этим закончили? Ты этим закончил? А он когда закончил?

Но он же видел, с какой стороны мы его страхуем. Где он теперь? Гриша, поищи его. Он в какой-то троллейбус попал. Но его можно найти. Давай ты, Аркадий. Видел Кандыбу? Не в ту сторону, но какой полет! Пусть бал снимут. Давай! Пошел! Пошел! Пошел! Переворот. Пе-ре-во-рот!

Хорошо. Только, понимаешь... Ты после переворота на что должен был прийти? На ноги! А ты на что пришел? Ты кто? Инженер... Зачем тебе большой спорт? Кандыбу видел? А у тебя этого нет. У тебя в полете ноги, руки и тапки разлетаются. На республиканских судье международной категории кедой по

лицу... Я потом имел с ней разговор. Уходи потихоньку из большого спорта. А?.. Чего ты сюда ходишь? Ну, что — душ? Ну, приходи в душ. Но обещай больше не тренироваться. Обещаешь? При всех. Иди купайся. Мы должны наказать англичан. У них профессиональная команда Уимблтонского конного завода. А я что выставляю, нарушителей режима?!

Мне бы крепкого середняка. Попробуем тебя, Куцевол. Я знаю, что ты уже год не прыгал. А чего ходишь? Нравится... Ну, давай. Сильный разгон. Остальное я беру на себя. Только смело и на меня... Главное — страшный толчок, вперед и вверх!

Смело! Пошел!... Раз, раз, раз! Толчок!.. А-а-а-а!.. Вте... (*Держится за челюсть.*) Тденидовка даконтена. Давтда додевнования. Что ты качаешь, я уде отнулся. Я напрасно присол в себя. Не могу эти рози видеть! Я де тебе объятнял... Я забидаю подкидную доску и покидаю большой спорт. Етли Кандыба веднется, ему большой пдивет от бывсего тденеда...

Наша взяла

---

*Ателье «Металлоремонт». Кабинет начальника.
Входит посетитель.*

П о с е т и т е л ь. Как же так? Обещали в понедельник — сегодня пятница. А там не сделано.

Н а ч а л ь н и к. Сделано. Что у вас?

П о с е т и т е л ь. Сифон.

Н а ч а л ь н и к. Сделано. Идите туда.

П о с е т и т е л ь. Так я же оттуда.

Н а ч а л ь н и к (*набирает номер*). Серцов, неужели еще не сделано, проверь там... Сделано? (*Улыбаясь.*) Что же вы мне голову, извините, но морочите. Извините, но не надо ее морочить.

П о с е т и т е л ь. Я там был.

Н а ч а л ь н и к. Грубить не буду, но не знаю, были ли вы там? Можете забирать, дверь напротив.

П о с е т и т е л ь. Так я пошел.

Н а ч а л ь н и к. Еще бы. (*Погружается в бумаги.*)

П о с е т и т е л ь. Я прошу прощения, не сделано там.

Н а ч а л ь н и к. Сделано. Что у вас?

Посетитель. Сифон.

Начальник *(набирает номер)*. Серцов! Разве может быть не сделано, если должно быть сделано и сделано! Только не дай бог не груби. У товарища уже и взгляд беспокойный. Он уже вызывает на грубость. Но мы грубить не будем. Проверь. Сделано... Когда?.. Еще в четверг... Что же вы туда-сюда, не буду грубить, снуете?! У вас что?

Посетитель. Сифон.

Начальник. И идите спокойно, не грубя, за сифоном.

Посетитель. Так я пошел. *(Уходит.)*

Начальник. А как же. *(Погружается в чертежи.)*

Появляется посетитель.

Посетитель. Извините, я не нервничаю, но они еще не начинали. Мне даже показалось, что они не хотят меня видеть. Они эту квитанцию, я не нервничаю, хотели выбросить.

Начальник. Только не надо грубить! *(Набирает номер.)* Серцов. Если вежливо и спокойно, как нас учили. *(Берет квитанцию.)* Что там с 2245? Проверь, не нервничая, по фактической. *(Посетителю.)* Что у вас?

Посетитель. Сифон.

Начальник. Он утверждает, что сифон. Да, от двадцатого января. Сегодня июнь, и я не верю... Ну?.. Сде... Когда?.. Еще в феврале... Забирайте — и на трамвай.

Посетитель. Ну, я прошу вас.

Начальник. Не надо грубить.

Посетитель. Я не нервничаю, но пойдемте вместе со мной.

Начальник. Я вам не грублю, но это генеральный план переоборудования нашего Дома быта в Сад сервиса, где будет вежливость и полная тишина.

Посетитель. Я умоляю, у меня нет сил, я тихо прошу. Может, его сюда?

Начальник *(набирает номер)*. Серцов, бери заказ — и сюда. Не груби, когда войдешь.

Входит Серцов.

Начальник. С тобой?

Серцов. Да. Вот. *(Вынимает книгу.)* Выполнен. *(Показывает начальнику.)*

Н а ч а л ь н и к. Ему... Когда?

Сер ц о в. Февраль.

Н а ч а л ь н и к. Что теперь надо сделать?

Сер ц о в. Пойти на склад и получить.

Н а ч а л ь н и к. Я должен за него это сделать?

Сер ц о в. Как вам не стыдно. Идите. У вас готово.

П о с е т и т е л ь (*полуобморочно*). Не готово.

Н а ч а л ь н и к. Склад набери.

Сер ц о в. Внимание. (*Набирает номер*.) Склад...
Заказ 2245 не готов?.. Готов. Его нельзя получить?..
Можно... Небось в конце недели?.. В любой момент.
Получайте.

П о с е т и т е л ь. Я же там был. Я не буду грубить.
Я не получу.

Н а ч а л ь н и к. Получите.

*П о с е т и т е л ь выходит.
Звонок телефона.*

Н а ч а л ь н и к (*берет трубку*). Получил?.. Что он там
получил?.. Огнетушитель?.. И куда пошел?.. К нам?..

Блеск, Паша

Д и р е к т о р. Вы у нас молодой специалист?

М о л о д о й с п е ц и а л и с т. Да.

Д и р е к т о р. Как дела?

М о л о д о й с п е ц и а л и с т. Превосходно.

Д и р е к т о р. Как завод?

М о л о д о й с п е ц и а л и с т. Изуми...

Д и р е к т о р. Новая техника?

М о л о д о й с п е ц и а л и с т. Потряса...

Д и р е к т о р. Все дело?

М о л о д о й с п е ц и а л и с т. Великоле... постав-
лено.

Д и р е к т о р. Во что превращено предприятие?

М о л о д о й с п е ц и а л и с т. В образец.

*Директор долго смотрит ему в глаза. Молодой
специалист смотрит в глаза директору.*

Д и р е к т о р. По специальности пойдете?

М о л о д о й с п е ц и а л и с т. Нет... Я в многи-
ражку.

Д и р е к т о р . Прекрасно.

Появляется начальник снабжения.

Как кабель?

Н а ч а л ь н и к с н а б ж е н и я . Идет. Все прекрасно.

Д и р е к т о р . Когда будет?

Н а ч а л ь н и к с н а б ж е н и я . Да он уже... Да вот уже... Да это уже... Ну от-то... Ну, он уже... Можете докладывать. Сделано. Проложено. Уже вон оно... Пробьем траншею, грудью проложим его, зубами. Он уже наш. Мы все... Ногами. Не уложим, так затоптаем. Такой сейчас энтузиазм в отделе снабжения. Моего зама двое держат.

*Директор долго смотрит на начальника снабжения.
Тот — на директора.*

Д и р е к т о р . Где бухгалтер? Бухгалтера.

Входит бухгалтер.

Как дела?

Б у х г а л т е р . Какие дела? С такими делами... Немогу ни черта понять, кто кем оформлен? Не пойму, я сам кто?

Д и р е к т о р . Вы у нас недавно. Позовите главного бухгалтера.

Появляется главный бухгалтер.

Д и р е к т о р . Как бухгалтерия?

Г л а в н ы й б у х г а л т е р . Все в порядке.

Д и р е к т о р . А вот товарищ...

Г л а в н ы й б у х г а л т е р . Он ошибся. Все прекрасно.

Д и р е к т о р . Он говорит, путаница.

Г л а в н ы й б у х г а л т е р . Все четко. Часы. Тик-так. Отлажено. Блеск. Документация. Наряды. Зарплата согласно штатам. Штаты по зарплате. Копеечка в копеечку. Прибыля. Я такого не видел. Шестое предприятие меняю. Впервые...

Директор берет лицо главного бухгалтера. Долго смотрит в глаза главному бухгалтеру. Тот — директору.

Г л а в н ы й б у х г а л т е р . Потрясающе...

Директор смотрит ему в глаза.

Главный бухгалтер. Блеск... Я тут недавно картотеку перебирал...

Директор смотрит ему в глаза.

Изумительно...

Директор. Все. Тебе верю. Ему нет.

Главный бухгалтер. А как же. Я ему сам не верю... *(Плачет.)*

Директор. Укрепить надо бухгалтерию.

Главный бухгалтер. Укреплю немедленно. Морды поразбиваю. Блеск... Серьезно. Так хорошо еще не было... По-всякому было, но чтоб так хорошо... В первый раз.

Директор. Кликни мне завпроизводством.

Входит завпроизводством.

Тихон Павлович.

Завпроизводством. Пал Сергеич.

Целуются.

Директор. Как дела?

Завпроизводством *(смахивает слезу)*. Сами знаете...

Директор. Не понял.

Завпроизводством *(плача)*. Превосходно. Как по маслу. Это поразительно. Как все налажено, прямо сил нет... *(Долго плачет.)* Очень хорошо все продумано, я вам так скажу. Еще проектировщики когда проектировали наш завод, они, суки, допустили такую продуманность, такую дальновидность. И как эти сволочи продумали все так хорошо? Они еще тогда все предусмотрели... Помните, туалеты, потом... Чтобы расширяться... Новые станки, чтоб не под дождем люди работали. Как они так сумели — подонки. Дождь ведь хлещет, мешает высокую точность давать, на уровне мировых стандартов. А они предусмотрели и место для второй ветки железной дороги, чтоб не только сюда, но и обратно... Как догадались? Непостижимо...

Директор долго смотрит в глаза завпроизводством. Тот плачет.

Директор *(тоже всхлипнул)*. Что, действительно все предусмотрели?

Завпроизводством *(всхлипнул)*. Все! Нет де-

тали, которую бы эти псы не предусмотрели. Мы не можем на нее напороться. Я тут с одним из них два дня метался. Ну руки опускаются — все предусмотрено. Плотник наш ходил с топором, за что, говорит, взяться, ума не приложу... Вышел за забор и давай крушить. А вернулся тихий. Все продумано.

Директор. Ну хоть один недостаток есть?

Завпроизводством. У одного водителя характер плохой.

Директор. И все?

Завпроизводством (твердо). Все.

Директор долго смотрит в глаза завпроизводством.

Вдруг оба вспыхивают, начинают неразборчиво кричать: «Тиша!», «Паша!», «Тиша!»

Директор. А так все ол'райт?

Завпроизводством. Что вы, какой ол'райт — о'кей!

Директор. Подвиги?

Завпроизводством. Без конца... Раздухались массы. Главный электрик зубами голые провода держит. Чтоб питание в сборочный цех... Из ОКСа две круглосуточно — кариатидами.

Директор. Что?

Завпроизводством. Крышу сушилки — на себе... Не отходят, кормим их ложкой.

Директор (всхлип). Т-твою... Какие люди.

Завпроизводством. Я говорю, если б не люди... Из цистерны номер пять полилось внезапно, тоненько, но непрерывно.

Директор. Что лилось?

Завпроизводством. А никто не знает. Собирались в конце месяца подойти посмотреть.

Директор. Все. (Быстро.) Устранили течь из цистерны номер пять?

Завпроизводством. Потрясающе...

Директор. Чем?

Завпроизводством. Телом, ртом, устами. Прикрыл герой один.

Директор. Кто сотворил? Кто нашел место подвигу?

Завпроизводством. Безымянный. Начальник летней базы — Халимонов. Нашел место и время и совершил.

Директор. Позвать.

Завпроизводством. Не можем. Снова течь
откроется.

Директор. Так что там?

Завпроизводством. На вкус, говорит, га-
дость. Но забирает.

Директор. Отметить премией — сто рублей.

Завпроизводством. Не хватит.

Директор. А сколько нас будет?

Завпроизводством. Человек двенадцать.

Директор. Сто пятьдесят.

Завпроизводством. Естественно...

Директор. Тиша. Ты уже знаешь. Я еду в Аме-
рику. Я им расскажу... Ты остаешься.

Завпроизводством. Блеск, Пал Сергеич.
Красота. Разрешите продолжать.

*Директор долго смотрит в глаза завпроизводством,
тот — директору.*

Директор. Ты пока не увольняйся.

Завпроизводством. Паша, ты только не-
долго.

Директор. На «Дженерал моторс» и назад. Они
хотят понять, как это у нас все.

Завпроизводством. Блеск, Паша!

Директор. Спасибо, Тиша! Я пошел. А нам их
методы помогут.

Завпроизводством. Да нет... Посмотри кино,
женщин... Отдохни там...

Директор. Спасибо. Я поехал.

Завпроизводством. А я пошел.

На работе и дома

Учреждение.

*Много столов. За столами сидят люди и думают.
Посредине два стола, за которыми сидят м у ж ч и н а
и ж е н щ и н а. Пишут.*

М у ж ч и н а (*пишет*). Екатерина Николаевна, у
меня ваш чертеж. Мне непонятно, как вы соединяете
корпус с крышкой.

Ж е н щ и н а. Ну как же, Михаил Григорьевич?

М у ж ч и н а. Я написал свои соображения, чтобы

вам было яснее... Вот, мне кажется, что... (*Передает записку женщине.*)

Женщина (*читает, бледнеет, рвет записку и незаметно бросает ее в корзину; тихо*). Я не смогу сегодня. (*Громко.*) Вот ручки. Почему их две?.. Да, их две и крышка хорошо ложится... Я сейчас напишу, почему нельзя этого делать. (*Пишет, передает записку мужчине.*)

Мужчина (*читает, тихо*). Да... Я все понимаю. (*Громко.*) Две ручки, а их должно быть пять или даже... Может быть... (*Пишет.*) Читайте соображения. Я прошу вас. Я впервые высказываю вам свои соображения. Будьте внимательней... Ну пожалуйста... Мы с вами понимаем друг друга с одного... чертежа... Я ваш руководитель, и ваше слово для меня закон... (*Передает записку женщине.*)

Женщина (*читает*). Да... Я тоже... Но не сегодня... Вы знаете наше положение... Эти шарики... Я сама, когда вижу вашу идею... Я все вижу... и шарики и ролики... Можно пять ручек, но не сегодня... Нет, нет...

Мужчина. Екатерина Николаевна, подойдите сюда.

Женщина качает головой.

Мужчина. Я контролирую.

Женщина. Вы потеряли контроль.

Мужчина. Вы тут такое начертили. Идите сюда.

Женщина подходит, стоит возле стола.

(*Встает*). Эти шарики надо переставить. У меня такое же положение с роликами. Я прошу...

Женщина (*тихо*). Потапов вошел. (*Громко.*) Хорошо. Я сделаю.

Мужчина (*как по телефону*). Да, да, обязательно... Хорошо...

Женщина. У вас все, Михаил Григорьевич?

Мужчина. Да... уже...

Женщина. Я тогда... еще пока...

Мужчина. Да. Уже... Я тоже, но не всегда... Здравствуйте, Анатолий Иванович. Мы тут с Масловой ручки располагаем... Хотите с нами?.. До свиданья... Екатерина Николаевна, сегодня единственный шанс переставить ручки... Вечером. Я уже не могу... Я не могу. Эта работа, эти болты... Я вижу вас. Вы ходите, вы

рядом. У меня стынет внутри. Я не могу... Я прошу вас. Эту крышечку, эти шарики... ну, один раз по корпусу... Я этот чертеж раздеру на куски.

Женщина. Ну, ну, ну... ну, хорошо... я что-нибудь придумаю... но я не могу на улице...

Мужчина (вынимает из кармана ключ). Ключ!

Женщина (бледнеет, трясет головой). Нет, нет, нет. Рвите чертеж.

Мужчина. Да... да... Если замкнуть крышку на корпус... Это однокомнатный редуктор моего товарища. Он на один день оставил мне крышку... Завтра... уже ничего...

Женщина. Нет, нет, не... нет, нет. Переставить все ручки... Чужой редуктор...

Мужчина. Ну, я прошу вас. Мы вместе работаем над этой идеей. Нам нельзя на улице... Я буду там с семи... Я махну лампой.

Женщина. Но здесь, на работе, мы уже не сможем... вы понимаете... просто так сидеть, просто так работать...

Мужчина. Мы уже давно не просто работаем, нам надо... Я жду вас. Берите крышку.

Женщина. А он уехал?

Мужчина. Уехал, уехал...

Женщина. Но в одиннадцать я закрою корпус...

Мужчина. Адрес редуктора. *(Пишет.)*

Женщина рвет записку, мужчина рвет чертеж, женщина рвет книгу. Расходятся. Все понимающе перемигиваются.

Квартира.

Мужчина суетится, нервничает, переставляет вещи. Каждый раз замирает и прислушивается. Ставит на стол авоську. Вынимает из авоськи вино, два яблока, высыпает из кулька конфеты. Мечется в поисках штопора. Ввинчивает штопор. Шорох!

Замирает с бутылкой на коленях. Нет, все в порядке. Часы бьют. Тишина. Тушит свет. Подходит к окну. Машет два раза настольной лампой. Влево. Вправо.

Волнуется. Сел. Встал. Сел. Встал.

Мелкий стук в дверь.

Слома голову мчится открывать.

Женщина (почти падает ему на руки). Боже мой, боже мой, я совершенно сумасшедшая. Я ехала в

автобусе, все смотрели на меня. Они знали, куда я еду. Боже мой, какая я подлая, просто растленная. Эта комната... Как я дошла до этого?..

М у ж ч и н а. Не говорите так... Снимите, пожалуйста, пальто. Садитесь.

Ж е н щ и н а. Нет, нет... Зачем вино здесь?

М у ж ч и н а. Просто так. Оно было здесь всегда. Это такой дом... Выпьем немножко, чтобы успокоиться.

Ж е н щ и н а. Я спокойна и не пью...

Мужчина наливает.

Вы заметили, как Потапов и Ильченко смотрели на нас? Они догадываются. (*Выпивает.*)

М у ж ч и н а. О чем догадываются? О чем?.. Кстати, нашего главного переводят.

Ж е н щ и н а. Не может быть. А кто на его место?

М у ж ч и н а. Кто-то из этих двоих. Они уже не здороваются, на всякий случай...

Ж е н щ и н а. А я сразу почувствовала. Я все-таки молодец. А как вы узнали?

М у ж ч и н а. Видно невооруженным глазом. Они ходят и не знают, кого из них назначат и как друг с другом обращаться. То ли «ты», то ли «вы». Кстати, почему мы на «вы»?.. Брудершафт.

Ж е н щ и н а. Да... Это интересно. Значит, главного снимают. Ну, дела...

Мужчина наливает. Выпивают. Забывают поцеловаться.

Ж е н щ и н а (*показав пальцем*). Катя. Миша... Значит, Потапов идет вверх.

М у ж ч и н а. А ты заметила, что он дурак? И его Куликов — дурак.

Ж е н щ и н а. Что, его тоже повышают?

М у ж ч и н а. Ага. (*Наливает, пьет.*) Я с ним еще в институте сидел. А сейчас я ему — Толя, Толик, а он мне: во-первых, не Толик, а товарищ Потапов, а во-вторых, кто дал вам право, где вы взяли право?..

Ж е н щ и н а. Да. Все они такие. У меня соседка, — ой, куда угодно, только б этой рожи не видеть. (*Снимает куртку.*)

М у ж ч и н а (*на нее смотрит, смотрит*). Ты скажи, почему встречается человек, который еще в институте начинает идти по другой линии?.. Кто-то занимается, кто-то в лаборатории сидит, а этот речь держит, куда-

то бежит, откуда-то возвращается. Еле тянет на тройки, но это неважно — голос, грудь вперед. И пораньше... Кто организует общественную работу? Я — и грудь вперед. Кто организует дружину? Я — и грудь вперед. Кто выпустит стенгазету? Я! Кто модернизирует оборудование? Я! И знаешь, уже совершенно неважно, что нет ни стенгазеты, ни дружины, ни оборудования, ты знаешь, это неважно... Тебя заметили... И ты пошел... Ты уже идешь. Главное, пораньше, пораньше — и голос... Получи премию за создание нового отдела; а потом — за ликвидацию того же отдела. Участвовать в ошибочных кампаниях, но не ошибаться — это тонкая штучка...

Ж е н щ и н а. А знаешь, что Куликов с Зиной?

М у ж ч и н а. Да ну...

Ж е н щ и н а. Встречаются после работы где-то на квартире.

М у ж ч и н а. Вот идиоты.

Ж е н щ и н а. И все об этом знают.

М у ж ч и н а. А эта организация производства... Что ты скажешь об этой организации?

Ж е н щ и н а. А что я могу сказать?.. Вот ты встань и скажи... Ты же пятнадцать лет работаешь. Ты мужчина или не мужчина? Ну, я молчу, женщина...

М у ж ч и н а. Раздевайся! Мужчина... какая разница...

Звонок. Оба вскочили. Женщина надела пальто.

Шляпу.

(Гримасничает.) Тсс. Тихо... Нас нет... Тсс. Здесь никого нет... Тсс... Тихо... Здесь пусто... Пустая квартира... Тсс... никого...

Звонок.

Ж е н щ и н а. А вдруг хозяин... Иди открой...

М у ж ч и н а. Тсс!.. Разложи чертеж. *(Заматывает шею шарфом. Надевает повязку дружинника. Идет к двери.)*

Г о л о с м у ж ч и н ы (у двери громко). Я молчу... Да, я пока молчу... А я могу и не молчать... Я могу так врубить — они костей не соберут, но я молчу. *(Возвращается, раздевается.)*

Ж е н щ и н а. Кто там?

М у ж ч и н а. Ошиблись дверью... Если б пошел по этой линии, вы бы все у меня в ногах... А я не могу по

этой линии, грудь выпячиваю — живот получается. Вместо баса — альт, вместо шеи — поросячий хвост. И главное, когда обещаю, думаю, как же я это выполню... А думать не надо... Вперед и пораньше... Выше и лучше... Шире и уже.

Пьют.

Ты видела, чтобы у директора кто-то спросил про эти ручки, которые ты сегодня чертила? Кстати, ужасно, что ты не можешь рассчитать.

Женщина. Я считала...

Мужчина. Ничего ты не считала. Магазины в голове.

Женщина. Как вам не стыдно?

Мужчина. Какие интересы дела?.. При чем тут дело?.. Главное — как ты выглядишь, какая у тебя фамилия, кто у тебя родственники. Вот как получается... А я бы так... Ты большой человек, у тебя сегодня великий пост, хорошо... Так сколько ручек на крышку ставить? А? Не знаете? Все! Билет на стол. Квартиру под детсад — и домой по шпалам, по шпалам...

Женщина. Успокойся, Миша... наладится...

Мужчина. «Наладится!» Когда наладится, когда?.. Ну, пошли. Завтра на работу... Э-эх!..

Собрание на ликеро-водочном заводе

Председательствующий. Разрешите собрание актива нашего сорок восьмого ликеро-водочного завода считать открытым.

Аплодисменты.

(Наливает из графина.) Товарищи! Сегодня мы решили поговорить на наиболее важную тему: изыскание внутренних резервов. Состояние дел на участке транспортного цеха доложит нам начальник транспортного цеха Опря Николай Егорович.

Начальник транспортного цеха. Ха!
(Наливает из графина.) Ха! Василий Иванович, ну

что докладывать? Есть достижения, есть! В обеденный перерыв люди отдыхают. Автосцепщик Харитон Круглов опять взял на себя, как и в прошлый год, и с честью несет. Обещал, в общем, не дожидаясь конца года... Вслед за ним шофера — водители ящично-разливочной тары Ларионов и Кутько тоже взяли на себя... Завозить точно в указанный в путевом листе магазин с максимальным попаданием и минимальным боем по пути. Свести бой по дороге от завода до магазина к приемлемой цифре: пятьдесят литров на тонно-километр водки и двадцать пять килограммов на тонно-километр дорогих коньячных изделий. *(Наливает из графина.)* Теперь самодеятельность. Артисты, приглашенные нами на Первое мая, до сих пор не ушли. Мы все знаем их репертуар. И еще. Мы, конечно, привыкли, но молодежь пугается чертей, которые водятся у нас на складе готовой продукции. Уборщица Симакова в пятницу за час перед концом дня вызвала начальника пожарной охраны завода, и они вдвоем пытались изгнать чертенка из междуящичного пространства. Он дразнился, кричал ерунду, прыгал по плечам, нагадил и скрылся в трубе. К концу недели уже многие его видят. А сейчас он стал появляться с друзьями. Мы должны что-то решить здесь. *(Наливает из графина.)* Теперь культмассовая работа. Артисты до сих пор здесь, хотя многие из нас сами поют... Физико-акробатический этюд, который мы недавно взяли на работу, дис... дис... квалифицировался. Отказываются стойки там вниз руками. То есть под нашим наблюдением после двух попыток выдержать нижний рухнул, и вся пирамида на нем.

Председательствующий. Рыг... ламент!

Начальник транспортного цеха. А как же. Вот... Поэтому я предлагаю назначить перевыборы на любой момент. Нам это только давай, если, конечно, красивая женщина. *(Садится.)*

Председательствующий. Так... *(Наливает из графина.)* Теперь попросим на трибуну начальника транспортного цеха. Пусть доложит об изыскании внутренних резервов. Доложите нам!

Начальник транспортного цеха *(снова на трибуне. Наливает)*. Если вопросов нет, я начну. Наш транспортный цех, изыскав внутренние резервы, задолго до окончания успешно встретил Новый год! Мы перевезли по маршруту винный склад — винный

магазин сорок пять тысяч восемь миллионов триста шестьдесят четыре и шесть десятых литра крепких, крепленых и слегка разбавленных изделий. Водители Ларионов и Кутько обещали сэкономить тонно-километров вдвое и бой тары произвести с учетом интересов...

Председательствующий. Спасибо! У вас есть вопросы к докладчику?

Начальник транспортного цеха. Нет...
(Садится в трибуну.)

Председательствующий. Теперь попросим начальника транспортного цеха. Расскажите нам об изыскании внутренних резервов. Начальник транспортного цеха?! Он в зале?

Начальник транспортного цеха (с трибуны). Он здесь, здесь!

Председательствующий. Молодец, быстро добрались. Доложите нам!

Начальник транспортного цеха. Товарищи! Водители Ларионов и Кутько, используя слабые места и встречный план, а также порожняк, взяли на себя допол...нительные обязательства и приказали долго жить. (Наливает из графина.)

Председательствующий. Ну, вот. Значит, справитесь?

Начальник транспортного цеха. А как же.

Председательствующий. Ну, вот... А где наш начальник транспортного цеха? Интересно, как у него? В прошлом цех хронически отставал. Если его найдут, немедленно на трибуну. Где начальник транспортного цеха?

Начальник транспортного цеха. Здесь, здесь... Товарищи водители... Наш цех хронически отставал, теперь он хронически обгоняет и задолго до конца встретил Новый год. Водители Ларионов и Кутько, используя один двигатель на две бортовые машины, взялись обслуживать максимальное количество потребителей с одного штуцера прямо в гараже, чтоб напрасно не возить по магазинам... С одной заправки Ларионов и Кутько выезжают с утра на линию и возвращаются в гараж поздно днем, где и ночуют, не заходя домой уже второй месяц, обтирая самосвал ветошью из своих одежд.

Председательствующий. Спасибо.

Н а ч а л ь н и к т р а н с п о р т н о г о ц е х а. Пожа-
луйста.

П р е с е д а т е л ь с т в у ю щ и й *(наливает из графина)*. Жаль... Жаль, что нам так и не удалось послушать начальника транспортного цеха.

Н а ч а л ь н и к т р а н с п о р т н о г о ц е х а. Ну и черт с ним!

П р е с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Но выговор мы ему запишем.

Н а ч а л ь н и к т р а н с п о р т н о г о ц е х а.
А как же!

П р е с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. От молодежи завода ученик кладовщика младший штуцерщик на налив с крепостью до сорока.

Над трибуной возникает всклокоченная голова.

Г о л о в а. Мы, молодые штуцерщики... *(Падает.)*

П р е с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Жаль, что он ушел.

Г о л о в а *(поднимается)*. Я никогда не забуду своего учителя смесителя Валобуева Григория Григорьевича. Он уже на пенсии в больнице в тяжелом состоянии, но его заветы-указания... Управление штуцером высокого напора он завещал нам, молодым. *(Исчезает, затем вновь появляется.)* И мы, молодые... Мы, молодые... *(Исчезает.)*

П р е с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Ну молодежь, не усидит. Так и мелькает, так и мелькает. Товарищи, что-то тихо стало в зале. Есть предложение пригласить вторую бригаду артистов, когда уйдет та бригада, которую мы пригласили в прошлом году. Кстати, кто их видел и где их видели? Я их в прошлом месяце встретил в разливочном. Домой не пишут. Некоторые одичали, бродят по территории, прячутся от людей, не имеют зимнего, в плащ-палатках, костры жгут, с капотов снимают ватники. Кто видел юрисконсульта? Мы его взяли два месяца назад. На проходной говорят, не выходил. Надо найти, у нас к нему вопросы накопились. Теперь, такси в прошлом году вызывали. Машина уже заржавела. А он где?.. Жена каждый день ходит.

Товарищи! Кто водил студентов по цеху готовой продукции? Где экскурсия? Это ж уголовное дело — триста человек политехнического вуза. Мы должны их вернуть. Хоть часть. У них же родители есть.

Теперь — доска Почета. Справедливые нарекания вызывает. Нет, не у нас. У пастылей... у посетителей. Вот вы фотограф... Не вспыхивайте... Почему вам не везет? Жуткие рожи на доске Почета. Не надо у станка. Надо искать момент. Надо поймать его до работы, когда его еще можно узнать. Теперь, вы сами фотографировали президиум собрания. Укрылись попоной. И что же? Человек не голубь. Он не может долго сидеть неподвижно. А вы, понимаете, под попоной... Не знаю, что вам туда носили. Мы, понимаете, ждали команды. Я уже не говорю о качестве снимков, но аппарат и штатив у вас государственные. Так будьте добры! *(После паузы.)*

Не надо рваться. Все хотят.

И чтоб не забыли поздравить женщин. Скоро Восьмое марта. Три месяца пробегут как пятнадцать суток, а наши женщины нездоровленные останутся. А они во многих отношениях не хуже нас и уже почти не отличаются. А главное — несут на себе тяготы. И не забыть их поздравить! Если забудешь, мы напомним сурово, по-морскому, по-мужицкому.

А что? Филимона Скибу вернули в семью. Его там шесть лет не было. Ходит сейчас туда.

Если женатый, так ночуй! А не хочешь, поговоришь с нашим месткомом. А то, что многие не доходят до семьи, а располагаются в скверике, коротают, чтоб завтра поближе, то нами будет послан специальный бульдозер. Мы этот муравейник потревожим. Не надо выражать нетерпение: все хотят. Я чувствую, наш сегодняшний разговор произвел глубокое впечатление на всех сидящих и кое-кто наматал на винт. А, матросы?! А вот теперь прошу к столу.

Голос...

Улица. Какой-то столб. Очевидно, остановка. Раннее утро. Первый озябший прохожий. То ли идет на работу, то ли возвращается от любимой, то ли уходит от жены. Проходит и уже совсем скрывается, но что-то заставляет его вернуться обратно. Какие-то звуки, напоминающие тихие раскаты грома или уханье.

Прохожий прислушивается, оглядывается — никого.

Нагибается, припадает к земле. Голос становится более разборчивым. Понятны отдельные слова: «Именно поэтому... невзирая на неоднократные...»

Появляется второй прохожий. Останавливается, смотрит на первого. Первый пожимает плечами — шнурок развязался... Смотрит на часы: «Ая-яй, опаздываю, а автобуса все нет». Но никуда не отходит. Второй прислушивается... Оба избегают смотреть друг на друга.

Г о л о с. Вопросы сельского хозяйства продолжают оставаться... Хотя многое сделано...

Людей становится все больше. Они стоят в напряжении, подходят поближе. Похаживают рядом, опасаясь друга друга. Появляется женщина с ребенком.

Ребенок. Мам, кто это?

Женщина. Идем, Валерик.

Ребенок. Дядя!

Г о л о с. Что тебя интересует, мальчик?

Все бросаются в центр.

К р и к и. Он слышит нас! Он слышит! Эй...

Первый мужчина. Стойте! Стойте! Я спрошу. Вы можете отчетливее говорить? Вас плохо слышно... Что? Да, медленнее... Граждане, не толкайтесь. Я с утра здесь. Я первый подошел. Дайте вопрос задать.

Женщина. Я спешу на работу. Вот муж у меня... ребенок вот... Муж пьет... Я в ночной... Он все пропивает. Ребенка в школу не в чем. А я иду на работу, он с ним дома остается. Дите все видит. Он дерется... Так как же?..

Парень. Что?

Женщина. Как же?

Парень. Слушайте, почему не показывают фильмов Чаплина? Говорят, великий, прогрессивный и не показывают, и не объясняют почему...

Второй мужчина. Товарищи, разрешите мне... Отойдите, пожалуйста! Отойдите! Ну я прошу, отойдите, пожалуйста. У меня секретный вопрос... Ну отойдите, вас же просят...

Освобождается круг.

Видите, я—как бы так выразиться—сатирик... Так сказать, свободный художник... Вы не скажете, что сейчас можно?.. В области сатиры... Так, чтобы раз-

махнуться — и на какое-нибудь руководство куплетик или намек... А?.. Ну хорошо, а на областное?.. Ну ладно... А на городское?.. А на какое?.. На районное. Оно у меня уже не рифмуется ни с чем.

Вторая женщина. Расскажите, пожалуйста, о землетрясении. Только не надо общих фраз. Подробности... Да, землетрясение... Я знаю, что в спокойной обстановке. Но кто-то же ранен. Кто-то погиб. Город разрушен. Мне нужны подробности. В них вся суть. Вы понимаете? У меня там близкие.

Третья женщина. Говорят, самолет разбился. Говорят, пожар был. Говорят, много людей погибло.

Парень. Говорят, судно наше где-то затонуло, но, говорят, команду спасли.

Девушка. А еще говорят, кровь можно сдавать на сертификаты... Не слышали?.. Я бы пошла, мне пальто нужно.

Второй мужчина. Кровь сдавать за сертификаты?! Да гори оно, то пальто. Зашел в ГУМ, купил, что есть, и пошел к чертовой матери.

Девушка. Сами носите этот мешок. А я кровь сдам и куплю пальто английское и сапожки.

Второй мужчина. Ты дуручка, ты не знаешь, что главное. Тебе сейчас кровь не дорога. Потом за каждую каплю платить будешь. Здоровье не бережешь.

Девушка. Что его беречь? Мне надеть эту дерюгу — уже полжизни нет.

Парень. Она права. Сами из-за границы только шмутье и возите, математики, не математики, а все сувениры тащат... А она молодая. Она что, виновата, что есть деньги, а есть сертификаты. Что есть дерюга, а есть пальто, что есть кирза, а есть сапожки. А у нее ножки красивые. А ты не поймешь. А я понимаю.

Второй мужчина. Да что вы на меня налетели, что я, против, что ли?

Парень. И не лезь. А ты не плачь... Вместе кровь сдадим. Я себе тоже чего-нибудь куплю... Алло!.. А чего не показывают фильмов Чаплина?..

Четвертая женщина. А верно ли. что была сидячая забастовка баптистов?

Третий мужчина. Ну, товарищи, что вы такие вопросы задаете?! И вообще, куда вы напираете?

Четвертая женщина. Да говорят, он только до трех.

Второй мужчина. Да нет. Он сказал, пока

всех не примет, не уйдет. Что это вам, райисполком, что ли?

Пятый тихий мужчина (с портфелем). Простите, одну секундочку... Извините, пожалуйста, товарищ, скажите, когда балансовая комиссия намечается в Гипрокоммунэнерго?.. Приблизительно... А?.. Что вы говорите?.. Такси!.. Такси!..

Шестой мужчина. Товарищи. Что вы какими-то кастрюлями интересуетесь? Господи, да у нас столько вопросов накопилось... Важных, на которые давно уже нет ответа. Послушайте, милый, а где сейчас всем известный?.. Ну? Говорят, он болен... Что вы говорите?.. А где он живет?.. У него пенсия есть?.. Но морально, морально, конечно, я ему не завидую... Говорили, что он ослеп... Ну знаете, был-был и исчез... А где сейчас ччч... шшш... и дррр?.. Что вы говорите?.. Работает?.. Кем?.. И на зарплату?.. А в трудовой книжке у него как записано?.. Судьба играет человеком. А мне это нравится. Никто не застрахован. Сегодня ты ого-го! Смотреть на тебя шея болит, а завтра тебя хрясь, ба-бах! И ты в такой, извините, яме, смотреть на тебя поясница ноет.

Девушка. Гражданин, вы понимаете, что здесь очередь?

Шестой мужчина. Но я же дождался своей очереди.

Четвертая женщина. Совесть надо иметь. Четыре минуты положено.

Шестой мужчина. Это не автомат.

Четвертая женщина. У всех вопросы, у всех. А вдруг он замолчит, у кого я спрошу?..

Вторая женщина. Не мешайте ей, не мешайте.

Четвертая женщина. Вот ушла я на пенсию... Я же не жила совсем... Я в театре три раза была, один раз — на юге, два раза — на выставке. Муж пил, сейчас сын пьет... Ушла я на пенсию. Я не жила совсем.

Второй мужчина. О чем вы его спрашиваете?

Четвертая женщина. Да вот спрашиваю, как же?

Второй мужчина. Ну что он вам скажет? Вы чудачка. Ну, так уж... Что тут сделаешь?

Вторая женщина. Иди, милая, иди.

Четвертая женщина. Может, лекарство какое есть, чтоб они пить перестали?

П а р е н ь. А почему они Тома Джонсона не приглашают? Почему, вот почему?.. Идейно слаб, так мы это знаем.

В т о р о й м у ж ч и н а. Я вот не понимаю вас. Почему вы говорите — они? Они не приглашают. Они разрешают, не разрешают... Не понимаю.

П а р е н ь. Не понимаете?.. Вот если перенесли остановку троллейбуса или начали что-то строить, я прихожу на это место. Стоп! Забор стоит... И ничего на том заборе нет, ни звука. Я говорю: они запретили движение, они перенесли остановку, они поставили забор. Правильно?.. А если на том же заборе вместо мата написать: мол, здесь будет то-то, то-то... Остановка перенесена, потому что то-то, то-то. Движение запрещено временно, так как то-то, то-то. Тогда я скажу: правильно — мы строим здесь дом, мы перенесли остановку. Я тогда в этом деле как-то участвую, со мной советуются, меня информируют, меня любят, черт побери!!! Понятно вам?

В т о р о й м у ж ч и н а. Чего вы на меня нападаете?

П а р е н ь. А чего вы лезете?

С е д ь м о й м у ж ч и н а. Личность, личность — так?

Появляется пенсионер.

П е н с и о н е р. Эй, слышь! А ну-ка, вылазь оттуда! А ну, давай, давай!.. Что??

Г о л о с а. Голос там.

П е н с и о н е р. Чей голос? Какой голос?.. Религиозный, что ль?.. А ну, бросай дурака валять! Вылезай!

Вокруг зашумели.

Ж е н щ и н а. Это голос, что вы не понимаете?.. Оттуда.

П е н с и о н е р. «Оттуда»?.. Да понимаю... Все понимаю! Как он туда влез? Пьяный, наверно, скотина. Водопроводчик. Мутит воду.

З а и к а. Ка-кой водопроводчик? Ка-ак же он туда влез? Вы посмотрите, ни-игде лю-ука нет.

П е н с и о н е р. Это ты не видишь, а он найдет. Они хитрые. Они все такие. Они не русские.

З а и к а. А при чем тут русские или не ру-усские? У нас все нации одинаковые.

П е н с и о н е р. Вон и ты, я вижу, лысый... Все вы тут не русские.

П а р е н ь. Чего ты смотришь? Дай ему по роже, гаду. Ну, дай, ну ради меня.

З а и к а. Да-ай... Ни-ичего, он сам умрет.

П а р е н ь. Как таких земля носит? Ты для чего на пенсию уходишь? Чего ты такой злой становишься, тебе же приличную пенсию дают? Что ты влезаеть во все? Проваливай, а то до аптеки не дотянешь.

П е н с и о н е р. Вот и ты не русский.

П а р е н ь. Я не русский. Понял, гад, я не русский. Один ты русский. Иди отсюда, понял, нет. (*Запускает в пенсионера камнем.*)

С е д ь м о й м у ж ч и н а. Личность, личность как одинокая имеет право на существование?

Т р е т ь и й м у ж ч и н а. Товарищи, задаю самый трепещущий вопрос. Когда будут снижены цены на автомашины?

С е д ь м а я ж е н щ и н а. Да что вы, я не знаю... Обувь, одежда, все деньги на еду. Что вы сказали?.. Мелочи быта... Сколько чугуна на душу?.. Ого!.. Уже выпускаем?.. Какой? Нижне-Тагильский? И какая мощность домны?.. Ого! Все! Убедили!

З а и к а. Па-астойте... Зарплата будет повышаться?..

В о с ь м а я ж е н щ и н а. А у профессоров семьсот в месяц, пусть им срежут.

П а р е н ь. Почему им должны срезать? Пусть вам добавят.

Ж е н щ и н а. Пусть им срежут.

П а р е н ь. Вы понимаете, что вы говорите?.. Почему вы хотите, чтобы кому-то стало хуже? Почему у кого-то нужно отобрать, чтобы вам добавить?

Ж е н щ и н а. Пусть им срежут!

С е д ь м о й м у ж ч и н а. Личность, личность как одинокая?

Ж е н щ и н а. Отстаньте вы со своей личностью.

С е д ь м о й м у ж ч и н а. Почему это я должен отстать? Я так же стою, как и вы.

К р и к. Товарищи, он молчит!!!

Г о л о с а.

— Эй!

— Алло!

— Эгей!

— Дядя!..

*Появляется пенсионер с милиционером.
Все стоят на коленях.*

М и л и ц и о н е р. В чем дело, граждане?.. В чем дело?.. По какому поводу собрались?

Тишина. В тишине вдруг заговорил голос: «Вопросы материальной заинтересованности, к сожалению, продолжают оставаться...»

М и л и ц и о н е р. Что, вы говорили, здесь слышно?
П е н с и о н е р. Они говорят, вроде голос какой-то...
М и л и ц и о н е р. Какой голос?

Тишина. В тишине явственно заговорил голос: «Вопросы зарплаты...»

Ничего не слышу... Вы слышите?

П е н с и о н е р. Не слышу. А как же... Конечно, не слышу!

М и л и ц и о н е р. А вы что слышите?

В т о р о й м у ж ч и н а. Я? Я тут... У меня шнурок развязался... А так я ничего не слышал.

М и л и ц и о н е р. А вы?

Ж е н щ и н а. Господи, никто ничего не слышал.

М и л и ц и о н е р. Ну и разойдитесь. Все движение перекрыли. (*Пенсионеру.*) И вы идите. Идите, идите... Все идите... Делать нечего, давайте, давайте... (*Остается один.*)

Сигнал.

(*Берет трубку радиотелефона.*) Дежурный Савченко. Я, товарищ лейтенант... Да, на углу Лесной и Баранова... Голос?.. (*Оглядывается.*) Есть... Говорит, товарищ лейтенант... Оцепить?.. Есть! Оцепил!.. Что?.. Насчет жалованья в милиции?.. Понял. (*Нагибается.*) Эй!.. Эй!

Болеем, болеем!

Это меня сейчас все не волнует. Меня сейчас волнует совсем другое: как у наших пойдут дела в будущем сезоне. Я всю жизнь болею за футбол. У меня от семечек язва желудка. Вот ты молодой, ты еще не знаешь, что это такое, да? Тебе весело живется: мальчики, девочки, танцульки. Подожди, будет и язва. Ну, это меня все не волнует, меня сейчас волнует совсем другое, меня сейчас... Давно ли я болею? Хе-хе. Тебе сколько лет? Двадцать два? Чудный возраст. Мальчики, девочки, тан-

цульки... Так вот, когда твой папа страдал детскими болезнями и лежал пересыпанный тальком, я уже играл за сборную Одессы хавбеком. А на воротах стоял мой брат Ленья, и мы играли с турками. Или это были не турки, но очень похожи. Они нас били по ногам, чтобы мы не играли, а мы что делали? Мы прыгали, чтобы нас не били. Я, помню, взял мяч на голову, а это оказался кирпич. Я побежал вперед. А куда бежать — сзади свои. Тут мой брат как крикнет: «Прыгай, Сеня, сзади!» Он так крикнул, что я так прыгнул, что я увидел море, пароход «Крым» и Дерибасовскую. Сломал ногу. Правую сломал. Ниже возьми, возьми ниже... бери. Ниже... а-а-а, да-да, здесь. Вот он спрашивает, долго ли я болею? Я тебе скажу, когда гол, где, кто забил, в какие ворота.

Когда Одесса впервые выиграла у Киева, у меня родился ребенок. Сколько ему сейчас? Сейчас я тебе скажу. Сейчас, подожди, значит, это был тридцать третий год. Значит, стадион «Водник». Он бил правой ногой в левый угол. Я сидел в пятнадцатом ряду. Да, ему сейчас сорок лет, моему сыну. А что, Одесса это Одесса, я всю жизнь на стадионе. Всю жизнь. Моя жена несчастная женщина. Она не может смотреть на меня без слез. Она мне прочитала, что в Бразилии кто-то умер на стадионе. Так я ей сказал, что я бы тоже умер спокойно, если бы увидел такую игру. Чтоб они так играли, как они пьют нашу кровь!

У вас здесь те же дела, все то же самое, с «Зенитом» с вашим, тут. Когда они почему-то выиграли, у моего брата не выдержали нервы. Он схватил с лотка бублики и начал разбрасывать в народ. Он не помнит, сколько он бросил. Разве сосчитаешь, когда сдают нервы? Он бросил пятьдесят два бублика. А что, Одесса это Одесса, и футбол — это главное. Те, кто когда-то говорили о политике, теперь говорят о футболе: тоже защита, тоже нападение, тоже разные системы.

Я всю жизнь на улице. Всю жизнь. Дома у каждого свои неприятности: жена, квартира, зарплата. Выходишь на улицу — все хорошо. Так я понял, что мы внутри не умеем жить. Кто нам виноват, что на улице все хорошо, а дома — неприятности? Сами себе. Я, помню, взял у жены зарплату, всю. Начал сам распределять. Провалился с треском. Отдал ей все обратно до копейки. Она сейчас сама распределяет. Ей тоже не хватает.

Ну, что, скоро сезон, побежим на стадион. Мы, как древние греки, черпаем силу с поля. Но это меня сейчас все не волнует. Меня сейчас волнует совсем другое...

О, чтобы они горели, как они пьют нашу кровь!

Свадьба на сто семьдесят человек

Весь двор собирается. Двор приглашен. Гости из других городов. Пиво свозят...

— Очень хороший мальчик. Нет, не тот, уже другой.

— Очень хороший. Его родители дают деньги на свадьбу. Ее мама просила всех достать черную икру и печень. Может быть, — на пароходе?

— А?

— Боржоми, боржоми... Вы не в минеральной? А где? В сберегательной? Но это же рядом с минеральной... А жить они будут у нее пока, потом построят кооператив.

— Не спешите, Сема. У него инфаркт, у него почки, Сема, не бежите... У него РОЭ — шестьдесят...

— В такую жару. Кто женится в такую жару?..

— Разве прикажешь, нагрянуло на них...

— Что нагрянуло?

— Чувство. У вас не бывает?

— Нет. Я в такую жару не могу.

— А кто этот высокий, красивый?

— Из Баку. Это его друг.

— Мальчика?

— Ее отца. Он инженер и еще что-то... С этого «что-то» он и живет.

— А чем занимается его отец?

— Не спрашивайте. Он такой отчаянный. Все говорят, Рафик, перестаньте. Он не перестанет. Сто семьдесят человек — на свадьбу, и не боится.

— Когда же кончится эта лестница?

— Это же на крыше. Сема, отдохните, Сема. Ой, наконец-то. Смотрите, смотрите — оркестр. Это он, в черном костюме?

— В такую жару...

— Что — жару? Что — жару? А что ему, в трусах быть? Жених же. Вы такая странная.

— А это кто?

— Это тетя с ее стороны. У нее давление, печень, почки. Она сейчас в больнице лежит.

— Как же в больнице, когда она здесь?

— Ну, значит, сбежала. Она еле дышит.

— Гришенька, подойди поздравь невесту, дай ей этот конверт. Скажи, от имени папы и мамы купите себе что-нибудь. Поздравляю вас, Женечка, чтобы ваши дети видели только хорошее, чтобы в их жизни было только солнце и чтобы вы сами могли разогнать тучи, которые набегут. Честное слово. А, они такая пара, дай бог. Скоро они вас сделают бабушкой, а вы им сделаете дядю... А?.. Нет?.. Давление?.. Ты все сказал? Ну, иди к детям... Смотрите, какие столы... Что?.. Нет, Гриша, где ты видишь, чтоб кто-нибудь сел за стол? Иди к детям, играйся... Ты не можешь терпеть? Ты же дома сделал. Ты не можешь терпеть?! Светочка, желаю вам с вашим мужем счастья, солнца в вашей жизни и здоровья и чтоб вы сами могли разогнать тучи, которые набегут. Где здесь?.. И налево... Нет, он же у меня мужчина. И направо... Идем, я постою у дверей...

— Кто? Вот этот?.. Артист? Где он артист? В филармонии? Что вы думаете?.. Ой, он света белого не видит, сплошные разъезды.

— А это его жена?

— Ой, он ее не видит, она его не видит. Богема, рестораны, девочки... Что она видит?

— Она что, тоже актриса?

— Она с ребенком. А что видит ребенок? Отца он не видит. Ой, что он ей присылает! Она ему посылает обратно, на девочек...

— А кто этот красивый?

— Зубной врач.

— Здравствуйте, доктор. Как вам стол?.. Скажите, у меня передний еле держится, но боли я не чувствую. Потрогайте... Его можно спасти?.. Один я спасла... Нет, вы его не застали, я его уже удалила, но сначала я его спасла. Мост?.. Когда я могу к вам зайти? Как вам стол? Дай бог нам всем...

— У кого был микроинфаркт? У этого? А! Такой розовощекий, такой полковник...

— Сели, сели... Садимся за столы...

— Ой, извините, я пройду к своим, да! Да, держите

мне там место! Все свои, я понимаю, но здесь я никого не знаю. Я не пианист, я хочу кушать.

— Не тяните к себе стол, придвиньте стул. Смотрите, там пятнадцать человек упало с доски...

— Потому что люди невыдержанные!!!

— При чем тут люди? Это доска.

— Товарищи! Вы же не хотите, чтобы для вас свадьба была испорчена? Давайте встанем и перевернем доску поструганной стороной вниз.

— Что — смотри, на кого мне смотреть?.. Мама, ну перестань с ней знакомиться. Ты ей не нравишься... Что значит, она пришла ради меня? Мама, ну что ты к женщинам пристаешь?.. Я не хочу! Она не хочет с тобой знакомиться... Через кого?.. Она ей не тетка, она ей соседка во дворе. Еще не поздно. Тридцать пять так тридцать пять. Мама, не нахальничай... Ой!.. Здравствуйте... Эдик... Нравится... А вам?.. Весело... А вам?.. Не смотрел, а вы?.. На заводе... А вы?.. Читал... А вы? Я — вино... А вы?.. Сейчас... Водка у кого? Передайте, пожалуйста... За вас также... Что вы! Я — вино... Ой, нет, быстрый, я не танцую... Нет, ну нет, не тяните меня. Я не могу быстрый. Ну, я... Ой! Ать! Ать! Ать! Да, как будто полотенцем. Мне говорили, ать-ать-ать... Нет, я не знаю... Я по вечерам занят... И завтра не могу. Только рабочий — 25-77-64... Эдика... Мама, ну перестань, все смотрят... Они мне не нужны. Ну, я не чувствую тяги... Они все равно потом уходят. Ну, чего-то во мне не хватает. Ну, не нужно к врачу, мы уже ходили. Мне так легче, мамочка. Не порть мне праздник. И не плачь, мамочка. Я не буду одинок, у меня будут друзья... И на старости, разве мы не вместе будем стареть? Ну, не плачь, давай смотреть, как люди танцуют...

— Да, да!!! Это она с сыном. Ему под сорок. Там трагедия. Отца нет. Мать все тащит на себе. А он привык, и ни за что. Это уже не человек.

— Извините, я к вам подсяду. Ничего, я не помешал?.. Как ваши дела? Пишете... Вы знаете, последняя вещь у вас что-то не очень. Может быть, я чего-то не понимаю, но не цепляет... Смешно и все, но не ранит глубоко, не цепляет... Почему бы вам не попробовать отойти от этого стиля и начать что-нибудь в стихах? Гонорар пополам. Ну, ладно, берите себе весь. Наверное, задыхаетесь без тем... А из меня этих тем фонтаном... Но я не могу оформить... У меня даже песни

есть. Но я не могу оформить. Мы можем вместе написать какой-нибудь сценарий. Я каждый день бываю в суде. Я на пенсии. Там такие дела!.. Вы слышали дело с «уйди-уйди»?.. А с авторучками?.. Сколько там было левых стержней. А разводы?.. Один день посидеть на разводах — можно духовно обогатиться. Ну, хорошо, я вас извиняю, но мы еще поговорим. Как вам свадьба?.. Тысяч десять, но развод не менее интересен... Но мы еще поговорим? А?

— Ой, Миша, что ты знаешь? Это для тебя! Это просто находка. Его родственники живут у меня. Они приехали, и им некуда деваться. Это просто миниатюра. Десять человек с двенадцатого. За всеми надо ухаживать, каждому почет, а то, не дай бог, обидятся. Первый встает в шесть утра и хочет яичницу — я жарю. Старуха не спит всю ночь — она ходит, она бормочет... Я ванную закрыла, вынула пробку и заперла в шкафу, так они целый день под душем. Старухе нужно молоко, старику я тащу на себе арбузы — ему нужно почки промывать. Этот не ест говядину, тот не может соленое, этому нужно отметить командировку... Десять человек. Я взяла напрокат раскладушки. Троем я готовлю диетный стол, одному ловлю такси, потому что он не умеет ловить такси и не знает, где их ловить. А кто-то из них уже пропал. Утром их было девять. Он что-то ушел три дня назад, он кем-то приходится жене, тоже приехал на свадьбу. Мы его через милицию искали. Но никто не знает, как его зовут, и откуда он, и сколько лет. Я помню, в клетчатом. А что значит для милиции — в клетчатом? Он попросил кефир и ушел смотреть город. Так три дня его не было. Я уже думала, не придет. Ждали его сегодня, ждали... И что ты думаешь? Свадьба начинается — его нет! Свадьба идет — его нет! А сейчас, думаешь, он есть? Сейчас его тоже нет!!! Я думаю, он придет завтра. Ну, что, не миниатюра? Я сварю ему остатки. Две выварки остатков. У нас их столько — можно накормить полк. Приходи с друзьями, а? Эти десять человек с двенадцатого еще два дня будут. Да, их уже девять. Я им говорю, это история для Миши: я ему расскажу, пусть напишет. Это просто эстрадная миниатюра. Напиши, пусть народ посмеется на здоровье... А здоровье — это главное. А? Миша, ты еще не жалуешься? Все. Ухожу. Уступаю его вам, девушка...

— Почему вы не танцуете? Вы обдумываете, как

это описац? А почему вы такой грустный? Это все юмористы такие грустные? Мы читали ваш последний опус. Что-то не очень... А? Вы что-то там не докрутили... Гдзе ваша жена? Что вы говорице? Все так говорят. А дзевушка? Ну, расскажице что-нибудьз. Ну, быстренько. Что вы на нее так смотрице? Ее сыну двадцать лет. Он в Цирасполе у мамы. Она, конечно, танцует, а мама там стирает день и ночь... Ну, быстренько, что-нибудь смешное. Тсс. Тихо! Он сейчас... Почему нет?.. Танцуете?.. Не хочет. Ну, он не хочет. Ну, хорошо, оставляю вас наедине со своими мыслями...

— Сюхай, Миша, что ты не пьешь? Давай по одной... Сюхай, это правда, что у Райкина у детей инфаркт?.. Нет?.. Такое наговорят... Сюхай, а эти двое, а что, правда, что у того, у маленького, у жены инфаркт, а он глохнет и тот, высокий, его бросает, чтоб с глухим не мучаться?.. Так он не глохнет?.. От наговорят... А Рыбников жену бросил в положении без копейки, восемь комнат забрал... А что? Ну, да. Может, ты не знаешь?.. Ты смотри, такое наговорят. А Ларионова Баталова бросила без копейки с инфарктом на улице? Нет?.. Ты смотри... Сюхай, а где этот певец, что за валютные операции?.. Ну, что фунты продавал за рубли? А что? Он золото переправлял?.. Сюхай, от наговорят... Сюхай, а правда, что у жениха протез? Ты куда? Я с тобой... Ну, ладно... Миша, давай еще по одной.

— Почему она должна мне нравиться? Я понимаю, что она не моя жена, но она мне не нравится. Активно не нравится. Эта походка, эти зубы. А что она читала? Что она читала?! Ну и пусть себе на здоровье он на ней женится. Ну, у меня свои взгляды. Ну, все! Все!.. Смотри, как она одета... А что она читала?! А что через пять лет будет? Ну, хорошо, мне такая жена не нужна. Мне она, лично мне, — не нужна.

— Так что слышно? Как вы живете? Работа у вас интересная?

— Вера, ты слышишь? Да, интересная...

— Квартирой вы довольны?

— Вера! Вера! Ну, Вера! Он спрашивает, довольны ли мы квартирой? Довольны, довольны. А что? Вы хотели о нас писать... Пишите — довольны.

— В общем жизнь хорошая?

— Вера, ты слышишь его последний вопрос: как у нас с тобой жизнь? Он сказал — хорошая, я сказала —

да. Значит, хорошая, раз он сказал. Он же лучше нас знает...

— Доктор, извините, я к вам за столом.

— Ничего, ничего, ничего.

— Вы знаете, у меня здесь... как екнет! Я когда вздыхаю, вот здесь — внизу живота...

— Ну-ну-ну-ну?

— Что бы ни было в руках, я должна сесть... Доктор, я варю обед, я имею дело с газом, екнет и идет вверх. Вверху екнет и идет вниз. И я сажусь прямо на газ...

— Ну-ну-ну...

— Это опасно?

— Ну-ну-ну?

— Ой, чтоб вы были здоровы, доктор, вы такой шутник... У меня муж был такой же шутник, как он всех развлекал, покойник. Я горя с ним не знала.

— Да-да-да-да...

— Ой, идите уже, танцуйте!

— Нас было шестеро на сорок один метр, и я был в очереди на квартиру первым. Пер-вым! Так умер дедушка жены. Казалось бы? Человеку пришло время — кому какое дело? Так у нас уже пять на сорок один квадратный метр — и меня выбрасывают из очереди! Ну, один умер, но другие же хотят жить! Как они узнали? Как вообще такие вещи узнают? Ну, был человек, ну, нет его. Выехал, отдыхает, на учебу уехал... Я знаю? На пляже он. Так максимум спроси, почему его не видно. Максимум!!! Если он тебе так нужен. Но выбрасывать из очереди?! Они у меня не выигрывают ни метра. На их яд у меня свое противоядие. Я сказал Рите — срочно ребенка! Делай что хочешь. Мы должны им доказать... Мои дела... Он был таким здоровым. Он дышал по системе Мюллера. От его дыхания просыпался весь дом. За день до несчастья он танцевал, он пел, он тащил на себе дрова...

— Слушайте, Рита, вы видите этого старичка в драповом? Это благороднейший человек. У него жена умерла лет тридцать назад. Он ищет старушку... Если мы ему найдем, он будет ее любить. Может, Горбульскую? Хватит ей ходить по судам! А? Он в порядке. У него на книжке кое-что и в облигациях... Это на вид... Он здоровый, как буйвол. Фотограф на пляже. По колено в воде. Днем и ночью. Говорит, что чувствует себя, как никогда. Может, Герду Яковлевну? Что у нее

осталось от прежнего мужа? Антресоли и пристройка. Этот ей сделает больше. Он все руками. Он не доверяет никому. Он еще фотографирует тайно. Он и здесь фотографировал. Зиновий его чуть не убил. Зиновий приглашен официально, а этот фотографировал как-то через чемодан. У него золотая голова... Может, Римму? А?.. Что у Риммы? Дети? Пусть бросит. Пусть всех бросит. Он золотой. Ой, сколько ему осталось? Так все останется ей. Если она раньше, так дети останутся ему. Идите вы к ней — я к нему!

— Константин Залмович, не шевелитесь... Я продвигаюсь к вам... Не надо вставать... Я все скажу. Меня не слышно из-за музыки?.. Я говорю... вам меня не слышно из-за музыки?.. Я спрашиваю — это из-за музыки меня не слышно?.. Нет?.. Из-за чего меня не слышно?.. Из-за музыки?.. Да?.. Нет?.. Я спрашиваю, почему вы меня не слышите?.. Что, музыка громко играет?! А что?.. Я говорю, если не музыка, тогда что?.. Что вам не слышно конкретно?.. Все не слышно!.. Это из-за музыки?.. А, вы вообще не слышите?.. Ну, хорошо, как назло, мне нечем писать... Вы же слышали всегда... Что случилось? Вы заболели?.. Батарейка села... Как назло, мне не на чем писать... О! Миша, здравствуйте! Ой, чтоб вы были здоровы, у вас светлая голова. Вы у нас такой писатель, у вас нет ручки на минутку? Спасибо... А бумажки? А еще листик?.. А что-нибудь подложить?

— Раз-раз-раз-раз-два-три... Внимание! Дорогие друзья! Пусти... А сейчас Гришенька Литвак скажет тост за здоровье новобрачных...

— Почему я?

— Ну, скажи, скажи, скажи, скажи...

— Дорогая тетя Света...

— Давай, давай...

— Чтоб была свадьба эта...

— Чтоб гуляли до рассвета,

— Чтобы гости в целом...

— В целом свете...

— Не забыли свадьбу эту! Выпьем! Ура!

— Внимание! Раз-раз-раз... Пусти. Дорогие друзья! Торт, который вы только что съели, и цветы, которые вы еще не трогали, прислал дядя Олег из Омска.

— Раз-раз-раз... Внимание! Слово имеет мать невесты, то есть теща.

— Пусти, я тебе говорю...

— Пожалуйста, Зина.

— Дорогие гости. Я хочу извиниться за этот случай со столом. Мы разослали сто двадцать билетов, пришло сто пятьдесят человек. Я не хочу сказать, сколько здесь без билетов. Я думаю, тридцать один наглец. Мы всем рады. Но мы рассчитывали на сто двадцать. Я не знаю, кто без билета. Я не надеюсь, что они встанут и уйдут, это не трамвай. Кушайте на здоровье, но я хочу извиниться перед теми, кто с билетами, и перед нашими дорогими гостями из Кременчуга за пиричиненное недоразумение. Действительно, папа жениха не должен сидеть по диагонали. Ему столько стоила дорога и свадьба, что он вправе сидеть рядом с невестой, вместо этого старика, которого мы не знаем и который уже ушел!.. Но я сделаю вывод, я буду ходить на именины вдесятером и с незнакомыми людьми, чтоб я так была здорова. Боря сейчас в магазине докупает колбасу в его годы. Но кто считает? Просто неудобно за пиричиненное недоразумение. Горько! Чтоб они это знали. Горько!

— Раз-раз-раз... Внимание. Пусты. Слово имеет тетя жениха Герда Яковлевна Лихтенштуллершпиллештиль!

— Догогие, Лева и догогая Света. Чтобы вы были счастливы и здоговы, чтоб вы были веселы и цветущи... как в этот день и в этот час... Очки надену. Пусть вашей семьи не коснется ненастье и спутником будет любовь вам и счастье. Чтоб вхолостую годы не летели, и чтоб нянчить внуков вы успели, и жизни кгасивой, как эти цветы. Так нальем же бокалы, дгузья. Счастья и гадости дгужеской пагы, выпьем, и поскогее, дгузья. Уга! Гогько! Уга!!! Уга!! Ну, целуйтесь...

— Рая, останови его, в него уже больше не входит, ты будешь иметь ту ночь.

— Я имела уже прошлую ночь. Он мне устроил. Они на работе сдавали какой-то объект, и он что-то съел. Его начальнике что-то принес с Ближних Мельниц. Бандит, хулиган, какой-то квас или соус, и он съел — он же всего боится. Я уже имела ту ночь. Я ему говорю, ты не мог выплюнуть? Он все равно тебя не ценит... Так этот дурак ему не мог отказать... Все... Ты уже не будешь. Нет. Все. Я не могу больше смотреть. С меня хватит этих ночей, иди ночевать куда хочешь, только возьми соду и цитрамон. Рая, я не могу больше — он отнял у меня лучшие годы.

— Раз, раз-раз-два... Внимание! Ну, пусти... Слово имеет мама жениха. Свекровь Ибрагимовна... Тсс... Тише... Тишина... Тсс. Тихо. Ну, тихо же, пожалуйста.

— Я хочу выпить этот бокал за перестарелую бабушку с перестарелым дедушкой, которые давно уже не двигаются, но они все-таки выехали, чтоб разделить с нами наше счастье.

— Ура! Выпьем за недвижимость!

— Тихо. Как не стыдно? Дай бог нам дожить...

— Доживем, тетя Лиля.

— Я хочу видеть.

— И увидите, тетя Лиля.

— Ой, исправь сначала двойку по географии.

— Кто налил ребенку вино? Я хочу знать, кто налил? Боря, твой сын пьет вино. Пей, но тебе это выйдет боком. Боком тебе это выйдет!

— Раз-раз-раз... Внимание! Ну, пусти же, господи. Телеграмма из Черкасс: «Поздравляем бракосочетанием желаем счастья долго жить мы за вас здесь будем пить Боря Люся».

— Пусти... Из Нефтеюганска: «Дорогие Лева Света волнением узнали вашей свадьбе сожалеем не вами стремимся вам — Люка Танечка».

— Из Луганска: «Поздравляем Литваков сочетанием Лихтенштуллерштиллершпиллерами желаем совместной жизни успехов труде — коллектив хладокомбината».

— Это там, где Лева работал, из Баку. «Сердечно поздравляю новобрачных детям последующих поколений радости счастья первую брачную ночь мысленно вами ваш дядя Рудольф Клеменский».

— Как свет давно потухшей звезды — он умер, а телеграммы от него еще идут.

— Он жив.

— Это вы мне говорите?

— А кто вы такой?

— А вы кто такая?

— Я вчера его видела.

— Ну, может, я ошибся, но я старше вас в три раза.

— Не думаю. Мне тридцать.

— Я еще раз ошибся. Как вас зовут?

— Лала.

— Вы из Баку?

— Да.

— В сущности, мы одногодки. Вы танцуете?

- Нет.
- Выпьем.
- Нет.
- Просто поговорим.
- Нет.
- Кха... Мда... Ну, хорошо... Что это я хотел?.. Пустите...
- Рая, останови его, он уже не может.
- Не трогай его. Он нашел кого-то из начальства... Он такой трус. Кто-то ему с детства внушил, что с ними надо пить. У него на брудершафты ушло пятьсот рублей. Они переходят на «ты», а он все равно не может и мучается изжогой всю ночь...
- Шура, кто этот толстый?
- Он печально известен.
- Чем?
- Он директор еврейского кладбища.
- У тебя есть к нему ход?
- Через Зюзю. А что тебе нужно?
- Что мне от него может быть нужно?
- Сколько мест?
- Пока сделай два.
- Я сделаю три, тебе хватит на какое-то время. Только не подводить, места не могут ждать.
- Я тебя когда-нибудь подводил? Люди будут.
- Если будете в Коммунарске...
- Ну-ну-ну-ну-н...
- Сядьте на троллэйбус — и через пятнадцать минут вы в Перевальске.
- Да-да-да-да. Ну-ну-ну-ну и что, и что, и что?..
- Ну, ничего. Там я живу.
- И все, и все, и все?
- Раз-раз-раз... Внимание! Дамский танец. Женщины, подымите уже все свое и понесите навстречу мужчинам — они хотят танцевать. У нас такие инертные дамы, что просто теряешься. Дамский танец.
- Будешь инертной... Что я вижу? Работу и кошелки... Кошелки и работу. Газ с перебойми, вода с перебойми, только они болеют без перебоев. Будешь тут инертной. Хотя я стараюсь — в театр, я стараюсь — в кино...
- Да.
- У нее все дети такие.
- Да.
- Все музыкальные.

- Да.
- Она горя не знает.
- Да.
- Ребенок с одного годика уже бьет ножкой в такт.
- Да.
- Доктор, я вам говорю, что это что-то страшное...

Сколько мне, ну от силы шестьдесят пять. Ну максимум. И такой склероз. Я уже стоял в очереди к зубному врачу и вспомнил, что забыл дома зубы. Я сразу пошел к психиатру.

— Сема, не кружитесь, вы же провалялись полгода. У него был инфаркт. Ей плевать, ей лишь бы давай. Сема, вы опять хотите в постель? Кто я ему? Я ему никто. Я ему соседка во дворе. Сема, садьте.

— Раз-раз... Внимание! С вами прощаются Каменские, им завтра на работу, они дежурят в депо.

— Я хотел сказать... А где жених? А почему ты здесь? Бери невесту.

— Идем уже. Ты хочешь что-то ляпнуть. Ты уже сегодня получишь...

— Рая, я чувствую себя хорошо. Я хотел пожелать новобрачным большого внутреннего счастья и длинной дороги в казенный дом... То есть в кооперативный дом... Ха-ха-ха...

— Ой, надо идти. Гришенька уже хочет спать. Он сегодня хорошо выступал. Да, Гришенька? Как домой добраться?

— Что, не знаете? Дежурит автобус. Он развозит всех по домам.

— Тогда пошли. Гришенька, проснись, мамочка. Мы уже едем, автобус нас ждет. Он устал, бедняжка. Для ребенка четырех лет это все-таки нагрузка. Идем, идем... Вот уже многие идут... Сема... Сема... Будьте здоровы и счастливы...

— Остановите здесь, пожалуйста.

— А платить?

— Как? Разве не оплачено?

— Уже третья семья выскакивает. Я монтировкой пересчитаю всех... Оплачено? Оплачено?

— Тсс, тихо! Мы оплатим.

— Оплачено? Оплачено?

— А, в гостях хорошо, а дома лучше...

— Я хочу подышать, открой форточку.

— Сколько я тебе говорю, не пей. Ты же больше двух рюмок не можешь.

— Ой, мне нехорошо. Я пойду в садик.
— Куда ты пойдешь в четыре часа ночи? Я открою
окно...
— Я пойду в садик.
— Зачем ты пил? Ты смотришь на Борю, он здо-
ровый, а ты в закрытом помещении, зачем ты пил?
— Хррррр...
— Ой...
— Хрррррр...
— Ой...
— Хрррррр...
— Ой...
— Как он завтра встанет?
— Хррррррр...
— Два часа ему осталось...
— Хрррррр...
— Я уже не буду спать.
— Хррррр...
— Как он храпит! Он раньше так не храпел.
— Хрррррр...
— Уже тридцать лет, и никогда он так не храпел.
Бедный мой, бедный...

1972

Он — наше чудо

Он — наше чудо. Он — наша гордость. При виде женщины встает, дает ей стул, пальто. Не спит на собрании. После доклада о международном положении и происках реакции ему стало плохо. Остальные, окружив, долго смотрели на него и, даже проводив «скорую», не могли разойтись. Так это на всех подействовало. Через него сам начинаешь чувствовать. Ему скажут: «Не волнуйтесь, мы этот вопрос решим через неделю».

Он верит! Запоминает, приходит через неделю! И спрашивает: «Ну как?...» Что — как?! Все забыли, о чем это он. Ах, об этом... Через него чувствуешь. Мы им просто гордимся. Он ведь, в общем, вреда никакого не приносит, но удовольствия масса. Видит: «Посторонним вход воспрещен!» — не затолкнешь. Все туда рекой текут, что-то выносят оттуда, он — ни с места. Такая канареечка! Все-таки под сорок — и такое чудо маленькое.

А если по знакомству что-нибудь, то вообще не дай бог. Некоторые видят, как он живет, как одет, — пожалуют. Иди, мол, туда, я там договорился. Не идет! Серьезно!

К нам толпами валят, спрашивают: где он? Мы говорим, вот он, у окна. Он работает, а на него стоят смотрят. Одна чертежница жевала и смотрела на него полдня. Он же отказывается стричься, лечиться, дома все механизмы не действуют. Гонят его: иди стригись, лечись, чини — не идет. Не может в рабочее время. А в нерабочее время те же тоже не работают. При всем при том поговори с ним — ничего такого не почувствуешь. Никаких закидонов, как вы, как я... То есть, видимо, что-то есть, но внешне... Все ко мне бегают — я с ним рядом сижу. Я говорю: «Что вы бегаєте? Он действительно таковой. Не надо его раздражать».

Кстати, он холостяк. Мы его уже знакомили. Он симпатичный, если бы не одежда. Он же все — в магазинах... Еще в начале месяца, чтобы без очередей. Ну и выглядит

как из ДОПра. Все на нем «Скороход», «Красный богатырь», «Кемеровский промкомбинат». Но если эту кирзу и дерюгу содрать, он там симпатичный.

Знакомили, знакомили. Ну, конечно, эти женщины недовольны были. Даже пожилые, которым совсем терять нечего: стихи читает, книжки дарит, чай пьет — идиот, в общем! Нам тоже крыть нечем — у них факты. Мы говорим: «Ну, он такой. Принимайте его таким». — «Это что ж, он на зарплату жить будет?» — «Будет! Он же не прикидывается. Он действительно такой. Это же он как-то сказал: «Давайте напишем, пусть этого продавца заменят другим, будет иначе».

Честное слово, душой возле него отдыхаешь. Намотаешься где-нибудь, налаешься, наобещал тебе кто-то золотые горы, а сам вообще не явился — приходишь к нему: «Расскажи, как ты себе представляешь... Вот, вообще... Как бы ты хотел?.. А какие должны быть отношения?»

Он говорит, а ты сидишь, думаешь о чем-то. Как на берегу моря... Мы его очень бережем. Говорят, где-то девочка появилась, под Архангельском. Такая же. Если их познакомить, окружить плотно, накрыть чем-нибудь сверху — интересная порода людей может пойти!

Вы еще не слышали наш ансамбль...

Вы еще не слышали наш ансамбль, послушайте. Во-первых, у нас великолепный певец. Очень хороший парень. Отзывчив, всегда одолжит. Не курит, не пьет. Слова от него не услышишь. Мухи не обидел. Травинки не сорвал. Ну, конечно, когда поет, то заставляет желать лучшего. Но вышивает. Прекрасный парень. Мы его держим.

А вот пианист — большой общественник: взносы, культпоходы, все мероприятия на нем. Конечно, мы стараемся, чтоб он поменьше играл на рояле, но если он вырывается. Разве его выгонишь? Он сам кого хочешь выгонит.

К саксофонисту не подходит: он сейчас лечится от запоя. В трезвом виде он тоже способный парень, но, к сожалению, не в музыке... Он спортсмен — гиревик. Сейчас ему надо лечиться, кто ж его выгонит?

А эта женщина у контрабаса — мать двоих детей. Конечно, она не может держать ритм. Разве у вас поднимется рука ее выставить — двое малышей плачут, ищут отца. Пусть она поиграет, что делать?

Этих трубачей мы подобрали на улице: пропадали ребята. Так здесь они хотя бы в тепле...

Ударник вам не понравится, я уверен. Он уже давно никому не нравится, но ему два месяца до пенсии. Пусть человек доиграет. Мы же не звери...

Теперь вы поняли, почему наш ансамбль так звучит?!

Посидим

Пойдите перед вечером в городской сад. Там возле веранды есть скамейка. На скамейке вы увидите человека в черном пальто. Это я. Я там сижу до восьми. Потом меня можно видеть на углу возле кафе и идущим к бульвару.

Хорошо со мной говорить между шестью и семью вечера. Лучше всего — о видах на урожай, о литературе, о знакомых. О женщинах со мной можно говорить всегда. Причем, если этот человек, то есть я, будет оглядываться на проходящих красавиц, не обижайтесь и не перебивайте. Это лишнее подтверждение моего интереса к этой проблеме.

А вот о ремонте со мной лучше говорить с утра, после завтрака, когда я в благодушии и слегка искажившиеся черты не испортят общего приятного выражения.

Лучше всего со мной толковать о вкусной и здоровой пище, о поведении в быту, о пребывании на солнце. Хорошо откликаюсь на разговор о моральных устоях, о супружеской верности, о длительности верности и недлительности неверности.

Не касайтесь быта, обслуживания: это меня раздражает, я начинаю болеть. Не касайтесь общественного питания в некоторых аспектах: я возбуждаюсь, нервничаю, сбивчиво говорю, со мной становится неприятно.

Если вы заденете, даже случайно, тему телефонизации, канализации, урбанизации, в некоторых аспек-

тах, — я на вас произведу очень скверное впечатление. Вы с содроганием увидите злого, брызжущего слюной человека, который долго не может успокоиться, держится за сердце, бегаёт вдоль забора, и, конечно, никакие ссылки на объективные причины не могут изменить крайне неприятного личного впечатления. Сразу меняйте разговор. Переводите его на цветы, лето, женщин. Я снова начну оглядываться, что подтвердит мое успокоение, я извинюсь и долго буду смотреть вслед.

Смотрите тоже — это объединяет.

Если вы пригласите меня на свадьбу или день рождения, вы немедленно получите удовольствие, видя польщенного человека. И вот тут об авариях и эпидемиях говорить не нужно, не повторяйте общих ошибок, ибо я могу прервать разговор, отойти и залечь дома, и уж о свадьбе не может быть и речи.

К скамейке, где я сижу, хорошо подходить с транзисторным приемником под веселую музыку и сводку погоды. Выберите солнечный день и подходите.

Какая чудесная погода стоит на всем побережье Кавказа! Волн нет, и ветер отсутствует, землетрясения утихли, смерч раскрутился в обратную сторону и пропал, Красная Шапочка спасена, наш самолет перекрыл все рекорды и тихо-тихо опустился. Я перестал морщить лоб, веки мои опустились. «Счастье мое я нашел в нашей дружбе с тобой...». Говорите, говорите и пойте мне одновременно, и вы будете наслаждаться видом доброго и разглаженного человека... «Утомленное солнце нежно с морем прощалось... Тай-ра-ритма-ра-тайрам... что нет любви...».

Перед вечером в городском саду вы увидите человека в черном пальто. Это я. Подумайте, о чем со мной говорить, если вы хотите, чтобы я произвел на вас хорошее впечатление...

Алло, вы меня вызывали?...

Алло?... Это милиция?.. Скажите, вы меня не вызывали?.. Я вернулся из командировки, а соседи говорят, кто-то приходил с повесткой — меня куда-то вызыва-

ют... Чижиков Игорь Семенович, Лесная, пять, квартира восемнадцать... Я не знаю, по какому делу... Нет, я не в магазине... Нет, не блондин... Тридцать три... Я на всякий случай. Вдруг вы... Не вызывали... Может, ограбление?.. Я-то нет... Но мало ли... Может, кто-нибудь оклеветал?.. Может, вы знаете?.. Нет, пока ничего. Значит, вы не вызывали?.. Извините за беспокойство. Ой! *(Вздыхает.)*

Алло?.. Это военкомат?.. Вы меня не вызывали случайно?.. Чижиков Игорь Семенович... Да, обязанный, младший лейтенант... Ну, я не знаю. Может, я уклоняюсь или не явился раньше. Мало ли что... Тут, говорят, повестка была, а я в это время был в командировке... Лесная, пять, квартира восемнадцать... Проверьте, пожалуйста, может, что-нибудь не так... Может, я чего-нибудь не знаю. Может, вы знаете... Ну, может, допустил чего-нибудь... Нет. Значит, вы не вызывали?.. Извините, пожалуйста. О! Кусок в горло не лезет.

Алло?.. Это суд?.. Вы меня не вызывали?.. Чижиков И. С. Лесная пять, квартира восемнадцать... Какое ограбление?.. Нет, не участвовал. Я в командировке был... Алиби, алиби... Нет, не блондин... С кем связаться?.. И кого спросить?.. А от кого сказать?..

Алло!.. Двести пятьдесят три добавочный... Николай Петрович, пожалуйста... Николай Петрович, это Чижиков от Потапова... Я по вопросу вызова в суд... И.С. Он просил меня к вам обратиться... Просто так, явиться и все?.. Завтра?.. А у меня же нет на руках повестки... Пустяки... А в какую комнату это сделать?.. Я же не знаю, по какому делу... Поэтому я и звоню... Вы не подскажите?.. Не блондин, сто шестьдесят семь, сорочковой, глаза голубые, тридцать три... Я не морочу голову. Была повестка... Я не знаю, может, вы знаете?.. Может, мне все-таки прийти?.. Пока не надо. Но вы будете меня иметь в виду?.. Спасибо, извините!

Алло, это диспансер?.. А это Чижиков говорит. Вы меня не разыскиваете?.. Я не укрывался, но, может, вы меня разыскиваете?.. И. С. Лесная, пять, квартира восемнадцать... По этому адресу я прописан... Я понимаю, что меня нечего искать, но, может, вы меня не можете найти... Может, вы не так ищете... Нет, девушка, этим я не занимаюсь... Нет, вы трубку не бросайте. Вы проверьте, повестка была... Это не шутка... Чувствую себя хорошо... Я-то не подозреваю. Может, вы?..

В последний раз?.. Месяца два назад... Нет, не жаловалась... Хёршб. знаю. Мы вместе работаем... Нет. Ничего... По утрам?.. Прозрачная?.. Сейчас посмотрю, подождите, пожалуйста... Алло, прозрачная... Я посмотрел... Два месяца назад... Не случайная... Работаем. Бок о бок... Может, кто-нибудь заявлял... Я-то ни с кем, но, может, кто-нибудь заявлял... Куда позвонить?.. В милицию... Сказать — от вас?..

Алло! Это милиция?.. Это Чижиков из диспансера. Мне сказали, чтобы я к вам обратился. Не блондин... Лицо чистое. Сто шестьдесят семь, сороковой, тридцать три, голубые... Я все-таки найду... Ну, пожалуйста, доведем до конца... Можно?... Спасибо. Бегу!

Уз очень я смесной целовек

Сто вы все такие задумчивые? Вы за мной понаблюдайте — зивотики надорвете от смеха. Я очень смесной. Вы просыпаетесь от будильника, а я — от хохота. Забился под одеялом. Открыл глаза. Сто мне приснилось, никто не знает. Хохою себе... Вот смотрите, костюм как сидит. Вам не видно, сядьте поближе. Я ссил его в ателье у нас. Сколько я ходил за ним, надо рассказывать отдельно, в отдельном месте с глазу на глаз, а то вы разнервничаетесь. Однако ссили. Выносят. Вот это. То, сто на мне...

Кто ссил костюм, я могу с ним поговорить?.. Я не буду кричать. Я хою посмотреть ему в глаза, и все. Выходят сто человек. Этот — воротничек, тот — лацканчик, этот — хлястик, тот — манзетик. Никто ни за сто не отвечает. Кто ссил этот цюдный костюм? Мы! И не с кем говорить. Знацит, никто не виноват? Никто. Все, поздравляю вас, ребятки, вы цюдно устроились. Надел костюм и посел.

В парикмахерской хохот. Сто вы смеетесь, спрашиваю, сто, я похож на человека, у которого плохо ссит костюм? Или прицеска плохая? Сейчас будет прицеска. Главное не прицеска, а дуса... «Постриги, девоцка, только дусу влози». И сто вы думаете, постригла... В зеркало посмотрел. «Сто з ты, девоцка, сто я тебе — враг? Сто я — твой муз бывсий? Ты посмотри, сто ты

натворила. Мне з фуразки не хватит прикрыть твою работу. Мне зе голову бинтовать надо». А она говорит: «Сто я могла сделать, у меня нозницы не берут — тоцильсцик так затоцил». Я не поленился — к тоцильсцику. «Сто з ты девоцке нозницы так затоцил, она меня зутко постригла?» А тоцильсцик показывает: «Ты видис, как они сделаны? Если завод такие нозницы делает, их тоци не тоци — они не соприкасаются». Я не поленился, на завод поехал. «Сто зе вы такие нозницы делаете — их тоци не тоци, они не соприкасаются, и девоцка меня зутко постригла».

Посмотрел на меня контролер, вытер слезы от хохота. «А сто я могу сделать? Это такая сталь. Ее нозом можно резать. Только не тепересним, старым нозом. Мы не виноваты, какую сталь дают, из такой, извините, производим. Литейсцики подводят».

Я не поленился, к литейсцикам подъехал. «Литейсцики, а литейсцики, сто з вы подводите? Сто з вы такую сталь делаете, сто от нее нозницы не соприкасаются, их тоци не тоци — они рвут, и девоцка меня зутко постригла. Квалификация у вас есть?..» — «Квалификация»?! Смотри, дурачок, вот сталь броню пробивает на зутком расстоянии. Смотри, зубило американскую сталь угробило». — «А цего з нозницы не стригут? Они зе просто не в пример». — «Не в пример»?! ГОСТ у нас, дурачок. ГОСТ есть, все! Мы его выдержим, все! Отойди! От твоей прицески литейсцики хохочут, цугун на ноги разливают». «Кто зе ГОСты выдумывает?» — «Это в Москве в институте целовек сидит».

Я не поленился, в Москву звоню: «Сто з ты, гостовик ты! Такую сталь на нозницы даес! Они не соприкасаются. Их тоци не тоци — они рвут, и девоцка меня зутко постригла. Ты мозес ГОСТ поменять?» — «ГОСТ поменять»?! Он так захохотал, сто у него трубка выпала. «ГОСТ поменять»?! Я, говорит, луцсе ползизни нестризеныый, нецесаныый буду ходить. Я луцсе умру патлатым, цем это дело затевать. Я тебе советую — ходи как есть. На остроту отведай остротой. Отсуцивайся.

В общем, со стризкой уладили, так и хозу. А сейцас мост себе строю. Непонятно?.. Я из зубобрацебно-го иду. А вы думали, у меня дефект речи? Смесные вы. Целюсть у меня из новых материалов, сэкономленных целиком. Тут тозе хоросо. Врац мост ставит. Техник

мост делает. А детали моста из Барнаула летят от смезников. Сейчас как раз здем. Поэтому я такой смешной. Но главное в человеке не прицеска, а дуса. Один лектор объяснял, сто бога нет и дуси нет. Ну, бога нет — ладно, а дусу залко. Нет дуси, и вкладывать нецего. Зато голова существует, кивать есть цем. Так сто смейтесь надо мной. Смех инфаркта не дает.

Когда нужны герои

Богатая у нас страна, много всего, и ничего не жалко. Но главное наше богатство — люди! С такими людьми, как у нас, любые трудности нипочем, и я не преувеличиваю.

Судно новое построили. Только отошли от родного завода — котел вышел из строя. Не возвращаться же. Только ведь вышли. Два паренька, обмотав друг друга чем попало и непрерывно поливая один другого и вдвоем сами себя, влезли в котел, в невыносимый жар, и спасли престиж тех, кто ставил этот котел. В огонь и воду идут наши ребята, если надо. К сожалению, надо. Очень надо.

Читали? В городе Н. прорвало водопровод. Потому что сколько он может действовать? Он же был свидетелем восстания Спартака. Единственное, чего он не видел, так это ремонта. И прорвало его. Но мимо водопровода шел солдат. Простой парень из-под Казани. Разделся, влез и заткнул что надо в ледяной воде и дал городу воду. Врачи долго боролись за жизнь солдата, но он остался жив.

Недавно снова прорвало. Теперь кинохроника заранее подъехала. Водопровод бьет фонтаном. Юпитера горят. К девяти солдата привезли. Скромный паренек, опять заткнул. Господи, когда такие люди, хочется петь! Непрерывно, не прекращая пения петь и плевать на все — сделают!

Вот пожилая женщина, домохозяйка. И оказалась в новом районе. Бывает. Жизнь нас забрасывает... Случалось вам удивиться: весной в центре города сухо, чисто — и вдруг толпа в грязи, в тине, в болотных сапогах. Это они — жители новых районов.

Если уж попал туда, то либо там сиди, либо отсюда не выезжай. Так вот, бредет наша скромная женщина, простая домохозяйка, и слышит: «Помогите! Помогите!» — уже слабо, слабо.

Глядь, у самого дома тонет старичок. У самого порога. Он открыл дверку, ступил ножкой и сразу ушел под воду. Забыл, что выходить-то нельзя, его ж с этим условием вселяли.

Скромная женщина подгрехала на доске, обхватила его рукой, обогрела. Корреспонденты набежали. Она стоит мокрая, счастливая, держит старичка за воротничок. Потому что, если ты герой, оглянись вокруг, и тебе всегда найдется работа.

Казалось бы, совсем не романтическая профессия — водитель троллейбуса. Но это смотря мимо чего едешь. А он мимо нового дома ездил, любовался им и не знал, что дом прославит его.

Всем известно, что раствор хорошо держит, если в нем есть цемент. А если с каждой машины килограмм по двести украсть, раствор будет держать хуже. А если утянуть пятьсот, раствор можно будет перемешивать, но держать он не сможет: на одном песке долго не прстоишь. Но дом стоял. Почти неделю. Ну а потом ветер рванул или машина проехала — и дом сложился, как домино. И кто, вы думаете, разгроб кирпич и вытащил приемо-сдаточную комиссию с отличными оценками за качество строительства?.. Наш водитель троллейбуса!

Где-то сорок тонн зерна горело в складе, электрики концы голые оставили. Так кладовщик на себе килограмм триста вынес. А другой ему кусок кожи дал своей. Той, что ближе рубахи.

Вы слушаете и думаете: где-то рвануло, где-то упало, где-то сломалось. И всегда найдется он. Он вытаскивает. Он влезет. Он спасет. Хорошо, если заметят. А сколько их, безвестных, лежит под машинами в снег, в дождь на дорогах наших. Конечно, с запчастями, слесарями, с передвижными мастерскими каждый дурак сумеет, а ты так — в холод, в зной... За пятьсот километров от Усть-Улыча, за триста до Магадана один с гаечным ключом. Вот ты и опять герой. Только ты этого не знаешь и не знаешь, сколько всего разного держится на твоём героизме. Потому что иногда подвиг одного — это преступление другого. Жаль только, нет фотографий подлинных «виновников торжества».

Главное, что все хорошо кончилось!

Слава богу! Главное, что все хорошо кончилось! Я все квартиру пробивал. А жил в одной комнате. Я, жена, теща, ребенок. Через пять лет подошла очередь. Все в порядке, уже обсуждают, а тут пришло письмо, что у меня есть строение в Тульской области. Я говорю, какое строение, в какой области? Я там даже проездом не был. Но они должны были проверить сигнал. Написали в Тулу. Через два месяца пришел ответ. Слава богу, все как я ожидал — действительно меня там не было! Фу! Все в порядке. Но наш дом уже заселили. Не будут же меня ждать... Следующий через два года сдавали. Меня первым поставили. Уже обсудили, а тут письмо пришло, что моя жена имеет особняк под Минском. Я говорю, вы что? Она же местная. Всю жизнь никуда не выезжала. Поверили, но на всякий случай запросили Минск. Через три месяца пришел ответ. Слава богу. Действительно нет у нее особняка под Минском. Все в порядке. Но уже и второй дом заселили. Мы больше домов не строили, я начал через горисполком. Ну, теща уже умерла. Дочка замуж вышла, и ее муж к нам подселился, зато жена в больницу ушла. Но, в общем, получил! Получил! Начальство говорит: «Ну, вот и все в порядке!» И все хорошо кончилось! Ну, слава богу! Здоровье не то. Уже и вижу плохо, и щека дергается, ноги тяну, и руки трясутся, а квартира хорошая. Теперь бегу, ремонт пробиваю, пока жена в больнице. Пробью ремонт и заживу как король.

Мальчик, помоги дорогу перейти!

Очень много честных людей

А я вам вот что скажу: очень много честных людей. Было бы меньше честных людей, легче бы жилось. Еще в школе нас пытались отучить от этой вредной привычки добиваться справедливости. Посмотрите на

принципиального: искалеченная личность с электрическим огнем в глазах. Его появление в любом месте грозит крупным скандалом.

Там кто-то кому-то выписал кубометр дров. Нагрузили машину. А черт его знает: кубометр или пять, дрова или доски. Боже мой! Все всё понимают, все хотят жить. Только этот не хочет, не может он, и все. Он догоняет машину, вцепляется в руль, сигналиит наверх, звонит на проходную. Он хочет проверить, Ньютон проклятый. Ну и проверяют, конечно. Милиция всегда на плохое бросается быстрее, чем на хорошее. Ну, конечно, в машине не то. Дрова, конечно, отбирают, сажают тех, кто в кабине, тех, кто в кузове. Все в порядке, все без дров, справедливость торжествует. А борца тихо выбрасывают на другое место. Там с его приходом начинается подспудное брожение, взрыв. Садятся бухгалтер и прораб, а борец ковыляет дальше уже без глаза и авторучки. Спрашивается: зачем находиться там, где грузят? Зачем торчать на передовой? Почему в нужный момент не оказаться в нужном месте? И, вообще, зачем хватать за руку вора? Вдруг он станет большим человеком? Добрее нужно быть к людям, мягче, любимее. Надо, чтобы вы руководили принципами, а не принципы вами.

Вы видели стальной эталон — метр? Метр, и все! Его ни согнуть, ни скрутить, он всех цепляет. А есть эталон мягкий, тоже, конечно, метр, но какой удобный. Хочешь вдвое сложи, хочешь в карман опусти. Намотай. Даже растяни — будет полтора метра. Вот это эталон! Это — двадцатый век!

Вы видели человека, который никогда не врет? Его трудно увидеть, его же все избегают. Он никогда не лжет, он прям, как артиллерийский ствол. Он может сказать женщине: «Почему вы кокетничаете, показываете коленки? Вам, по моим расчетам, уже около ста лет».

— А ты что же такой синий? Из санатория? И что, они сказали, что ты здоров? Иди ляг к ним обратно!

— А ты, брат, хорош, сколько ты дал за это дикое барахло? Ну и надули тебя!

А тот все равно ничего не может изменить. Не может он продать барахло обратно. Его надули, и он сам это чувствует. Но злится не на себя и не на того, кто его надул, а на нашего, который ему раскрыл глаза.

Идите раскройте глаза своему лучшему другу на то, что она вытворяет в его отсутствие. Они все равно помирятся, а вашей ноги в том доме уже не будет. Вы будете враг дома номер один.

Честный человек — это бедствие. Это испорченное настроение на весь день. Когда он выходит из ворот, улица пустеет. Замешкавшийся прохожий получает в награду всю правду-мать и остается сломленным навсегда.

Кто дал право калечить жизнь людям? Вы что-то видите? Закройте глаза. Вы что-то слышите? Заткните уши. Вы что-то хотите сказать? Скажите. В тряпочку. Заверните и тихо опустите в урну.

Все, что вам кажется бездарным, — гениально. Тот, кто выглядит дураком, умнее нас всех. Людям важно, чтоб все было хорошо, все в порядке, все ол'райт.

— Ваши дела?

— Отлично!

— Ваши успехи?

— На большой!

— Как жизнь молодая?

— Лучше всех!

— Какой прелестный ребенок! Какая милая квартира! До свидания! Вы чудесно выглядите!

Автобиография

«Я, Круглов Степан Григорьевич, из Ухты, до 1966 года находился в городе Тула с родителями и отцом на излечении, так как ему требовалась тишина.

В 1968 году, узнав, что страна остро нуждается в гидротехниках, начал поступать в гидротехническое высшее заведение, в которое не поступил в мае 1968 года благодаря интригам и взяткам окружающих.

8 января 1968 года, находясь в городе Тула, выехал в Москву, где продолжил попытки поступать в различные учебные заведения с учетом нужд всего народа.

В 1969 году страна остро нуждалась в писателях, и я начал поступать в Литературный институт, куда не поступил в 1970 году весной благодаря засилью бездарностей по записках...

Осенью 1970 года, находясь в стесненных материальных условиях, отбыл в Ташкент, где был встречен на вокзале незнакомыми людьми, которые сказали: «Отдай чемодан». Я вступил в спор с возражениями, после чего мы разошлись, причем я победил.

Все мои попытки отдать мне чемодан обратно привели меня в милицию, откуда я вышел приободренный и заночевал.

26 ноября 1970 года, находясь в Ташкенте на центральной улице на костыле, встретил одного из встречавших, обрадовался и дал сигнал остановиться. Но на мои сигналы он не реагировал, а возражал и вступил в спор, после чего мы разошлись, причем я победил. И поступил в Государственный ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт в травматологическое отделение, откуда с большим успехом был выпущен 12 февраля 1971 года без ребра.

Продолжая находиться в Ташкенте в стесненных материальных условиях, вылетел по приглашению друга на Камчатку, где остро требовались крабы, и поступил на траулер матросом с целью укрепить материальное благосостояние свое и страны благодаря высоким заработкам необъятных морей бескрайних, трудовых.

Работая с 18 июня 1971 года матросом-тросовиком, продержался на плаву двенадцать дней, после чего, выронив за борт ценный прибор для определения местоположения траулера, который нес протереть, был списан на берег, куда мы не могли попасть ввиду отсутствия упомянутого прибора. После чего вступил в спор с последующими возражениями и с травмой гаком по голове отбыл в город Кишинев, где в то время остро нужны были танцоры национальных танцев «Жок».

Выяснив, что заработок танцора национального ансамбля выше заработка проводника международного вагона на пятнадцать-двадцать процентов, а поездки те же, я начал регулярно поступать в ансамбль с 1973 года, предварительно проведя несколько тренировок во дворе. Руководство ансамбля мне посоветовало прекратить мои регулярные поступления ввиду отсутствия образования и незнания молдавских национальных передвижений.

Мой отказ уйти со сцены был воспринят некоторыми танцорами неправильно, и они возражали, после

чего мы разошлись, причем я побежал, невзирая на боль, в Баку, куда я прибыл 12 января 1975 года. В Баку остро нужны были нефтяники ввиду высоких заработков, на пятнадцать-двадцать процентов выше заработка танцора седьмого разряда. И я устроился на камнях нефтяником Каспия.

К сожалению, работы оказалось несколько больше, чем я предполагал, и, обладая большой памятью, я устроился официантом на камнях с радостью в Баку.

На второй день работы, в выходной, облив праздничного пациента борщом-харчо, получил требование смыть. На что возражал. Он возразил мне, и мы разошлись, причем я побежал и временно потерял трудоспособность, которую восстановил 26 марта 1976 года в шестнадцать часов дня.

Заканчивая яркую трудовую биографию, прошу двести восемь рублей подъемных средств для подъема и праздничного перелета Баку — Москва к Первому мая 1977 года.

Обратный адрес для организаций и частных лиц: Алма-Ата, Главпочтамт, до востребования, откуда перешлют мне в Ереван, где меня не искать, передадут».

Сбитень варим

Сбитень варим у себя. Соседка снизу прибежала.

— Что вы здесь делаете?

— Сбитень варим «Встань трава». Старинный русский напиток. Вода, сто граммов сухого вина, мед, и варится. Как только закипит, вливаем водку и гасим. Пить теплым!

Соседка прекратила кричать, присутствовала. Сосед присутствовал. Дальние соседи пришли.

— Что делаете? Почему тишина?

— Сбитень варим. «Встань трава» — старинный русский напиток. Мед, водка, пить теплым.

Соседи присутствовали. Весь двор затих. Участковый явился.

— Почему подозрительно?

— Сбитень варим, старинный русский напиток «Встань трава. Светлеют горы». Пьем теплым.

Участковый побежал переоделся... Выпили сбитню теплого... Посидели... Разошелся двор. Зашумел. До

поздней ночи свет. Люди во дворе. Кто по году не разговаривал, помирились. Дерево облезлое полили. Стол под ним. Ворота закрыли. Окна открыли. Танцы пошли. Любовь пошла. А глаза вслед добрые. Каждый ключик сует — идите ко мне. Посидите у меня.

Песню пели старинную «Раскинулось море...» и современную «Нежность». А посреди двора котел, а из него пар аж по всем дворам. Пока в ворота не застучали.

— Чего у вас там?!

— Сбитень варим. Старинный русский напиток. «Встань трава», — отвечает участковый и помешивает.

Нормально, Григорий! Отлично, Константин!

Мы с приятелем выиграли торт в доме отдыха. Нас с ним никуда не пустили. Несогласованность, знаете, дарят одни, за чистотой следят другие. Но мы с другом выпили по сто и поняли, что награждают одни, убирают другие, а мы намусорим. На коленках съели, только костюмы испачкали, и все.

Пальто мне заказали с воротником. Отобрали мы у ателье это пальто. Хотели им обратно насильно вернуть. Вплоть до мордобоя, чтоб обратно забрали они это пальто себе. У меня фигура и так неважная, а в пальто в трамвай не могу войти, место уступают, без очереди пропускают, плакали вслед две женщины, которые мужей потеряли, и на воротнике такой мех, что от медведя остается, когда всю шкуру уже поделили.

Хотели им насильно вернуть — их больше, не хотят они. Выпили мы с Григорием по двести, надел я пальто: «Смотрится, Константин». А что, нормальное, говорю... Они же объяснили, что этот заболел, а там подкладка, усадка, девочки молодые шьют, а на семьдесят рублей никто не идет.

Часы купили, через два дня календарь отказал. На дворе уже тридцатое, а он все десятое показывает. Выпили мы по двести пятьдесят, посмотрел я на часы — нормальные часы. Потом стрелки остановились, мы — по триста... Я посмотрел на часы: господи, кор-

пус есть, циферблат есть, чего еще надо? Шикарные часы.

А когда потолок в квартире завалился, мы вообще по триста пятьдесят грохнули. И правильно. Сдавали зимой, мазали осенью. Нельзя же все летом делать! Нормальная квартирка.

Опять в санаторий попали специализированный. Еда там — что в кинотеатрах в буфетах перед «Щитом и мечом» дают... Но у нас с собой было, мы в палате приспособились — кипятильничек, плиточка, концентратик гороховый. Нормально, говорю, Григорий!.. Отлично, Константин!

Обратно лететь — сутки на аэродроме торчали. Полсуток погода, полсуток техническое состояние, пять часов в кабине — багаж грузили, шесть часов выгружали... Но у нас с собой было. Нормально, говорю, все равно быстрее, чем поездом. Подсчитали — вроде бы не быстрее, вроде бы даже медленнее. Ничего, говорю, по буфетам походили, с людьми познакомились, на скамейке полежали. Наземные службы отстают, воздушные обгоняют, так что мы в их положение вошли, теперь им в наше войти, и нормально, Григорий!.. Отлично, Константин!

Посидели, отдохнули. Сейчас летим обратно. Правда, сели в Куйбышеве, потому что Казань не принимала, хотя нам надо в Харьков. Но у нас с собой было... Сейчас город посмотрим, нормально, Григорий! Отлично, Константин! Нам сказали, что стоянка шесть часов, через час предупредили, чтоб не уходили, через два часа вылетели. Не все, конечно... Те, кого предупредили... Но у нас с собой было... Поездом поедем, чего расстраиваться. Нормально, Григорий!.. Отлично, Константин!

Приехали домой, снова пальто на глаза попало. У нас с собой было. «Ну-тко я нырну, глянь, Константин».

— Нормальное. Носи на здоровье. В случае чего я буду ходить сзади, объяснять, что никто не хочет за семьдесят рублей над утюгом стоять.

Мы в один город приехали. Не просто, а по приглашению председателя горисполкома. Он по телевидению выступал. «Приезжайте в наш город, вас ждут новые гостиницы, пансионаты, кафе». Так упрашивал — мы поехали. Но у нас такое впечатление все-таки возникло, что нас не ждали. Решили к председа-

телю зайти. Объяснили секретарше, что мы не просто свалились, а по приглашению. А она нас выставила за дверь. Вас много, гостиниц мало. С ума сошли. Так и будете по всем городам ездить, чьи председатели по телевидению выступают? Ну, мы на вокзале при буфете приняли по двести... Нормально, говорю, чего? Действительно, нас много, а мест мало. Нас много, а штанов мало. Тут один выход, Григорий. Нас должно меньше быть. У тебя дети есть?.. Нет. И у меня нет. Нормально, Григорий! Отлично, Константин!

Парадоксы

Ну, приспособился народ. Ну, публика вертится.
Едят то, чего нет в меню.
Носят то, чего нет в магазинах.
Угощают тем, чего не достать.
Говорят то, о чем не слышали.
Читают то, чего никто не писал.
Получают сто двадцать — тратят двести пятьдесят.
Граждане воруют — страна богатеет.
В драке не выручат — в войне победят.
Железная закономерность складывается из одних парадоксов!

В кулуарах

Видишь — девочка, хочешь познакомлю? 226-15-48.
А вот блондинка идет — 245-14-69. Лида. А вот ее рабочий — 227-49-53, с девяти до шести, перерыв с тринадцати до четырнадцати. Жуковского, тридцать восемь, квартира семь, пятый подъезд. Эта вышла замуж недавно, живут хорошо, в новом доме, Ленинский проспект, шестьдесят восемь, корпус три, квартира четыре, но уже пол трескается и плитка в ванной обвалилась. Вот идет Лида Скрябина — аспирантура строительного, сто пять рублей и два месяца каникулы. Рабочий — 246-42-38, домашний — 247-49-25, волосы крашеные, что-то с почками.

А вот муж и жена Островские — Петя и Катя. Одеты

просто, а бриллианты защиты в мешочках с нафталином, что цепляются на ковер от моли. Здравствуйте. Основной — в левом верхнем мешочке, восемьдесят четыре карата. Здравствуйте. Как дела? Ничего, спасибо.

А это Женя, симпатичная девочка, подходить не стоит — любит одного актера, тратит все деньги, чтобы он ее заметил. Ну, он ее заметил, теперь там трагедия. Вчера была у гадалки...

— Здравствуйте... Сидор Иванович. Выпихивают на пенсию, не хочет, насмерть стоит. А его молодежь снизу подпирает. Сегодня всю ночь писал в горком. Написал, в кармане держит, в правом.

Здравствуйте. Двадцать девять лет, не мужчина... Мама в отчаянии. По всем курортам — головой об стенку. Завтра везут в Ленинград к знаменитому профессору Зильберману. Но сам Зильберман, как показала его последняя свадьба... Здравствуйте. У нее посаженный отец. Артель — розовые очки. Обеды устраивал, по сто человек приглашал, а кому-то обед не понравился — хлоп... Здравствуйте. 283-48-19, добавочный 51, с утра до одиннадцати. Могу познакомить. Три комнаты в центре с родителями. Если нажать, папа построит кооператив; внешне хромает, заставляет желать лучшую, но кооператив... Здравствуйте. Шепелявит, картавит, прихрамывает — умна как бес. Курит и пьет. Но первое время скрывает. Защищает диссертацию.

Ого, целый автобус пришел: Оля — 287-48-19, Катя — 211-15-49. Маня — старая. 287-49-34.

— Послушай, а когда ты сам, тебе уже пятьдесят?!

Я жду

Я жду... Каждый день на этом месте я жду. Время в ожидании тянется медленно. Жизнь в ожидании проходит быстро. И тем не менее я жду, жду, жду...

Я часто стоял в очередях. Я смотрел на лица, на которых отражалось только ожидание. Я видел тоскливое, бессмысленное состояние. Я физически чувствовал, как из моего тела уходят минуты и часы.

Мне шестьдесят лет. Из них три года я провел в очередях. Я иногда болел. Иногда жаловался. Меня иногда вызывали. Мне назначали прием на двенадцать часов. Ни разу. Ни разу за мои шестьдесят лет меня не приня-

ли ровно в двенадцать. Кому-то нужно было мое время. Полчаса, час, два моей жизни, и я отдавал.

Мне шестьдесят лет. Из них на ожидание в приемных ушло два года. Два с половиной года я провел в столовых в ожидании блюд. Два года — в ожидании расчета. Год ждал в парикмахерской. Два года искал такси. Три года валялся на чемоданах в вестибюле гостиницы и смотрел собачьими глазами на администратора.

Всем нужно мое время. У меня его мало. Но если нужно...

Мне шестьдесят лет. В ожидании я провел пятнадцать. Двадцать лет я спал. Осталось двадцать пять. Из них семнадцать — на счастливое детство. И только восемь я занимался своим делом.

Мало. Я бы мог сделать больше. Зато я научился ждать.

Ждать упорно и терпеливо.

Ждать, не теряя надежды.

Ждать, сидя на стуле и покачиваясь.

Ждать, стоя и переминаясь.

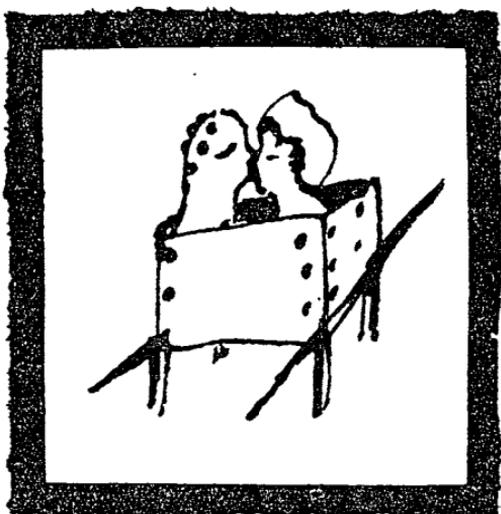
Ждать, прислонясь к стене.

Ждать в кресле, пока оно поговорит по телефону.

Ждать и ни о чем не думать.

И только сейчас, когда мне шестьдесят, я думаю: не слишком ли долго я ждал? Но прочь эти мысли, подождем автобуса.

1973

Нашим женщинам

Женщины, подруги, дамы и девушки! В чем радость и прелесть встреч с вами? Почему вы созданы такими? Нежная кожа, эти глаза, эти зубы и волосы, которые пахнут дождем. Этот носик и суждения по различным вопросам.

Товарищи женщины, дамы и девушки! Назад! Вы уже доказали: вы можете лечить, чинить потолки, собирать аппараты, прокладывать кабель. Хватит! Назад! Обратно! В поликлиниках женщины, в гостиницах женщины, в ресторанах женщины, в цехах женщины. Где же спрячутся эти бездельники? Она ведет хозяйство, она прописывает мужа и сидит в техническом совете. Она и взрослеет раньше и живет дольше. У нас в новых районах одни старушки, где же старики?.. А вот бездельничать не надо, будем долго жить. Пьем, курим, играем в домино, обедаем, валяемся на диванах, а потом к ним же в претензии — мало живем. Морщины в тридцать, мешки у глаз в тридцать пять, животы в сорок. Кто нами может быть доволен? Только добровольцы. Лев пробегает в день по пустыне сотни километров. А волк? Все носятся по пустыне, ищут еду. Поел — лежи. А у нас поел — лежи, не успел — лежи. У льва есть мешки под глазами? А брюхо? Имей он брюхо, от него бы сбежала самая унылая, самая дряхлая лань.

Они, конечно, зарабатывают больше нас, наши женщины, с этим мы уже смирились. Они выглядят лучше, с этим мы тоже смирились. Они одеваются красивее. Сейчас мы пытаемся что-то предпринять — жабо, кружевные воротнички, броши на шее... Ну куда?! С лысиной на голове и брошью на шее далеко не уедешь. А какие у нас походки от долгого лежания на диванах и сидения в креслах на работе? Вы видели эти зады, черпающие землю?.. А зубы — от курения, употребления соленого, сладкого, горького и противного. А глаза, в которых отражается только потолок.

Наши милые дамы, наше чудо, наше украшение. Вставать рано, собирать детей и этого типа на работу. Самой на бегу проглотить маленький кусочек, успеть причесаться, кое-что набросать на лицо. Прийти на работу — и выглядеть. И в обед занять очередь в четырех местах и все успеть. И прибежать домой, накормить детей и этого типа. И бегать, и вытирать, и шить, и починять. А утром будильник только для тебя. Для тебя будильник, как для тебя огонь плиты, для тебя толпа и давка, для тебя слова, шипящие сзади. А ты поправишь прядку и бегом. И любят тебя как раз не за это: к этому привыкли. Любят за другое — за кожу твою, ресницы твои, за губы, и слабость, и нежность твою. И тебе еще надо умудриться, пробегая в день пятьдесят километров, оставаться слабой. И ты умудряешься: пойдя пойми, что главное. И я тебя люблю за все. Только прошу, остановись на бегу — на работе, дома, встань стройно, посмотри в зеркало, поправь что-то в лице. Чуть сделай губы, чуть глаза, реснички вперед и наверх, покачайся на красивых ногах и опять... А мы ждем тебя. Ждем всюду. С букетиком и без. Со словами и молча. На углу и дома. Приходи! И в дождь и в снег... И — не все ли равно!..

Письма женщинам

Первое

Относительно Вас, девушка, у меня были планы, которые я, слава богу, не осуществил.

Вы, оказывается, пожилы. В мои сорок и два, когда у меня все впереди, я встретил Вас, у которой ничего впереди нет. Я, мужчина, у которого все впереди, вынужден сообщить, что мы с Вами рвем. Вы пожилы. Вам тридцать шесть и шесть, мне тридцать девять и восемь, точнее сорок два и два. Но Вы же знаете, что такое мужчина в мои тридцать девять и семь. Это дуб в цвету. Это стакан бродячего вина. Это зимний сад. Какой я, так сказать, в ходу, не мне Вам говорить. То есть не Вам мне... Вернее... Я сейчас жду письмо из Казани, где это должно быть подтверждено.

А что такое женщина в тридцать шесть и шесть,

Вы сами знаете. То-то, я смотрю, у Вас потухший взгляд на вещи. То-то, я смотрю, так ловко управляетесь на кухне. То-то, я смотрю, все утром приготовили, все заштопали и перестирали. То-то все звоните, как я себя чувствую. Вот откуда эта забота? И, простите, выглядите хорошо. Тут и придраться не к чему. Но мы найдем. Я, мужчина, в сорок один и один, энергичный, жизнерадостный, какой-то емкий весь, смотрю вокруг весело и интересно. Взгляд свежий, четкий, глаза красивые серые, брюки новые бежевые, весь подтянутый и быстрый, как молодой артиллерист. Когда я нередко проезжаю в трамвае — молодежь засматривается. Читали ли Вы? Вернее, читали ль Вы ли Вы Сомерсета Моэма? Думаю, что нет. А я — и Эдгарда По. То есть, если мы с Вами сядем писать диктант, я Вам десять ошибок гарантирую. Ваших, душа моя, Ваших.

Многие Вам скажут: он дурак. Я слышал такие голоса. Не будем спорить. Людей не переубедишь. Я слежу за собой, как за другими. На мне все, что не достать. Вы видели эти зеленые линзы? Это Цейс Карл из ГДР. Костюм из ПНР, туфли из ВНР, носки из НРБ. Конечно, при Вас я стал ухожен, я стал сыт и перестал быть нервен. Но Вы пожилы. Буквально через четыре-пять лет у Вас откроются такие болезни, о которых мне Вам страшно говорить. Сколиоз Вы слышали? У Вас может быть. А трахеит? Катаракта... Мы с Вами рвем. Не ждите меня к обеду, хотя я бы чего-нибудь съел.

Я снова в клуб «Кому за тридцать», но на этаж ниже. А еще меня можно встретить в комиссионных, где я ищу что-нибудь из одежды, и в диетстоловых, где я питаюсь, вернее, пытаюсь питаться тем, что они дают. Многие говорят, что я идиот. Я спорил, но мы остались каждый при своем.

Ваш знакомый, член клуба «Кому за тридцать».

Абонемент 1834—282 дробь 16,
корень квадратный из двадцати.

Второе

Мадам, я нахожу, что наши с Вами отношения зашли слишком далеко. Эта переписка, эти недвусмысленные взгляды, которые я бросаю в Вашу сторону и, конечно, эти ночи, что, видимо, главное.

Вы знаете. Да и, наверно, Вам говорили, что я делаю карьеру. Мы, будущие работники аппарата, можем иметь женщин, хотя в более скромных количествах, чем, например, артисты, юристы, музыканты, но обязательно из нашего круга, то есть аппаратных дам, дабы информация, высочившаяся наружу, тут же была бы загнана внутрь.

Так как я делаю карьеру, Вам, видимо, об этом говорили, да это и видно, я уже имею информацию, в частности о продуктах, подземных переходах и т. д., и у меня есть подозрение, что прошлой ночью я распространялся на этот счет. Надо сказать, что Вы, мадам, вместо того чтобы пресечь, своими поглаживаниями и т. д. способствовали выходу дополнительной информации и жалоб на якобы нашу жизнь, мне в основном не свойственные никогда.

Я бы просил Вас забыть, но я понимаю, что после этой просьбы Вы будете помнить, как никогда, что было бы глупо, поэтому не прошу Вас забыть, но — молчать.

Это мое право. Я купил его жестокими унижениями и беготней, когда только замышлял начинать делать карьеру через стенгазету, местком и т. д.

Рапорт о нашей ночи не пойдет дальше районных организаций, но и Вы, мадам, должны добиться полного молчания со своей стороны. Причем сообщить мне об этом письменно на адрес тех же организаций. Прошу звонить только по служебным надобностям 274-85-15.

Извините за сухость, но я делаю карьеру, а в этом положении абсолютно все простительно.

И. о. помощника секретаря по проблемам, терпящим отлагательство.

Подвальченко В. И.

Третье

Теперь Вы, девушка!

Вот уже несколько лет Вы очень удачно делаете вид, что меня не знаете. Я вынужден удовлетворять свои поиски женского общества черт знает с кем, в малоинтересных условиях.

Вы были красивой девушкой с увлекательной фигурой и ею остались. А я, пробегая мимо с выраже-

нием озабоченности, даю Вам возможность заговорить со мной, чем начать все сначала.

Девушка, по-моему, Зина, я понимаю, что у Вас муж и сын от другого, да и я там с кем попало и дети какие угодно, но, девушка, ни пять, ни шесть лет не дают нам основания делать вид, что Вы ничего не знаете. Боюсь завестись. Позвольте, вечером с 16 на 17 августа 1972 года что было?.. А 5 сентября того же года в 4.45 утра, когда Вас разбудили, Вы сказали:

— Боже, не могу эту рожу видеть.

И т. д.

Это был я. А сказали Вы.

Верно. Я знакомился с Вами на предмет стечения обстоятельств, но втянулся и, простите, люблю.

А когда я устал мелькать с озабоченным лицом и подошел к Вам вчера, Вы сказали:

— Ничего не помню.

Схватили ребенка и бежать.

...Завожусь. Я мог догнать, я был без детей. Говорю резко. Это я, Гриша! Мы состояли в интимных отношениях двадцать трое суток, вернее, двадцать три сутки, короче, двадцать два дня.

Позвольте, позвольте, и на левой, простите, ножке у вас шрам. Я могу при свидетелях... У Вас еще была брошка-паучок. Вы думали, что потеряли, а я понес ее от Вас и принесу. Меня Вы не помните, но ее Вы точно вспомните. Я уже третий день не могу закрыть удивленный рот. Я могу забыть, с кем пребывал. Так я же мужчина. Прибежал, попробывал и убежал, но Вы женщина — мать, честный человек.

Ой, завожусь... Я буду ходить туда, пока Вы не вспомните, и мы начнем все сначала, чего бы это нам ни стоило. У меня есть свидетели, и мы начнем!

Ваш Гриша со своей любовью.

Четвертое

Теперь Вы, графиня.

Ваше сиятельство. Я опоздал. Я не явился на встречу нашу. Я проклинаю себя за это, и вряд ли в мире есть человек, которого я больше ненавижу, чем себя.

Но я тешу себя тем, что моя одежда, манеры, плохой язык и, главное, неумение общаться с женщинами, подобными Вам, объединили бы нас в этой ненависти.

Ваше сиятельство, я настолько себе представляю свое материальное положение и жилье, что появление в Вашем доме не могло бы считаться нескромным намеком на изменение этого.

Ваша красота и образованность и мое глубокое чувство к Вам обязывали меня явиться вовремя. Я опоздал.

Вы вышли замуж, произвели множество детей и внуков и спокойно отошли, так и не узнав меня. Я бурно явился через сто пятьдесят лет — в сером финском костюме, в польском свитере, югославской обуви, с высшим техническим образованием и знанием иностранного со словарем.

Живу вполне в Вашем имении. Теперь тут микро-район. Мое дымное мотание на «Жигулях» не сравнить с цокотом Ваших копыт, а передняя и задняя подвеска Вашей кареты — ни в какое сравнение с моими, едренть, мостами.

Между прочим, в Петергофе каждую субботу с треском поливаюсь из Вашей шутихи. А там, где Вы танцевали при свечах, у нас Дом дружбы с нормальными дисками и чешским пивом. И я Вам обещаю, что выколочу из райисполкома двухкомнатную и жестяной гараж, достану английского стирального порошка «Блюй» и заживу как граф, регулярно отмечая Международный женский день вот в такой компании. Но отныне постараюсь не опаздывать.

Женский язык

Все очень просто, если понимаешь женский язык. Едет женщина в метро. Молчит. Кольцо на правой руке — замужем, спокойно, все стоят на своих местах. Кольцо на левой — развелась. Два кольца на левой — два раза развелась. Кольцо на правой, кольцо на левой — дважды замужем, второй раз удачно. Кольцо на правой и серьги — замужем, но брак не устраивает.

Два кольца на правой, серьги — замужем, и есть еще человек. Оба женаты. Один на мне. Оба недовольны женами.

Кольцо на правой, одна серьга — вообще-то я замужем...

Кольцо на левой, кольцо на правой, серьги, брошь — работаю в столовой.

Темные очки, кольца, брошь, седой парик, платформы, будильник на цепи — барменша ресторана «Восточный». Мужа нет, вкуса нет, человека нет. Пьющий, едящий, курящий, стоящий и лежащий мужчина вызывает физическое отвращение. Трехкомнатная в центре. Четыре телефона поют грузинским квартетом. В туалете хрустальная люстра, в ванной белый медведь, из пасти бьет горячая вода. Нужен мужчина со щеткой, тряпкой и женской фигурой.

Ни одной серьги, джинсы, ожерелье из ракушек, оловянное колечко со старой монеткой, торба через плечо, обкусанные ногти, загадочные ноги: художник-фанатик, откликается на разговор о Ферапонтовом монастыре. Погружена в себя настолько, что другой туда не помещается...

Бриллианты, длинная шея, прическа вверх, разворот плеч, осанка, удивительная одежда, сильные ноги — балет Большого театра. Разговор бессмыслен. Вы пешком, а я в «Мерседесе». Поговорим, если догонишь...

Кольцо на правой, гладкая прическа, темный костюм, белая кофта, папироса «Беломор» — «Что вам, товарищ?..».

Кольцо на правой, русая гладкая головка, зеленый шерстяной костюм, скромные коричневые туфли и прекрасный взгляд милых серых глаз — твоя жена, болван!

Как шутят в Одессе

---

*Группа людей со скорбными лицами и музыкальными инструментами. Впереди бригада — дрижер.
Звонок. Выходит ж и л е ц.*

Бригадир (вежливо приподнимает шляпу).
Ай-я-яй, мне уже говорили. Такое горе!

Ж и л е ц. Какое горе?

Б р и г а д и р. У вас похороны?

Ж и л е ц. Похороны?

Б р и г а д и р. Ришельевская шесть, квартира семь?

Ж и л е ц. Да.

Б р и г а д и р. Ну?

Ж и л е ц. Что?

Б р и г а д и р. Будем хоронить?

Ж и л е ц. Кого?

Б р и г а д и р. Что значит «кого»? Кто должен лучше знать, я или ты? Ну, не валяй дурака, выноси.

Ж и л е ц. Кого?

Б р и г а д и р. У меня люди. Оркестр. Пятнадцать человек живых людей. Они могут убить, зарезать любого, кто не вынесет сейчас же. Маня, прошу.

Толстая Маня, в носках и мужских ботинках, ударила в тарелки и посмотрела на часы.

Ж и л е ц. Минуточку, кто вас сюда прислал?

Б р и г а д и р. Откуда я знаю? Может быть, и ты. Что, я всех должен помнить?

Из коллектива вылетает разъяренный Т р о м б о н.

Т р о м б о н. Миша, тут будет что-нибудь, или мы разнесем эту халабуду вдребезги пополам. Я инвалид, вы же знаете.

Б р и г а д и р. Жора, не изводите себя. У людей большое горе, они хотят поторговаться. Назовите свою цену, поговорим как культурные люди. Вы же еще не слышали наше звучание.

Ж и л е ц. Я себе представляю.

Б р и г а д и р. Секундочку. Вы услышите наше звучание — вы снимете с себя последнюю рубашу. Эти люди чувствуют чужое горе, как свое собственное.

Ж и л е ц. Я прекрасно представляю.

Б р и г а д и р. Встаньте там и слушайте сюда. Тетя Маня, прошу сигнал на построение.

Толстая Маня ударила в тарелки и посмотрела на часы.

Б р и г а д и р (*прошелся кавалерийским шагом*). Константин, застегнитесь, спрячьте свою нахальную татуировку с этими безграмотными выражениями. Вы все время пишете что-то новое. Если вы ее не выведете, я вас отстраню от работы. Федор Григорьевич, вы хоть и студент консерватории, возможно, вы даже культурнее нас — вы знаете ноты, но эта ковбойка вас унижает. У нас, слава богу, есть работа — уличное движение растет. Мы только в июле проводили пятнадцать человек.

Теперь вы, Маня. Что вы там варите себе на обед, меня не интересует, но от вас каждый день пахнет жареной рыбой. Переходите на овощи, или мы распрощаемся. Прошу печальный сигнал.

Оркестр играет фантазию, в которой с трудом угадывается похоронный марш.

Ж и л е ц (*аплодирует*). Большое спасибо, достаточно. Но все это напрасно. Наверное, кто-то пошутил.

Б р и г а д и р. Может быть, но нас это не касается. Я пятнадцать человек снял с работы. Я не даю юноше закончить консерваторию. Мадам Зборовская бросила хозяйство на малолетнего бандита, чтоб он был здоров. Так вы хотите, чтоб я понимал шутки? Рассчитайтесь, потом посмеемся все вместе.

*Из группы музыкантов вылетает разъяренный
Т р о м б о н.*

Т р о м б о н. Миша, что вы с ним цацкаетесь? Дадим по голове и отыграем свое, гори оно огнем!

Б р и г а д и р. Жора, не изводите себя. Вы же еще не отсидели за то дело, зачем вы опять нервничаете?

Ж и л е ц. Почему стоит похоронить?

Б р и г а д и р. С почестями?

Ж и л е ц. Да.

Б р и г а д и р. Не торопись?

Ж и л е ц. Да.

Б р и г а д и р. По пятерке на лицо.

Ж и л е ц. А без покойника?

Б р и г а д и р. По трешке, хотя это унижительно.

Ж и л е ц. Хорошо, договорились. Играйте, только пойте: в память Сигизмунд Лазаревича и сестру его из Кишиинева.

*Музыканты по сигналу Мани начинают играть и петь:
«Безвременно, безвременно... На кого ты нас оставляешь? Ты туда, а мы — здесь. Мы здесь, а ты — туда».
За кулисами крики, плач, кого-то понесли.*

Б р и г а д и р (*повеселел*). Вот вам и покойничек!

Ж и л е ц. Нет, это только что. Это мой сосед Сигизмунд Лазаревич. У него сегодня был день рождения.

Ну что такое Ойстрах?

Ну что такое Ойстрах? Отнимите у него смычок, скрипку, костюм, авторучку. Кто будет перед вами?

А Рихтер? Крики: «Рихтер! Рихтер!» Отнимите у него рояль, отнимите оркестр, ноты, не впускайте публику и не разрешайте напевать. Где Рихтер? Где? А кто перед вами? А такой, как я, он, или он, или я, или ты.

А где будет ваш автоинспектор? Все кричат: «Автоинспектор! Автоинспектор!» Отнимите у него свисток, форму, пистолетик и палку полосатую. Может надрываться на любом перекрестке — никто не притормозит. Только если велосипедиста схватит за лицо пятерней — тот остановится, но может вступить в ответную драку, потому что кто перед ним? Автоинспектор? А на ногах у него что? Босоножки!

Теперь отними у нас... Нет... Дай нам... Или нет... Отними у нас... одежду... Ну, еще поделить людей на две половины сумеем, а дальше что? Ничего... Пляж... Страна северная, значит, не пляж... Кто кого слушает? Физически слабые слушают всех. Физически сильные поступают, как сами могут сообразить. А как они сами могут сообразить? А как военных узнать? Любой лось, зашедший в город, плюнет на любого военного или толкнет... а у того даже топнуть нечем... Босиком — и под бокс...

Поэтому надо очень цепляться за то, кто что имеет. Жена хорошая — держи жену. Рояль — держи рояль. Держи публику. Скрипочка есть? Палочка полосатая, пистолетик, штаны форменные?.. По штанам, роялю, жене и скрипке вас отличают от других голых!

Военная кость

Сила воли, принципиальность, честность — все у нас есть, но их не проявляем — время еще не пришло... Ранно пока... Это ж такие орудия, что из них по воробьям не бьют. Да, согласен, я пока и поддержку эту муру, что ж я из-за этой чепухи истрачусь? Недостойно это мое-

го характера! Я говорю себе — потерпи! Я обязательно скажу то, что думаю. Но не сейчас... Ничего, двадцать лет не говорил, еще потерплю... Мой час прогремит! А силу воли я на периферии тренирую. В горах Кавказа и Алатау в связке с молодыми людьми.

Это я только жалкую часть назвал тех чудесных черт характера. А взаимопомощь, а выручка? Все у нас есть! Большая беда нужна. Негде! Что мы чикаемся? Ночевать к себе не пускаем, в драку не лезем. Что это за масштаб?! Другое дело — с этим в разведку бы пошел, а с этим нет! Где проверить куда идти? Разведка нужна. Обстрел нужен. Сидеть ночью в болоте без мыла, без ракет — вот где люди проверяются: хорошие — хорошие, плохие — плохие.

Время спокойное. Попытки выдержишь? Дай уколою. Прищемлю дай. Скажешь или нет? Не имеет значения, что говорить. Что ты вообще знаешь? Ты, даже если захочешь, ничего интересного не скажешь. Не в этом соль. Соль в том, чтобы молчать, как никогда! А я тебе говорю — пытки выдержу. Вот оно! Подавись, чтоб я тебе что-то сказал. Во-первых, нечего действительно, а во-вторых, — не скажу, и все! Молчание молчанию рознь.

Беречь надо принципиальность, смелость, гражданское мужество — не расходовать на муру, на производство, на каждое собрание, на посидел, проголосовал и пошел. Недостатков столько, знаешь, один вырвал, пошел дальше, а они сзади заколосились — и — еще гуще. Так что, на каждый — свой заряд тратить, душевную широту? Нет, не раскочегарился народ. Каждый так и умирает честным и смелым, все сохранив в неприкосновенности. Он не виноват, его время еще не пришло.

И доброта у людей есть. Но к раненым в бою. Не на мостовой под «Жигулями», а в степи под Курганом — там я тебя перевяжу и — к своим на себе. А здесь, где свои, где чужие, куда тащить — нечетко, размыто. Вот если б все на mine подорвались, но об этом можно только мечтать! Когда все заросшие, как сейчас, а подстрижены под ноль и ходят след в след — вот где люди различаются один от одного.

По-настоящему поется в песне: «Ты только прикажи, и я не струшу, товарищ время, товарищ время!» Будет приказ — не струсим. А без приказа бродим сами по себе. Пока.

Начальник АТС

Вот вы думаете, он начальник АТС? О! О! Так уж — со всех сторон: О! О! А я ему скажу: «Ну нет телефона». Нет же икры в магазинах — вы же там не скандалите? Он умник стал. Отвечает: «А я без икры проживу, а без телефона нет. Мне «скорую» нечем вызвать. Я инвалид».

Слепые приходят. Гирями в авоськах размахивают. Один эпилептик довел себя в приемной, взвинтил. Но наши его быстро усмирили. У меня специально в штате — два линейных техника, мастера.

Сейчас это большое искусство принимать людей по четвергам с четырнадцати до восемнадцати. Они готовятся, и я готовлюсь. Они справки собирают, и я справки собираю. Они — «можно». Я — «нельзя».

Чем больше телефонов, тем невыносимее становятся те, у кого их нет. Вот их принимать тяжело. Вообще те, у кого нет телефона, квартиры, маленькая зарплата и кто-то из близких у них умер, стали совершенно невыносимыми. Ты им слово, они тебе два... Ей-богу... Легче разговаривать с пятью, у которых все есть, чем с одним, у которого ничего нет. Он тебе такие доводы, что ты просто дуреешь. Не дай бог, ты ему сравнение или цитату. Он тебе пять цитат и десять сравнений.

Тут один номерок отколол. С вами будет говорить Нью-Йорк. Я чуть не свихнулся. А это наш командировочный на такой способ пустился. Из-за океана начал права качать. «Я в командировках бываю...». Ну как они все, и кончил тем, что он инвалид и ему трудно в автомат ходить. Он там так орал, весь Нью-Йорк вокруг него собрался... Ну, я достойно ему возразил.

— Пусть они тебе и тянут. Ты у кого? У «Дженерал моторс»?.. Пусть этот «Моторс» тебе и копает, если ты ему нужен. А мне твои командировки как гусенице сапоги... Он там затих, в Нью-Йорке. А я ему говорю: «Еще раз скажешь «Вас вызывает Нью-Йорк» — всю жизнь по батареям будешь перестукиваться». Унялся он, куда-то выпивать пошел. Я, конечно, извинился перед отелом «Уолдорф-Астория», мол, это по культурному обмену, человек-сатирик, а с телефонами у нас все в порядке, вы же со мной не по трубе разговариваете.

Всех успокоил, себе — валидол и продолжал работать... Вот вы въезжаете в новый дом, уже есть розетки

радио, водопровод, канализация, электричество. Не легче тянуть. А почему нет телефона?.. Вам же ей позвонить как воды из крана напиться. Людям же надо общаться. А почему нет телефона???

Думаете, он начальник АТС — он ответит. Так вот, я — начальник АТС.

Сто одиннадцать

Что бы я делал в экстренных случаях, в пиковых положениях?

Я бы кушал ночью — это раз.

Спал бы днем — это два.

Пил бы для веселья с быстро хмелеющими женщинами от недорогих вин типа «Алиготе» — три.

И только с пьяными женщинами разговаривал — четыре.

Я бы работал, когда хочется, — шесть.

И часы бы перебил — семь.

И детей бы узаконил.

И наелся устриц.

И в Париж на минутку и обратно — восемь.

И в деревню на подводе с сеном и девками — семь.

А обратно быстро на машине — девять.

И спать — десять, одиннадцать, двенадцать.

Стричься у ласкового парикмахера с длинными пальцами, а бриться у длинноногой, смуглой, и сидеть низко, чтобы она наклонялась и пачкала свой нос в пене, а я бы ее слизывал, и мы бы оба смеялись.

Это восемь.

Охотиться можно, но не на уток, а на воднолыжников из мелкокалиберки с упреждением.

Это семь.

И не забыть выиграть у китайцев сражение и Порт-Артур отбить у них.

И тут же окружить себя пленницами.

Портреты им поменять на свои.

Из ручек у девушек цитатники вынуть и вложить что-нибудь другое — это шесть.

«Скорой помощи» рыло набить, чтоб начеку и почутче, в корне почутче.

И наших всех реанимировать, а то скучно.

А гады пусть мрут от инфарктов и пестицидов. Это десять.

Да, кондиционеры на лето, слушайте, это же невозможно, и унитазы всем починить. Это сто.

Борьбу с пьянством прекратить, тем более что это не борьба и это не результат.

Пограничников снять и хорошо угостить.

А чтоб сюда не лезли, забором все и дырки как положено — черт с ними, пусть видят, что здесь и как здесь весело. Это сто одиннадцать.

Морякам всем вернуться. Они туда плавают, чтоб здесь гулять, так здесь и так гуляют.

С театрами... Пусть играют — ни вреда ни пользы, давайте что хотите, только осторожно, не дай бог, перемрете от бессилия своего бесстрашия, от чудовищного выбора позиции в классовой борьбе.

В баню по четвергам, ребята. Это всем, кроме официантов и поваров, они по пятницам.

А в четверг все вместе, с воблой, пивом, раками, зеленью и, ты господи, водочкой.

Но в понедельник буду строг, тишина чтоб до обеда, до шести вечера.

Воробьям-сволочам лапы ватой обмотать.

Псам — кляпы.

Львам в зоопарках и у Берберовых — глушители на пасть.

Женщинам не рожать, пусть мужчины подсчитают.

И все спим, в понедельник тишина.

Вторник, среда — личное время.

По пятницам — с девяти до двенадцати — все выслушиваем друг друга. В комнате мирно.

А я бы кушал ночью — это раз.

Спал бы днем — это два.

Пил бы для веселья с быстро хмелеющими женщинами от недорогих вин...

Он таким не был...

— Здравствуйте! Сегодня у вас день рождения? Очень приятно. Извините, я без подарка. Спонтанно получилось. Пробежал мимо, ничего не успел, пробегаючи. Сейчас все так рано закрывается.

А собственно, какой у вас размер, хозяйюшка?.. Сорок шесть, два... Все равно ничего не было.

Спасибо. Салатику?.. Ага. Нет, нет, сюда. Селедочки?.. Можно, можно. Вот этой рыбки. А там что краснеет?.. Можно, можно, красненькой, соленьенькой, трескучей, даже еще кусочек. А это что, желтенькое?.. Ложечку можно. И помидорочку соленьенькую, сочненькую. Сами солили? Как интересно, ну, тогда еще одну.

А что ж хозяин себе ничего не берет? *(Выискивает, что бы еще взять.)* Хоть бы... *(Кряхтит: блюдо далеко.)* Ломтик холодца себе положили. И соседка моя ничего себе не берет. *(Накладывает себе.)* Берите себе, берите...

А вы, хозяйюшка, за гостей не беспокойтесь, берите себе, берите. *(Накладывает себе.)* Гусиный паштетик мягонький, легонький, полезенький...

(Испуганно.) Ой! Водочка!.. Кто это мне?.. Вы, соседик-соседушка? Мой ласковый. Когда же вы плеснули?..

Соседушка, милый, вас как?.. Сеа Суа Саныч... Кто наши гости?.. Вот этот чем занимается? В клетчатом?.. Я не показываю селедкой, я спрашиваю. Профессор философии... Му-гу. Имя?.. Игорь Семенович. Му-гу.

Игорь Семенович, одному человеку нужно сдать экзамен по философии. Вы не могли бы просто попросить свою ассистентку... Ну, так, без обязательств. Просто пусть примет у него, и все. А я бы завтра вам позвонил, и все. А? Когда вам удобнее? В четыре. Мне удобнее в пять. Ну, пусть будет в пять. Ваш телефончик, пожалуйста... *(Бормочет.)* Зести сисать сять сосок сеть сисисят.

Ага... Ага... За родителей. А кто вон тот лысый, с прыщом? Директор книжного магазина?.. Имя?.. Георгий Петрович? Георгий Петрович, как вам именины? Великолепные. У вас там не нашлось бы пишущей машинки?.. Одной?.. Я бы к вам зашел с одним человечком?.. А?.. Нет... А билет на Симферополь?.. Ну почему — нет?.. У вас же есть кто-то на вокзале?.. А пишущую машинку?.. Ну, если не смогли билет на Симферополь, то хоть одну пишущую машинку?.. Завтра?.. Вы меня узнаете?.. Не пейте, вы меня забудете.

Кстати, вам, Игорь Семенович, этот человек скажет — от Константина. Не забудете?.. Адресок вашего заведения, Георгий Семенович, э-э, простите, Петрович? Синакевича, семнадцать, троллейбус три, пять, семь,

остановка «Больница». До завтра. То есть мы еще гуляем, но до завтра. Главное, чтобы вы меня узнали. Правда, я напомню.

Что это вы себе накладываете, хозяин?.. Мне тоже, пожалуйста, положите, пожалуйста. Ага. Спасибо, пожалуйста.

А вы чем занимаетесь, сосед по столу? Как вас?.. Миша-студент... Где студент? В чем студент?.. В кораблестроительном студент... Имеете отношение к приемной комиссии?.. Никакого... Просто студент. Ну, передайте мне жаркое. И этот кусочек. И ту косточку. И ту косточку. И картошечку. Нет, левую. От себя.

Ну и жаркое, хозяйюшка! И где вы такое мясо берете? Что вы говорите, где?.. А меня с ним свести не могли бы?.. А сейчас мы бы не успели?.. Значит, завтра. В три. Возле магазина. Вы меня запомнили?.. Не пейте, вы меня забудете! В три возле магазина. Где магазин? Возле кинотеатра. Справа от кинотеатра?.. Если стать к кинотеатру лицом, то слева. Тише все! А спиной — справа. Подвальчик. «Мясо — рыба». До завтра. Мы еще... Я понимаю... Но мысленно я уже там. Физически здесь, мысленно там. А в мебельном, хозяйюшка, ничего?.. Все, спасибо и на том. И на том...

Что вы, хозяйюшка, едите?.. А-а-а. Нет, нет, заберите. А чем именинник у нас занимается?.. Врач... Где врач?.. В чем врач?.. Ага. Имя?..

Послушай, Витя, ты не смог бы мне достать интенсаин? А в больнице?.. А на отделении?.. А у знакомых?.. Один флакон... А полфлакона?.. А четверть?.. Завтра в четыре. У диспансера. Адрес радостного заведения?.. Ступакова, четыре, трамвай двенадцать, два, шесть. Все-таки — два флакона?.. Ну, хорошо, один. Ну, ясно, ясно, половину. Ну, черт с тобой, четверть. Только раздражил.

Что, уходим, хозяева хотят спать?.. Значит, уходим, хозяева хотят спать. И сосед уходит? Как же я останусь, когда все уходят? Тоже уйду. А что это там белеет?.. Кусочек, пожалуйста, на посошок... (Жует.) Мнь-а! Мнь-а! Вкусненькое...

А что это там ребенок ест?.. Все, идем. До свидания. Спасибо. Будем заходить, а как же. Теперь-то уж точно.

Какая лестница темная... Что это у вас в портфеле твердое как камень?.. Диссертация? На какую тему? Идеальные объекты в физике... А вы сами где?.. В ин-

ституте полупроводников? Постоите, мне там что-то было нужно... Ой! Мне там что-то было нужно... Ничего, ничего, я сяду в ваш трамвай. Вы скоро выходите?.. Мне там что-то было нужно... Не отворачивайтесь, вы меня забудете! Ая-я-яй!

У вас лекарства?.. Нет. Лекарства не у вас. Телефон?.. Не у вас. В универмаге?.. Никого. На санэпидстанции?.. Тишина... А где у вас знакомые? Только в своем институте? Может, у них есть знакомые в управлении гостиниц? Вы кто? Философ? Там же был один философ? Вы второй... У вас в буфете что-нибудь необычное?.. Сайра?.. Кета?.. Бок?.. Стойте, стойте! Ну, сходите, сходите! Да нет, я не схожу. Не имеет смысла. Какой холодный вагон.

Товарищ водитель, я случайно попал не в тот трамвай, я впервые в трамвае, я из деревни. Вы не могли бы в виде личного одолжения чуть дальше остановить? Приостановить? Вон возле того камня. А мне там удобней, за угол, и я попадаю... Ну, лично для меня... Ну, для меня... Лично... Во-во-во!.. Камень, камень!.. Не быстро, вы меня уроните. (*Равнодушно.*) Спасибо большое.

(*Двигает головой вслед за метлой дворника.*) А вы не могли бы здесь подмести лучше? Вот здесь, возле моей двери? Пожалуйста. Ну, лично для меня. А теперь здесь. Протрите, пожалуйста. (*Вращает головой, следя за тряпкой.*) Так... И песочком... А сейчас я пройду. Спасибо.

Он вошел в свою квартиру, закрыл дверь и в темноте затих.

Воскресный день

Утро страны. Воскресное. Еще прохладное. Потянулась в горы молодая интеллигенция. Потянулись к ларьку люди среднего поколения. Детишки с мамашками потянулись на утренники кукольных театров. Стада потянулись за деревни в зеленые росистые поля. Потянулись в своих кроватях актеры, актрисы, художники и прочие люди трудовой богемы и продолжали сладко спать.

А денек вставал и светлел, и птицы пели громче, и пыль пошла кверху, и лучи обжигали, и захотелось

к воде, к большой воде, и я, свесив голову с дивана, прислушался к себе и начал одеваться, зевая и подпрыгивая.

Умылся тепловатой водой под краном. Достал из холодильника помидоры, лук, салат, яйца, колбасу, сметану. Снял с гвоздя толстую доску. Вымыл все чисто и начал готовить себе завтрак.

Помидоры резал частей на шесть и складывал горкой в хрустальную вазу. Нарезал перцу красного мясистого, нашинковал луку репчатого, нашинковал салату, нашинковал капусты, нашинковал моркови, нарезал огурчиков мелко, сложил все в вазу поверх помидор. Густо посолил. Залил все это постным маслом. Окропил уксусом. Чуть добавил майонезу и начал перемешивать деревянной ложкой. И еще. Снизу поддевал и вверх. Поливал соком образовавшимся — и еще снизу и вверх.

Чайник начал басить и подрагивать. Затем взял кольцо колбасы крестьянской, домашней, отдающей чесноком. Отрезал от него граммов сто пятьдесят, нарезал кружочками — и на раскаленную сковородку. Жир в колбасе был, он начал плавиться, и зашкворчала, застреляла колбаса. Чайник засвистел и пустил постоянный сильный пар. Тогда я достал другой, фарфоровый, в красных цветах, пузатый, и обдал его кипятком изнутри, чтобы принял хорошо. А туда две щепоточки чайку нарезанного, подсушенного и залил эту горку кипятком на две четверти. Поставил пузатенького на чайник, и он на него снизу начал парком подпускать... А колбаска, колбаска уже сворачиваться пошла. А я ее яйцом сверху. Ножом по скорлупе — и на колбаску. Три штуки вбил и на маленький огонек перевел.

А в хрустальной вазе уже и салатик соком исходит под маслом, уксусом и майонезом. Подумал я и — сметанки столовую ложку сверху для мягкости. И опять деревянной ложкой снизу и все это вверх, вверх. Затем пошел из кухни на веранду, неся вазу в руках. А столик белый на веранде сияет под солнышком. Хотя на мое место тень от дерева падает. Тень такая кружевная, узорчатая.

Я в тень вазу с салатом поставил, вернулся на кухню, а в сковородке уже и глазунья. Сверху прозрачная подрагивает, и колбаска в ней архипелагом. И чайник... Чайник... Снял пузатого и еще две четверти

кипяточку. А там уже темным-темно, и ароматно пахло, и настаивается. Опять поставил чайник. Пошел на веранду, поставил сковородку на подставку. Затем достал из холодильника баночку, где еще с прошлого года хранилась красная икра. От свежего круглого белого хлеба отрезал хрустящую горбушку, стал мазать ее сливочным маслом. Масло твердое из холодильника, хлеб горячий, свежий. Тает оно и мажется с трудом. Затем икрой красной толстым слоем намазал.

Сел. Поставил перед собой вазу. В левую руку взял хлеб с икрой, а в правую — деревянную ложку и стал есть салат ложкой, захлебываясь от жадности и откусывая огромные куски хлеба с маслом и икрой.

А потом, не переставая есть салат, стал ложкой прямо из сковороды отрезать и поддевать пласти яичницы с колбасой и ел все вместе.

А потом, не вытирая рта, пошел на кухню, вернулся с огромной чашкой «25 лет Красной Армии». И уже ел салат с яичницей, закусывая белым хлебом с красной икрой, запивая все это горячим сладким чаем из огромной чашки. А-а... А-а... И на пляж не пошел. А остался дома. Фу... сидеть... Фу... за столом... Скрестив... фу... ноги... Не в силах отогнать пчелу, кружившую над сладким ртом... Фу... Отойди...

Так я сидел... Потом пошел. Ходить трудно: живот давит. Стал шире ставить ноги. Дошел-таки до почтового ящика. Есть газеты. Одну просмотрел, понял, что в остальных. А день жарче... Накрыл посуду полотенцем, надел на бюст легкую безрукавку, на поясицу и ноги — тонкие белые брюки, светлые носки и желтые сандалии, на нос — темные очки и пошел пешком к морю.

Навстречу бидоны с пивом. Прикинул по бидонам, двинул к ларьку. Минут через десять получаю огромную кружку. Отхожу в сторону, чтобы одному. Сдуваю пену и пью, пью, пью. Уже не могу...

Отдохнул. Идти тяжело. Уже полпервого. Поджаривает. На голове шляпа соломенная. В руках авоська с закуской и подстилкой.

Блеснуло. Узенько. Еще иду. Шире блеснуло. И уже блестит, переливается. Звук пошел. Крики пляжные, голоса: «Мама, мама...», «Гриша, Гриша!», «Внимание! Граждане отдыхающие...» А внутри пиво, салат... Фу!.. Ноги стали в песке утопать. Снял сандалии, снял носки. Песок как сковорода. А!.. Зарылся глубже. О!

Прохлада. Занял топчан. Сел. Раздеваюсь. Сложил все аккуратно. Палит. Терплю. Солнце глаза заливает потом. Терплю, чтобы потом счастье. Медленно, обжигаясь, иду к воде.

А вода, серая от теплоты, звонко шелестит и накачивается. Не стерпев, с воем, прыжками, в поту кидаюсь... Нет! Там же не нырнешь. Там мелко. Бежишь в брызгах. Скачешь. Ищешь, где глубже. Народ отворачивается, говорит: «Тю». А ты уже плывешь... Холодно. Еще вперед. Набрался воздуха и лег тихо. Лицом. Глаза открыты. Зелено. Тень моя, как от вертолета. Покачивается. Рыбки-перышки скользнули взводом. А-а-ах! Вдохнул. Снова смотрю. Там ничего. Песок и тень моя. А-а-ах! Снова воздух и поплыл назад.

А когда выходишь, то, невзирая на пиво и салат и сорок лет, вырастаешь из воды стройным, крепким, влажным. Ох, сам бы себя целовал в эти грудь и плечи.

Нет, не смотрят. Ну и черт с ними. Ай, песок, ай! Бегом к топчанчику. И животом вверх. И затих.

Опять слышны голоса: И «мама», и «Гриша», и «граждане отдыхающие», «А я тузом пик», «Он у меня плохо ест»... Звуки стали уходить. Пропадать...

— Вы сгорели, молодой человек!

А! Что?.. Фу! Бело в глазах. Побежал к воде. И, раскаленный, красный, расплавленный, шипя, стал оседать в прохладную сероватую воду. Проснулся и поплыл.

Какое удовольствие поесть на пляже! Помидоры я макал в соль. К ломтику хлеба пальцем прижимал котлетку, а запивал квасом из бутылки, правда, теплым, но ничего. Помидоры в соль. Кусочек хлеба с котлеткой, молодой лучок в соль и квас прямо из бутылки.

Какое мучение одеваться на пляже! Натягивать носки на песочные ноги. А песок хрустит, и не страшивается, и чувствуется. В общем — ой!

Шел домой. Уже прохладней. Солнце садится куда-то в санатории. На дачах застилают столы белыми скатертями, и женщины бегают из фанерных кухонь к кранам торчащим. А из кранов идет вода. Дети поливают цветы из шлангов. Собаки сидят у калиток и следят за прохожими. Полные трамваи потянулись в город. С гор пошла молодая интеллигенция. Очереди от киосков разошлись. Стада вернулись в деревни. И медленно темнеет воскресный день.

1974

Учителю

Борис Ефимович Друккер, говорящий со страшным акцентом, преподаватель русского языка и литературы в старших классах, орущий, кричащий на нас с седьмого класса по последний день, ненавидимый нами самодур и деспот, лысый, в очках, которые в лоб летели любому из нас. Ходил размашисто, кланяясь в такт шагам. Бешено презирал все предметы кроме своего.

— Бортник, вы ударник, он не стахановец, он ударник. Он кошмарный ударник по своим родителям и по моей голове. И если вас не примут в институт, то не потому, о чем вы думаете, кстати, «потому, о чем» — вместе или раздельно? Что ты скажешь? Получи два и думай дальше.

Этот мальчик имеет на редкость задумчивый вид. О чем вы думаете, Лурье? Как написать «стеклянный, оловянный, деревянный»? Вы думаете о шахматах: шах-мат. Вы мне — шах, я вам — мат. Это будет моя партия, я вам обещаю. И вы проиграете жизнь за вашей проклятой доской.

Повернись. Я тебе дал пять. О чем ты с ним говоришь? Он же не знает слова «стреляный». Не дай бог, вы найдете общий язык. Пусть он гибнет один.

Внимание! Вчера приходила мама Жванецкого. Он переживает: я ему дал два. Он имел мужество сказать маме. Так я тебе дам еще два, чтоб ты исправил ту и плакал над этой. Посмотри на свой диктант. Красным я отмечал твои ошибки. Это кровавая, простреленная в шести местах тетрадь. Но я тебе дал три с плюсом, тебе и маме.

Сейчас, как и всегда, я вам буду читать сочинение Григорьянца. Вы будете плакать над ним, как плакал я.

Мусюк, ты будешь смотреть в окно после моей гибели, а сейчас смотри на меня до боли, до слез, до отворачивания!

Борис Ефимович Друккер! Его брат, литературный критик, был арестован в 48-м или в 47-м. Мы это знали. От этого нам было тоже противно: брат врага народа.

Борис Ефимович Друккер, имевший в классе любимчиков и прощавший им все, кроме ошибок в диктанте.

Борис Ефимович Друккер, никогда не проверявший тетради. Он для этого брал двух отличников, а уж они тайно кое-кому исправляли ошибки, и он, видимо, это знал.

Борис Ефимович Друккер брызгал слюной сквозь беззубый рот — какая жуткая, специфическая внешность.

Почему он преподавал русскую литературу? Каким он был противным, Борис Ефимович Друккер, умерший в пятьдесят девять лет в 66-м году. И никто из нас не мог идти за гробом — мы уже все разъехались.

Мы собрались сегодня, когда нам — по сорок. «Так выпьем за Борис Ефимовича, за светлую и вечную память о нем», — сказали закончившие разные институты, а все равно ставшие писателями, поэтами, потому что это в нас неистребимо, от этого нельзя убежать. «Встанем в память о нем, — сказали фотографы и инженеры, подполковники и моряки, которые до сих пор пишут без единой ошибки. — Вечная память и почитание. Спасибо судьбе за знакомство с ним, за личность, за истрепанные нервы его, за великий, чистый, острый русский язык — его язык, ставший нашим. И во веки веков. Аминь!»

Наши мамы

Что же это за поколение такое? Родилось в 1908—10—17-м. Пишут с ошибками, говорят с искажениями. Пережили голод двадцатых, дикий труд тридцатых, войну сороковых, нехватки пятидесятых, болезни, похорошки, смерти самых близких. По инерции страшно скупы, экономят на трамвае, гасят свет, выходя на секунду, хранят сахар для внуков. Уже три года не едят сладкого, соленого, вкусного, не могут выбросить старые ботинки, встают по-прежнему в семь и все работают, работают, работают не покладая рук и не отдыхая,

дома и в архиве, приходя в срок и уходя позже, выполняя обещанное, выполняя сказанное, выполняя оброненное, выполняя все просьбы по малым возможностям своим.

Пешком при таких ногах. Не забывая при такой памяти. Не имея силы, но обязательно написать, поздравить, напомнить, послать в другой город то, что там есть, но тут дешевле. Внимание оказать. Тащиться из конца в конец, чтоб предупредить, хотя там догадались, и не прилечь! Не прилечь под насмешливым взглядом с дивана:

— Мама! Ну кто это будет есть? Не надо, там догадуются. Нет смысла, мама, ну, во-первых...

Молодые — стервы. Две старухи тянут из лужи грязное тело: может, он и не пьян. А даже если пьян... Молодые стервы. Нет смысла, мама...

Кричат старухи, визжат у гроба. Потому что умер. Эти стесняются. Сдержанные вроде. Мужественные как бы... Некому учить. И книг нет. А умрут, на кого смотреть с дивана? Пока еще ходят, запомним, как воют от горя, кричат от боли, что брать на могилы, как их мыть, как поднимать больного, как кормить гостя, даже если он на минуту, как говорить только то, что знаешь, любить другого ради него, выслушивать его ради него, и думать о нем, и предупредить его.

Давно родились, много помнят и все работают, работают, работают, работают. Наше старое солнце.

Главный гость

Выпей, маленький мой. Выпей, Женечка, нальем, мои хорошие. Вот и соседи пришли. Чудесно. Нальем Юрочке и Галочке. Они здесь дорогие гости. Мы все здесь гости дорогие. Такой дом знаменитый. Выпьем за хозяйшку.

Почему не надо? Ну, не прав, бабеч. Давай, маленький, скажи. Ну, по граммулечке, по капельке, по рюмашечке.

И Петюнчик с нами выпьет. А давай, скажи, маленький, скажи. Получится. Не стесняйся. И чего?.. И как? За что? Превосходненько. А вот у меня двое. Старший в институте Гражданской авиации. Вчера без очереди ему билет дали. Почувствовал привилегии. Не надо, го-

ворит, отец, для меня стараться, не нажимай. Сам достану. Достал и почувствовал — теперь многое сам достает. Головка у него светлая. Младший в седьмом. Я говорю: что ж ты, Андрей, — двойка? А он — не думай об этом, отец. Я ж только в седьмом еще. Три года впереди. Все наладится, батя, — а сам улыбается. Светлый, радостный.

Все будет хорошо. Все будет изумительно.

Ну, хозяйюшка, именинница, Милочка, наша красавица, душа наша. Давай, маленький, давай по граммулечке. Все будет хорошо. Все и так хорошо. Давай, маленький, по рюмашечке. Видишь, здесь люди ответственные, собрались днем. Мне сегодня на активе выступать. Много не могу, но по граммулечке.

Да, Женечка, что у тебя там в фужерчике, зачем же ты шампанское, дай, маленький, дай вылью... прямо на пол, ничего, зато водочку будешь. Все водочку, и ты! Не надо, не надо, родненький, нам всем работать. У нас обедик такой в честь именинницы, и не надо его портить. Цветочки вон принес, а мог бы что и поинтереснее. Я твои возможности знаю, давай, маленький, не порть праздник. Хорошо, дорогой, я тебе височки граммулечку и лимонадику. Ну, вот хорошо. Не надо пока закусывать.

Ох и погодка прекрасная. Дождик, громик, смотри, как засветило. Хорошо-то как, Милочка. Соседи, Галочка и Юрочка. Салатику вам. Я знаю, как к ним хозяйюшка наша относится. Они ей дороже родных, они ей помогают, и она им, и детишки у них вместе. За соседей. Ну, еще по граммулечке. Коньячку теперь, Галиночка, коньячку. Винца?.. Не надо, не надо. Дай вылью, а вот сюда, да ничего не испортится, только лучше, слаще станет.

И тебе сейчас сюда прямо бултых граммулечку. Давай, прямо на глазах у меня, — за деточек, светлых, радостных, маленьких. Чтоб здоровенькие были, чтоб головки были светлые, чтоб любили нас, стариков. Давай, давай, не останавливайся, и вот — запивочку. Вот она тут. А-я-яй, это же винцо, это я плеснул. Ничего, маленький, продышись, не держись за салатик, вот держи его за воротничок. Это Юрочка твой, держи его за чубчик, он тоже, бедненький, сник, чуть подыми ему головку. Галиночка, Юрочка, маленький, еще граммульку, чтоб очнуться, ну чуть-чуть, ну совсем символически, ну, только глотни, ну, давай, давай,

раз... как пошла... нет-нет, внутрь загоняй... Вот хорошо, маленький. Вот и Галиночка при нем. Вот и Юрочка, вот обнявшись, вот хорошо. Сейчас зайдет Коля, сосед милый, надо его поприветствовать, он Ивана Григорьевича возит.

Вот и Коленька-Николай. Садись, Колюнечка. Чего тебе налить, маленький? Ну, давай. Ну, попопнее. А ведь ты не за рулем уже, не за рулем? Не за рулем. Ну, хором: за Колюню нам выпить пора, гип-гип, ура! Гип-гип, ура! О! Отгул у него. Давай, маленький, давай — граммчик, самый крохотный, самый малюсенький граммчик-абрамчик.

Женечка, не обижайся, это поговорочка. Давай, Коленька, пей, детка, пей, маленький. Вот — до дна, до дна. А тут тебя и огурчик ждет. А ты прямо у меня и откуси. Осторожно, пальчик откусишь. Я его тебе прямо в ротик брошу. А я себе другой возьму. Хря-ря! Мня-мня.

У нас все для человека. Но ты сумей стать человеком. Мня-мня... Вот...

Ничего, ничего, все будет хорошо. А где Галочка с Юрочкой?.. Как — ушли? Я никого не отпускал. Здесь они? Где же здесь?.. А, вон где... Галчонок, Юрочка, вставайте, маленькие, вам же детей из садика брать. Ну что ж вы там под ногами?.. Сейчас все по рюмашечке — и на работу... по граммчику. Женечка, детка, сыночек! Не надо друзей надувать, дай попробую, ну что ж ты так товарищей своих наказываешь? Где ж это у вас вот это предательство сидит? Ну что ж, на вас рассчитывать нельзя, продашь ведь, Женек, за две копейки продашь, с простого начинаешь, а потом и меня продашь.

Что ты молчишь? Что он говорит, Милочка? Плохо себя чувствует? Да что ты, маленький, посмотри на себя — косая сажень в плечах, живот на полметра, плечи — во! Зад — во! Да ты гренадер! Милочка, маленький, не держи его за руку. Разве ты только его любишь? Забери свою руку, детка... Эх ты, господи, что ж он так рухнул-то, и смотри — соусом аж до потолка достал. Ну, Женечка, ну маленький, ну козлик, прямо взрыв устроил, хорошо как... Давайте все по рюмашечке, и Коленька всех отвезет. Да, Колюнечка, да, детка. А на Женечкиной машине. Ключики вон у него на шее, как колокольчики. Давай еще по граммчику прощальному и разъедемся. Ну, маленькие, меня шо-

фер ждет, а вас Коленька развезет. Развезет, да, Коленька?.. Как, маленький? Что, маленький? Что са?.. Саса... колеса? Колбаса? Адреса они тебе скажут... Женечку положим в лифт и нажмем кнопочку. Он сам доедет, да, Женечка?

А ты, Коленька, подтянись к Юрочке, узнай адреса и заводи. Иди, маленький, или еще по одной давай, зятек. Спасибо, хозяйюшка. Где она закрылась? Ломай, Петюнчик, ломай, маленький, скажи ей спасибо за прием и по пограничной, по прощальной... Пусть, пусть глотнет. Глотни, Милочка, глотни, ну ради нас всех, ради деток, ради родителей наших... Ну-ну-ну... Есть. Глотнула...

Ну, ребята, вы лежите, я пошел. Кто газ включил? Не надо, не надо. Сейчас я в окно крикну:

— Юрий Дмитриевич, заводите! Я уже спускаюсь.

Как с ними говорить

Женщинам можно все. Им нельзя давать время для раздумий. Сколько здесь пострадавших мужчин, с которыми не встретились, не поговорили, не переписывались.

Нельзя говорить: «Подумайте, если вы согласны, я вам позвоню!» Или: «Вы подумайте, а я у вас спрошу через полчаса... Я буду готов за вами заехать, если вы согласитесь, я буду у вашего подъезда, если нет, я позвоню завтра... Пожалуйста, ответьте мне, располагаете ли вы свободным временем, допустим в субботу?.. Позвонить в пятницу? Хорошо, договорились».

Так нельзя разговаривать даже с министром общественного транспорта, а женщины вообще не те люди... «Скажите, а вас устроит воскресная поездка?..» Нет! Нельзя так говорить!

Немедленно! Сейчас! Тут! Здесь! Уже! Ну, давайте. «Алло, я за вами заезжаю. Вы будете готовы. Значит, я внизу. Значит, я подымусь. Значит, я войду! Значит, я ложусь под дверьми. Значит, я дышу в замок. В общем, вы будете готовы к двадцати. Не к восьми, нет! Именно к двадцати. Я буду у вас! Именно я у вас!» Это не от нахальства с наглостью, а чтобы не говорить, на какой улице, под каким деревом. Минимум для

раздумий. Никакой необходимости ориентироваться в пространстве, даже в двух минутах ходьбы от дома. Не спрашивать, где, куда, когда. Цифры и факты оглашать самому. «Я стою здесь. Я уже здесь. Только взгляните — меня видно. Я напротив в автомате, я машу букетом, я радостно мечусь под окном. Я хочу слышать шаги по лестнице, идущей вниз. Ведущей вас ко мне вниз. Ну!»

— Но я сегодня собиралась мыть...

— Нет. Мы на минуту.

— А куда?

— В прекрасный дом.

— Я не знаю...

— Мы на минуту зайдем и тут же...

— Что — тут же?

— Ничего, там вас хорошо знают.

— Откуда?

— Не знаю. Знают. Там будут ваши друзья.

— Кто?

— Все вас ждут давно. Мы на минуту, а потом придумаем что-нибудь еще.

— Что — еще?

— Придумаем.

— Что? Что?

— Пока сюрприз.

Ошибка! Какой «сюрприз»? Какой «пока»? Вы заколебались. Вы сделали паузу.

— Нет. Я не могу. Я должна мыть.

— Ну, завтра. Ну, пожалуйста.

Лепет. Мура. Вся автоматная очередь начинает толкать вас в спину. Очередь все поняла. Уважения нет. Вы провалились, уступите место следующему... Вы давно без девушки?

— Давно.

— Ага. Могли бы и не отвечать. Букет бросайте сюда.

Давайте сопротивляться

Случайно попав в ресторан после многолетнего перерыва, она застала там мужа своей сотрудницы, начальника дорожного управления. С тех пор у нее заасфаль-

тирован двор, отремонтированы окна и двери, проведены телефон и горячая вода, а дом назначен на снос.

Затем она выследила начальника райторга в гостинице под чужой фамилией. Представилась знакомой жены и в ужасе выскочила.

Рыбу и дичь ей завозят до магазина. Апельсины сынок уже не может. Мужа воротит от одного вида бананов. А от индейки, что томится сейчас в духовке, они обломают только лапки.

Теперь она слоняется за городом, ищет кого-нибудь по промтоварам.

Товарищи! А если ей не поддаваться? Ну и пусть сообщает.

Какой взрослый мужчина...

Какой взрослый и крепкий мужчина не любит уйти в лес и полежать на траве?! Какой взрослый и крепкий мужчина не любит поплакать в теплую шею, в теплое родное плечо, в то самое место, созданное для мужских слез?! На работе притесняют, я — к тебе. Давят, давят перчатки. Тесен мне, тесен так плотно облегающий меня мир. Еще немножко дай мне сил — я опять ринусь туда. Возвращаюсь, опаленный снаружи, раскаленный внутри, и припадаю.

Наши милые женщины, выращенные в небольшом объеме двухкомнатных квартир! Как бы хотелось, чтобы у вас было все хорошо, чтобы наша могучая промышленность перестала рыть ходы под нами, а немножко поработала на вас. Чтобы мощнейшие станы Новокраматорского завода выпускали нежные чулочки, такие скользкие и безумные, когда в них что-то есть. Чтобы перестал страшно дымить Липецкий химкомбинат, а выпустил очень вкусную блестящую помаду, делающую губы такими выпуклыми и желанными, и чтобы грохочущий и вспыхивающий по ночам УЗТМ полностью перешел с бандажей товарных вагонов на тончайшее кольцо и ожерелье. Больше дыма — больше толка. И на Кольском полуострове перестали бы наконец ковыряться в апатитах и выпустили духи, от которых все мужчины стали мужчинами и поблед-

нели. И тогда наша маленькая и удивительная женщина не будет тратить столько сил на добычу и украшение самой себя. И из глазок у нее исчезнет большая озабоченность. И красота некоторых не будет стоить их мужьям такого длинного срока, а мозоли на лучших в Европе ногах пропадут вместе с теми сапогами, за качество которых мы так боремся. А мускулы останутся только у гимнасток. И мы будем смотреть на них и радоваться, что это не наша жена там кувыркается, мелькая широкими плечами и стальным голеностопом. А наша — здесь, ароматная, нежная, слушающая внимательно про все безумие борьбы за технический прогресс и езды в переполненных автобусах. Должен же дома быть хоть один человек с не помятыми в автобусе боками!

Это и будет равноправие, когда каждый приносит другому все, что может. Мы же все хотим после работы в лес, на траву.

Пусть этим лесом будет наша жена.

Наша!

Все кричат: «Француженка, француженка!» — а я так считаю: нет нашей бабы лучше. Наша баба — самое большое наше достижение. Перед той — и так, и этак, и тютю-мути, и встал, и сел, и поклонился, романы, помолвки... Нашей сто грамм дал, на трамвае прокатил — твоя.

Брак по расчету не признает. Что ты ей можешь дать? Ее богатство от твоего ничем не отличается. А неприязнительная, крепкая, ясноглазая, выносливая, счастливая от ерунды. Пищу сама себе добывает. И проводку, и известку, и кирпичи, и шпалы, и ядро бросает невидимо куда. А кошелки по пятьсот килограмм и впереди себя — коляску с ребенком! Это же после того как просеку в тайге прорубила. А в очередь поставь — держит! Англичанка не держит, румынка не держит, наша держит. От пятерых мужиков отобьется, до прилавка дойдет, продавца скрутит, а точный вес возьмет.

Вагоновожатой ставь — поведет, танк дай — заведет. Мужа по походке узнает. А по тому, как ключ в дверь вставляет, знает, что у него на работе, какой

хмырь какую гнусность ему на троих предложил. А с утра — слышите? — ду-ду-ду, топ-топ-топ, страна дрожит: то наши бабы на работу пошли. Идут наши святые, плоть от плоти, ребрышки наши дорогие. Ох, эти приезжающие — финны, бельгийцы, новозеландцы. Лучше, говорят, ваших женщин в целом мире нет. Так и расхватывают, так и вывозят богатство наше национальное. В чем, говорят, ее сила — она сама не понимает, какая она. Надо — соображает, не надо — не соображает. Любишь дурочку — держи, любишь умную — изволь. Хочешь крепкую, хочешь слабую...

В любой город к нему едет, потерять работу не боится. В дождь приходит, в пургу уходит. Совсем мужчина растерялся и в сторону отошел. Потерялся от многообразия, силы, глубины. Слабже значительно оказался наш мужчина, значительно менее интересный, примитивный. Очумел, дурным глазом глядит, начальство до смерти боится, ничего решить не может. На работе молчит, дома на гитаре играет. А эта ни черта не боится, ни одного начальника в грош не ставит. До Москвы доходит за себя, за сына, за святую душу свою. За мужчин перед мужчинами стоит.

Так и запомнится во весь рост: отец плачет в одно плечо, муж в другое, на груди ребенок лет тридцати, за руку внук десяти лет держится. Так и стоит на той фотографии, что в мире по рукам ходит, — одна на всю землю!

Братья и сестры

«С кого пример брать?! — вскричал третий ребенок второго отца по матери. — У меня не родная мать. Я от второго брака с третьим отцом. Моя сестра по матери, от ее первого брака с мужем, у которого она была второй женой, вызывает во мне посторонние чувства. И хоть мне двадцать пять, но я уже дедушка своей двоюродной внучке, родившейся у дочери моей сестры по отцу от ее второго брака с человеком, у которого трое сыновей от первой, второй жены и третий неродной от второго брака.

Вчера у меня был день рождения и к нам специально приезжал мой отец родной, у которого сейчас

своя семья и двое взрослых дочерей — моих сестер по первому браку моего отца, у которого я от второго брака до защиты. Но нас дома не было. Мы с мамой, ее мужем и сыном маминого мужа от первого брака были в ресторане с теткой и ее вторым мужем, директором завода, где в техотделе его первая жена и ее дочь от второго брака. А он, как директор, руководит своей первой женой и ее вторым мужем, старшим инженером КБ, и все они в системе министерства, где начальником главка первый муж теперешней жены директора, вот этой тетки, что сидит в сиреневом».

Их день

И что смешно — министр мясной и молочной промышленности есть и очень хорошо выглядит. И что интересно — мясная и молочная промышленность есть, мы ее видим и запах чувствуем. И что самое интересное — продукции выпускается в пять раз больше, чем в 40-м году. И что очень важно — действительно расширен ассортимент. И, в общем, в очень удобной упаковке. Все это действительно существует, что бы там ни говорили.

Просто, чтобы это увидеть, нужно попасть к ним внутрь. Они внутри, видимо, все это производят и, видимо, там же это и потребляют, благодаря руководство за заботу и ассортимент.

У них объем продукции возрастает, — значит, и возрастает потребление ими же...

И нам всем, стоящим тут же за забором, остается поздравить их во главе с министром, пожелать дальнейших успехов им, их семьям и спросить, не нужны ли им юмористы, буквально три человека.

У них сегодня внутри музыка. Из-за забора слышны речи и видны флаги. Там их день.

И мы, конечно, из последних сил можем окружить себя забором и праздновать свой день — «Приятного аппетита».

Давайте-ка объединим наши праздники. И вы не будете выглядеть так одиноко, пробираясь с работы домой и прижимая к груди сумочку с образцами возросшей продукции и расширенного ассортимента.

После вчерашнего

Вот она, наполненная жизнь! После тусклой недели литературной работы. Наконец...

Солнце ударило из зенита. Вчерашнее стоит столбом. Трудно вспомнить, так как невозможно наморщить лоб. Только один глаз закрывается веком, остальные — рукой. Из денег только то, что завалилось за подкладку. Такое ощущение, что в руках чьи-то колени. Несколько раз подносил руки к глазам — ни черта там нет. От своего тела непрерывно пахнет рыбой. Чем больше трешь, тем больше. Лежать, ходить, сидеть, стоять невозможно. Организм любую позу отвергает. Конфликтует тело с организмом, не на кого рассчитывать. Пятерчатка эту голову не берет: трудно в нее попасть таблеткой. Таблетки приходится слизывать со стола, так как мозг не дает команды рукам. Дважды удивился, увидя ноги. Что-то я не пойму: если я лицом вниз, то носки ботинок как должны быть? И сколько их там всего?

И хотя галстук хорошо держит брюки, видимо, несколько раз хотел во двор и, видимо, терял сознание. Видимо, не доходил, но, видимо, и не возвращался.

И что главное — немой вопрос в глазах. Моргал-моргал — вопрос остается: где, с кем, когда и где сейчас? И почему в окне неподвижно стоят деревья, а под кроватью стучат колеса?

Будем ждать вспышек памяти или сведений со стороны.

1975

Приветствие театру

Театр начинается с вешалки, вешалка с крючка, крючок с промышленности, то есть театр начинается с поисков руды.

Поскольку речь идет об искусстве, то разрешите дать слово и взять его нам, представителям бывшей театральной общественности, находящимся ныне на трудовом отдыхе благодаря хорошему климату и теплой зиме, — здравствуйте.

Пенсию надо проводить на юге. Это наше твердое убеждение, переходящее в здоровый румянец.

Мы, бывшие куплетисты-чечеточники, бывшие шутники-затейники с намеком, ныне распространители билетов среди населения на то большое искусство, которое нам иногда завозят из центральных областей, приветствуем деятелей литературы, театра и особенно эстрады, чей юмор и слезы орошают нас непрерывно, дай бог вам здоровья и хорошей аппаратуры.

Мы, полуживые свидетели Ядова и Япончика, молодого Утесова и пожилой Изы Кремер, того цветущего времени, когда сила искусства была такова, что за куплет вы могли получить пулю в лоб, потому что все были вооружены, не дай бог, — теперь, слава богу, даже самый зубастый сатирик в полной безопасности.

Зритель правильно понимает его и свою задачу и настраивается на веселый лад. Вы же не видели, чтобы кто-нибудь уволился сразу после концерта? Значит, юмор воспринимается хорошо. Смеются все. Смеется и тот, в кого вы пустили свой жуткий заряд. Когда у людей стальные нервы, когда он уже себе выбил жилье, прогрессивку и шифер на дачу, вы его хотите сокрушить своим куплетом?

Да, так мы насчет куплетов... Нет, подождите, насчет чего же мы?.. Боюсь, что мы насчет билетов... Да... Так с билетами такая же история... Они хотят на Рихтера, на которого хотят все, и они не хотят на тот

хор, который дал такой осадок уникальному зданию нашей филармонии, где когда-то была биржа, а теперь они с таким же успехом там поют и требуют в гостинице десять люксов, хотя получили три братские могилы по пятнадцать коек.

Но тот хор должен же кто-то слушать, если он уже поет? У них же не хватает родственников во всех городах. Так мы нагружаем. И это правильно. Что значит, ты не хочешь идти на концерт? Что же, будет пустой зал, а ты будешь валять дурака в садике с девочкой? Сиди в тепле, смотри, как люди поют.

У нас тоже есть такой театр — с большими спектаклями, с потрясающими актерами, с огромными режиссерами, но без публики. И они работают. И не надо им мешать.

Мы, куплетисты-чечеточники, поняли, что при современном развитии искусства настоящий театр в зрительях не нуждается. Главное — решить внутренние проблемы, а их еще есть у них. И очень правильно, что каждый коллектив на гастроли привозит нам те вещи, которые у нас идут. Три «Дяди Вани», четыре «Гибели эскадры» для города с небольшим населением — это очень интересно.

Летом, в жару, в закрытом помещении — это хорошо, хотя у нас есть один умник, который считает, что если он уже посмотрел пьесу, то хватит, ему неинтересно посмотреть, как на эту пьесу посмотрит новый режиссер. Ничего, мы будем с ним бороться, хотя он живуч.

А теперь, слава богу, все поют. Из-за поэтов-песенников в трамваях не протолкнуться. И правильно. Размножается то, что приспособилось. Зачем думать, говорить, страдать, когда лучше петь, а еще лучше об этом танцевать. Зачем острить, напрягаться, раскусывать намеки — это уже будет не отдых, это уже будет не воскресенье. А в песне слов почти не разобирать. Ля-ля-ля. Мурлычем и мы, бывшие куплетисты-затейники, чьи головы до сих пор полны острот, намеков, цирковых реприз, куплетов с чечеткой, Шульженкой, Плевницкой, Козиним, Виноградовым — всем тем, что сейчас зовется «ретро», а раньше называлось «наша жизнь».

Наше ретро вам уже не понять. Это совсем сзади. Но мы вспоминаем — здесь, за домино, на теплом тротуаре, под сильной лампой, этим чудным летом.

Потому что театр начинается с крючка, крючок с промышленности, так что не осталось людей, которые бы не разбирались в этих проблемах.

Вот и мы захотели поделиться своими мыслями. Если нам кто-то возразит — мы с ним согласимся. Если с нами кто-то согласится — мы с ним поспорим. Мы делимся мыслями. Если что-то не так — берите наши мысли и делите их сами.

Александр Моисеевичу Эскину

Что по понятиям моим, механика Одесского порта, может быть лучезарней, чем директор Дома актера посредине Москвы?.. Только директор санатория посредине Сочи!

Боже мой, разговаривать со всеми актерами, шикарно спускаться в ресторан, проходить между рядами склоненных официантов, шикарно входить в библиотеку, проводить пальцем по корешкам любимых книг. Внезапно войти в бухгалтерию и распечь вскочивших. Провести платком по подоконнику и жестом подозвать уборщицу... А в Новый год! Ослепительное собрание звезд. И проходить сквозь звезды и отвечать сквозь зубы: «Вас также... Вас также. И вас также».

Нет. Что ты, Эскин, есть работы похуже. А если твоя жизнь покажется тебе обыкновенной, то спроси меня по фамилии Выходец из Одессы со Старопортофранковской, 133, там, где у нас живет портной, и там, где ему тоже семьдесят пять. Войди к нему и посмотри, как он засуетится, как он закроет дверь в кухню и комнату и будет говорить с тобой в прихожей, только чтобы ты не видел, хотя ему тоже нет равных.

Нет, что ты, Эскин, это же надо быть посредине Москвы, директором в этом доме и прожить жизнь длинную и полосатую, как шлагбаум. И вот в такой счастливой жизни это же надо...

Это же надо чего-то хотеть, когда никто нигде ничего не хочет?!

Это же надо чего-то делать, когда повсюду гремит

клич: «Зачисляйся к нам: у нас ничего не надо делать».

Это же надо рисковать, когда никто нигде ни с кем не рискует!

Это же надо помешивать ложкой в мозгах, вызывая со дна пузыри!

Да на черта тебе, старый ты, мудрый ты змей. Чего ты устраиваешь вечера памяти Андрияны и Галины и будоражишь в нас совесть и память? Видишь, в других местах и сап, и храп, и чьи-то носки так чудно пахнут, и едут все куда-то. И не мешай ты им ехать... Как ты вообще сохранился? Где ты родился? Где ты ночуешь? В какую поликлинику ходишь?.. Ты что, на «разрешите» ответишь «пожалуйста»?!

Нет, ты должен делать невозможное. Лечиться у лучших, глотать все, что есть нового, бегать, тренироваться и жить бесконечно, хотя бы потому, что без тебя здесь будет так плохо, здесь все так развалится, когда придет молодой и крепкий с высшим, душу его на столб, гуманитарным, как раз по этому профилю и точно с этим образованием и даже с опытом работы с людьми.

Держись за это место. Мы все тебе будем помогать держаться. В твоём кабинете господь бог произвел точное попадание человека на стул, что в последнее время ему уже стало редко удаваться.

Никто из нас не виноват, что тебе грянуло семьдесят пять, но, честное слово, в сорок ты бы таким не был. Это соединение мудрости и служебной настырности. Это владение двумя языками. Один для разговора вверх, другой вниз. Это когда уже понимаешь то, что понять нельзя. Это когда видишь невежество и понимаешь его. Это когда видишь, как двигает асфальт молодой гений, и чувствуешь, чем он кончит. Это когда видишь, как будущее ходит рядом с настоящим и они не узнают друг друга.

Это семьдесят пять... Это семьдесят пять...

Может быть, тебе и не страшно умереть. Это страшно нам. Потому что кого мы будем показывать своим детям и когда они еще увидят настоящего интеллигента?!

В белую книгу записаны белые журавли. Их осталось мало.

Сберечь хотя бы парочку.

Поменьше юмору, граждане!

Граждане! Чтоб не мешать, пока давайте меньше юмора, граждане. Давайте пока не острить. Изо всех сил держаться и не острить.

Меньше смеху, меньше улыбок, товарищи!

Больше насупленности и сурьезу. К насупленным, драматически сурьезным и трагически сосредоточенным больше доверия. Все понимают, что вы своим юмором хотите сказать...

Все бы хотели сказать. Но низя!!! Рано. Успеем. Проблемы решать надо в полном молчании... Решим — остри, не решим — молчи, пока не решим. Свистнем — остри. Жди свистка.

Сурьезный, насупленный, молчаливый и диковатый вызывает огромное доверие и сверху и снизу. Он что хочешь выполнит, не что хочет, а что хочешь, выполнит без издевательских острот и подхихикиванья.

При мне от смеха у людей выпадали кувалды, баранки и гвозди. Трясущийся от хохота, со слезящимися глазами комедиант не может найти оброненный карандаш или пассатижи и теряет час-два горячего рабочего времени. Сила удара кувалдой по конструкции у смеющегося человека вдвое ниже по динамометру, мы замеряли.

И правильно сейчас просматривается намечающаяся тенденция, смешанная с концепцией по всемерному снижению уровня хохота в организациях и у частных лиц.

Под песню, непрерывно бодрящую из динамиков, хорошо ходится и входитя строем в ворота производства, хорошо клепаются у горячих мартенов.

Так что давайте, давайте, давайте побыстрее без юмора, граждане. Побыстрее, побыстрее, нечего откладывать. И прямо сейчас, без этих надсмешек и подхихикиваний под печатающий шаг трудовых отрядов.

И не надо надсмешки над собой как признак ума, который, мол, есть в Англии. Езжай. И смейся над ими же с ими вместе. А хохотать внутри никто тебе не даст. Все работают. Все замороженные, все выбивают друг у друга дефицит и прописку, так что ж их отвлекать от этого святого дела?

Ишо над собой смеяться... ишь чего. Дай волю — половина покатится до судорог, на карачках уползет. А низя!

Разговор должен быть громкий, крепкий, лобовой, без подмигиваний и намеканий.

Равномерное изложение, равномерно действующее на окружающих. Слова употреблять знакомые, много раз слышанные, вроде гудения трансформатора: предоставить, обеспечить, наладить, обязательно обратить внимание.

И это правильная тенденция, смешанная с концепцией, — оставить у человека на завтра такое настроение, какое у него было сегодня.

Чувство юмора выбивать из остряков руками, и его издали будет видеть.

Научись острить без намеков и веселиться без юмора — увидишь, как к тебе потянутся люди, посмотреть на тебя — юмориста, порадоваться за себя.

Вот так на сегодня. А на завтра посмотрим, когда подождем! Как подождем, так и посмотрим.

Клянемся!

Нас обливает презрением, ругает и издевается категория специальных женщин. Администраторы, дежурные, телефонисты, официанты, няни, врачи, кассиры, не старые, не тупые, не темные. Среднего возраста и образования, безглазый верх, силпый голос, пропитый выдох, прокуренные пальцы! Что-то вроде парика. О фигуре речи нет — хотя есть тело, низко сидящее на кривых кавалерийских ногах, втиснутых в каблуки. Запах дорогих духов перебивается табаком, вином, сапогами.

По примеру древних греков лисистратов я обращаюсь к вам, мужички! Клянемся! Взявшись за шею, наклонившись в круг — в древнем греческом танце сиртаки, — клянемся!

Даже после дальнего плавания или службы на Севере, даже если очень нужен номер в гостинице или даже билет на поезд к мамане отбыть, даже если вы глубоко и затаенно страдаете от неказистой внешности, прикрытой кишиневским плащом, и жизнь своей

мозолистой рукой вот-вот разыщет ваше горло, — и в этом невыносимом кульминационном виде не подходите вы к ним вплотную, не устраивайте им удовольствия, мужички, мужчины, парни боевые, рвущие узду, — стой!

Что может быть хуже презирающего конторского хама-холуя? Только женщина из этого подвида. А наличие чудовищной груди и пожарной помады ничего не обещает, ибо никакая темнота не скроет убожества духа, а вспышка света оскорбит твое зрение презрительным лицом с желтыми зубами. Встреча с ней подсудна, как любовь пожарного со студентом.

Матросы! К вам, одуревшим от качки и хорошего питания, обращаюсь я! Клянемся! Общаться с ними только на непреодолимом расстоянии вашей вытянутой руки.

Офицер-лейтенант-гардемарин, не торопись! Иди погуляй, постой у Пушкина, покрутись у вокзала. Твое счастье бегаёт повсюду, а несчастье сидит там, за прилавком, и сипло дышит, колыхая тремя банкетками.

Пусть нас ищут, мужички, какие мы ни есть, а если захотим и договоримся, то нас тоже будет очень не хватать, и, чтоб выманить нас на свидание и соблазнить, суровая дама будет впадать в огромные расходы. Женщина мужского типа противна природе, как лающая корова. Пусть так и бегают в поисках нас. А мы у своих, у маленьких и беззащитных, у женственных и благодарных.

И пока эти круто не развернутся лицом к людям, пока в глазах не сверкнет доброта и в тексте слов не появится обещающий оттенок, — клянемся, как древние греки, с трудом живущие сейчас, что ни одна женщина указанного вида не коснется нас любим своим пальцем. И музыка любви для них не заиграет. И мужеподобие, поднимаясь вверх, пробьется бородой и лысиной, которая не мешает настоящему мужчине, но окончательно гробит бывшую женщину.

Пусть мы без джинсов, но у своих, пусть без пива, но на свободе.

А у нее в кладовке бара грохочет червь, похожий на фарш, трижды пропущенный через мясорубку. Это ее муж. Пусть он и занимается этим черным, неблагодарным делом!

Сороковые

Общество наше, не то, в котором мы все состоим, а то, которое образуем, было подвергнуто тщательному наблюдению. Там обнаружено появление одиноких личностей сороковых с лишним годов. Эти люди, куда со всей силой входят женщины, пытаются вести беседы, затрагивающие вопросы политики, жалуются на сердце, тоску, вздыхают часто, смотрят наверх, не могут подать себе чашку чая. При появлении молодых женщин проявляют некоторую озабоченность, оставаясь неподвижными, которая вытесняется жалобами на тоску, сердце, некоторые вопросы политики, лечения.

Глубокое недоумение вызывает внезапно затанцевавший сороковик.

Женщина-сорокапятка одинока, полногруда, золотозуба, брошиста, морщевата, подвижна. Легко идет на контакты, если их разыщет. Танцует много, тяжело, со вскриком. Падает на диван, обмахиваясь. Во все стороны показывает колени, ждет эффекта. В этой среде особенно популярны джинсы, подчеркивающие поражение в борьбе с собственным задом, женитьба на молодых, стремительно приближающая смертный час, и тост за здоровье всех присутствующих. Второй тост — за милых, но прекрасных дам — предвещает скучный вечер со словами: «А вам это помогает?.. Что вы говорите?..»

Романы сорок плюс сорок небольшие, честные, с двухнедельным уведомлением.

А в основном это люди, смирившиеся с одиночеством, твердо пропахшие жареным луком, и только не дай бог, если телефон откажет или будет стоять далеко от кровати...

Из Батуми

Я в Ленинграде не могу. Я хочу улицу на красный свет переходить. Я должна перебежать там, где я хочу. Я не могу ждать открытия парка или сезона, я должна делать то, что я хочу. Неужели это непонятно? Я не могу жить среди переходов, перекрестков, звонков, свистков, ограждений.

Ну, дерево стоит. Оно же такое, как я. Почему его охраняют, а меня нет? Я не могу с восьми до пяти. Я не могу по звонку бежать на работу. Я должна бежать, когда я хочу.

Мне девятнадцать. Я росла на берегу, на камнях. Я бегала с мальчиками. Я не хотела учить музыку, потому что я не могу сидеть. Я и так пою, зачем мне рояль? И бегаю босиком. Я должна бегать там, где я хочу. Я должна жить там, где я хочу.

Мы птиц охраняем, чтобы они летали, где хотят. Как же мы человеку говорим — живи здесь, ходи туда, здесь не ходи, здесь не лежи, здесь не пой. Вы меня извините, я в Ленинграде не могу.

Приезжайте в Батуми, пойдете по дороге на Михенджаури, зайдете в лес и крикните: «Диана!» — и я выйду!

XX век

Вторая половина XX века.

Туберкулез отступил.

Сифилис стал шире, но мельче.

Воспаление легких протекает незаметно.

Дружба видоизменилась настолько, что допускает предательство, не нуждается во встречах, переписке, горячих разговорах и даже допускает наличие одного дружащего, откуда плавно переходит в общение.

Общением называются стертые формы грозной дружбы конца XIX и начала XX столетия.

Любовь также потеряла угрожающую силу середины XVIII — конца XIX столетия. Смертельные случаи крайне редки. Небольшие дозы парткома, домкома и товарищеского суда дают самые благоприятные результаты.

Любовь в урбанизированном, цивилизованном обществе принимает причудливые формы — от равнодушия до отвращения по вертикали и от секса до полной фригидности по горизонтали. Крестообразная форма любви характерна для городов с населением более одного миллиона. Мы уже не говорим о том, что правда второй половины XX века допускает некоторую ложь и называется подлинной.

Мужество же, наоборот, протекает скрыто и проявляет-

ся в экстремальных условиях — трансляции по телевидению.

Понятие честности толкуется значительно шире — от некоторого надувательства и умолчания до полного освещения крупного вопроса, но только с одной стороны.

Значительно легче переносится принципиальность. Она допускает отстаивание двух позиций одновременно, поэтому споры стали более интересными ввиду перемены спорящими своих взглядов во время споров, что делает трудным для наблюдения, но более коротким и насыщенным.

Размашистое чувство, включающее в себя безжалостность, беспощадность и жестокость, называется добротой. Форму замкнутого круга приняло глубокое доверие в сочетании с полным контролем.

Человека, говорящего «да», подвергают тщательному изучению и рентгеноскопии: не скрывается ли за этим «нет».

Точный ответ дает только анализ мочи, который от него получить трудно.

Так же как и резолюция «выполнить» может включать в себя самый широкий смысл — от «не смейте выполнять» до «решайте сами».

Под микроскопом хорошо видны взаимовыручка и поддержка, хотя и в очень ослабленном виде.

Тем не менее приятно отметить, что с ростом городов чувства и понятия потеряли столь отталкивающую в прошлом четкость, легко и непринужденно перетекают из одного в другое. Как разные цвета спектра, образующие наш теперешний белый свет.

Вперед

Из человека в шприц что-то можно выдавить.
С листа собрать чернила в авторучку.
С газеты на матрицу буквы снова перевести.
В свинец переплавить.
Свинец вывезти на Средне-Русскую возвышенность и снова закопать.
Снова гору возвести по фотографиям.
Дрова в деревья перевести, нейлон — в уголь, уголь — в шахты.
Воду из чайников в реки вылить.
Костюмы наши распустить, свалить, стриженным овцам сшить тулупы и надеть на них с извинениями.
Перья у дам выдернуть, снова этим ребятам страусам вставить.
Гири переплавить, прилавок разобрать, чтоб ему стоять негде было.
Телевизоры разобрать, медь отдать Хозяйке Медной горы, стекло растолочь и снова — в песок на берег реки.
По проводам пойти, разыскать электростанции, разобрать, воду слить, мазут в скважину закачать.
Землю по фотографиям и наскальным рисункам восстановить, пушки в руду перевести и отвезти на Курскую магнитную аномалию, где и разбросать.
И все это время не стричься и не бриться, зарастать начать и продолжать зарастать.
И уже этой шерстью согреться и по деревьям по оставшимся рассесться.
Ничего не значащие слова: «Эй, здоров», «Как дела», «Ты все еще там», «Я все еще здесь» — заменить гортанными криками и курлыканьем.
Сидеть на деревьях, каждый на своем, цепляясь за ветки сильными рыжими ногами и провожая упавшего равнодушными взглядами — не приспособился.

За самым заросшим, самым приспособившимся, у которого уже первые признаки хвоста, мчатся в апельсиновую рощу.

А-а-ах... и бегать, и спать, и прыгать, и пить, и снова бояться львов и тигров, а не этих своих товарищей.

Как руководить

А я говорю: чтобы нашими людьми руководить, надо с утра немного принять. Не для удовольствия. Просто чтобы понять своих трудящихся. С восьми утра, как положено. Вот вы слышали — ругаются на предприятии, директор кроет, подчиненные возражают? Это все трезвые люди. Слегка выпимший никогда такого не допустит. Кто же будет налетать на другого, если у обоих, ну просто у обоих празднично на душе. Хорошо с утра. Чтобы производство стало красивое, кабинеты чистенькие, вахтерша баба Даша сексуальная. Это чтоб все в порядок привести — сколько времени и трудов надо! А так все с утра по чуть-чуть, по слегка, чтоб солнце побыстрее взошло. Но все! И не нужны расходы на приведение территории в порядок.

Значит, грубость исчезла — это раз. Для руководителя, который этой конторой руководит, это главное. Он только крикнет из окна: «Контакт!» — мы со двора: «Есть контакт!» «От винта!» — мы: «Есть от винта!» Значит, можно потребовать, и тебя поймут. Можно направить человека, и он пойдет. Может, он и не сразу дойдет. Может, он и не туда пойдет — это неважно. Важно, что он выйдет доброжелательно.

Ну, конечно, картина не такая лучезарная: есть среди нас еще непьющие. Я сам видел одного такого года два назад — аж синий. Глаза горят, руки растопырены, весь скрюченный, недовольный. За ними, конечно, уже и последить можно. Не может быть, чтоб он просто так не пил — он или к нам заброшен, или от нас. Он себя раскроет, он сболтнет. Хотя трезвые — народ скрытный, не поймешь, что у него на душе. Мы откровенней. Ну, конечно, тот, который лежит в канаве, может, не сразу выразит, что у него накопилось. Значит, выразит постепенно, сюда же, в канаву, и двое-трое наших, лежащих рядом, все это поймут.

У нас все внимание идет человеку, а не той дурной машине, потому что среди наших от механизации высокая травматизация, особенно в литейке. Сколько наших не могло перепрыгнуть тот ручей! До середины долетали и исчезали к чертовой матери. А кто в шестернях вращался подолгу. Не по долгу службы, а подолгу времени.

Выключить все, залить все водой, чтоб сохранить праздник, чтоб солнце большое и мелкие отдельные недостатки сливались в один и пропадали вдали на радость веселым, доброжелательным людям с блестящими с утра глазами.

Как делается телевидение

Это говорю я, глава семьи, жена. Я жена, глава семьи. Мы с мужем прожили долгую и красивую жизнь и продолжаем жить долго и красиво.

Наша семья — гордость всего района, хотя очень много трудностей выпадало и выпадает на нашу долю, особенно на долю моего мужа. Он уже не может сидеть, только стоит. Я уже не могу стоять, я только лежу. Хотя вам кажется, что мы стоим рядом, но это комбинированная съемка. Меня снимали лежа, а над головой смонтировали облака. Получилось вертикально, хотя, если присмотреться, грудь заваливается за спину.

Несмотря на то, что муж намного старше, нас сделали одного возраста. Меня снимали замедленно, а его — убыстренно. Мы все сейчас постарели, съемка была четыре года назад. Я уже и вид потеряла и мнение изменила. Тогда говорила: «Пьем кофе, едим шоколад», сейчас говорю, что кофе вреден.

Голос мой недавно записывали, а голос мужа — десять лет назад, еще до того, как мы развелись. Публику, которая повалила к нам в гости, снимали на хоккее, поэтому все в зимнем, а мы — в летнем. Хохот записывали в зоопарке. Тот толстый, что очень аплодирует, когда я говорю о воспитании, находится в цирке. Сына нам подмонтировали из другой семьи. Наш меньше похож на отца, чем этот. Там, где я вначале шучу, а потом хохот, — голос не мой, а где сна-

чала хохот, а потом я шучу, — там мой. Хотя руки на коленях не мои, руки мужские. А колени женские, тоже не мои — их взяли из передачи «Здоровье».

Мой младшенький, вы увидите, играл на дудочке, потом вздрогнул и как-то старше стал. И даже в другом костюме. Это потому, что его доснимали через восемь лет. А в конце передачи и лицо не мое, актрису такую нашли под Душанбе. Ну и, конечно, квартира не совсем моя. Дверь моя, остальное дорисовано. Бюджет наш, хотя расходы не наши. И магазин не наш. Его специально выезжали снимать, визу оформляли. Редактор сказал, что даже в нарисованном неважный ассортимент и много народу. Ресторан, где мы с мужем празднуем серебряную свадьбу, снимали в Японии, потому лица за столиками раскосые. А нас снимали здесь и наложили на японцев методом наложения. А трамваи наши, но пустые. И чтобы было движение, вручную катят пейзаж. Восторженные лица и крики «браво!», когда мы говорим о своей работе на фабрике, записаны на концерте Рихтера в зале Чайковского. И он играет не специально для нас, а специально для них.

И последнее: отзывы из разных городов на передачу о нас пишем мы сами. Так что не беспокойтесь, ваше мнение нам известно.

А я вам так скажу

А я вам так скажу: власть хорошая — народ плохой. Заместители председателя хороши, как никогда. Клиентура жуткая... Посмотри, кто толкается, кто лезет и лезет, лезет и лезет — те, у которых что-то где-то течет, что-то не в порядке. Порядочный человек не пойдет убиваться. У председателя тоже толкуются жуткие люди, то есть те, что вшестером в одной комнате или у которых, знаешь, сын с женой и ее родителями на одной койке и ребенок тут же, — в общем, страшный народ.

А по поликлиникам, по аптекам просто нездоровые, у которых с кровью или с этой жидкостью, которая в человеке есть, но которую даже не хочется упоминать, не хочется. За сердце хватаются, глаза выпучивают, воды просят. Видал...

Нормальный, здоровый, красивый человек сидит за

столом и толково объясняет, что нету этого, что тебе нужно. Того, что тебе не нужно, как раз сейчас есть, и много очень того, что не нужно всем до зарезу, ну совершенно, до обалдения не нужно, то есть при всей фантазии ты его не употребишь ни дома, ни в сарае. Допустим, гидрант пожарный красный или противовес театральных декораций — бери сколько увезешь. Так наглые люди не берут в общем, как правило, а все, как правило, лезут за прокладкой на кран — это резинка с дырой, что не можем никак наладить. Ну, не можем, и все. И точка. И нечего из космоса на прокладку намекать — не можем, и все. Это психологически. Технологически можем, а психологически — никогда. Убедись и утихни. Так нет — как один: дай именно эту резинку, специально чтоб вывести из себя. До чего капризничают — ну как правило.

А сейчас с похоронами затеяли. Ну, действительно помер, и нету. Тебе что, больше, чем ему, надо? Что ты скачешь за него? Пусть сам за себя. Ему все равно, кто там копает — трезвый или другой. Подумаешь, два лежат прямо, а этот поперек. А в больнице он что, не так лежал? Путь у всех один: пионер, комсомол, больница и последний коллектив. Видел, какие ребятки там копают — кровь с молоком? Он за сорок секунд углубляется по пояс — роторный хуже дает. Чего же это у него должно быть плохое настроение? Подумаешь, из ямы захохотал — поддержи. Этому, что впереди, как я уже говорил, все равно. Он добился наконец покоя, он затих, а задние, как правило — как правило! — шумят, рыдают, качают права и готовы пересажать всех встречающих только за то, что от них, как правило, потягивает перегарчиком из глубины души и настроение у них веселое, хотя речь неразборчивая. А речь неразборчивая у многих, если не стараться понять, о чем они, можно так и остаться, и тоже ничего, и в суд за это не подают. Так что мы о совести сейчас, как правило, не говорим, мы пытаемся зайти с другой стороны. А что у него с другой стороны, если зайти, не каждый ясно себе представляет. Это не магазин, где сзади, как правило, лучше. Поэтому очень сейчас мне нравится начальство, именно в данный момент. Как никогда, очень понимающее среднее звено — нижней половины верха. Спросишь «почему?» — он пальцем вверх, а «если попробовать?» — он вниз. Все понимает в основном. Знает человек, на что шел, умница.

А тем, кто у них в очередях, нужно очень подумать. С чем ты прешься в горсовет. Подымет ли твой визит там настроение, которое в данный момент, как правило, очень хорошее. И надо так и оставить их там именно в этом настроении. Они там, мы здесь — так и двигаться. В одном направлении, но параллельно и, конечно, не дай бог, не пересекаясь.

А теперь с удовольствием прощаюсь, и не провожайте. Если попрощался, значит, уйду.

Поймите меня правильно...

Он спокойно входит в свою квартиру. Не раздеваясь садится к телефону. Кладет на стол какой-то пакет. Несколько раз репетирует дыхание — как бы после бега. Телефонный звонок. Смотрит на телефон подозрительно. Берет трубку, молчит. Узнает голос.

Это ты, Боб?.. Дома я, дома... Это я для тебя дома, пойми меня правильно... Я в данный момент бегаю по городу, добываю одну штуку... Все... Пока все... *(Задыхаясь, набирает номер.)* Это Кольцов... Мария Ивановна, как шеф?.. Я в порядке совета, пойми меня правильно, как у него?.. Ну, знаешь, ну, бывает с утра не с той ноги... Любое дело можно угробить... Я не против него, пойми меня правильно, но момент надо знать... Давай... Петр Матвеевич, вы велели держать вас в курсе дела... Стою на площади у Московского вокзала... Да!.. Тише!.. Здесь очередь из автомата... То есть в автомат... Я в будке... Тише, товарищи! Да куда ты лезешь, какие четыре минуты?.. Извините, Петр Матвеевич, я сейчас одного задую, и в очереди будет порядок... Сейчас я ему ногой... Убирайся, ты не за мной, ты за бабкой... Вон бабка бегаёт, ты за ней. Убирайся. Все из будки — моментально. Я по срочному... Петр Матвеевич, автобуса все нет... Разрешите взять такси?.. Я в порядке совета, не в порядке просьбы... Ага... Договорились... Из каждого пункта вам звоню. *(Раздевается. Зеваёт. Просматривает газету.)*

Телефонный звонок.

(Берет трубку.) Его нет... Брат... Не знаю... *(Тренирует дыхание. Набирает номер.)* Алло, Петр Матвеевич, наконец-то я на заводе... Только приехал... Оформляют пропуск... Подождите вы!.. Тут телефон рвут... Разрешите, я одного прибью... Хамло! Если бы у вас был наш директор, вы бы все в золоте ходили... Извините, Петр Матвеевич, я не знал, что вам слышно, мне неудобно, я вешаю трубку.

Стук в дверь.

(Подозрительно прислушивается. Смотрит в глазок. Спешно набрасывает на себя пальто. Открывает дверь.)

Входит сосед.

Извини, спешу. Только влетел, уже вылетаю. Внизу ждет такси. Ни копейки. Если бы вчера. Беги в сороковую, там дадут. Спешу, прости.

Сосед выходит.

(Снимает пальто. Ложится на диван. Дремлет. Просыпается. Смотрит на часы. Тяжело дышит. Набирает номер.) Петр Матвеевич, я на заводе, я в цеху... В общем, тут такое дело... Их все время надо толкать... Без толчков они не работают... Нет... Конечно, еще не сделали... *(Поискам. Чем-то стучит.)* Здесь шумно... Подождите!.. В конце концов, я — с директором. Да, если бы у вас был такой директор. Ваш директор проигрывает нашему во всем. Начнем с организации производства... Извините, Петр Матвеевич, вам слышно... Сюда позвонить нельзя... У этих бездельников только местный... Я вам буду звонить все время. Буду держать в курсе. *(Кладет трубку.)*

Звонок по телефону.

(Настораживается. Берет трубку. Женским голосом.) Дау... Его нет... Он на заводе... Поздно, дау... Это его сестра... *(Мужским голосом.)* Есть, есть, всегда была. *(Кладет трубку. Задумчиво смотрит на телефон. Уходит. Появляется с кастрюлей и тарелкой. Наливает суп. Ест. Набирает номер.)* Алло, Петр Матвеевич!.. Я в отделе промышленности... А на них не надавишь — не поедешь... Они мне — тысячи причин, бумаги какие-то... Срочно, срочно... В общем, я здесь... Посмотрим, кто кого. Нет... Вам вмешиваться не надо... Ни в коем случае. Я сам из них выбью дух... Наше

дело правое, Петр Матвеевич... В общем, я записался на прием... Извините, здесь нужен телефон... *(Ест, глядя перед собой. Набирает номер.)* Алло... Все! Он позвонил на завод... Я даже не знаю его фамилии. То ли Василий Макарович, то ли Фаддей Григорьевич... Но это неважно... Я еду туда. Если успею, постараюсь вернуться... Я без обеда... Я пирожок съем. Ам! Ам!.. Ничего, главное дело... Буду держать вас... Я веду репортаж. *(Положил трубку. Вскочил, отнес кастрюлю. Вернулся, набирает номер.)* Алло, Петр Матвеевич, я по дороге на завод... Я возьму такси, да?.. Такси, такси!.. До «Стройдетали» подбросишь?.. Почему — пятерку?! Даю три — срочно!.. Даю четыре!.. Молнией!.. Ну ладно... Даю пятерку. Сейчас же. Все, Петр Матвеевич, бегу. *(Долго чистит в зубах. Набирает номер.)* Петр Матвеевич *(тяжело дышит)*... Я опять в цеху... Нет... Все. Я отсюда не выйду... Здесь нехороший разговор... Требуют... Ну... вот эту... Неудобно по телефону... и закусочку... Да здесь один, золотые руки, без этого к верстаку не подходит. Говорит, пока не выпьет, точности в руках нет... Хотя он литейщик... Так откуда же у меня?.. На материальную помощь?.. Хорошо... Я пока тут попробую... У меня дружок один... Игорек... как сотрудник сотруднику... двадцаточку... У тебя только двадцать пять?.. Ну, клянусь! Ну, поверь... Ну, я тебя когда-нибудь подводил?.. Ну, прошу, ну на коленях. Ради производства... Ну, черт с тобой, ну ради меня, ради шефа, ради мамы своей, ну, ради твоей... Двадцать пять... У нас?.. Есть, наверное... Петр Матвеевич, кое-что из сантехники?.. Есть... Все. Получишь, сквалыга... Да уж, если б у вас был такой шеф... Все, Петр Матвеевич, я не знал, что вам слышно, бумаги, так сказать, у меня... Я бегом за угол... Я думаю, три бутылочки, колбаски и голландского сыру... Понимаю... Это вас не касается. Я в порядке совета. Вся ответственность на мне. В случае чего вы в стороне... Значит, заявление я напишу. На тридцатку. А-а, там еще такси... В общем, кругом бегом — на пятьдесят рублей... Сейчас я в магазинчик... Не буду говорить твердо, но думаю, мы сегодня прорвемся... Да, правильно, тьфу-тьфу-тьфу... Я отсюда не уйду... Стою до последнего... Так я в магазин... *(Кладет трубку. После паузы набирает номер.)* Алло, Петр Матвеевич, я из магазина... Здесь только коньяк... Дать вам директора?... Все понял... Я в порядке совета...

Беру две коньяка, сыр, лимон, колбасу не беру — она к коньяку не идет, шампанское брать?.. Извините... Не знаю, хватит ли... (*Кладет трубку.*) Черт, даже самому выпить захотелось... Нет, нельзя. Доведем... (*Набирает номер.*) Алло. Я из цеха... Приняли, Петр Матвеевич... Начали... Уборщица у них окосела окончательно... Мне придется вместо нее стружку отгрести и отливки оттаскивать... От горнила... Нет, нет, отливки не нам, это их отливки, но раз уж взялся, чтоб они освободились... Чтоб нам делали, ради производства, ради нашего дела, я не ради красного словца, поймите меня правильно... (*Кладет трубку. Ложится на тахту. Набирает номер.*) Петр Матвеевич, мало... Бросили на полдороге... Золотые руки сказал: пока у меня оба глаза не заблестят, не стронусь... Я сказал, блещут, но он говорит, блещит один... Денег нету... Я тут что-то продам... Да им же... Алло, Петр Матвеевич, я продал ему босоножки и брючный пояс... Ничего, он мне дал кирзовые, литейные, знаете, что без носков, и веревку, только чтоб домой дойти... Ну, что делать, я же знаю, что мы горим... Да и я же только начал у вас работать, Петр Матвеевич, поймите меня правильно, надо же показать товар, я в порядке шутки, верно?.. В общем, я работаю так всегда. Я не хвалюсь, поймите меня правильно, но я могу рассчитывать там на какое-то движение... так, без обязательств, в порядке трепа?.. Извините, Петр Матвеевич, требуют, требуют, чтобы я опоку перетащил к окну... минуточку... Буду я тебе таскать туда-сюда! Ты на мои руки посмотри! С такой работой... Давай на беленькую перетащу... Ну, ладно, давай на красненькую... (*Шепотом.*) Петр Матвеевич, я же сказал, отсюда не уйду. Мы все остаемся на ночь... Какой — домашний?.. Все... (*Кладет трубку. Засыпает. Просыпается. Смотрит на часы. Вскрикивает. Набирает номер.*) Алло! Извините за столь поздний звонок... Петра Матвеевича, пожалуйста... А вы разбудите... Алло (*тяжело дышит...*) Петр Матвеевич, есть!.. (*Разворачивает пакет, который принес днем.*) Есть! Аккуратненький (*рассматривает*), покрашенный, все размеры выдержаны... Наша! Ура-а-а! Ура-а-а!.. Я сейчас вам привезу его домой... Хорошо, завтра... Я от радости, поймите меня... Да вы не беспокойтесь, я отгуляю... Можно я прямо завтра денек?.. Привезу и отдыхать... А остальные к отпуску присоединим... А пятьдесят рублей — к отпускным и премию... Все,

падаю с ног! Да, насчет квартиры... Все, падаю с ног!.. Да, и вот там сантехника... Все, едва стою... Здесь ночная смена трубку рвет... Спите спокойно... *(Кладет трубку.)*

Звонок телефона

(Берет трубку.) Алло, Катя?.. Я сейчас в Эрмитаже, отсюда неудобно говорить... Тьфу!.. Ой, прости, совсем замотался, я только что пришел из цеха, я страшно устал, сейчас еще надо успеть на почтамт телеграмму дать... Ну и черт с тобой... *(Бросает трубку.)*

Звонок телефона.

(Берет трубку.) Костя... да я... выезжаю *(Кладет трубку, засыпает.)*

Мысли

***

Не хочется идти к вам, алкоголики. Внешний вид, места собраний, утренняя трясучка, тексты очередей... Если бы от меня зависело, вы б меня никогда не увидели.

***

Очень противно быть пророком. Неприятно видеть, как твои самые жуткие предсказания сбываются.

***

Ум и талант не всегда встречаются. А когда встречаются, появляется гений, которого хочется не только читать, но и спросить.

***

Глубокой старухой ко мне заглянуло детство. В пожилой женщине я встретил свою юность, и загорелым недоступным чудом мелькнул сегодняшний денек.

Неумение сказать «нет»

Это ходить куда не хочется.
Это говорить с кем не надо.
Это сидеть на иголках.
Это жить с теми, кто пришел.
Это — к той большой закрепощенности своя внутренняя, и они сливаются. Отсюда хамство в неожиданный адрес.

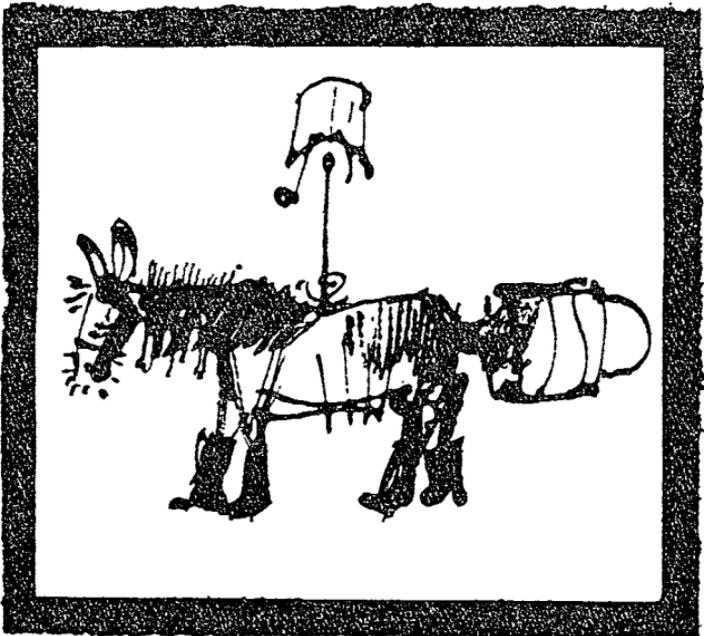
Мальчик, подожди

Мальчик, подожди, я тебе что-то скажу. Понимаешь, мальчик, мне как-то нехорошо и там и тут. Слышишь, мальчик, они, оказывается, не желают меня видеть. Они говорят, что я очень молчалив... Почему я прослыл молчаливым?.. А потому, что я молчу... А вот почему я молчу?.. Как я острил раньше... Думаю, вот скоро заострю опять... Не начинаю... Как они умеют веселиться. Их веселит все. Кто-то обгоняет их на лодке. Они кого-то обгоняют: «Эй, вы, ренегаты, куда повернули? Давай с нами!.. Ха-ха-ха-ха! Куда он гребет, там мель, ха-ха-ха-ха! Колька пришел из магазина. Ха-ха-ха! Ну что там есть? Ха-ха-ха! Ничего там нет. Ха-ха-ха-ха! Ой! Танька с Манькой перевернулись! Ой! Ха-ха-ха! Ай! Ха-ха-ха-ха!» Молчалив я, крошка... Шутить как-то уже... Все старые, все шутят. Все острят, господи... И еще с женой у меня, как-то глупо... Прости, ты не спешишь?.. Я хочу, чтобы она что-то делала, добивалась, умела. А когда она добивается и умеет, мне обидно и я очень раздражаюсь, мужское какое-то самолюбие... Когда-то ко мне на свидание приезжала девушка в «Волге», за рулем. Это было красиво, а я не мог этого перенести... Ты знаешь, с товарищем близким моим мы поссорились. Он считает, что я его предаю, я не сдерживаю своих слов... Да, не сдерживаю... Плохо это, правда?.. Это плохо... Но... Пойми меня... Знаешь, какие слова я не сдерживаю?.. Вот эти, по времени... В общем, я не пунктуален. Я почему-то вбил себе в голову, что знаю, когда мне быть точным,

а когда нет... И еще не сдерживаю слов, вот почему... Понимаешь, мальчик, я не умею отказывать. Мне бы сразу сказать: «Нет», и я бы это слово сдержал. А не могу, глядя в глаза, отказаться, думаю: а вдруг, а попробую, а если я попрошу этого?.. И говорю: «Позвоните, я попробую». Как хочется разойтись с хорошим впечатлением друг о друге. Это очень недалёковидно. Обязательность, точность — это жестокость. Это понимание своей важной роли или какой-то роли. Правильно?.. Нет. А более жалкой личности, чем я, я не видел. Знаешь, когда я становлюсь смелым? Когда много людей. Я думаю, это не смелость. Это тщеславие. Или мышление. Многие молчат. Я могу ляпнуть... Я уже не знаю, «раскованное» — два «н» или одно? Ужас. Я был отличником. А ты?.. Ты еще не ходишь в школу... Я бы с тобой, конечно, о женщинах поговорил... Нет, нет, это не большая тема. Просто... Когда мало красоты в жизни, они выходят на первый план. Они начинают занимать огромное место в жизни мужчины из-за нехватки... Вот этой красоты, знаешь, деревянной, каменной. Красоты того времени, когда все было индивидуально. Деревянная ложка, резной дом, церковь, ступенька, готовальня. Нельзя же жить в одинаковых домах, лежать на одинаковых диванах, есть одинаковую пищу, читать одинаковые книги и ничего при этом не потерять. Дети и собаки не могут восполнить этот пробел, и у мужчины появляется много женщин. Или водка. Что, кстати, одно и то же. Они приходят вместе... Я многословен. Вообще, я молчалив. Так вот, о женщинах. Ну, маленькие — с ними не о чем говорить, а большие... Старость, наверное, стирает чудесные различия между ними и нами. Правильно?.. Внутренние остаются... Вот чувствуешь, как я не могу прийти к выводу? Поэтому я не цельная личность. Я не могу сказать, где хорошо, где плохо. Я не могу подтвердить вечную пословицу — хорошо там, где нас нет. Я могу только очень ограниченно — в это время, в этом месте, на этот период. Вот тебе и взгляды. Ну, что ты, что ты?.. Беги, конечно... Извини, я просто по-человечески. Тебе уже года четыре есть?.. Беги... И я, пожалуй, тронусь... Ждут уже... Эти...

1977

Маленький вентилятор

Маленький вентилятор для закрытых помещений — несколько ос, связанных вместе на палочке, — жужжит и обвевает. Только их надо аккуратно кормить и каждую на веревочке держать, в крохотных ошейниках с вензелем «МЖ». Их четверо: Зина, Олечка, Люсечка и Константин.

В записной книжке, в корешке, живет светлячок Геннадий Павлович, который по ночам ползет впереди и освещает ярче или темнее в зависимости от вдохновения, только его тоже нужно кормить и обязательно прочищать животик кисточкой, смоченной в молоке.

А странички перелистывает обыкновенная гусеница, которую тоже надо кормить, но не держать на веревке, потому что ее и так преследуют.

Так мы и трудимся. Когда меня спрашивают: «Чем же вам помочь?» — Я отвечаю: «Ничем не нужно помогать, вы — не мешайте, пожалуйста!»

Спасибо

Да, да, да, именно, именно, именно за все нужно сказать спасибо. Слава богу, пообедал, слава богу, поспал, проснулся — спасибо, заснул — благодарю. Слава богу, одетый, на ногах, спасибо, штаны, на голове, большое спасибо, шляпа. И не надо роптать, критиковать, подсмеиваться. Эти облезлые роптуны только портят. Сидишь, слушаешь — дрожишь: как он не боится? Что ж, все бояться, он один не боится? Боится, наверное, еще больше, но не может:

в душе у него свиритит и произрастает. Вздutie живота от мыслей. Я считаю: раз лучше, чем было, — молчи, чтоб не сглазить, тьфу-тьфу-тьфу, тьфу-тьфу-тьфу.

Что толку вперед смотреть, когда весь опыт сзaди?! Я же все помню: вначале соли не было, потом мыла не было, потом дяди не было, потом тети не было. Сейчас все они есть. Так что мне и детям моим на веки веков спасибо и аминь! Никакой инициативы. Глаза в землю и — вдоль стены. Лифтом — вжик! — в кровать — шась! Пледом — швырк! — и сидишь в пледу. И никакой выдумки. Ты придумаешь, ты же и будешь делать, тебя же и накажут, что плохо сделал.

Спасибо за то, что живу, что существую. Ура, что проснулся, виват, что поел. Никаких разносолов, салатов, соусов — не хочу привыкать. За кефир отдельное спасибо всем. При встрече с корреспондентом — предельный оптимизм, как только лицо выдерживает! Никто меня не спрашивал, я сам прорывался к микрофону, кричал: «Спа-си-бо! Мо-лод-цы!» За сто пять в месяц — спасибо, за сто десять — большое спасибо, за сто пятнадцать — балуете, за сто двадцать — объясните, за что?

С детства мечтал зубы вставить. Вставил — спасибо: ощущештвляються мечты.

Слышу, человек проворовался, посадили. Правильно! Оправдают — правильно! Обругают — верно, толкнут — правильно, пошлют — спасибо.

Жена уходит — хорошо, жена вернется — хорошо! Одному хорошо и семьей хорошо. Много есть — хорошо, немного есть — хорошо, пить хорошо и не пить хорошо. Все вокруг хорошо!

Я о своих раздумьях во все организации пишу. Ну какому нормальному человеку придет в голову сесть и написать, что ему хорошо? Нормальному не придет, а умному придет. Потому что адрес и фамилия, и все знают, что ему хорошо, он уже никаких сомнений не вызывает.

А что вы критикуете? Кто рассказывает? Кто смеется? Кто плохо приказал? Кто плохо исполнил? Сами же всё, сами. Что ж мы про себя так остроумно замечаем, а потом так тонко хохочем? Потому что кажется, что не про себя? А про кого? Только себе и спасибо за все. Мо-лод-цы!

Прекрасное настроение

Ха! Луком не тянет, нет?..

Ху! Ничего?.. Я выпил пива холодного. Хриплю немножко. Сиплю. А настроение отменное. Отличное настроение. У меня всегда вот такое настроение. Умею в жизни только радостные новости себе сообщать. Друзья собрались — чего, мол, у тебя всегда хорошее настроение? Ты что, в другую поликлинику ходишь? Зачем, туда же. Все исследовали — все в норме: ручки, ножки, глазки. Ху! Ха! Все отличное. На большой! Копытца, волоски. Все изумительное. Вот такое. И организм в ответ на заботу работает как часы. Ровно в двенадцать пищу приму, ровно в четыре на минуту выйду и вернусь вот с таким настроением. Сейчас пивка выпил, молодым лучком закусил. Вот такой иду домой. Вот такой. Дома все вот так. Отрегулировал. Все вот так — хоть не приходи, полный порядок. Салют стоял смотрел. Вот такой салют. Мало, только тридцать залпов — триста залпов давай на неделю. Вот такая неделька была б.

Чесночком не тянет?.. Я не просто пивка выпил. Все на спор выиграл. Ху! Политически очень догадываюсь. Вот такой спорщик. Ставил на Картера полбанки, и мой пришел первым.

Ху! Лучком немного молодым закусили. Знаешь, это, берешь лучка пучочек — в солонку, а он, бедный, хрустит в зубах, во рту крепнет и аж начинает гореть, и тут его пивком заливаешь и он тухнет. Вот такой процесс.

Но, я могу — в сторону. Запах чем хорош — не хочешь, чтоб пахло, отойди.

Многие спрашивают: как бороться — запах изо рта? Очень простой метод. Отойди. И запах вместе с тобой. Так же точно: чего-нибудь наговоришь — не стой в этом всем. Отойди.

Сын у меня. Вот такой сынок! Ничему не учу. Сам растет, как саксаул. Плохому учить не хочу. Хорошее сам ищу. Пусть продолжает дело отца: ищи, сынок. Видишь, отец голубцы в банке греет. Вот такой закусон. Сам нашел. И ты ищи. Глаза веселые. Посмотри в глаза. Голубые, веселые. Доброжелательные. Никому

не завидовал. Товарищ очень большой начальник. Ну и что? Из всех благ у него — поликлиника и лекарства бельгийские. Потому что его очень надо лечить. Ему надо настроение повышать, а у меня настроение и так вот такое. Если других туфлей не видел, наши вот такие! Если других машин не видел, «Запорожец» вот такой! И все! Живи не тужи. Всем рекомендую.

Не считать себя самыми богатыми и самыми красивыми, а так, нормальными. Побогаче одних, победней других. Зато наш почетный караул лучше всех. И жить можно вот так. Ху! А дышать можно и в сторону. Запах, он с тобой уйдет, а слова останутся. Так что дыши чем хочешь, но в сторону. И настроение вот такое — большой палец болит всем показывать!

Клуб кинопутешествий

Говорят, что карта мира не имеет белых пятен, что открыты острова и плывут материки.

Очертания известны, и течения интересны, и журнал «Вокруг света» печатает карты и рассказы.

Вы расскажите мне про Париж.

Вы говорите, там розовый воздух, вы говорите, там бульвар Инвалидов и повсюду маленькие бистро.

Вы говорите, там художники рисуют на улицах и приезжие чувствуют себя как дома.

Как интересно!

А вот и документальный фильм.

Да-да, мы как будто там побывали.

Полтора часа среди парижан.

И даже получили подробные ответы не на свои вопросы.

Самоотверженный труд кинооператоров: десятки кинооператоров шатаются по Парижу и служат нам, миллионам.

А вчера, в воскресенье, в двадцать часов, мы объездили с корреспондентом заповедник, мы притаились с оператором за деревом, мы из вездехода наблюдали за львами.

Как интересно.

Журналист очень аккредитованный говорит:

«Там, — говорит, — львы, — говорит, — не боятся машин, там обезьяны совершают набеги, собираются, — говорит, — вместе, и нет, — говорит, — спасения, — говорит, — от них».

Как интересно.

Фиджи, Таити, Лос-Пальмос — такие названия и острова, говорят, очень давно открыты, говорят, кем-то, а сейчас живут на доходы от туристов каких-то.

Выставки цветов на Таити...

А Таити открыт давно и работает круглые сутки.

А Багамские острова... Как? Вы не бывали на Багамах?

— Ну, грубо говоря, не бывал.

— Вот европейские столицы похожи. Если вы были в Париже, то уже можно, говорят, не ездить в Вену или Стокгольм. Разве вы этого не знали?

— Ну, как же, не знал, как же, не знал. Ну, конечно, не знал. Вы же знаете — все время на работе. Глянешь иногда в окно... Выедешь куда-нибудь на троллейбусе... И, в общем, всегда обратно. Так сказать, умом постигаешь, воображением. Дома все себе можно представить. Я почти все себе напредставлял. До того воображение развито — мурашки появляются, если Рейкьявик. Если Африка — потею. Однажды до утра раскачивался на пальме. Проснулся — мозоли от пальмы. Я ее обхватывал ногами — и стремительно вниз. Видимо, меня что-то испугало там, в ветвях. Ночью вскочил мокрый от Ниагары — брызгает жутко. Я понял, что Новая Зеландия похожа на Кавказ под Сужуми, Австралия — тот же Алтай, Нью-Йорк напоминает Ялту чем-то, я завтра досмотрю — чем.

Часа в два ночи появляется Сидней — и раздражает. А если мне хочется с ними поговорить, то я их вижу здесь. Они же все здесь бывают. Финнов уже совсем от наших не отличишь. Ихний Хельсинки — тот же Гомель, я так думаю. Попробуйте меня разубедить. А нехватку воображения можно пополнить в самом популярном клубе, клубе кинотеледомагоре-путешественников, когда своими глазами видишь тех, кто побывал в Дании.

Но, говорят, самое интересное — пароходом. Экран, значит, на экране вода, океан, земли ни черта не видеть. Если океан спокоен — никто ничего, плывем. По квартирам тишина. И вдруг налетает ветер из те-

левизора — как даст прямо в лицо, с брызгами. Ну, там инструкция есть: ведро воды сзади в телевизор заливаешь с утра, на ведро воды пачку соли за семь копеек и ветродуй для морского колорита. Это если диктор предупреждает, что поплывем, потому что, если поскачем, допустим, на лошадях через лес, а аппарат сработает на брызги, впечатление не то — на лошади с веслами, как дурак.

Значит, вот так: ветер двинул, брызги, лежишь мокрый — ну полное ощущение. И тут начинается: горизонт — вверх, горизонт — вниз, прямо разрывает. От телевизоров — рычаги к кроватям. Операторы на студии управляют всеми кроватями, пока людей просто выворачивать не начинает. Ну, по сто квартир в доме, и все плывут в Австралию. Если очень плохо — сошел с кровати, и все, но впечатление потерял. А тут крики чаек из кухни, кто-то кусает из динамика.

Некоторые, самые крепкие, звонят на студию и слышат крик капитана: «Спасайся! Мина по борту!» Лежишь на койке весь в слезах. Потом выгружаемся, конечно, в разных квартирах кто в каком состоянии, и только члены клуба кинопутешественников. Парень сказал: с этим будет очень строго. Потому что очень удобная поездка, как на кладбище: все едут туда. Оглянулся, и ты дома: жена, дети — итальянские впечатления.

А сейчас цветная стереофония пошла. Мы в Стамбуле с корреспондентом устриц жевали. Он — по ихнюю сторону экрана, мы — по нашу. То есть он жует — стереофония, звук, цвет, хруст, писк... Единственное, вкуса нет, хотя слюна уже пошла.

На телевидении

В е д у щ а я. Иван Николаевич! А вы помните...

П р е д с е д а т е л ь (*заглядывает в бумагу*). Помню.

В е д у щ а я. ...как мы работали на полях?

П р е д с е д а т е л ь (*заглядывает в бумагу*). Да. Жучок.

Пауза. Все смотрят.

В е д у щ а я. Ребята, а вы помните?..

В с е. Помним!

В е д у щ а я. ...как отдыхали?..

П р е д с е д а т е л ь. Да. Жучок.

В е д у щ а я. Иван Николаевич, как зовут собаку, с которой мы подружились?

П р е д с е д а т е л ь (*заглядывает в бумагу*). Да, конечно, пусть приезжают.

В е д у щ а я. Я хотела спросить, могут ли приехать наши шестые классы?

П р е д с е д а т е л ь. А навык придет.

В е д у щ а я. Конечно, ведь главное — желание, а придет ли навык?

П р е д с е д а т е л ь. Этими руками кормлено три поколения.

В е д у щ а я. Мария Федоровна Рogaцкая — золотые руки, да, Иван Николаевич?

П р е д с е д а т е л ь. Нет, только не это.

В е д у щ а я. Разве можно издеваться над животными?

П р е д с е д а т е л ь. Да, были.

В е д у щ а я. Трудности были, правда, Иван Николаевич?

П р е д с е д а т е л ь. Это наша гордость.

В е д у щ а я. Особенно ребята полюбили лошадей. У вас в колхозе прекрасные лошади!

П р е д с е д а т е л ь (*смотрит в бумагу*). Да разве я пою? Молодежь поет.

В е д у щ а я. Как вы пели с нами молодежные песни!

В с е. Спасибо за лошадей.

П р е д с е д а т е л ь. Правильно, никогда не пели.

В е д у щ а я. А без трудностей как же? Мы никогда не пели песню: «Мама, я хочу домой». Хотя и трудности были, правда, Николай Иванович?

Все. Будем, конечно!

Председатель. А вы теперь будете летом помогать нам?

Ведущая. Ну, вот, а теперь: «Звонкой песнею, гордо поднятой, взвейся птицею, шире грудь!»

Все. Всегда готовы!

Председатель. Дети, будьте готовы!

Ведущая. А теперь: «Звонкой песнею, гордо поднятой, звонкой птицею взвейся над мечтой!»

Все. Спасибо за коней!

Председатель. Взял, конечно.

Ведущая. Взяли ли вы сегодня свою гармонь?

Пауза. Председатель вынимает гармонь. Ему кивнули — председатель кивнул. Ему взмахнули — председатель взмахнул. Тишина. Ему снова кивнули — председатель кивнул. Ему взмахнули — председатель взмахнул.

Председатель (запел). «Хорошо...».

Хор. «Солнце в небе — это очень, очень...».

Ведущая. Мы побывали у вас в гостях. Спасибо вам, дети, и вам. Вы, конечно, спешите на поля?

Председатель. Да.

Ведущая. Приходите к нам обязательно.

Председатель. Обязательно приду.

Ведущая. Вы очень спешите?

Председатель кивнул.

Ведущая. У нас следующий гость.

Председатель кивнул.

Ведущая. До свидания.

Председатель. До свидания.

Все остаются на своих местах.

Ведущая. Вы хотите присутствовать на нашей следующей встрече?

Председатель. Не хочу. (Остается.)

Ведущая. Всего доброго!

Председатель. Пока. (Остается.)

В е д у щ а я. Ребята, попрощайтесь с Кузьмой Петровичем!

В с е. До свидания.

П р е д с е д а т е л ь. До свидания, ребята! (*Остается.*)

Кто виноват

Прежде чем горячиться, писать и ругать, копни глубже, сядь и подумай: кто виноват. И ты всегда поймешь — никто. Никто.

Таксист отказался везти: дорога обратно, холостой пробег, слесарю плати. Сел на его место, через два дня сам заговорил: «Дорога обратно, холостой пробег, слесарю плати».

Отказались ремонтировать: невыгодно, а выгодно циклевать. Вник, пошел к ним на работу: да, невыгодно, а выгодно циклевать.

Телефонов нет, не ставят — у нас инвалиды. Действительно, инвалиды. Пятьсот рублей дал — и поставят. Так ведь чтобы отказаться от пятисот рублей, тот инвалид и этот. Честный человек должен сидеть в АТС. Принципиальный, редкий, — допустим, бывший летчик. Но даже умереть один раз без оглядки легче, чем жить всю жизнь долго и без оглядки. Так вот, два одинаковых инвалида, а один еще дает пятьсот рублей.

Нет мест в гостиницах. Администратор виноват? Нет. Начальник треста виноват? Нет. Клиент виноват? Нет. Министр виноват? Нет. Совет Министров? Нет. Народ? Нет. Ну, нет и нет.

Мяса в Архангельске нет, а в Москве есть. Кто виноват? Завмаг? Нет. Завгар? Нет. Министр? Нет. Он бьется, он приезжает раньше всех. Он по большому счету хочет, чтобы у всех было мясо. Он хочет, чтобы было в Архангельске, он может туда приехать. И знает, что в тот вечер туда забросят мясо из Ленинграда. Он знает это, он все знает, ему записки пишут. Колхоз виноват? Нет. Совхоз? Нет. Райком? Нет. Горком? Нет. Покупатель? Нет. Корова? Нет. Сколько мяса могла дать, столько дала. Никто не съел пять килограммов за раз, твою порцию не съели. Виноватых нет. Ну, нет и нет.

Когда есть, так есть, и можно объяснить, откуда есть, но нету — нет. И виноват кто? Никто. Квартира плохая. Он что, себе забрал пять квартир? Ну, отдал по блату двадцать, так ведь те, блатные, двадцать и освободили. Когда привыкаешь к этой радостной мысли, что никто не виноват, все хотят как лучше, когда ее раскусишь, — господи, ты становишься тихим, и благостным, и седым. Грызешь себе то, что подобрал, несешь на себе то, что дают, смотришь то, что показывают. С такой добротой и сочувствием глянешь на милиционера или активиста. И они не виноваты. Они же не могут объяснить, они начинают злиться, кричат, что ты хромой, что у тебя глаз искусственный. И ты и я знаем, что так не спорят, так они и не спорят, они ругаются. Скажи им: «Да» — и иди спокойно. Когда раскусишь то, что понял, и поймешь, что раскусил, природа начинает манить, горы манят, скалы неприступные зовут, колеса поезда заманивают, затягивают: «Эге-гей! Никто не виноват, никто не виноват, никто не виноват, никто не виноват, никто». Все, справедливость восторжествовала!

Телефонный разговор

---

*Она сидит на диване и говорит с подругой по телефону.
Он перед ней с протянутой рукой.*

Она. Верочка, уж так, как я его знаю, его никто не знает. Он мне всю молодость угробил. Лучшие годы мои молодые, красивые. Душу мою молодую, красивую. Красоту отнял и сделал меня такой... А вот такой. Помнишь, ты не верила своим глазам... Сейчас начнет есть просить.

Он. Дай поесть чего-нибудь.

Она. Видала, чего-то нового от него не жди. Не дам!

Он. Дай поесть.

Она. Не дам! (*В трубку.*) Во, уже начинает злиться.

Он. Ну дай чего поесть. Я там не разберу. Ну дай, тебе говорят, поесть, тебе говорят.

Она. Вот. Злится уже.

О н. Куда ты спрятала обед? Дай поесть!

О н а. Не дам вообще. Не заслужил. *(В трубку.)*
Сейчас психанет.

О н. Дай поесть. Дай, змея!

О н а. Вот! Видала, как психует... Верочка, такие крики я имею каждый день... Кто?.. Кто с ним будет жить?.. Что значит — терпи?! Почему я должна терпеть?.. Ты слышала эти крики?.. Сейчас он меня выведет.

О н. Перестань болтать. Дай обед, тебе говорят. Сейчас вырву трубку.

О н а *(в трубку)*. Слушай, слушай, Верочка!.. Что?.. Нет... Сейчас я ему отвечу... Почему я должна помалкивать, если человек так просится. *(Ему.)* Пошел к черту! *(В трубку.)* Сейчас побледнеет. *(Транслирует, подносит трубку к его лицу.)* Во! Что я говорила?!

О н. Дай поесть! Убью! Прекрати!

О н а *(в трубку)*. Слышала?!.. Сейчас за сердце схватится. *(Ему.)* Пошел вон! Вон! *(В трубку.)* Хватается за сердце... Сейчас ему про деньги напомню — рухнет вообще, глаза выпучит, сделает вид, что ничего не знает. Слышишь, Верочке надо отдать деньги.

О н. Какие деньги? Я ничего не знаю.

О н а. Двести рублей. Я брала. Правда, Верочка?.. Вот. *(Показывает на трубку.)*

О н. Какие «двести»? Когда? Где я их возьму? Зачем брала?

О н а. Денег дай!

О н. Не дам!

О н а *(в трубку)*. Смотри, Верочка, сейчас заведется. *(Ему.)* Денег дай!

О н. Не дам!

О н а. Денег дай!

О н. Не дам!

О н а. Денег дай. Дай денег. Дай!

О н. Не дам!

О н а *(в трубку)*. Ну, Верочка, сейчас, чего доброго, с кулаками ползет. *(Ему.)* Денег дай немедленно, слышишь?!

О н. Убью!

О н а. Денег дай. Дай денег. Дай!

О н. Убью!

О н а *(в трубку)*. Во! Во! Слышишь?! Орет уже. Рот открыт. Челюсть свалилась, за сердце держится, на

меня с кулаками. Боюсь, телефон оторвет. Не убегай, Верочка, держись. *(Ему.)* Денег дай, ничтожество!

О н. Я ж тебе дал.

О н а. Уже потратила... *(В трубку.)* Сейчас упадет.

О н. А! А! Ой! Все сто двадцать рублей?

О н а. Все. *(В трубку.)* Сейчас умрет.

О н. Умираю.

О н а. Сейчас на пол ляжет.

О н. Ничего не осталось за три дня?

О н а. Ни-че-го! Все. *(В трубку.)* На пол рухнул. *(Ему.)* Ничего не осталось. Дай денег на ребенка. Денег дай на сафари... *(В трубку.)* Сейчас уйдет.

О н. Пошла вон!

О н а. Ушел! Верочка, почему я все это должна терпеть? Он мне все угробил. Всю мою жизнь молодую, красивую.

Нюансы

— К тебе можно зайти?

— Можно. Но есть нюанс.

— Какой?

— Муж.

— Значит, ты замужем? Поздравляю. Ну, как?

— Хорошо.

— Муж хорош?

— Очень хорош, но есть нюанс.

— Какой?

— У него семья.

— Ага. Так он с ней?

— С ней. Но есть нюанс.

— Какой?

— Он у меня все время.

— Значит, хорошо?

— Хорошо. Но есть нюанс.

— Какой?

— Я люблю другого.

— Почему же ты не там?

— Он меня не любит.

— Значит, можно зайти?

— Конечно.

ЖИЗНЬ МОЯ, ПОБУДЬ СО МНОЙ

Перебираю фотографии, жизнь 6 на 9 и 9 на 12 прилипает к рукам. Старый, молодой, молодой, старый. Девушка кричит: «До свидания!» Ветер. Она кричит сквозь волосы: «До свидания!»

Так и осталась.

День рождения. Стол. Хохот. Один стоит подбоченясь. Мама хохочет. Он держит руку на ее плече.

Пятеро на скале. Солнце. Школа позади. Вокруг море, мамы, папы, загар, мускулы. Обнявшись.

— Угадайте, где я?

— Этот?

— Нет.

— Этот?

— Да.

— Не может быть.

Пятеро обнявшись. Один в военном. Погоны контуром обведены.

Нас восемь — три жены. Четверо: трое и подполковник. Его форма на всех. Фуражка. Китель. Веселые. Пьяные. Так и пошли 6 на 9 веселые — пьяные. Грустные, трезвые.

Танец. Она со мной. Рот открыт. Губы у моей щеки. Слов не видеть. Апрель семьдесят третьего. Какие слова?

— Вас уже ничем не удивишь.

Пошли лица. Мои лица, которые ничем не удивишь.

— У вас усталые глаза.

Да. Пошли мои глаза. Семьдесят третий, семьдесят четвертый, семьдесят пятый, апрель, май, май.

Вот на картоне нас тридцать. Знамя. Школа 118. Едва над учителями, хотя стоим. Седьмой класс. Красные галстуки. И кто-то надо мной держит рога.

— Как по-вашему, где я?

— Нет.

— Нет.

— Ну что вы? Вот я.

— Не может быть.

Разные галстуки, пиджаки. Десятый класс. Паспорта. Аттестаты. Первый хмель и первые планы, первые девочки за углом и уж за ними мамы.

- Где вы?
- Вот.
- Не может быть.
- Да.
- Ну, если вы настаиваете.

А вот где я красавец. Вот где я необычайно хорош. Альбом выпуска института. Мягкие серые глаза, поворот головы... Простите, — я.

- Не может быть.
- Прекратите. Вот надпись золотом. Тисненая.
- Господи, ну просто... красавец.
- Что делать?

Семьдесят пять, семьдесят семь.

— Вот это вы.

— И там я. Только тогда сумерки были другими. Они обещали. И руки. И если платье прилипало к ногам, разговор прерывался.

Мои распахнутые серые.

Твердый и нежный взгляд.

Мой... Прищур смеющийся...

Мои усталые глаза без взгляда.

Морщины и цветы.

Цветы... цветы...

Эти цветы мне.

1978

Автопортрет художника сорока четырех

Так и не стал решительным и бесповоротным.
Слабоволие и мягкотелость привели к дикому количеству звонков. Учится отказывать, употребляя слова «никогда» и «ни за что».

Мало писал, много бегал, звонил, просил, сохраняя свое и чужое достоинство.

На просьбах потерял друзей и юмор.

Так ничего и не добыл.

Из недвижимости — диван, бывший в употреблении, письменный стол, редко бывший в употреблении; из движимости — мечты, мечты, мечты о доме, саде, заборе, камине.

От мечтаний похудел.

Ездил на БАМ — хотел посмотреть.

А они хотели послушать.

Видел мало.

Еще больше прибавилось знакомых под условным названием «друзья».

Теперь не знает, как назвать тех четверых, что с детства.

Большой город переносит, как переполненный трамвай.

У каждого хочется спросить, кто он такой.

Часто спорит с теми, кого нет.

Снова неубедителен.

О работе: удивляется, когда смеются, и обижается, когда молчат. До сих пор не понимает, чем вызван смех.

Трудно держать паузу, пальцем показывая на это место.

Читает быстро, просит быстрее реагировать.

Остановиться на лету не может, так как тяжелее воздуха.

Наш юмор считает самым осмысленным, самым глубоким юмором в мире.

Некоторые поиски логики в некоторых вопросах жизни приносят славу сатирика и смелого человека.

Нравится выступать, хотя надо бы писать и умереть на сундуке с рукописями.

Раньше думал — женщины, теперь — ни дня без строки.

Это не талант, это — возраст.

Проснулся ночью от стуков, хлюпанья и дребезжания.

Искал глазами по комнате.

Оказалось, в организме.

Неожиданно может появиться в очках, с палкой и валидолом в пистоне.

Дам просит не смотреть, а дать проследовать.

Самым желанным и несбыточным считает полную тишину.

Одинок, как баран на вершине.

Так же и богат.

1 апреля 1978 года в 21 час отогнал мысль — устранять недостатки нашей жизни путем чтения вслух художественных произведений. Довольствуется подъемом настроения среди тех, кто должен это делать.

На вопрос, как живешь, не отвечает, чтоб не обременять сочувствием.

Страшно недоволен исполнением собственных желаний, от этого часто в ужасе.

Скуки никогда не испытывал.

Много людей переворошил в поисках красивого тела.

Теперь ищет родную душу.

Сам мал, лыс, толст, неубедителен, зануден и неприятен.

К тому же любит спать один.

Дико ругается, увидев свое приказание исполненным. Храпит, сморкается, кашляет, скрипит.

Желающих соединиться с этими остатками просят оторвать талончик на заборе и забрать его от него самого, который его съедает.

Любит дождь.

В дождь и ветер кажется себе мужественным в плаще.

В мечтах изобрел авто, которое нельзя остановить, и огромный репродуктор, тексты для которого пишет сам.

Хотя пишет мало.

Много ест, пьет и ждет чего-то.

Ждать осталось недолго.

Мысли

Вот я уже и привык к тому, что у меня жена, которая меня не любит. Дочь, которая меня не узнает. Мать, которой я не вижу, костюм, который некуда надеть. Квартира, которая мне не нравится, родственники, с которыми не встречаюсь, друзья, которых не вижу.

Вот что у меня есть и что я с успехом могу поменять на то, чего у меня нет.

Его впервые не напечатали в 1958 году, и с тех пор это продолжается непрерывно, вызывая все возрастающий интерес читающей публики, где с каждым годом появляются новые поклонники, новые интересные лица. Книги его массовыми тиражами не вышли в около сорока странах мира, в том числе на испанском, английском и даже на турецком языке.

Сколько замечательного уже не опубликовано, сколько еще предстоит не опубликовать. Многие любят эти непечатные творения за красоту слога, лаконизм, неожиданные повороты неопубликованных мыслей, за парадоксальность, так счастливо не увидевшую света.

Квартирная выставка произведений имела большой успех. Посетители подолгу простаивали перед черновиками в красивых деревянных рамках тоже ручной работы, вчитываясь, всматриваясь, вслушиваясь в эти строки, и выходили в конце осмотра, вытирая дружеские слезы.

«Телеграммы со всех концов земли, цветы, поздравления на столе юбиляра могли бы богато украсить сегодняшний день», — посмеиваясь, думал он, выбра-

сывая колоссальное ведро с мусором под праздничный перезвон колоколов.

Логическим завершением явилась большая статья о его творчестве, не появившаяся в этот большой праздник, не состоявшийся в этом году.

Как обычно

Идешь, как обычно, куда-то.

Лицо, как обычно, смотрит вперед.

Вдруг сзади:

— Продолжать движение!

— Продолжаю.

— Так и идите.

— Я так и иду.

— Взять правой.

— Беру!..

— Не разговаривать!

— Молчу.

— Стоять, не оглядываться!

— Стою, не оглядываюсь!

Пропускаю слева, что там сзади?

— Не оглядываться!

— Не оглядываюсь.

— Все свободны!

— Свободен, господи!

Как иметь свое мнение

Мы говорим, трудно отстоять свое мнение. Только смельчакам. А сколько трудов уходит на то, чтобы не иметь никакой позиции. Чтобы быть радостным от каждого сообщения по телевизору.

Сколько нервов уходит на собрании, чтобы, извиняясь между мнениями, не приняв никакого решения, бежать к жене, к Авдотье, которая примет единственное решение: накормить, напоить и укрыть грудью.

Из решений осуществлять только то, что требует организм. А остальное — жуткие размышления над фразами, чудовищная изобретательность.

Видите ли, приняв во внимание обе стороны, я все же позволю себе не поддержать ни одну...

Он был прав для своего времени. Она была права для своего времени, а сейчас, к сожалению, не выскажусь, нет у меня времени, и вообще у меня температура.

Ура! В больнице.

Живут и здороваются принявшие решение.

Гибнут от инфарктов и инсультов они, которые двадцать четыре часа в сутки избегали и воздерживались, не подходили к телефону и умирали от страха, держась за место, добытое ими в результате высшей нервной деятельности.

Мальчики, — себе дороже. Мальчики, либо посеем от ответственности, либо умрем от ее избегания. Есть же смысл, ей-богу.

Я вам невыразимо скажу, как легче станет.

Первый же человек, к которому подойдешь, — решит.

Очереди в приемной пропадут. Ловкачи, пробивалы, бандиты, нахалы, порожденные безответственностью и бюрократизмом, начнут таять. Мягкие, вежливые люди перестанут жить хуже других.

Так, товарищи, кому дано — давайте решать, кому не дано — не будем им мешать и выйдем к чертям собачьим.

Современная женщина

---

*Что случилось с женщинами?
Я постарел, или новая мода —
невозможно глаз оторвать, трудно
стало ходить по улицам.*

Прохожий.

Современная женщина, идущая по городу, — отдельная, сладкая, близкая тема для разговора. Сказочная, как выставка мод. Будоражаше пахнущая издали. Стройная. В брючках, закатанных под коленки, открывающая миру сапоги, а в них чулочки и только в них — ножки. А на торсике — вязанная самой собой кофтуля-свитерок с ниспадающим, открывающим, отрываю-

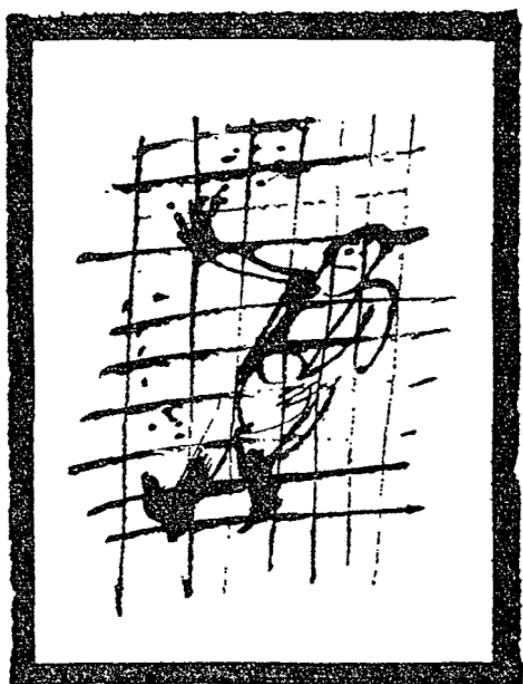
щим от дела воротником, а уже в воротнике — шейка, служащая для подъема и опускания груди, с цепочкой и украшенная головкой со стекающей челкой на строгие-строгие, неприступные глаза, закрытые для отдыха длинными, загнутыми вверх прохладными ресницами, вызывающими щекотку в определенные моменты, до которых еще надо добраться, а для этого надо говорить и говорить, говорить и говорить, и быть мужественным, и хорошо пахнуть, не забывая подливать сладкий ликер в рюмки, перекладывая билеты в Большой зал из маленького кармана в пистончик и попыхивая сигаретой с калифорнийским дымком, зажженной от зажигалки «Ронсон», срабатывающей в шторм и лежащей тут же возле сбитых сливок, присыпанных шоколадом, в тридцати сантиметрах от гвоздик в хрустальной узкой вазе, закрывающей нежный подбородок, но открывающей губки, где тает мармелад.

О боже, оркестр, ну что же ты?! Вот и датчане вышли в круг, вот и ритм, но нет, не то. Пусть датчане прыгают, а мы спокойно, почти на месте, неподвижно, струя кровь мою от вашей в трех сантиметрах и вашу влагу от моей — в пяти.

Ваша стройность перестала быть визуальной, она уже — здесь. А разность полов так очевидна, так ощутима. Мы так по-разному одеты и представители столь разных стай. Только наши шаги под этот оркестр. Из наших особей исчез интеллект и пропали глаза, мы ушли в слух. Его музыка, твое дыхание и там, внизу, движение в такт контрабасу. И догорает сигарета, и допеваает квартет, и ликер из графина перетек в наши глаза, а сливки с шоколадом еще не кончились. Они припорошили губы, и мы будем их есть потом, позже, медленно.

Хороший режиссер в этом месте ставит точку, потому что к нам приближается официант, портье, милиционер и распорядитель танцев.

1979

**Книжечки мои
книжечки,
книжечки бедовые**

Господи!

Вместо слова «господи» надо придумать что-нибудь наше, антирелигиозное.

Например, «Солнышко!», «Зоренька!», «Маменька!», «Девоньки!».

Как я люблю писать книги от руки в едином экземпляре!

Как приятно — все вокруг пишут пьесы, оперетты, убирают хлеб, убирают квартиры, добывают мясо и масло, а я сижу посередине и пишу книги от руки.

Я пишу записные книжки и записки.

Я рисую фотографии.

Я леплю раковины.

Я изобретаю смертоносное, нет, не смертоносное оружие, ибо им я уничтожаю ВМС великих держав.

Господи, вы бы видели, какие они растерянные без ВМС.

Со всех танков, бронетанковых сил — БТС, СУ — я содрал башни с кишками, как у селедки, прицепил к ним навесные орудия для вспашки.

А танки знаете как пашут!

Армейские грузовички туда-сюда возят соки.

Вместо солдат в БДБ — морковки.

Подошел к берегу со страшным воем и выгрузил петрушку.

А линкоры, а крейсера сети ставят на глосика, на бычка.

Они же могут долго стоять на месте или ходить, пока бычок не клюнет. Тогда тяни, наматывай сети на башни двенадцатидюймовые, что на пятьдесят километров шпурляли очень вредный снаряд.

А теперь даем максимум оборотов и на башню — сеточку с рыбкой.

В капонирах очень мужественных военно-десантных сил кабанчики или козлы за той же колючей проволокой, потому что они не могут под дождем, а ВВС может.

Она крепкая, и, пока проржавеет, лет десять пройдет, тем более у всех «Жигули» под дождями, а эта вообще всепогодная непобедимая — пусть мокнет.

В перехватчиках кролики размножаются.

Ну просто через все отверстия расплозаются.

А поросята под крыльями подвешены — на праздник.

Очень удобно опрыскивать поля с бомбардировщиков. Это замечено.

Ввиду того что там есть прицелы и не нальешь ДДТ на голову невинных людей.

Но как они растерялись, великие державы.

Люди, из которых состоят народы, просто за животы держались.

Потому что все жрут и пьют, а нечем же звенеть на международной арене.

Великая держава не та, где хорошо едят.

Это та, которая с другими разговаривает не торопясь и в случае чего может так врезать, что любая Бельгия юзом поползет либо сделает добрые глаза, а сама пульнет в их сторону — очень интересный прибор, меняющий в корне природу либо делающий народ печальным и неменяемым...

А с подводных лодок настропалились крабов собирать и у себя же внутри варить, потому что очень много места оказалось, когда убрали подслушивающую, подтрунивающую и подуськивающую аппаратуру.

И вообще страны стали соперничать не силой, что приветствуется только между хулиганами, а умом, что не так интересно, но опять-таки поддерживается людьми, из которых до сих пор состоят народы.

А как петь стали люди, которые до этого составляли народы!

Они пели раскрепощенными голосами.

Очень музыкально и где хотели и сами решали, по каким газонам ходить, по каким не ходить.

Масса машин на улицах и даже бронетранспортеры, что очень удобно, так как от столкновений не остается вмятин, только страшные искры, грохот — и поехали дальше.

И в отряд промышленных рабочих влилась армия классных специалистов, привыкших давать качество без суда и следствия.

Нет, нет, нет, как говорил сатирик, «кто что ни говори...».

Люди пели, писали друг другу книги и не очень размножались.

Ибо размножаются от плохой жизни, а не от избытка. И не надо в них так настойчиво стрелять.

У них есть масса естественных врагов, которые косят их, как хотят: несчастная любовь, правила уличного движения и сердечно-сосудистые заболевания.

Не выделяться

Он делал все, чтоб не выделиться, чтоб никто внимания не обратил. Ходил грязным. Время от времени страшно напивался. Жутко нес прохожих, задира, хлопал себя по непотребным местам, показывал язык, кулак через руку в локте, плевал вслед каждому. Главное, чтоб не выделиться.

Сидел иногда в садике, опираясь на палку, злобно глядя на молодежь. В карманах грязного полупиджака — два вермута.

В сумерках, когда все сидят у подъезда, на дрожащих ногах в комнатных туфлях без задников, носков и подошв шел выбрасывать мусор на подносе, чтоб все видели.

И все видели прозрачную картофельную шелуху, пустую пачку «Примы», старые капустные листья, пакет «Соль каменная», зеркально обглоданную кость, три килечных хребта.

Чтоб не реагировали, по ночам из квартиры — вопли: «Спасите-помогите!» Бой посуды: «Ирод, душегуб, козел вонючий! Где одиннадцать копеек? Я перерыла всю кровать! Вот платочек, вот целлофан, где одиннадцать копеек на расход?!»

Утром рычал и лаял вслед «Жигулям», кланялся «Волгам», тыкал палкой в рисунки на молодых.

Добился уважения, с ним считались, к нему привыкли, и он без помех мог заниматься своим делом: монологи, философские размышления, этюды о будущем, фантастика.

Помолодеть

Хотите помолодеть?.. Кто не хочет, может выйти, оставшиеся будут слушать мой проект. Чтобы помолодеть, надо сделать следующее. Нужно не знать, сколько кому лет. А сделать это просто: часы и календари у населения отобрать, сложить все это в кучу на набережной. Пусть куча тикает и звонит, когда ей выпадут ее сроки, а самим разойтись. Кому интересно, пусть возле кучи стоит, отмечает. А мы без сроков, без времени, без дней рождения, извините. Ибо нет ничего печальней дней рождения, и годовщин свадеб, и лет работы на одном месте.

Так мы и без старости окажемся... Кто скажет: «Ей двадцать, ему сорок?» Кто считал? Кто знает, сколько ей?.. Не узнаешь — губы мягкие, и все.

Живем по солнцу. Все цветет, и зеленеет, и желтеет, и опадает, и ждет солнца. Птицы запели, значит, утро. Стемнело, значит, вечер. И никакой штормовщины в конце года, потому что неизвестно. И праздник не по календарю, а по настроению. Когда весна или, наоборот, красивая зимняя ночь, мы и высыпали все и танцуем...

А сейчас... Слышите — «сейчас»? Я просыпаюсь — надо мной часы. Сажусь — передо мной часы. В метро, на улице, по телефону, телевизору и на руке — небьющаяся сволочь с календарем. Обтикивают со всех сторон. Напоминают, сколько прошло, чтобы вычитанием определить, сколько осталось: час, два, неделя, месяц. Тик-так, тик-так. Бреюсь, бреюсь каждое утро, все чаще и чаще! Оглянулся — суббота, суббота. Мелькают вторники, как спицы. Понедельник — суббота, понедельник — суббота! Жить когда?..

Не надо бессмертия. Пусть умру, если без этого не обойтись. Но нельзя же так быстро. Только что было четыре — уже восемь. Только я ее целовал, и она потянулась у окна, просвеченная, — боже какая стройная! А она уже с ребенком, и не моим, и в плаще, и расплнела. И я лысый, и толстый, и бока, и на зеркало злюсь... Только что нырял на время и на расстояние — сейчас лежу полвоскресенья и газеты выписываю все чаще. А это раз в год! В детстве казалось, возьмешь ложечку варенья — в банке столько же. Ерунда!

В банке меньше становится. Уже ложкой по дну шкрябаешь...

И что раздражает, так это деревья. То зеленые, то желтые. И стоят, и все. Маленький попугай — крепкий тип. Гоголя помнит и нас помнить будет. Нельзя нам так быстро. Не расстраивался бы и вас не расстраивал. Но жить люблю, поэтому и хочется...

Мысль

Если этот голубь еще раз так близко подлетит к моему окну, я вылечу ему навстречу, и мы полетим, оживленно беседуя, прямо в закат, в зарево, и из серых станем розовыми, а потом черными.

Две точки, две домашние птицы, не умеющие добывать хлеб воробьиным нахальством. Дадут — поедим, свистнут — взлетим высоко-высоко и крепко, раз и навсегда, запомним свой дом...

Ах! Ах! Любовь!

Сколько людей ответят вам — нет ее, столько же скажут — она существует! Она существует и имеет свой облик, бледный с горящим взглядом и букетиком или кастрюлькой в руках. Пути ее неисповедимы. Она сильна, как смерть. Кто-то когда-то обозначил это удивительное состояние словом «любовь»!

«Любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем».

Любовь — это великое противостояние двух систем. Любить мы можем не тех, кого бы надо, даже не тех, кого бы хотелось, а совсем других, вызывающих у нас это внутреннее состояние. Уважать человека — одно, а любить его — совсем третье. Любить, как любят ребенка. Получать от него загадочные токи, тревожиться о нем за тридевять земель.

Видим глазами, слышим ушами, а любим сердцем. И даже абсолютно здоровые люди, попадая в эту ситуацию, сразу ощущают, где оно находится... Всем сердцем любя!

Мир любви состоит из мужчин и женщин разного

возраста, каждый из которых не верит в существование окружающих. Они погружены в письма и телефонные звонки. Тактика и стратегия. Умышленная и неосознанная. Один любит больше, другой вообще никак. Его надо завоевать. У многих опускаются руки. Многие устают от борьбы, перестают и падают в кювет. И вот тогда над ними склоняется милое лицо: «Что с вами? Куда же вы запропалились? — Вам помогают встать, вас отряхивают. — Вы меня не поняли. Я не сказала: перестаньте звонить вообще. Я сказала: в это время перестаньте звонить вообще. Вы не ушиблись?»

Любовь, любовь. Где ее начало, где конец, никто не знает. Появление в этой области ученых только подтверждает проблему. Великое множество песен о любви не дает никакой информации, только свидетельствует об отсутствии опыта.

Любовь — это вообще. Там еще есть подразделения: страсть, неразделенная любовь, платоническая, единственная. Причем первая и единственная — не одно и то же.

Находить юмор в любви, конечно, грешно. Но говорить о мужчинах и женщинах, населяющих ее, возможно. О, великие люди — мужчины и женщины. Равноправие, равноправие, а я за великую разницу, за то, что они, слава богу, такие разные. И пусть будет очаровательное, легкое и грациозное создание с полным отсутствием логики и последовательности, с капризами и детским характером, не подвергшимся деформации в общественном транспорте. Оставим умственные построения мужчинам. С присущей честностью, они пунктуальны и держат слово. Как сейчас говорят, в основном. С женщинами пусть будет сложней. Они ближе к цветам, к лесу к птицам и аромату дождя. Пусть передвигаются и мыслят так же.

Любой артист или даже писатель-юморист знает: для успеха в зале должны быть женщины. Они смеются нежно и раскованно. И раньше мужчин. Ибо раньше чувствуют юмор. Тут важно еще чувствовать. Дети и женщины смеются раньше, и аплодируют, и смотрят на сцену прекрасными глазами. А что в ответ творится с тенорами!.. Обласканы и томны. Своих собратьев — мужчин — видеть не могут. Все их пение направлено туда, вверх, к люстре и к ресницам.

Красота мужчине не нужна. Практика показала: умная женщина предпочитает соображающего, злого,

толстого и лысого вместо красавца драгуна, офицера, гардемарина. Это нам, мужчинам, казалось, что женщинам нравится физическая сила. Может, это и есть главное завоевание человечества. Искусственно выведенные мужеподобные женщины успеха не имеют, хотя находят широкое применение в хозяйстве.

Один простой совет. Один простой закон. Простое правило. Неприветлива. Не приходит. Подводит. Грубит. Трубку не берет. На письма не отвечает. Жуткий человек. Страшный характер. Ответ еще более печальный — не любит. И тут — да здравствуют наше мужество, наши сжатые губы, ибо не вымолишь, а остаться в этой ситуации человеком так трудно и так необходимо.

Итак, что с рыцарями? Рыцарей нет. Мужчины перестали... Многие не перестали. Просто мест нет. Билетов нет. А добываются они сегодня не шпагой, те же билеты в Большой, а хитростью. Если он с криком рванулся в очередь и взял, значит, выдал себя за инвалида или показал самодельную справку. Любить такого еще можно, но мы говорили об уважении. Еще труднее рыцарю без шпаги в приемной, перед администратором гостиницы, перед водопроводчиком. Авторучка не может заменить шпагу, а сопя вписывать жалобу в книгу совсем не то, что бросить перчатку.

Если на крик ответить криком, на оскорбление — оскорблением, ссылаясь на то, что под рукой, то есть на внешность противника — шляпу и зубной протез, нападающий и рыцарь одинаково базарны, и девушке уже трудно решить, кто из них лучше. Еще хуже сказать: «Пройдем мимо». Ситуация складывается так, что надо стоять и слушать, сохраняя достоинство. То есть пытаться отогнать тигра взглядом.

Говоря о любви, нельзя не коснуться проблемы знакомств. Девушки, все зависит от вас. Ведь для того, чтобы с вами познакомиться, надо идти на тяжелые хитрости. Острейшая проблема знакомств на улице, где мы проводим большую часть отпуска.

...Зачем вы заставляете его нести чушь, выглядеть идиотом и ярко сознавать это? Конечно, мужчина с горящим взором, тяжело дышащий сзади в поисках мысли, производит тяжелое впечатление.

Резкие ответы девушек привели к появлению большого количества холостяков, которых можно уз-

нать по авоськам с быстроразваривающимся супом в авиаконвертах.

Цвет лица сливается с цветом глаз. От частых отравлений и промываний тяжелые размышления о жизни. Зигзагообразная походка. При встрече с дамой теряются, несут чепуху, пытаются знакомиться главным образом в транспорте, шансов догнать на улице практически нет.

Единственный человек в нашей стране, неуверенный в завтрашнем дне, — старый холостяк. Два холостяка ничего не создают, кроме атмосферы неуверенности и страха. Если вам в толпе попадается лицо человека, измученного изжогой от горохового концентрата, не убегайте от него, девушки. Он безобиден, хотя и страшноват. Он практически не размножается, он образуется в районах с нехваткой солнца, женщин и большим количеством змей. Насморк для холостяка часто заканчивается гибелью. Сиплый лозунг из-под одеяла: «Свобода, независимость» — быстро прекращается под влиянием тяжелого отравления от рассольника баночного Мукачевского завода кожзаменителей. Пожалеем их, девушки, облегчим проблему знакомств путем теплого реагирования.

А для тех, кому хэппи энд лишь счастливое начало, наш особый разговор. Жены! Будьте субъективны! Да хвалите вы его. К нему объективны на работе и в учебе. Ставьте вы ему пятерки. Сообщите ему неожиданно, что он у вас талантливый и не такой, как все.

А вы, мужья, наоборот, позвоните куда-нибудь и расскажите, что ваша красивая жена приготовила изумительную вещь. Живите весело и помните, что ваша выносливость определяется на длинных дистанциях. Большинство драматургов заканчивает роман свадьбой, а ведь потом тоже есть интересные повороты, и, хотя сюжетов не так много, производственные пьесы украшают себя тройниками.

У главного инженера чужая жена. У толкового социолога чужая невеста. От прекрасного изобретателя ушла жена к директору. Жена своя или чужая. Как в гардеробе свое пальто или чужое, других вариантов нет. Причем эти жены в пьесах прекрасно себя чувствуют. Их только переставляют от одной плиты к другой. От одних детей к другим. Борьба между главным инженером и изобретателем, как в лесу у глухарей. Но нужно понять, переманивание чужих жен — празд-

ник, за которым следуют точно такие же будни. Так что не будем привередами, все равно ошибемся.

Сжитая, притертая пара берет такие препятствия, которые не снятся молодым одиночкам. Ибо у хорошо женатого человека есть тыл, низкая заболеваемость и почти отсутствует смертность.

А когда он держит в руках самого себя маленького и говорит ему: «Ты чего?..» — А тот ему: «А ты чего?» — огромное обоюдное удовольствие и взаимопонимание, которое в просторечии называется счастьем.

Наша команда

У нас своя команда. Она в шубе и сапогах, я в болонье и валенках... Дошли с моей родной до дорожки. Она первая на тысячу пятьсот метров в искусственной шубе и сапогах. Я на три тысячи ушел от всех и весь в болонье. Смерч на дистанции.

Меня раззадорить, раздолбать, дать родной пейзаж, любимые трамвайные крики — уйду на шесть кругов с чемоданами в пальто и еще дам двойной ритбергер и наш тройной сидоров с уходом штопором вбок и завершающим криком на дистанции.

Она с сумкой, полной продуктами, обошла Стин Кайзер и Улее Кее Диестру, накормила детей, постирала, подогрела и была такова в течение часа обеда, двигаясь по прямой вперед и назад и одновременно вращаясь по и против часовой стрелки.

Наш человек с этажеркой и бидонами мчался по лыжне, потом случайно попал на лед. На четыре круга впереди всех в ботах под аплодисменты занял очередь в ларек, дождался, пока займут за ним, летя домой за деньгами, вырвался из-за поворота, ухнул вниз, наказал четверых бобслеистов из ФРГ, успел к ларьку и обратно с полным чайником по сильно пересеченной местности, через кабель, канавы, горы песка и вброд между домами, с голландским сыром и докторской колбасой в боковом, с петрушкой в пистончике и двумя пол-литрами, бьющими по ногам, с портфелем сзади и транзистором на шее. Ветром от него был сбит с ног чемпион Европы прославленный Эрхард Келлер — двадцать восемь лет.

Нас за минуту собирается тысяча в определенной

точке, в определенное время, к открытию... Пожилые люди преодолевают многие километры при плохой погоде, при сильном встречном ветре, с четырьмя сотнями пустых бутылок в трех огромных наволочках, прогнувшись назад, уверенно обходя представителей восемнадцати стран, в том числе скандинавов, признанных фаворитов, и, не разрушив ни одно горлышко, двойным ритбергером и тройным сидоровым, с прощальным штопором вбок и затухающим криком на дистанции мечут посуду в амбразуру пункта ПППП (приемный пункт пустой посуды), не оставляя никаких надежд соперникам.

Трое наших в понедельник, опоздав на круг, обогнали и сдули пену на девятнадцатилетнего студента из Ванкувера, поставили кружки и уже пылят вдаль, теряя очертания и давая план... Приходим к финишу, так и не отдав всего, на что способны, но взяв все, что можно было на дистанции пути, обнаруживая вечную форму, многолетнюю спортивную злость, великолепную агрессивность и уважение к инвентарю.

Высоко прыгаем, потому что хороший толчок получаем. Быстро бегаем, потому что не на результат, а за результатом. Берем максимальный вес, чтоб не прогадать, и на максимальное расстояние с максимальной скоростью в преддверии автобуса, который тут должен быть, но его нету.

Так и несемся — кадр за кадром, кудря с кудрей, пакет с пакетом. Ухо в ухо, глаз в глаз! Ишь ты! Ну ты! Что ты! Куда там...

Ваши письма

Мы читаем письма и радуемся, насколько выросли интересы наших читателей. Семенова волнует, когда в его доме будет горячая вода. Письмо написано живо, заинтересованно, с оригинальным концом.

Липкин, пожилой человек, инвалид без ноги, мог бы отдыхать, но пишет, интересуется, когда отремонтируют лифт. Письмо написано прекрасным языком, со старинными оборотами, яркими примерами.

Целая группа читателей в едином порыве написала об ассортименте продуктов в близлежащем магазине. Не каждый профессионал найдет эти берущие за душу

слова, так расставит акценты. Bravo! Это уже настоящая литература.

Страстно и убежденно написано письмо о разваливающемся потолке. За каждой строкой, как под каждым кирпичом, встают живые люди наших дней. Чувствуется, как много пишут авторы. Уже есть свой стиль.

Условно произведения читателей можно разбить по сезонам. Зимой большинство увлекается отоплением, очисткой улиц. Осенью живо пишут о люках, стоках и канализации. Летом многих интересует проблема овощей и железнодорожных билетов. Ну нет такого уголка, куда бы не заглянуло пытлиное око нашего читателя, где бы не светился его живой ум.

А насколько возрос уровень культуры! Каких горожан раньше интересовали вопросы зимовки скота, заготовки кормов? А сейчас люди поднимаются до требования соблюдать культуру животноводства, просят, умоляют укрепить дисциплину в животноводческих комплексах. Особо интересуются сроками убоя крупных рогатых животных.

Каких горожан интересовало, будет нынче урожай или нет, а сейчас многие спрашивают, что уродило, что не уродило, сколько засеяно гречихи и где именно она растет.

Мы читаем письма и радуемся многообразию ваших вопросов. Хочется надеяться, что читатели радуются многообразию наших ответов.

Тщательнее

Я хочу вот что сказать: ведь для себя работаем и, что еще хуже, — для внутреннего употребления.

Я не имею в виду импорт. Я имею в виду внутреннее глотание. Как в аптеке пишут. Никуда это не уходит. Это свой другой такой же должен глотать. Это не стрижка, которой в массе мы не овладели. Значит, так и ходим. Человек в плохой стрижке может что-то изобрести или встать утром и поехать-таки на работу. И в суровом пальто поедет. Он не поедет, если чего съел для внутреннего употребления. Что смешно: те

лекарства, что подробно делаем, точно выдерживая технологию, сами и глотаем. А потом слышны медицинские крики, — как же, точно по формуле $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ плюс метилхлотилгидрат на парú не помогает, а точно такая же швейцарская сволочь эту бациллу берет. Опять проверяем $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ на парú — не берет, и, что особенно противно, название у них одинаковые. Опять говорю — нам же самим это глотать!

Те, что сравнивают, сидят, глотают то, что берет, и с сожалением смотрят вниз и думают: когда же мы тут научимся? Ну а Швейцария, совсем маленькая страна, Красноярский край покрывает ее, как бык овцу. Она тужится и работает, как дизель в Заполярье, но не в состоянии вылечить всех желающих в той далекой стране, где мы как раз и процветаем.

Тщательней надо, ребята, формулу нам дали $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ два часа на парú, и не берет. Должна брать... Может, руки надо помыть тому заскоруждому пацану, что колбу держит. Не хочет сам — силой помыть.

Может, излишне трясет в наших пульманах, может, с перепою сыплют мимо пробирки. Я же говорю — делаем только для себя. Тут особенно тщательно надо, ребята.

Не надо чай на кирзе настаивать — потравим друг друга окончательно. Мало того, что в нехороших прическах, так еще с дурным пищеварением. Ежели, конечно, задаться целью известить народ, как-то уменьшить нагрузку на почву, тогда надо продолжать и аспирин, и бормотуху, и вот эти колодки каторжные для модельной обуви, что внутрь глубоко идет — туда, за Тюмень, где как раз в них круглый год и ходят.

Или грузовики, что не заводятся на морозе в отличие от тех, что заводятся, хотя очень похожие. А на морозе греметь ключами всегда приятней, тем более что страна северная и мороз повсюду. А тот же «фиат» как раз заводится на Севере, а «Москвич» — как раз нет.

Тщательней надо, ребята. Ни на кого ваше упорство не действует, только на своего брата в телогрейке. Потому что тот, кто выбирает, выберет «фиат», а тот, кто не выбирает, долго глядит вдаль, силясь в далеком Ижевске разглядеть своего коллегу, с таким трудом собравшего именно вот эту коробку передач. И доволь-

но похоже. И что-то даже залил туда. То ли свое, то ли чужое, оно все равно на морозе только вместе с шестерней отлетает.

Тщательней надо, ребята. Общим видом овладели, теперь подробности не надо пропускать. И если дома из газовой горелки вода пошла, а из водопровода — газ, ни на чьи нервы не действуем, ни до кого этот метод не доходит, кроме своего, такого же невообразимого, что у бочки греется под этот рассказ.

Так что, думаю, если до таких же невероятных высот, что мы достигли в ремонте, мы бы поднялись в изготовлении, та же Голландия валялась бы у нас в ногах с просьбой одолжить ХТЗ на недельку. А уж от подольской швейной машины шпионов отгоняли бы, как мух поганых. Но, если еще можно шутить с коробкой передач, то с этим порошком, повторяю — $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ два часа на парú, надо тщательней, ибо, в отличие от распредвала, мы их берем внутрь и быстро усваиваем, зеленея от надежды, а ходить потом и с микробом и с лекарством внутри — это двойная гибель, от которой надо спастись третьим раствором — снова Сыктывкарского завода глубоких лекарственных препаратов. Так что тщательней надо, ребята.

Население у нас крепкое и в основном уже лечится само.

Теперь духовная пища: книги, фильмы, эстрада, керамика. Оно тоже, тот, кто может выбирать, что ему смотреть, — может, это смотреть и не будет. Тот для ознакомления ту же проклятую Швейцарию смотрит. Так что фильмы опять-таки делаем для себя. И вроде бы упорно смотришь, а ничего не видишь, и вроде колхоз не настоящий, и председатель так не ходит, не говорит, не ест. И влюбленные эти, взятые целиком из жизни голубей, тоже не человечески ходят у фонтана и не человечески смотрят вдаль. И тем, что никогда не были в колхозе, что-то не верится, а те, что живут в нем, жутко ругаются и матерно кроют Голливуд. Это все удар против себя. Кому надо, тот запрется и посмотрит «Бони М» или еще лучше — Аллу Борисовну с ансамблем.

Но опять-таки говорю: книгу можно отложить, из кинотеатра вырваться, коленвал проточить, но куда ты денешь лекарство от печени, кроме как в себя? Вот то — $\text{CH}_3\text{COC}_2\text{H}_5$ на парú, что, в отличие от швейцарского, не берет микроб, а, наоборот, с ним сотрудни-

чает. И если мы говорим о росте населения, то хотелось бы, чтоб не только за счет увеличения рождаемости в Азии благодаря отсутствию тех же медикаментов, но и за счет продолжительности безболезненной жизни рода человеческого, где мебель, ковры и посуда не могут заменить интересного дела, будь то написание этих строк или приготовление лекарств. Ибо то и то для людей, для самого главного, внутреннего употребления.

Григорий Харитонович

— Григорий Харитонович, вы прослушали Университет культуры, что он... вот... Как вы опосля? Мол, вообще... Спрашивают... Да... понимаем... Как же можно себе представить, понимаете?.. Я знаю, вот... Ну, как бы это сказать? Как его?.. Ответы, понимае-те... Вот на еще вопросы разные... Как бы, например, это очень, а если до сих пор вообще, куда там... Особенно вечером... Вот... А так уже третий курс слушаю...

Что он мне дал конкретно?.. Многое... Или вот это про кино. Раньше смотришь не понимаешь, вот... Откуда... Сейчас, конечно, все легче... Вот... Да... Вопросы задают. Сталкиваешься с молодежью... Инциденты были... Каждый норовит... Ты мол, Гриша, и вообще... Мол, в Университет культуры ходишь, как ты, мол, ответишь?.. Хулиганят многие. Но некоторые доброжелательно, конечно... Видишь, сидит человек в столовке и действительно не понимает. Конечно, объясняешь им про режиссеров, как ставят... Некоторые неверно профиль понимают... и про зарплату... Ну, тут своим примером показываешь. Так, чтобы, конечно, не занимать ему, а приучить к равномерности. Иногда, к сожалению, матом приходится... Если люди не понимают.

Но, конечно, Университет культуры, он лично меня обога...щает... прямо с работы туда. Так что иногда культурного слова не хватает... Меня мастер иногда с собой берет. Мол, ты в Университете культуры — давай вместе сверхурочно уговорим. Ну, я иду с ним. Я ему говорю: вы берите эту половину, а я — эту... Ну, на моей половине драки часто... Я крепкий... Меня сразу не свалишь... А до Университета культуры я

не мог ответить на ерундовый вопрос, — мол, что такое режиссер? Как там картины писать?.. Каким маслом?.. А теперь многие интересуются, как же артисты, мол, так рано встают и уже с шести утра петь и плясать начинают?.. Тут еле голову отрываешь, а они собрались все в оркестр или хор и на скрипочках... Трудно, наверное... Мне не хотелось отвечать на этот острый вопрос, но народ сейчас очень настырный и гадость всякую могут сделать... Два дня я от ответа укрывался в кладовке. Потом вышел все-таки. Ну объяснил, что встают... Куда денешься. Кусок хлеба надо зарабатывать. В час ночи последние известия почитают, а в шесть уже на ногах с инструментами... А те, что в «Маячке», — то круглые сутки каждые полчаса... Перекусит там икорки, балычка, осетринки, килечки, пивком запьет и давай... Иногда сто грамм. Но это уже часа в два ночи, когда все спят и не так прислушиваются.

Спрашивали, почему по телевизору певец в киоске своим ртом в свои слова не попадает? Мол, видим губами «ме» делает, а звуком «ж» поет... Я попросил для обдумывания три дня. Думал, уволюсь, потом догадался. Дураки, говорю, вот самолет пролетел, а когда звук... В общем, с народом было бы легко, если б не вопросы. Народ сам по себе хороший, а этими вопросами себе и другим жизнь портит. Особенно их телевидение возбуждает и нервирует, иногда... Иногда-изредка... Это меня в Университете культуры научили. Говорили «иногда-изредка», не раздражай...

Так вот, спрашивают, почему, мол, ведущий «В мире животных» сидит и тут же иногда-изредка репортажи из Канады пишет?.. А мне ж никто не помогает. Только портит мне... Он же действительно и там и тут. Иногда-изредка! Я голову ломал: что ж он действительно на первый тайм туда улетает, на второе отделение сюда прилетает? А ребята молодые. Тут физически не возьмешь. Пришлось на себя свалить. Всю вину на себя взял... Сказал, это я виноват, и все! А тут еще этот профессор «Очевидное—неочевидное», вздрогнет — и в другом костюме. А тот из «Вокруг смеха»: «Здрате, — говорит, — до каких пор, — вздрогнет и говорит, — до свидания...» Писатель сидел, сидел, бумажки разложил, вздрогнул — и вот он уже складывает и даже вроде усталый. Так он что?.. Может, он... Так чего, он просто так приходил?.. Это кому отвечать?..

Тут еще два профессора спор затеяли, что, мол, без воды трое суток можно тянуть, без хлеба — неделю, а без ответов — два дня... В магазине история была — тоже на себя взял!

Вопросы же у людей есть. А тот занят. Этот раз в три года отвечает на вопросы, которые сам отберет. К тому, чтоб спросить, сутки в очереди надо стоять. А другой вообще наловчился. Его спрашивают об одном — отвечает о другом. Во устроился. Мы аж рты пораскрывали. А он ничего. И смотрит так приветливо, — мол, еще есть вопросы, товарищи?.. Ребята все к нему привыкнуть не могут. Все ко мне... А я опять на себя принял: виноват, и все! Ну а что же... Должен же кто-то... Мне ж с этими людьми жить. Я хоть на занятиях спрошу. Там, правда, тоже... Этот обществовед... Сам скажет: «Вопросы есть?» И аж бледнеет, аж на стенку лезет. А чего?

Мы по вопросам всех обогнали, теперь по ответам догонять будем.

Не троньте

Товарищи, не надо меня выгонять: будет большой шум. Клянусь вам. Меня вообще трогать не надо: я такое поднимаю — вам всем противно будет. Те, кто меня знает, уже не препятствуют. Очень большая вонючка и противный визг. Так у меня голос нормальный, но если недодать чего-нибудь... Ой, лучше мне все добавить... Клянусь вам. И походка вроде нормальная, но если дотронуться... Ой, лучше не трогать, клянусь. Держитесь подальше, радуйтесь, что молчу... Есть такие животные. Его тронешь, он повернется и струей дает. Также с сумками.

Я как замечу, кто на меня с отвращением смотрит, — все, значит, знает. Клянусь! А что делать? Зато все — по государственной и с гостями тихий, хотя от ругани акцент остается. А что делать? Всюду все есть, и всюду все надо добыть. Есть такое, а есть такое. Цемент есть для всех, а есть не для всех — очень быстросхватывающий. И колбаса есть отдельная, а есть совершенно отдельная — в отдельном цеху, на отдельном заводе, для отдельных товарищей. Огурец

нестандартный, обкомовский... Только каждый на своем сидит, не выпускает. Тянешь из-под него тихонько — отдай! Что ж ты на нем сидишь? Отдай потихоньку. Дай попользуюсь. Да дай ты, клянусь, отдай быстрее. Брось! Отпусти второй конец! Отпусти рублид! И трубу три четверти дюйма со сгоном для стояка... Отпусти второй конец, запотел уже.

Главное разыскать. А там полдела. В склад бросишься, дверь закроешь, там — как свинья в мешке, визг, борьба, и тянешь на себя. Глаза горят, зубы оскалены — ну волк степной, убийственный. И все время взвинченный. Все время — это, значит, всегда. Это, значит, с утра до вечера! Готов вцепиться во что угодно. Время и место значения не имеют.

В трамвае попросят передать, так обернусь: «Га?! Ты чего?» Бандит, убийца, каторжник. Зато теперь между ногами пролезет, а не передаст.

Руки такие потные, противные. Пожму — он полчаса об штаны вытирает. Зато теперь, чтоб не пожать, все подпишет. Взгляд насупленный, щеки черные, и ругань вот здесь уже, в горле. Я ее только зубами придерживаю. «Га?! Ты чего?!» Рывнул и сам вздрагиваю. Прямо злоба по ногам. Дай все, что себе оставил. Как — нет? Что, совсем нет? Вообще нет? Абсолютно нет? Есть. Чуть-чуть есть. И — от греха. И дверную рукоятку под хрусталь с отливом и коврик кухонный с ворсой на мездре.

Я бегу со склада — кровь за мной так и тянется. То я барашка свежего — по государственной. Только что преставили. Еще с воротником. Такой след кровавый до кастрюли тянется. И быстро булькает. Потому что не газ дворový, а ацетилен с кислородом — мамонта вскипятят. И в розетке чистые двести двадцать. Не туберкулезные сто девяносто, как у всех, а двести двадцать, один в один. И все приборчики тиком так. Ровно в двенадцать этот рубанет, тот вспылит, этот включится, тот шарахнет и маленький с-под стола «Маячка» заиграет.

Машина стиральная — камнедробилка. Кровать перегрызает. Потому что — орудийная сталь. Всю квартиру только военные заводы обставляли. Мясорубку четвертом держим. На твердом топливе. Такой грохот стоит. Зато — в пыль. Кости, черепа. Не разбирает. И сервант со смотровой щелью — двенадцатидюймовая сталь корабельная. Лебедкой оттягиваем, чтоб крупу

достать. Дверь наружная на клинкетках. Поди ограбь! Ну, поди! Если при подходе не подорвешься на Малой Лесной, угол Цыплакова, значит, от газа дуба дашь в районе видимости. То есть ворота видишь и мучаешься. Это еще до Султана пятьсот метров, а он знает, куда вцепиться, я ему на себе показывал.

А как из ворот выходим всей семьей с кошелками... Все!!! Сухумский виварий! То есть — дикие слоны! Тяжело идем. Пять человек, а земля вздыхает...

Ребенок рот откроет — полгастронома сдувает. Потому что — матом и неожиданно. Ребенок крошечный, как чекушка, а матом — и неожиданно. Грузчик бакалейный фиолетовый врассыпную. Такую полосу ребенок за кулисы прокладывает... Средненький по врачам перетряхивает. Зубчики у всех легированные, дужки амбарных замков перекусывают, хотя на бюллетене — сколько захотим. И в санаторий — как домой. Только мы пятеро в настоящем родоне, остальная тысяча уже давно в бодусане лечится.

Старшенький по промтоварам. Все, что на валюту, за рубли берет. Ну, конечно, с криком: «Чем рубль хуже фунта стерлингов?!» Прикидывается козлом по политической линии. Борец за большое. А дашь маленькое — замолкает на время. Шнурка своего нет. Все чужое. Гордится страшно, подонок.

Жена с базара напряжение не снимает. Конечно, тоже с криками: «Милиция!», «Прокуратура!», «Где справка от колхоза?» — сливы на пол трясет...

А я постарел. По верхам хожу. РЖУ, райисполком. Ну, давяю... Только таких, как мы, природа оставляет жить. Остальные не живут, хотя ходят среди нас. Клянусь вам. А что делать? Вот ты умный... что делать? В кроссовочках сидишь. Как достал? Поделись, поклянися...

А-а-а... это я сейчас добрый, злоба отошла, на ее место равнодушие поднялось, а как после обеда, в четырнадцать выхожу... Вот вы чувствовали — среди бела дня чего-то настроение упало? Солнце вроде, птички, а вас давит, давит, места себе не находите, мечетесь, за сердце держитесь, и давит, давит?.. Это я из дома вышел и жутко пошел.

Условия образования белых глаз

После раннего обнаружения отсутствия способностей к арифметике, истории, танцам при наличии желания выбиться — большая жизненная активность, некоторая сообразительность; при выявлении слабых сторон в человеке — ухватка этой слабости и длительное использование ее, как-то: прорыв без очереди к кассе, пользуясь естественным замешательством нормальных людей. Громкая насмешливость над женщиной, публичный рассказ о своей и чужой интимности.

Бесконечные выдавания себя за кого-то, победы над сверстниками в области бестактности, крикливости и стремительного нахальства.

Запас свежих анекдотов.

Раскавычивание чужих острот и мыслей.

Безмятежная тяга в свою постель любой жены.

Быстрое достижение результата в карьере, ибо конкуренция слабая. Талант на такую работу не идет. И напрасно. Это огромная ошибка — со стороны смотреть на борьбу чиновников и ждать, что там откуда-то появится интеллигентный человек.

Отсюда бесконечные пьянства с такими же.

Грубый рот.

Никакого интима, все громко, чтоб задавить сразу.

Разлюбившая жена.

Ученая степень в конце жизни вместо начала.

Вечные стремления за границу хоть на день, на два.

Дети должны быть там, на любой работе. Хоть горничной в каюте. И вроде все есть, с точки зрения соучастников, — ничего нет из того, за что будут вспоминать дети.

И в самом сосредоточенном состоянии, обложившись справочниками всего мира, готовясь год и будучи уже месяц трезвым, не выскажет и десятой доли тех мыслей и таким языком, как скажет Битов, готовясь отойти ко сну.

Отсюда и окончание такое же серое, как и начало.

Если бы я был...

В конце каждой улицы поставить турникеты. Конечно, можно ходить и так, и на здоровье, но это бесшабашность — куда хочу, туда и хожу. В конце каждой улицы поставить турникеты. Да просто так. Пусть пока пропускают. Не надо пугаться. Только треском дают знать. И дежурные в повязках. Пусть стоят и пока пропускают. Уже само их присутствие, сам взгляд... Идешь на них — лицо горит, после них — спина горит. И они ничего не спрашивают... пока. В этом весь эффект. И уже дисциплинирует. В любой момент можно перекрыть. Специальные команды имеют доступ к любому дому, и так далее.

По контуру площадей — по проходной. Вдоль забора идет человек, руками — об забор. Ну, допустим, три, четыре перебирания по забору — и в проходную, где его никто не задерживает, хотя дежурные, конечно, стоят. Красочка особая на заборе, ну, там, отпечатки и так далее. Да боже мой, никто с забора снимать не будет — бояться нечего. Но в случае чепе... отпечатки на заборе, и куда ты денешься? А пока пусть проходят и без документов. Хотя при себе иметь, и это обязательно на случай проверки, сверки, чепе. То есть, когда идешь на дежурного, уже хочется предъявить что-нибудь. Пройдешь без предъявления — только мучиться будешь. Со временем стесняться проверок никто не будет. Позор будет непроверенным ходить. Тем более — появляться неожиданно и где попало, как сейчас. Или кричать: «Мой дом — моя крепость» — от внутренней распушенности.

Но в коридорах дежурных ставить не надо. Пока. Начинать, конечно, с выхода из дома. Короткая беседа: «Куда, когда, зачем сумочка? Ну а если там дома никого, тогда куда?» И так далее. Ну, тут же, сразу, у дверей, чтоб потом не беспокоить. И ключик — на доску. Да, ключик — на доску. То есть чтоб человек, гражданин не чувствовал себя окончательно брошенным на произвол. Разъяснить, что приятнее идти или лежать в ванной, когда знаешь, что ты не один. Что бы ты не делал, где бы ты ни был, ну, то есть буквально — голая степь, а ты не один, и при любом звонке тебе нечего опасаться — поднимаются все. При любом крике: «Ау, лю-

ди!» — из-под земли выскакивает общественник: «Туалет за углом, и так далее. Ну, это уже чепе, а гулять надо все-таки вчетвером, впятером.

А если в гости — не забыть направление. Это тоже обязательно. От своего дома оформляется местная командировка в гости: убыл, прибыл, убыл. Ну, конечно, дать диапазон, чтоб человек чувствовал себя свободно. Хозяин буквально чем-нибудь отмечает. Ну буквально, ну чем-нибудь буквально. Ну, да той же печатью, господи. Но ставить время с запасом, чтоб гость неторопливо собирался.

Контроль личных сумок — даже и не надо в каждом доме, только в узловых пунктах: подземный переход, вокзал, базар. Для чего? Чтоб примерно питались все одинаково. Это что даст? Одинаковые заболевания для врачей, одинаковый рост, вес для пошивочных мастерских и, конечно, поменьше незнакомых слов, поменьше. Употреблять буквально те слова, что уже употребляются. Чтоб не беспокоить новым словом. И для красоты через каждые два слова вставлять «отлично», «хорошо» и так далее. Ну, например: «Хорошо вышел из дому, прекрасно доехал, отлично себя чувствую, одолжи рубль...» — и так далее.

Начинать разговор так: «Говорит номер такой-то». Да, для удобства вместо фамилии — телефонные номера. Имена можно оставить. Это и для учета легче и запоминается. Допустим: «Привет Григорию 256-32-48 от Ивана 3-38-41». Пятизначник. Уже ясно, из какого города, и не надо ломать голову над тем, кто кому внезапно, подчеркиваю — внезапно, передал привет. Со временем, я думаю, надо будет брать разрешение на привет, но очень простое. Я даже думаю, устное.

С перепиской тоже упростить: все письма писать такими печатными буквами, как вот эти индексы на конверте. Вначале, конечно, непривычно, выводить долго, но настолько облегчается работа почты... И в таком состоянии много не напишешь. И, конечно, вместо автоматических телефонных станций я б восстановил старые, с наушниками и ручным втыканием в гнезда. Вот подумайте — много людей освободится. Причем для упрощения и удобства с выходящими из дому беседует уличный контроль. Дальше — контроль проспектов, потом — площадей. С теми, кто из города, работает высококласный междугородный

контроль. Ну а, не дай бог, при выходе из государства — всю трудится наша гордость, элита — общевыходной дроссельный контроль под условным названием «Безвыходный». У них и права, и техника, и максимум убедительности, чтоб развернуть колени и тело выходящего назад. Лицо можно не трогать, чтоб не беспокоить. То есть в такой обстановке горожанин и сам не захочет покидать — ни, ты понимаешь ли, родной город, ни, ты понимаешь ли, родную улицу, а потом и дом станет для него окончательно родным.

Без меня

Многие просят рассказать, как это случилось, чтоб себя уберечь.

Втянулся я, ребята, незаметно и трагично. Занимался себе зарядкой двадцать минут в день и чувствовал себя хорошо. Потом решил освежиться интеллектуально, стал делать умственную разминку очень легкую: два раза в неделю — по пятнадцать минут о международном положении, через день по полчаса — о внутренних делах и по двадцать минут в два дня — об успехах в личной жизни.

Кто знал, чем это грозит. Ведь коварство этой штуки в постепенности. Об организме не думаешь!

Сижу по пятницам, думаю о международном положении. Вижу, час прошел, а мне уже мало. Во-от! Пошло привыкание. Я уже не хочу, а организм не успокаивается. Жена тянет в гости, сынок за штаны — сижу. И вид отпугивающий. Вот от чего хочется вас уберечь — от первой легкой мыслишки.

В среду подошел к взаимоотношениям в производстве средств производства группы «А». До двенадцати просидел над отношениями руководитель — подчиненный, высший — низший, в субботу вдрыпался в сферу обслуживания, в мелочи быта, два дня просидел — не ел, не спал, обдумывал только чаевые и почему человека не только тянет взять, но и дать. Случайно попал на спрос — предложение. Как правильно — товары повышенного спроса или пониженного предложения — и что лучше: есть товар — денег нет или деньги есть — товара нет?..

Дошел до повышения качества продукции с одновременной экономией стоимости, и тут чувствую — все! Во-от! Сам почувствовал. Другие давно, но на себе не замечаешь. Даже начальство: «Что с вами? Что за внешний вид? Где у вас галстук, неужели нельзя постирать?»

А я не могу. В понедельник перешел к спортивным вопросам: любители — профессионалы. Кого упоминать, кого не упоминать. Опоздал во вторник и вижу — люди от меня просто врассыпную. В зеркало — ужас: вид страшный, глаза красные, волосы всклокочены, в женской кофте не по размеру — самому страшно стало. Я ведь не дурак, и воля была.

Решил — сам себя не буду ставить в обстоятельства, где что-нибудь подобное может мне попасться, то есть в компании такие не ходить, под репродуктором не стоять. Неделю держался железно, даже румянец пробился, и вдруг — медицинское обслуживание выиграло, количество врачей на количество больных, чье количество растет быстрее.

Я ж говорю, ребята, смолоду уберегайтесь. Это только кажется, что понемножку, после обеда, мол, буквально по пятнадцать минут, ничего такого. Беда, ребята, беда. Гляньте на меня. А если б разделся?.. А если б открыл лицо?.. Один раз — ничего, а если регулярно — столбовая дорога. И тянет... И страх, и руки дрожат, и глаза блестят неестественно. Неестественно, пацаны! Только начинаешь с мелочей, а потом берешь крупнее и в конце концов хлебаешь такое — организм содрогается, там — объединение нации, пагуошское движение, право «вето», олимпиады...

В понедельник упал на улице. Вот отсюда как пошло, сюда ударило... Я схватился за кого-то, меня в машину, а в машине еще хуже, там приемник. Вечером пришел в себя — брюки чужие, волосы вырваны, руки так дрожат — не мог пальцем показать куда мне. В другую сторону отвезли, еле добрался. И дома беда — жена начала. И я понял как. Я иногда засыпал, газета из рук упадет, и она подберет. Детки малые, хотел уберечь. Беда ж не приходит одна. Годовалый сынок ползает задумчивый, на слово не верит.

Солнышко вокруг, весна, все радуются, только мы трое, как сычи, с газетами.

И забрали нас, ребятки, всех троих на принудительное лечение. Это такой диспансер в саду. Ничего устно-

го или печатного. Много гуляем, простая физическая работа, ящики, тара, скрепки сгибаем, и такие таблетки дают, что от любой мысли тошнит. Но очень важно, говорят, после лечения ни-ни. Так что извините. Без меня. Без меня. Без меня.

Сын мой неосуществленный

Сын мой неосуществленный. Итак, что тебе взять у беспутного отца, покорителя маленьких компаний и больших розовых женщин?

Нерожденный сын мой. Нам гордиться нечем. Рад бы посадить тебя на диван, показать на шкаф, набитый книгами, и сказать: «Смотри, сынок. Отец не будоражил и не бузотерил понапрасну. Все эти три полки он написал крупным, стремительным почерком. А ты, негодяй?!»

Или показать на шкаф, набитый черепами черепах, и сказать: «Смотри, сынок, твой отец. На его ракетах летает второе поколение космонавтов. Его формулы используют, чтобы засеять рис, по его чертежам делают кесарево сечение. На кого ты похож? Развратен и гадок. Фу! Да ты пьян, и опять эта девка за дверью...»

Или разгрести кучу детей и вызвать старшего: «Смотри, сынок, сколько твоих законных братьев, а ты? Тебе уже сорок. В кого ты, сынок? Фи! Да ты опять пьян. И уже другая девка под дверью. В кого ты вырос, бандит?»

В меня, сынок: и ни черта ты не откроешь и не напишешь. И не родишь, как не родил я. И я опять пьян, и эту девку ты не знаешь.

И вообще, сынок, выйди-ка и оставь нас, если вообще хочешь появиться на свет.

Падает снег

Когда разрывается душа, когда бело и белеет за окном. Сыплет и сыплет. И тихо в квартире, и мягко сыплет белым, и голые прутики веток качают головками в бе-

лых папах. Красная ягодка рябины в шапочке. Падает снег. Тепло у меня. Что-то в приемнике потрескивает и превращается в музыку и женский голос. Только нужно еще тише...

Падает снег. Воробьи встрепанные заглядывают мне в глаза. Я — им. Взаимное недоверие. А я бы их пригласил погреть красные лапки и почирикать...

А снег летает, летает, прежде чем упасть и покориться. Все бегут по снегу. Я дома сижу. Все это переживаю. Играют все, носятся, кричат, лают, прыгают. Я все это переживаю. Умом постигаю изнутри. Системой. Остаюсь в милой неподвижности. Работаю в тепле воображением...

Следы моих комнатных туфель на снегу. И если выскочить из них и темпераментно помчаться дальше, оставляя как минимум рубчатые следы носков, а потом в заводе и из них выскочить и помчаться еще, оставляя нижнюю пятерню, стопу за стопой, стелющимся шагом и криком, затухающим вдали.

Падает снег. Голову нести осторожно. Не расплескать на бегу кипящую массу недовольств, обвинений, проклятий, сарказма в сосуде из скуки... Падает снег. Ложится сверху и укрывает черное, израненное, поваленное, измученное. Что-то в общих чертах проступает. Можно и не угадать, что там творилось в жаркую погоду. Победители, побежденные лежат укрыты. Тишина. Гладко. Холодно. Светло...

Падает снег. Что-то там происходило. Да и что-то еще происходит. Поздно. В кепочках белых плодики... Под снегом города и концертные залы. Гладко все сверху, а снизу ничего не видеть. Снег падает. У меня зима...

Ожидание

— Нет, что вы, — говорил он, — придут, увидят, как я живу, и помогут. Я сам не пойду, мне стыдно...

— Нет, что вы, — говорил он, — ну, еще год пройдет. Придут, увидят, скажут: «Как же, такой талантливый!»

Не идут.

— Придут. Должны.

Не идут.

— Придут. Должны.

Не идут.

— Знают о моей работе, пригласят. Я же там нужен.

Узнали, и нужен, но не приглашают.

— Идите сами просите.

— Стыдно для себя. Кто-то пойдет и скажет, что я плохо живу. Пойдет куда-то и скажет.

Никто никуда не идет. Все по-прежнему ему лично говорят: «Вы плохо живете. Идите, просите, умоляйте».

— Я не могу. Стыдно. Я подожду, я посижу. Вдруг очень большой начальник из исполкома зайдет. Люди будут передавать из уст в уста. Слух пройдет. Такой хороший работник в таких плохих условиях, и он зайдет.

Не заходит председатель исполкома, и люди друг другу не передают.

Только однажды спиной услышал: «Вот дурак. Столько лет ждет».

— Я все-таки дождался! Освободилась площадь! Освободилась!.. От отца, от матери... Вот и один. На всю, всю комнату...

Личность

Звонят из городской творческой организации, просят написать приветствие к шестидесятилетию секретаря.

— Найдите какие-нибудь очень теплые слова. Вспомните что-нибудь очень хорошее.

— Я не могу. Я недавно. Подскажите.

— Мы, к сожалению, тоже не можем.

— Он трудолюбив?

— В том-то и дело.

— Ленив?

— Очень трудолюбив. Если что хорошее прорывается — только в его отсутствие. А это все реже. Он сидит днем и ночью.

— Может быть, хорошо выглядит?

— Да нет. Желтый, бледный. Ночами сидит.

— Может, написать, чтобы красиво отдохнул, дал другим поработать?

— Нельзя. Он поймет.

— Ну что писать? Может, самостоятельно решает?

— Да нет. Бегает, согласовывает каждый шаг.

— А если об этом так приятно упомянуть, — мол, не один?..

— Он догадается.

— А если написать, допустим, что оратор блестящий?

— Он поймет, что не о нем.

— А если сказать о счастье в семье?

— Поймет.

— Жену похвалить?

— Обидится.

— О детях?

— Нельзя упоминать.

— А может, почерк хорош, фигура, любим в коллективе?

— Поймет.

— Сказать, что очень рады присутствовать, что все были счастливы служить под его?..

— Поймет.

— Давайте скажем, что не дурак.

— Это к шестидесятилетию?

— Он добрый?

— Нет.

— Злой?

- Нет.
- А какой?
- Никакой.
- Мда... Может, поступки какие-нибудь совершал?
- Что-то не припомним. Его же потому и держат.
- Какой-нибудь свой взгляд высказал? Точку зрения? Мнение?

— Ничего не вспоминается. Вы пока напишите что-нибудь теплое. Абстрактно. Мол, шестьдесят лет — в такой прекрасный день, в таком прекрасном месте. А там, где о нем, ставьте прочерк. Фамилию и две-три черты. Мы вставим сами. Мы тут узнаем. Может, в молодости что-нибудь индивидуальное...

И оставьте второй экземпляр на семидесятилетие на этом же посту.

Им хорошо

Им действительно живется хорошо.

Нахрапистые и грязно-вспыльчивые или вечно злые и насупленные, походя оскорбляющие любым движением.

Открыто торжествующие.

Ничего не переживающие.

Гениальные в нанесении обид и унижений, они имеют все.

Но этого им мало.

Настоящее удовольствие испытывают, отбирая у деликатных и нерешительных то случайное, что им досталось.

И уж страшными становятся, если не отдать.

Стонут громко.

Обманывают врачей.

Мерзко кричат.

Говорят злобно и задыхаясь.

Иногда кажется, лучше смолчать, лучше им сделать, чем орать себе во вред.

Но там же нет большого места.

Там больное все.

Приспособились и живут долго.

Нам наказание в виде людей.

Мысль

Когда мы добьемся, что руководитель, специалист, интеллигент — будет один и тот же человек, мы поставимся, чтоб он нам сказал: «Спасибо, ребята!»

Писательское счастье

Что такое писательский ум? Не договаривать половину фразы.

Что такое писательское счастье? Немножко написать и жить, жить, жить.

Что такое писательский ребенок? Тот, кто о любви к себе узнает из произведений отца.

Что такое писательская жена? Женщина, которая сидит дома и с отвращением видит в муже человека.

Что такое писательская квартира? Место, где у него нет угла. Что такое писатель в семье? Квартирант под девизом: «Ты все равно целый день сидишь, постирал бы чего-нибудь».

Что такое писательская жизнь? Ни одной мысли вслух.

Что такое писательская смерть? Выход в свет.

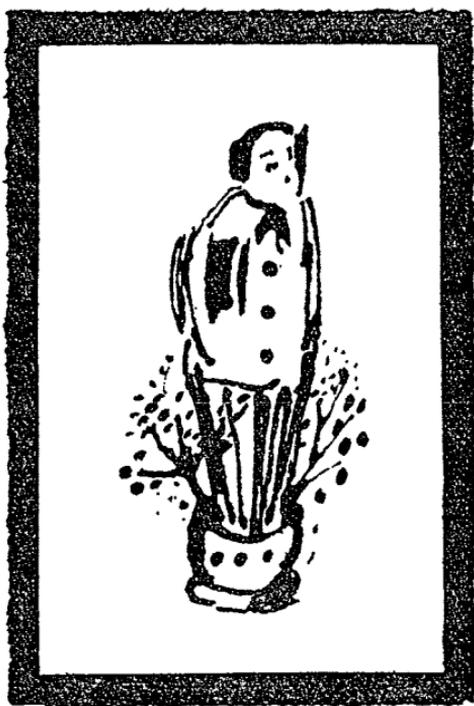
Может ли делать человек то, что ему хочется?

Может, при условии, что это не мешает другим. А мешает это другим или нет, решать он не может, это решают они, другие... Следовательно, они решают, что он может делать, что нет, следовательно, он не может сам решать, отсюда и не может делать что ему хочется. А все другие состоят из таких, как он, каждый из которых не может делать что ему хочется.

Отсюда такая обреченность в глазах каждого сидящего на собрании.

Сутки, сутки, сутки

Суточный репортаж

Сутки мои таковы.

Усыпание с засыпанием. Короче, выпадение из дня и переход в настоящую жизнь во сне, где я сильный и нормальный и много пытаюсь сделать, хотя мне что-то мешают.

Этот переход происходит в три часа ночи.

Выход из этого прекрасного состояния — в десять.

И с десяти до половины одиннадцатого — о женщинах. Воспоминания, представления и, боже мой...

С десяти тридцати начинаю видеть окружающее.

Преодолев первый приступ тошноты, умываюсь, бреюсь, чищу оболочку этого.

Еще один приступ тошноты.

Еда. Ну, это...

Уже хочется выпить!

Особенно отвратителен стол с этой ручкой и этой бумагой.

Особенно отвратительно то, что я должен на эту бумагу.

Шатаюсь вокруг, используя мелкие уловки, чтобы не сесть.

Даже газеты.

Даже читаю каждую, хотя для этого хватило бы...

С решимостью больного сажусь.

Бред.

Ложусь.

Снова сажусь.

Снова ложусь.

Бред.

Ложусь.

Боже мой! Я пишу о том, как отвратительно этим заниматься.

Особенно когда нет мыслей, особенно когда два года на-

зад после ангины пропал юмор. Когда веселье ушло вместе со здоровьем, когда сюжета не было и нет, когда литературы нет, а есть слова, и вообще незачем относиться к этому серьезно и наконец осуществить мечту и вернуться в порт, откуда, осуществляя мечту, ушел добровольцем в литературу. И получил насос внутри! Почему же я не могу залезть с утра в кабину и вылезть в семнадцать два нуля?

И честно вытереть руки.

И честно грохнуть перед счетоводом: «Даешь аванс! Твоюю!»

И ребята рядом крепкие. Без особого такого... Коллектив. Я за всех в ответе, как все за меня. Значит, плюю на все и в ус не дую.

Особенно по международному положению.

Я стал свободен.

Я стал одинок.

Я раскрутил свое здоровье.

Я не люблю своих гостей.

Пишу о том, что мне не пишется.

И пишу об этом все оживленнее.

И хрен с ним, как мне не пишется.

И хрен с ним, как мне не живется. Это не должно занимать чье-то внимание.

Хотя это мне мешает.

Это мне мешает любить других. Объяснять — поймет один.

Вот этим я и занимаюсь до девяти вечера.

Потому что уже вечер.

А кто-то посредине приходил.

Больше не придет. Обиделся.

Выхожу вон. Где, кстати, воздух, и звезды в черноте, и холод. И я возвращаюсь.

Я читаю.

Всяких умных.

Всяких сложных.

Разных тех, кому это удавалось.

И они постепенно переводят меня в жизнь сна.

Где я до десяти. Бегаю, говорю с отцом и всеми, кого нет.

Потом полчаса — с женщинами.

А с одиннадцати я переживаю тошноту и отвращение, охоту к переменам.

Живя так, думаешь о смерти очень просто.

А что такое жизнь?

Как я пишу?..

Как я пишу?.. Если бы я знал и мог объяснить, я бы преподавал в техникуме. Я сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог. Не скажу, что часто спрашивают, не скажу, что много записок и писем приходит. Я думаю, что перестань писать — много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь подвыпьет и вдруг спросит:

— И где это вы темы берете? — Как будто он ходит в другую поликлинику.

Интерес к личной жизни работников искусств нам чужд. Я думаю, потому, что в личной жизни этих работников ничего интересного не происходит. Так что пишу я в однокомнатной квартире, там же и живу. Это Ленинград. Хотя до Ленинграда два рубля или час в веселой атмосфере общественного транспорта. До Москвы тоже час. Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце. Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, ухожу в себя и сижу там. Чужой юмор не понимаю: в компанию лучше не приглашать... Ну, там, лысый, длинноносый. Тем, кто не видел, лучше не видеть. Тем, кто один раз видел, тоже не стоит повторяться. К женщинам интерес потерял ввиду большой сложности подходов на улице и отсутствия приходов ко мне.

Профессия так называемого сатирика наложила глубокий отпечаток на поведение. Глаза бегают, волосы падают, часто останавливаюсь и круто оборачиваюсь. Одет в серое, так что хожу вдоль стен. Куда-то тороплюсь, хотя на сером сверху не виден. Начитан слабо. На вечеринках молчу, дабы было что печатать. Во время дамского танца непринужденно болтаю, чтобы не замечать, как меня не приглашают. Приглашать особенно нечего, так как о внешности я сказал выше... Или ниже... Выше. По паспорту сорок семь. Хотя мне кажется, что они ошиблись. Там же написано, что зовут меня Миша, во что тоже не верю. Торопятся они там иногда в милициях. И нас не спрашивают.

Дома ничего не делаю — отсюда прозвище Квартирант. Давно не танцевал, особенно — темпераментно, яро, с мычанием и подкатами. Мое поколение не танцует, то поколение, что танцует, нельзя назвать моим, хотя я к ним перебежал раза три, но всегда возвращался ввиду слабости здоровья.

Пишу коротко. Во-первых, все это можно сказать в двух словах. А во-вторых... Это для тех, кто меня не видел. Для тех, кто не желает видеть, имею отдельный разговор.

Мы беремся

---

1. Мы, конструкторы, берем на себя обязательства устранить ошибки ученых.
2. Мы, технологи, берем на себя повышенные обязательства усовершенствовать работу конструкторов.
3. Мы, рабочие, берем на себя обязательства усовершенствовать и внести рацпредложения в работу технологов.
4. Мы, жильцы, беремся своими руками устранить недоделки рабочих.
5. Мы, комбайнеры, беремся своими силами отремонтировать только что полученные с завода машины.
6. Мы, журналисты, берем под контроль работу комбайнеров.
7. Мы, ученые, беремся устранить ошибки в работе журналистов и объективно освещать.
8. А мы, юмористы, берем на себя обязательства смешить читателя тем, как один всю жизнь доделывает за другого.

Консерватория

Консерватория, аспирантура, мошенничество, афера, суд, Сибирь.

Консерватория, частные уроки, еще одни частные уроки, зубные протезы, золото, мебель, суд, Сибирь.

Консерватория, концертмейстерство, торговый техникум, зав. производством, икра, крабы, валюта, золото, суд, Сибирь.

Может, что-то в консерватории подправить?

Жлобство — это не хамство

Жлобство — это не хамство, это то, что образуется от соединения хамства и невежества с трусостью и нахальством.

Жлобство, простите, так присущее многим из некоторых, которых мы часто встречаем порой и страдаем от этого.

От голода голодаем, от болезни бодем, от холода мерзнем, от жлобства страдаем.

Если, конечно, вам не повезло и вы тихий, вежливый, исчезающий от прозвищ и частых упоминаний матери... Поздравим себя — все меньше удовольствия хаму, все уже поле его деятельности.

Наша берет.

В чем был его кайф?

Изрыгнуть внезапно, чтоб у всех отвисла челюсть и падали руки.

Чтоб посинели лица в безумных поисках ответа.

Было такое.

В пору пребывания в толпе мягких, воспитанных дам-с, юристов-с.

Но, слава богу, эти времена прошли.

Теперь хам получает повсеместный ежедневный отпор. Бледнеть некому-с.

Хрупкая скрипачка в автобусе оборачивается и врезает между ртом и глазом матросу-сантехнику так, что тот на глазах корежится, жухнет, пускает жуткий синий дым и сваливается в сугроб.

Две нежные школьницы самого субтильного возраста и вида так шарахнули матом в ответ на короткое слово дремучего алкоголика, сопровождающее предложение отойти, что, не дослушав полностью ответ девочек и получив портфелем с коньками по голове, мужчина сошел через закрытую дверь. Поздравим себя — публика перестала распадаться на выступающих и слушателей. Единины все участники дорожного движения.

Наличие в руках фагота или Ромена Роллана не дает хаму возможность надеяться, что перед ним интеллигентный человек.

Усиленные занятия каратэ и знание мата без словаря приближает час всеобщего трамвайного равенства.

Нерадивость породила дефицит, дефицит — воровство,

воровство — хамство, хамство — нерадивость, которая породила дефицит. Отсюда и выход из замкнутого круга, который должен быть, но его надо искать.

А пока в преддверии исчезновения хама как отдельной личности его успешно заменяет отдельный коллектив.

Трудности кино

Очень большие трудности у киношников. Самые большие, жуткие трудности у киношников. Прямо не знаешь. Требования к достоверности возросли, а танков старых нет, маузеров мало. Фрак народ носить разучился. Хамство и грубость в Сибири как раз получается ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет. Если герой просто сидит — еще ничего, а как рот откроет — так пока не идет. Или, там, собственное достоинство, вот эта неприкасаемость личности...

Чувствуется, что ему рассказывали. Может, требовали, ругали, зарплаты лишали, по больничному не платили. Ну, чтобы сыграл он чувство этого достоинства. И, видимо, хочет: и голову поднимает, и на цыпочки, и выпивает, чтоб укрепиться, но еще не знает как.

Женская гордость — так, чтоб без мата, изнутри... Ну, еще когда лежит, укрывшись простыней, диктор говорит: «Гордая очень». А когда откроется, так еще пока не доносит — вздрагивает, косится, и это еще чувствуется.

Граф английский — тоже неловко, боком, все боится войти к себе в замок. Ну, если пиджак от шеи на четверть отстает и шейка как пестик в колоколе, как же ты аристократизм покажешь, если штаны и пиджак надо непрерывно поддерживать?! Или руку королеве целовать, или панталоны держать. И руку пока еще надо у нее искать: она тоже пожать норовит.

Еда не дается пока, вот не само глотание, а еда как трапеза. Старух на консилиум приглашали, но и они подрастеряли искусство еды: тоже норовят целиком заглотнуть и еще — в сумку. А это реквизит.

И старики подзабыли ходьбу такую, чтоб пиджак не двигался отдельно от хозяина. Или — весь гитлеровский штаб в мундирах не по размеру, а диктор го-

ворит, что вся Европа на них работает. Но это все внешне, конечно, и раздражает какого-то одного, кто остался в живых и еще помнит.

Внутренне плохо идут споры, даже литературные. Все как-то придерживаются одного мнения и, ради бога, не хотят другого, ради бога.

Пока еще смешно выглядит преданность одного мужчины одной женщине, пока смешно выглядит. И вообще, обращение с женщиной, все эти поклоны, вставания, уважение, преклонение... Их делают, конечно, но за очень дополнительные деньги. Консультант один, лет восьмидесяти двух, тоже уже заматался: Душанбе, Киев, Фрунзе, Ташкент... «Извольте, позвольте», «Только после вас», «Я был бы последним подонком, мадам, если бы оставил вас в соответствующем положении». Не идет фраза: «Позвольте, я возьму на себя» — или: «Вам ведь трудно, разрешите я...» А уж фраза: «Я вами руководил, я отвечаю за все» — прямо колом в горле стоит. А такая: «Мне не дорого мое место, дорого наше дело» — получается только по частям.

Сложно пока стало играть эрудированного, мыслящего человека, и хоть исполнитель морщит лоб и прищуривается, такой перекося лица еще не убеждает.

Сохранились костюмы и обувь, но, когда мы над старинной дворянской одеждой видим лицо и всю голову буфетчицы современного зенитного училища, что-то мешает нам поверить в ее латынь.

Группа американских ковбоев на лошадях пока еще криво скачет, и даже у лошадей наши морды.

Ну а там — баночное пиво, омары, крики «Я разорен!» или «Мне в Париж по делу!» хоть и русским языком, но ни исполнитель, ни аудитория этого языка пока не понимают.

Но с уходом стариков со сцены и из зала равновесие между экраном и зрителем постепенно восстанавливается.

Он не знал

Он ничего не знал.

Он не знал, что такое плохо. Не знал, что такое хорошо. Он что-то помнил.

А отец и мать уже умерли... Ему не повторяли.
Ему не повторяли,
что нельзя чужое называть своим.
Не знал, кто у него был в роду. Совершенно не знал
истории своей и своих.
Гордился чем-то. Не знал чем.
Ибо то, чем гордился, нельзя было показать.
Ничего не мог спеть. Не знал слов.
Хлопал, когда все хлопали.
Чувствовал, что нравится.
Не мог объяснить.
Не мог объяснить,
так как никто не спрашивал.
Не то что поступить, а рассказать,
что такое честно, не мог и не знал, что́ есть нечестно.
Что́ есть нечестно?
А что́ есть честно?
Нельзя лишь то, за что сажают.
Но сажают не каждый день и не каждого.
Бывает, долго не сажают, — значит, можно.
Ну что же бабушка?
Ну что же бабушка?
Кто ж ей поверит?
Плохо, мол.
Что ж плохо-то?
Сама-то еле дышит, еле ходит.
В церковку послушать ложь.
Что в церкви ложь и бога нет, знал, а что такое правда,
не знал.
То вроде все правда. А то вроде вранье.
А может, правда все, чего не видел сам.
То, что видел, не сходилось с тем, что слышал.
Ну, значит, правда всюду, а здесь вот как-то местно...
Может...
Не знал.
Неясная ворочалась злоба на то, что местно.
Лично.
Не сходилось.
Ну, сорвал злобу на ком-то. Не знал стихов, книжек.
Так — кое-что из песен, из передач.
Вся эрудиция из «Мира животных» и «Клуба путеше-
ственников».
Не знал родного языка, слово «нежный» не произнес
ни разу в жизни.
Что — воровство?

Ну да, ну догадывался, что влезть в чужой дом, со звоном сломав...

Но тоже конкретно не предупреждали. Просто догадывался, что посадят, побьют. Сам бы побил. Но со склада. С работы. Как не понести?

Дружба?

Да.

Дружба.

Заменяет все.

Ты меня уважаешь?

Горячие руки.

Клюющие, вонючие поцелуи.

Пять — десять — сто — тысячу раз предавали, подвергшись незначительному давлению, подчиняясь и раскалываясь мгновенно.

Да и что там было предавать?

Для чего так дружить?!

Постепенно потерял смысл дружбы.

Остались поцелуи, копейки остались.

Остались копейки.

От дружбы.

Не знал новостей.

Газет.

Театров не знал.

Никто не приглашал.

Да и не слышал, чтоб кто-то рассказывал.

Не знал преданности.

Грязную постель и не называл любовью.

Слово любовь — знал.

Никогда им не пользовался.

И не слышал от других.

Только по телевизору.

Понимал, что окружающие состоят из мужиков и баб.

Живут вместе, чтоб хозяйство, дети.

Ругань всякая с ними.

Покупки.

Расходы.

Не знал и попроще.

Вкуса еды.

Не знал питья.

Лимонада.

Одежды.

Не знал интересной работы.

Самостоятельности.

Говорил — мне положено.

Как все, так и мы.

Он даже не знал, на что способен. Что думает по какому-то поводу.

Ну не знал.

Никто же не спрашивал.

Когда в молодости разок ляпнул — погорел.

Сладкую ненависть, месть — не знал.

Враги там.

Когда они приезжали, вроде ничего люди.

Но ведь враги.

Замышляют.

Хотят отнять.

Хотят, чтоб стоял в очередях. Чтоб не знал ничего, кроме водки, бабы, болей в почках, очередей.

А он и не знал ничего, кроме этого.

1982

Наши неудачи

Вы не имеете права мучить родных неудачами, неудачей работой, разваленной жизнью. Только радовать. Вы должны радовать их успехами, карьерой, блеском и уважением начальства.

И высоким заработком.

Неудачи делают вас невыносимым. Невыносимым делают вас неудачи. Прежде всех не понимают жена, дети, мать.

Вам смотрят в затылок.

Вам смотрят в затылок.

От этого ваши дела усугубляются. Ваши дела усугубляются, вы уже огорчаете всех.

Вы расстраиваете неповинных. Вы расстраиваете неповинных, а ваша голова...

Ваша голова, как любой другой орган, в такой обстановке отказывается работать.

От поисков идей, открытий у вас образуется пришибленный вид.

У вас образуется пришибленный вид, а попытки помочь по хозяйству лишь подчеркивают положение. У вас вырывают ведро.

У вас вырывают ведро и — «Твое место не здесь!».

А где ваше место? А где ваше место? И вы идете на улицу. Вы пытаетесь мужественно смотреть на прохожих. Но у вас срывается взгляд.

У вас срывается взгляд и перекошены брюки. Перекошены брюки, и старая знакомая давно уже вышла замуж — и ни в какое кино, и зачем ей это снова, зачем ей это снова? А старый товарищ, а школьный товарищ бежит. А школьный товарищ, а старый товарищ бежит каждый день, все увеличивая дистанцию от инфаркта, от родных, от новостей и прейскурантов. Он бежит. И говорить с ним... И говорить с ним можно только на бегу под дождем, когда он в трусах, а вы в плаще, и все увидят, как счастье и несчастье бегут рядом.

Снова бегут рядом. А тот... А тот один, кто буйным ветром занесен в Алма-Ату, — тот сидит там и стесняется...

Тот сидит там и стесняется писать. Сюда оттуда. Стесняется. И когда вы не вдруг, а точно и буквально напились, обнаружив в себе, обнаружив слабость характера и неустойчивость позиций, развязка завитала, и затряслась маманя. Маманя ночью под подушкой затряслась, рыдает мама, зажимая рот... Страшнее нет. Жена и дети — все скрывают слезы. На вас без слез, на вас без слез вообще нельзя и незачем смотреть.

От вырезок о вреде водки вы напиваетесь страшнее, вернее снова... и просите вас поддержать жену, чтоб выпить с вами... Жена. Она бледнеет. А вам надо. Вам надо с кем-то. И вот уже не дома, на скамейке в парке какой-то девушке в немых босоножках снизу ног вы повторяете рассказ с припевом: «Да, она меня не понимает» — и, сосчитав в кармане мелочь: «Я тебя озолочу!..» И на вокзале в сопливой, гулкой, рваной тишине, меж телогреек и кирзой буфета, роняя капли, пишете в Алма-Ату, И только когда быстро. И когда жутко быстро... И когда страшно быстро... Когда мгновенно вдруг пришел ответ... Пришел ответ, где то же, только ярче. Глубже и занятней. Где их с беременной женой, ее ребенком, первым мужем и его женой хозяйка выгнала. Оне... Оне живут у дворника и ездят на трамвае в кухню. А туалет в горах, и банятся в четверг. Восьмой четверг второго месяца нисана, и, вашу боль поняв, проникшись вашим горем, он просит вас прислать пятерку на расход и челюсть новую для сына, из пластмассы.

Вы чувствуете — вам немного лучше... Вам немного лучше... А вот и лучше быстро, быстро лучше... Ах, ибо.

Ах, ибо ваши неудачи кому-то кажутся мечтой. Домой идите быстро.

Тяжелый характер

Талантливый человек слишком неудобен каждому и хорош для всех. Его нельзя принимать в больших дозах. Тяжелый характер вызывается причинами, неудобными для многозавого объяснения.

Такой человек в словах видит больше смысла, чем туда вкладывает собеседник, и обижается. Ему страшно мешает жить собственная фантазия. Его нельзя оставлять обидевшимся. В своем воображении он дойдет до убийства.

Ему нельзя две-три работы подряд назвать плохими: он запаникует, попытается расстаться со своей профессией, будет делать неумелые пробы другого и внутри сойдет с ума. Снаружи начнет пить с кем попало и жаловаться встречным.

Цветут деревья во влаге и солнце, расцветает талант в атмосфере любви и восторга. Он не виноват: роль выбрала его.

Он настолько уверен, что делает плохо, что похвала всегда приятно поражает. Зазнайство при таланте невозможно, оно наступает после.

За зазнайство часто принимают тяжелый характер. Тяжесть для собеседника представляют ответы не попад, переспрашивания от погруженности во что-то. Это раздражает одного, тут же обижает второго, затем вступает воображение — и скандал.

Тяжел попытками назвать все вещи своими именами. Докопаться до черт характера собеседника и назвать их. Это невыносимо. Женщины красивые, которые вообще склонны преувеличивать свои успехи, с радостью убеждаются, что перед ними плохой человек. Именно они авторы формулировок: «Хороший поэт, но плохой человек».

В то же время человек талантливый хорошо чувствует, как принимается его появление, присутствие, видит полет слов и попадание, что порождает в нем деликатность. Обидные слова произносит только в накаленной атмосфере. Воображение позволяет ему предвидеть реакцию. Он неудобен тем, что независим и смел. Не он сам — его талант. Он сам зависим, привыкает к месту. Боится потерять жизнь, но произносить другое не может, так как видит себя со стороны.

Наивен, потому что не насторожен. Бывает скуп, так как боится за свою жизнь, не умея приспособиться.

Иногда жаден в еде, ибо редко получает удовольствие. Привыкает к месту, но не моногамен. Ищет опьянения и не знает, чего именно избегать. Он позволяет этому случиться, но всегда возвращается.

Искренне удивляется, услышав крик. Совершенно не может вести семью. Хотя может о чем-то догово-

риться. Но железную последовательность и упорство в делах должен проявлять другой человек. Опять-таки потому что он, не сознавая, проявляет упорство там, где он талантлив. Его хорошо прикрепить к кому-то или к двоим и рассматривать как одно целое.

Нас тянет к таланту. Слушать его. Сидеть рядом. Надо понимать его узкое предназначение и помогать производить то, что у него лучше получается. Мы должны ему нести сырье, и не бескорыстно. Он весь воз потянет. Он создаст.

Гениальные произведения — такие же создания бога, как птицы и животные, непоявление их оставляет место это пустым.

Точность — вежливость королей

— Полчаса меня ждете, извините, здравствуйте! Прекрасная погода, и вы великолепно выглядите. Вы приходите вовремя — вы точный, благородный человек, со мной дело обстоит несколько сложнее. Я считаю, что жизнь идет и то, что когда-то считалось достоинством, медленно превратилось в порок.

Все говорят: пунктуальность, точность. А я говорю, пунктуальный человек встречается все реже и реже. Он еще попадает в Северных районах, но почти исчез из Европейской части и на Черноморском побережье. Почему? Да потому, что он ломает жизнь людям. Он точен. Минута в минуту. Крахмальный воротничок, манжеты. Ровно в восемь он на углу. А дома что у него творится? Вы загляните...

Воскресенье. Все спят. Он один — он должен быть на углу. Жена бегаёт, на стол собирает, теща бессловесная кастрюлями гремит, дети режут, соседи снизу в потолок стучат. Он точен для одного, а дома шестнадцать человек лежат с исковерканным воскресеньем.

Но это не самое страшное. Страшно то, что он пришел в восемь, а те, что собирались с ним в баню (уйк энд), — без четверти одиннадцать, как раз тогда, когда он понял, что точность — вежливость королей, а наш человек на королей плюет откуда только может. И если ты действительно хочешь с нами встретиться,

возьми поправку на ветер, на трамвай, на столбовые часы, на три киоска по дороге... А если ты принципиально пунктуален, то ты просто не хочешь нас видеть, а это уже страшный разговор.

Теперь — твердость, последовательность, короче, словодержанье. Знаете, что нужно сделать, чтобы слово сдержать? Одно свое слово, которое ты ляпнул в частной беседе, на частной квартире, за частным столом?!

В глубокий понедельник, когда стола уже нет и ты совершенно трезв, голоден и весь субботний разговор перед тобой, как кошмарный сон, — именно сейчас ты должен действовать. Ты должен, проклиная себя, свой характер, свою исковерканную жизнь, браться за телефон и начинать бороться. А все говорят: «Какое вам дело, ему поможет собес, у нас есть поликлиники. Вы помогаете одному, потерявшему подвижность, но зачем бегать десятерым, которые уже давно не встанут?» Но вы доводите до конца. Вы раскалили аппарат, держите одного, ловите другого, соединяете их с третьими, наводите трех на четвертого, держите пятого за штаны.

Ура! Победа! Осталось поехать в Саратов и забрать в Мучном переулке, в подвале дома номер пять. Парализованный ликует. Но это еще не самое страшное. Страшно то, что вы приобретаете славу человека, верного своему слову, и к вам начинают стекаться люди со всей страны. Пешком и поездами, самолетами и на попутных. Лекарство, жилье, провода, тес.

О какой деликатности может идти речь, когда вам надо разговаривать с начальником гаража, который уже с утра воспринимает все только в розовом свете и принимает всех только в полуодетом виде. И чтобы к нему просто достучаться в грудь, надо орать таким благим матом, что затихает родильный дом через дорогу. И вы уже начинаете все реже давать слово.

На тысячу вопросов вы девятьсот девяносто девять раз отвечаете: «Не возьмусь! Нет! Не могу! Не стойте! Отойдите! — И добавляете: — В конце концов». И люди начинают догадываться, что это все вранье. Вы-то, оказывается, мерзавец! Крик парализованного: «Он не такой!» — тонет в ропоте толпы. Люди отворачиваются, полные поезда потянулись обратно. Ужас. Кому хочется такой атмосферы? И вы снова разворачиваетесь, переходя к всеобщей, влажноглазой и красногу-

бой любви. Пусть отказывают все кто попало, но не вы. Оптимизм, рукопожатия, авансы с ходу, без обдумывания.

В институте?.. Двойка?.. Вам?! Фамилия мерзавца?.. Телефон?.. Район?.. Фамилия?.. Что значит — не кабели... будем кабели... Освеще... Будет освеще... Толковый врач? Есть. Под общим, под местным? В понедельник под общим. Считайте, что вы уже там...

Кто еще озадаченный, озабоченный, невосполнимый, чья слеза капнула в филе? Положим, протянем, вырежем. Не порть стол лицом. Теперь не вы в понедельник будете вспоминать, что вы там обещали, а он будет силиться вспомнить, что он у вас попросил. Телефон, ковер, шашки стоклеточные. Черт его знает. В состоянии, когда голова гудит, а организм не поспевает за ногами, он соберет свои мысли во вторник к вечеру, когда вы уже будете за городом и не за этим...

Как хорошо, как чудесно, вы снова веселы и уверены. Прекрасная погода, и чудесно выглядите... Но, когда вы совершенно случайно, сами того не желая, достали кому-то единый проездной, которых полно на каждом углу, сообщите ему об этом так, чтоб он грохнулся на все четыре колена, долго бил лбом об пол, повесил ваш портрет над кроватью жены и по утрам тихо шептал: «Спасибо, брат, спасибо!»

Из размышлений под оркестр легкой музыки датского радио

Трусость и человеческое достоинство. Ему сказали, он встал на колени. Ему только намекнули. Другой встал без намека, чтоб не били. А его все равно били, как обычно. А он потом не мог понять, почему ему не встать на колени. Он же давно этим занимается. Он даже стал ниже.

Где же? Где же человеческое достоинство? Вдруг спросили. И вдруг его. Чтобы он вдруг ответил. Нам с вами, стоящим рядом. Что человеческое достоинство появляется тогда, когда в нем есть нужда. Оно не может витать в воздухе, как запах. Ему нужна почва.

Неужели можно с достоинством просить впустить

вас в гостиницу, где вы живете? С огромным достоинством просить место за столиком, билет в театр, на поезд, на самолет? В аптеке вы рассказываете о себе, о больной жене, о ребенке, просите то, что положено. Человеческое достоинство, как оказалось, несовместимо со словами: «прошу вашего», «убедительно прошу», «прошу по моей просьбе». Человеческое достоинство или же совесть не радуется оттого, что в магазинах нет, а на столах есть. Это за счет совести и достоинства...

Человеческое достоинство. Оно не обнаружилось в школе, ждут его появления в институте.

А мужское достоинство? Вы мужчина, вы должны содержать женщину, кормить, одевать. Конечно, вы приглашаете ее. Вы мужчина, и деньги наконец есть. Есть ли там билеты? Вы хотите ее устроить. Вы мужчина, а вас не поселяют. Вы, мужчина, только что шипели ей на ухо то, чему так яростно аплодировали.

Вы мужчина, а не можете достать мебель, стул, кровать. На вас плюет другой мужчина только потому, что он водопроводчик. Где проявить мужской характер? В драке, под забором. Разве вы можете обещать даме, что вас где-нибудь ждут, что где-то вам будут рады?

А когда вы прорвались в ресторан, к вам обязательно подойдет алкаш: «Разрешите вашу даму?» — и вы сразу на грани драки, свалки, где вы выглядите алкашом, а он выглядит достойно, потому что его сегодня уже били. Когда же вы мужчина? Когда же вы защитник и кормилец?

Разыскивается человеческое достоинство. Утерявший просит его не беспокоить.

Стиль спора

Хватит спорить о вариантах зернопогрузчика. Долой диспуты вокруг технических вопросов.

Мы овладеваем более высоким стилем спора. Спор без фактов. Спор на темпераменте. Спор, переходящий от голословного утверждения на личность партнера.

Что может говорить хромой об искусстве Герберта фон Караяна? Если ему сразу заявить, что он хромой, он признает себя побежденным.

О чем может спорить человек, который не поменял паспорт? Какие взгляды на архитектуру может высказать мужчина без прописки? Пойманный с поличным, он сознается и признает себя побежденным.

И вообще, разве нас может интересовать мнение человека лысого, с таким носом? Пусть сначала исправит нос, отрастит волосы, а потом и выскажется.

Поведение в споре должно быть простым: не слушать собеседника, а разглядывать его или напевать, глядя в глаза. В самый острый момент попросить документ, сверить прописку, попросить характеристику с места работы, легко перейти на «ты», сказать: «А вот это не твоего собачьего ума дело», и ваш партнер смягчится, как ошпаренный.

В наше время, когда уничтожают вредных насекомых, стерилизуя самцов, мы должны поднять уровень спора до абстрактной высоты. Давайте рассуждать о крахе и подъеме Голливуда, не видя ни одного фильма. Давайте сталкивать философов, не читая их работ. Давайте спорить о вкусе устриц и кокосовых орехов с теми, кто их ел, до хрипоты, до драки, воспринимая вкус еды на слух, цвет на зуб, вонь на глаз, представляя себе фильм по названию, живопись по фамилии, страну по «Клубу кинопутешествий», остроумию мнений по хрестоматии.

Выводя продукцию на уровень мировых стандартов, которых никто не видел, мы до предела разовьем все семь чувств плюс интуицию, которая с успехом заменяет информацию. С чем и приходится себя поздравить. Прошу к столу — вскипело!

Восточная мудрость

Как сказал один восточный мудрец, живущий в Одессе, — нельзя быть честным и нечестным в одно и то же время, даже если это происходит в разных местах.

Прохожий

Ну что же, обманывать, присваивать сначала государственное, потом колхозное, потом бригадное, а уже потом конкретное соседское. Деградация идет, как

обычно, сверху вниз. Только страх суда останавливает какие-то руки. Закон. Как же получается? До этого мрачного слова — закон? Где наше простое домашнее — брать чужое нельзя! Брать чужое — никогда! Даже умирая. Где простые понятия? Воспитать овчарку в краденном ошейнике не брать из чужих рук под страхом смерти даже колбасу. И ведь эти лохматые не берут даже колбасу и даже мясо, хотя мясо берут все. Все — это, конечно, наше эстрадное, утрированное. Не читать же, в самом деле, малоинформированному писателю перед сидящим в зале глубокоинформированным работником ОБХСС.

Так как же так? Что же говорить ребенку? Если его иметь. Решить. Как же его растить не в противоречии со взрослым миром. Один взрослый берет на чай. Другой сказал, что придет, и не пришел. Третий обещал повести в лес и не приехал. Район издает приказы, которые не собирается выполнять. Папа приносит с завода какие-то сетки и натягивает их на окна. Потом мама приносит краску с фабрики. Какие-то люди достают из-за пазухи свиную печень.

Газета пишет: «Тенистый зоопарк, в котором представлено много экзотических животных, размещен на углу Лесной и Космонавтов, прохладные аллеи, роскошные вольеры, кафе для детей». «Папка, побежали!» — кричит взволнованный ребенок. «Конечно, пока этого еще нет, — продолжает газета, — но архитекторы Гипрограда задумались над первыми листами эскизного проекта».

Видимо, он будет, но его нет. Как ребенка научить мыслить будущим в отрыве от настоящего? Мы же боремся за повышение рождаемости. А главное в этом вопросе, чтобы мама, папа, школа и газета и наша жизнь говорили одно и то же. Нас же пугают трудные подростки с отрешенным взглядом.

Мы уж как можем. У кого отголоски святого «не укради», «не убий». Кому еще бабушка, верующая бабушка, успела сообщить. Ну, объяснили, что бога нет. А почему нельзя ругаться матом? Сквернословить? Ну почему? Ну если все вокруг — и девушки-артистки и руководители районов. Что значит — не бей женщину? Постороннюю, что ль? А это ж жена! Не пинай слабого. Почему? А если он противный? Ну, очень... Как проповедовать те заповеди из Библии, которые сейчас известны под правилами хорошего то-

на, и не более? А знание Уголовного кодекса как папина угроза снять ремень. Как просто сказать: «У него много, а у тебя мало, возьми у него». И как долго потом надо учить его не брать чужое, государственное, колхозное, бригадное и соседское. А почему, действительно? Что тут плохого? Ну, лежало, и никого. Парочка ушла, а чемоданчик-дипломатик остался возле урны. Мы постояли, подождали, они не вернулись, мы взяли и пошли. Вот он, Костенька с ним в институт ходит.

С одной стороны, мы одолжили у религии моления, поклонения и светлое будущее, зачем же останавливаться? Не убий! Не укради! Не оскверняй! Не пожелай ближнему... Нужно же детям, если мы решили их иметь. Что там — с молоком матери... Слабая теперь надежда на отца и мать: очень у них рыло в пушку.

Поговорите с людьми, сидящими на письмах и жалобах, они вам скажут, какая главная струна — зависть. У него машина, шляпа, велосипед, у меня только телевизор. Откуда у него? Судя по зарплате, у него должен быть только велосипед. Почему его жена тащит такие кошелки, ящики? Что там? Я считал его зарплату. Что в тех ящиках? Как у него в квартире? Давайте ходить проверять, почему мы не ходим, товарищи? Давайте напишем, давайте сообщим. Такие люди очень удобны ОБХСС. Сиди, жди сигнала. Я, кстати, думаю, большинство дел раскрывается именно таким способом. Но что же делать с детьми, если решить их иметь?!

А уж примитивным отцам скажу: да перестань ты завидовать. Нету там ничего. На твоих глазах инженер стал жить хуже рабочего. Он же пытается перейти обратно — не дают ему. И в дворники с высшим не берут. Токари имеют садовые участки, а артисты балета снимают комнаты на свои восемьдесят. Инвалиды у нас первые на квартиры и на телефон, что же им не завидовать?

Ну кто же, в твоём понимании, безумно шикует — директор завода? Устроим к нему экскурсию. Походи по его трехкомнатной квартире, полежи на его диване, надень его тапочки, открой кастрюли его, хлебни. Хлебни! Чего там такое закладено?! А теперь походи на его место, если голова позволяет.

Ну, на кого еще можно написать? Профессор, ака-

демик. Давно на них глаза горят, это они в белых рубашечках ходят, за какие-то идеи, слова деньги получают. Ну, бери их инструмент. Лист бумаги, карандаш — выскажись. Да не в ОБХСС, в ученый совет пиши. А деньги его?! Да, прибыль он дает несколько больше тебя твоему родному государству. Чтоб тебе потом на дома отдыха и санатории, чтоб кормить тех, кто твои письма разбирает. А на его зарплату такая орава найдется, что на душу населения такой же доход, как и у тебя, болезного. Или он другое смотрит по телевизору? Улучшай свою жизнь, доброжелатель, что ж ты пытаешься ухудшить чужую.

И запомни еще одно небольшое наблюдение: у нас в СССР с большими деньгами делать нечего. Первым до этого дошел Остап Бендер, будучи вообще человеком неглупым, вторыми стали тысячи. Деньги требуют оборота, вклада в строительство, в расширение. Для жратвы и барахла они не годятся. По четыре цыпленка не сожрешь, в два телевизора смотреть не будешь, на трех машинах на работу не поедешь.

Что ты еще придумаешь? В Пицунду, в Сочи, в «Арагви». Ну? Вот уже и фантазия лопается. Уже и глаза останавливаются. Один выход — накачать племянников, самому вдребезги и так валяться по кабакам Мурманска и Магадана, покудова не спымают, потому что у пьяного человека ловкости никакой, он ворованного не скрывает. А если не спымают на перебеге, сам быстро-быстро сыграешь в ящик от совершенно белой горячки. У нашего человека никакой фантазии насчет больших денег нет, а в бриллиантах он ни черта не понимает. Жалкая судьба у ворованного миллиона.

Так как же насчет того, иметь детей или не иметь? Как же с разными подростками? Как же с заповедями: не убий, не обмани, не пожелай горя ближнему своему?..

Время для умных

Девочки! Девчущечки! Да что с окружающими? Да кто ж такие вещи в лоб понимает? Ему говоришь, ты замечательно устроился, теперь тебе гораздо лучше — он в драку.

Да кто ж такие слова — впрямую? Да улыбнись наконец, кивни ответно. Кому твои подробности нужны?

Тебе говорят — ты гений, иди домой! Иди домой, но пойми иронию. Радуйся от понимания откуда, и все, и куда. Не выключайся. А ты тут станешь возражать, рассказывать, как тебе кажется оно все якобы и мол. И окажется, что тебе это кажется и ничего ты толком не знаешь. И все про себя лично. А что в том доме, ты уже не знаешь. И почему оттуда люди такие веселые выскакивают, не подозреваешь, а все твои сведения — из слухов и голосов, так что не диссонируй, а поддерживай общий тон. Поняв это, ты не полезешь со своими слухами и личным опытом одного магазина против типографского текста букв. Кое-кто, не понимая, откуда такой контраст между своим неясным бытом и счастливой жизнью окружающих, дуреет и недоверчиво заглядывает в лица встречаемых, являя наглядное пособие по нехватке ума, не понимая, что тут весь расчет на полное отсутствие дураков.

Дурак раньше кричал — все в порядке, теперь кричит — все не в порядке: как всегда, невпопад. Сегодняшний разговор умных людей веселый, подспудный и практического значения не имеет!

Те, что знают кое-то, улыбаются и молчат, которые все время говорят — не знают ничего. А те, что, встретившись, молча крепко обнимаются и разбегаются, смахивая слезу, знают все!

Умный человек наслаждается, понимая, что наступило его время. Что слышит — делит, что видит — умножает. Говорит одно, пишет третье, думает второе. Вслух «нет», в урну «да». Поддержать шефа, отрицая и поддерживая, свалить, набрать очки, нахваливая конкурента. Хотя и дескать, якобы и мол.

Вид веселый, глаза лукавые, походка стремительная, хотя движение бесцельное. Голос решительный, но приказ неразборчивый.

А этот самый разговор, ради которого обезьяны слезли с деревьев, потерял первостепенное значение и снова стал видом обнюхивания.

Главное — глаза, их подъем, упор, отвод. Момент начала молчания, уход за дверь, резкий выход на большой и общий одобрительный взгляд, говорящий о несогласии.

Какое жить наслаждение, какое петъ удовольствие!

Как живешь? Только подумаешь, так и ответить нечего, а не подумаешь — и отвечать не стоит.

Письмо в «Огонек»

Большое спасибо партии и правительству. Мы живем в новом многоэтажном доме. Театр и кино нам не чужды. Мне семьдесят лет, но и тут особого беспокойства нет. Мы слушаем радио, мы можем пойти в кино, мы можем сидеть дома, мы можем гулять. Мы можем распределять пенсию сто двадцать рублей.

Мы живем в двухкомнатной квартире, и за это спасибо. Мы живем и будем жить вечно. Только пусть придут и вставят стекло. Никакой жизни нет. Два месяца. Пожалуйста.

В последнее время

В последнее время с ним что-то случилось. Стал видеть себя со стороны.

Пара глаз на расстоянии метра наблюдает за ним. И эти глаза его.

Кричит от боли и слышит, как кричит. И видит, как корчится.

Думает о том, как сидит и думает.

Думает о том, какие мысли в голову приходят.

А они перестают приходить, как только о них думаешь.

Даже сейчас, когда пишет, видит, как это красиво делает.

Когда смел — видит, как смел.

Труслив — видит, как труслив.

Любит и видит себя со стороны...

А уж ее видит...

От этого всего становится беспомощным и плачет.

И видит, как плачет.

Успокойтесь, ухожу

Да, я ушел от нее из-за того, что она не оставила мне кусок торта.

Да! Они съели все, а когда я пришел, — ничего не было.

Да! Я ушел из-за этого. Вы все правы. Вот такой я псих.

Нет! Не из-за того, что нет никакого сочувствия в ее глазах, когда ты болен и надо просить лекарство и слышать в ответ: «Не надо было кричать. Не надо было орать... Не надо было... Не надо было...» Конечно, не надо было.

Месяц не было никакой еды, кроме той, что сам принес. Годами не могу понять, на что уходят деньги, все увеличиваясь в размерах.

Никто в доме не работает, кроме меня, и я должен все увеличивать работу, не имея еды и уговаривая что-то постирать. Я должен запоминать дыры в носках, ибо «почему ты мне не говорил?», я должен закрывать куда-то свои письма, записные книжки, ибо оттуда вычеркиваются, выскребаются фамилии знакомых.

— Почему ты орал?! Вот ты и слег. И нечего теперь звать на помощь. Сам виноват. Сам виноват. Сам виноват.

Да! Я сам виноват. Надо было в той милой, мягкой, женственной девушке разглядеть сегодняшнего партнера. Чудовищно изогнуться и разглядеть и предвидеть. Каждое возвращение домой — не ко мне. Меня могут выставить всегда и внезапно. А оставляя меня одного на какое-то время, выносят книги и ложки.

Я ухожу из-за того, что мне не оставили кусок торта. И когда я спрашиваю: «Почему ты так кричишь на свою мать?» — «Это ты виноват. Ты сделал меня такой».

Я сделал? Очень может быть. Никак не могу сделать такой свою маму. Не могу высквернить своих друзей. А сволочи, с которыми я познакомился давно, были такими и до меня.

Да. Я виноват. И надо идти, ибо из-за меня может стать истеричным ребенок, его тетя, племянницы,

все соседи. Очень хочется что-то плохое сказать о себе. Но спросите у них. Все, что вы узнаете там обо мне, будет так плохо, что мне можно не беспокоиться, как оживить свой образ.

Я повернулся к стене.

Я обиделся...

И замолчал.

И настойчиво, громко и бесконечно спрашивали, почему я молчу. Неужели из-за того, что мне не оставили кусок торта?

— Да?

— Да!

— Вот! Вот какой ты человек. Теперь понял! Теперь спи! Такой ты человек.

— Сплю. Такой я человек.

Куда денешься от своего характера? Со мной невозможно жить. Я не могу, когда лезут в душу, и часто хочу быть один. Не люблю, когда читают письма ко мне и вычеркивают там что-то. Не могу жить без сочувствия, без помощи. Не хочу бежать куда-то, чтоб поговорить. Не хочу искать любимую еду в доме у тетки. Не хочу, чтобы с моим появлением прерывался телефонный разговор.

— Подожди. Я уже не могу говорить: он пришел.

И у меня не хватает сил, упрямства, чтобы оправдывать себя, тянуть на свою сторону и все время доказывать, доказывать, да так и не доказать, в чем я не виноват.

Да, со мной действительно невозможно и никто не мог жить. И я ухожу, чтобы остаться одному. И ухожу-то из-за чего? Из-за того, что мне не оставили кусок торта.

Как?! Вам ничего не говорили?

Все наши несчастья начинаются фразой «Как, разве вам ничего не говорили?»

О н (*по телефону*). Девушка, девушка, в чем дело?

У меня уже несколько дней молчит телефон, девушка?

О н а. Как? Разве вам ничего не говорили?

О н. Нет.

О н а. А вы открытку получали?

О н. Нет.

О н а. Как? Вы же должны были получить.

О н. Да. А я не получил.

О н а. Вы должны были получить. *(Кладет трубку.)*

О н *(набирает)*. Девушка!..

О н а. Пятнадцатая.

О н. Уважаемая пятнадцатая. У меня уже три дня молчит телефон.

О н а. А вам ничего не говорили?..

О н. Нет, нет, ничего. И открытки не было. А что случилось?

О н а. Должна была быть. А из управления вам звонили?

О н. Нет.

О н а. Странно.

О н. Что случилось?

О н а. Вам изменили номер.

О н. Девушка, миленькая, пятнадцатая, не бросайте. За что? Почему?

О н а. Там узнаете.

О н. Может быть, вы знаете, почему нет писем, телеграмм. Уже очень долго.

О н а. Как, вы еще не знаете? *(Щелкнула. Отключилась.)*

О н. Нет, нет. Что случилось? Пожалуйста!

О н а *(щелкнула, включилась)*. Уже месяц, как вам поменяли адрес.

О н. Ой! Ай! За что? Куда бежать? Всему дому поменяли?

О н а *(щелкнула)*. Нет. Только вам.

О н *(растерянно)*. Что же делать? Я же так жду. А тут приходят письма, повестки на фамилию Крысюк. Куда их переслать?

О н а. Пойдите, вам что, действительно ничего не говорили?

О н. Нет.

О н а. Это вам.

О н. Как?.. Я же...

О н а. У вас изменилась фамилия в связи с вводом новой станции. Разве вы не получали открытку?

О н. Нет... Что же теперь делать? Меня же никто не знает...

О н а *(щелкнула)*. Вас предупредили. Вот у меня список. Против вас стоит птичка: «Предупрежден».

О н. Нет, нет. Я ничего не получал.

О н а. Значит, получите. (*Щелкнула, положила грубку.*)

О н (*набирает*). Девушка...

О н а. Восьмая.

О н. Мне пятнадцатую, пожалуйста.

О н а. Минутку.

О н. Простите, милая пятнадцатая, как меня теперь зовут?

О н а. Это Крысюк?

О н. Д-да...

О н а. Сейчас, сейчас... Семен Эммануилович.

О н. Так я уже не...

О н а. Нет-нет. Это все осталось. Год рождения — 1926.

О н. Мне же сорок два...

О н а. Это по-старому. Вам теперь пятьдесят шесть, еврей!

О н. Опять?!

О н а. Да. Родители — кулаки-землевладельцы.

О н. Откуда? Что? Какие землевладельцы? Мы из служащих...

О н а. Нет, нет. Это изменено. Вам должны были послать открытку, но я вам могу зачитать, если хотите.

О н. Да. Да. Обязательно.

О н а. Крысюк Семен Эммануилович, пятьдесят шесть лет, из раскулаченных, продавец.

О н. Кто?

О н а. Продавец овощного отдела.

О н. Позвольте. Я врач. С высшим, Первый медицинский в пятьдесят втором году.

О н а. Нет, нет. Это отменено. Вы продавец.

О н. Где, в каком магазине?

О н а. Вы сейчас без работы. Вы под следствием и дали подписку.

О н. За что?

О н а. Недовес, обвес. Этого в карточке нет, то ли вы скрывались. Я не поняла. Вам пришлют. Там что-то мелкое. Ну, и у вас родственники там...

О н. Нет у меня там.

О н а. Теперь есть.

О н. Где?

О н а. В Турции.

О н. Турки?

О н а. Нет... Сейчас палестинцы. Тут написано, что вы подавали какие-то документы. Что-то просили.

О н. Что просил?

О н а. Тут не ясно. Вам отказано. И от соседней заявлено. Просят вас изолировать.

О н. Мы же незнакомы. Я их никогда не видел.

О н а. Просьба рассматривается. Скажите спасибо, что у меня время есть. Я не обязана отвечать, я завтра уйду в декрет, так уж сегодня настроение хорошее!

О н. Спасибо вам, пятнадцатая, пусть ваш ребенок будет здоров.

О н а. Так что вы сейчас из дому не выходите. Соседи могут избить вас.

О н. Ладно. Спасибо. А тут письма, повестки на имя Крысюка, что делать?

О н а. Ну как? Отвечайте. Это вам все!

О н. Простите, у меня дети есть?

О н а. Сейчас... Маша, посмотри у Крысюка дети... (Щелкнула.) Минуточку! (Щелкнула.) Двое. Сын семнадцать и дочь двадцать семь.

О н. Где они?

О н а. Он спрашивает, где они. (Щелчок.) Уехали в прошлом году.

О н. Они мне пишут?

О н а. Минуточку. (Щелчок.) Им от вашего имени сообщили, что вы скончались.

О н. А всем, кто меня вспомнит под старой фамилией?..

О н а. Лучше не стоит общаться. У вас и так хватает... Вам еще — курс лечения...

О н. От чего?

О н а. Здесь сказано — туберкулез.

О н. Но я здоров.

О н а. Сказано — кашель.

О н. Возможно.

О н а. Вам тут что-то положено.

О н. Что?!

О н а. Штраф какой-то.

О н. Спасибо.

О н а. Да! Вы должны явиться.

О н. Ну и черт с ним.

О н а. Нет. За деньгами. Перевод был. Но вас не нашли.

О н. Как — не нашли? Вот же находят все время.

О н а. Вас не нашли и отправили обратно.

О н. Откуда перевод?

О н а. Не сказано.

О н. Скажите, девушка, а внешность мне не изменили?

О н а. Вот вы даете. А как же можно внешность изменить? На глупости у меня нет времени. (Щелчок.)

О н. Так что же мне делать?

Г о л о с   и з   т р у б к и. Ждите, ждите, ждите...

Осень

Осень. Запел Лев Лещенко, подавая всей стране сигнал. Как всегда, в суете, ожидании отдыха промелькнуло лето. Кто хочет его продлить, едет по карте вниз, кто хочет прекратить, поднимается вверх к нам.

Совершенно, совершенно прекрасная осень. Стучит Москва в окошко Ялте — возвращайтесь...

Осень. Чуть длиннее ночи — возвращайтесь...

Соленые, пыльные, коричневые, с белыми ресницами и горячей кожей — возвращайтесь. Вас ждут чудесные дни, когда за окном с утра дождь, в гардеробе истекают зонты, а в комнате тепло и сухо и от шороха капель приходят самые главные мысли.

В аэропортах запахло жареным — люди располагаются надолго. Пора. С проезжих частей исчезают мотоциклы. А мотоциклисты, оказывается, обычные ребята и, если отобрать у них это оружие, они совсем не шумят.

Последние месяцы разъезжают автолюбители, непонятно, почему их так называли. Они не так любят ездить, как им просто надо куда-то.

Эти люди еще некоторое время ездят, а потом не выдерживают, потому что холодно, автомобиль весь в снегу или мокрый, и завывает, и весь какой-то неприятный.

А тот, что у мотоциклиста, просто падает набок и лежит и не желает — бери его на руки, и все.

Вот кто всегда движется — так это лошадь. Она, во-первых, самая умная из них всех, а главное, самая добрая и никогда не наедет на своего старшего брата, человека, мотающего через дорогу по своим спешным и, как ему кажется, важным делам. Она просто переступит ногами — вот так, — взглянет на эту мокрую

компанию в шелестящих плащах и опустит глаза, явно пытаюсь понять, что происходит, почему все выражают такое нетерпение, трамваи сердито звонят на «Жигули», те тоже квакают, и все срываются и бегут, прибегают и включают, и сидят слабо освещенные голубоватым светом.

Лошадки в городах не имеют вида, не поспевают. Все теперь бегает быстрее, чем они, это и породило у лошадей цинизм и мудрость, что как ни торопись, а свободных дней не будет в самом конце, и смешно бежать к открытию и закрытию, и придумывать себе конец месяца, конец квартала. Это все смешно, думает лошадь, пропустив вперед всех и везя бочку с известью для того забора, что должен быть немедленно, к двадцатому, сейчас же. Срочно. Ах! Смешно. Когда вокруг осень и облака бегут, как когда-то, и пейзаж — желтизна с сединой, — и натуральные меха снова лучше синтетических, и парное молочко, и месяц в деревне, и Болдинская осень, и Псковская область, и вся страна, где Родина и осень, — это то, что вызывает сладкое чувство тепла и покоя, что бы там ни было за окном.

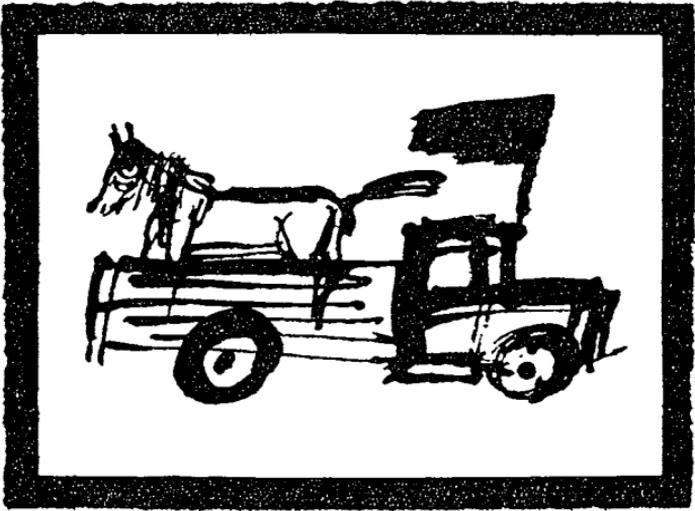

Итого

Итого: справки, фотографии, протоколы, полисы, старые учебники, запыленная лампа и письменный стол. С трудом добытая тишина и сильные настольные часы с беспорядочным боем. Бутылки, бутылки, баночки. В пачке писем слова: «Получил твое письмо, спешу ответить, у меня ничего интересного...» И аптечка уже не домашняя, а районная. Фонарик с севшими батареями, два одеяла, термос, не удерживающий, стираные полиэтиленовые пакеты, нейлоновая безрукавка, навсегда завязанный галстук, пластиковые носки, мухобойка, два заграничных флакона, анкеты, типовая биография, часы «Победа», банка консервов с истекшим сроком действия, пачки фотографий и рецепты, рецепты, рецепты...

Мысли

Одиночество — это не тогда, когда вы ночью просыпаетесь от страха, хотя это тоже одиночество.

Одиночество — это не тогда, когда вы возвращаетесь домой и все лежит, как было брошено год назад, хотя это тоже одиночество. Одиночество — это не телевизор, приемник и чайник, включенные сразу для ощущения жизни и чьих-то голосов, хотя это праздничное одиночество.

Это даже не постель у знакомых, суп у друзей, хотя это тоже... Это поправимо, хотя и безнадежно.

Настоящее одиночество наступает постепенно, и вот уже надо объяснять слова: «А ты... А ты!.. А ты!..»

Сидишь дома, кажется, что все по домам сидят.

Выходишь на улицу, кажется, что все вышли.

Попадаешь на вокзал, думаешь, что все едут.

В больницу — впечатление, все болеют.

На кладбище — все умирают.

Много нас, много.

Не забыть бы кого окончательно.

Общий порядок

Обыкновенное времяпрепровождение нашего человека — смотреть, как бы чего не свистнули, другие — наоборот, и оба заняты. Половина пассажиров следит за тем, чтобы другая половина брала билеты в трамвае, и первая половина уже не берет: она на службе. Таким образом, едет по билетам только половина народа. Так же как половина населения следит за тем, чтобы вторая половина брала в порядке очереди,

и сама, естественно, или, как говорят, разумеется, берет вне очереди, из которой тоже образуется очередь, параллельная первой. И те, кто стоял в живой очереди, зорко наблюдают за порядком получения в очереди, которая вне очереди, чем и достигается вот эта прославленная всеобщая тишина.

Кому как, а нам нравится

Тут кто-то приезжал к кому-то ниоткуда, чуть ли не из Каменец-Подольска, и нахально заявил: «Неинтересно живете!» И так быстро уехал, что я ему не успел возразить. Видимо, торопился отъехать от места, где сказал.

Мы сейчас очень интересно живем. Очень интересно существуем. Слегка подспудно, но увлекательно. Ни черта постороннему не понять. Так молодой ученый, полный сил, бегаёт по поверхности, по корке застывшей лавы, и кажется она ему холодной и неподвижной. Ой, не бегай, кандидат!

Молчаливые — верно. Глаза возбужденно не блещут — верно. Зубы в улыбке редко показываем — возможно... Пальчиком никого не тронем ласково — точно. Веселое, милое, пожилое лицо часто попадаться на улице перестало. Все верно на сейчас, все правильно на эту минуту. Ибо все внутри под покровом личины. Наконец воспитали в себе сдержанность. Как она к нам из Англии — неизвестно, но перешла.

Инфаркты были реже раньше, сейчас стали чаще намного от сдержанности. Где хохочут отчаянно, в зале сидит один из министров. Лопаётся внутри, все понимает — наружу ни струйкой не прорвется, не выдаёт себя. Затаился бельчонок, замонотонил себя под пейзаж. Интересный феномен.

Так же точно: пьян широко внутри, то есть любой нормальный упал бы давно раньше, слюной бы весь путь обозначил — этот снаружи недвижим, и, если слова из него не выдавишь, ощущение вековой твердости и надежности, возникнув, вдруг не пропадает. И он на пути к инфаркту от сдержанности, ибо алкоголь сердце выдерживает. Сердце не выдерживает преодоления

алкоголя, как и преодоления юмора, преодоления разума, чтоб утром к людям выйти и обратиться. Если б не такой немного неожиданный исход, может, наружная неподвижность внутрь пошла — ан нет. Внутри смеемся, любим, все правильно оцениваем, хоть на вид замкнутые, как кастрюли, где что-то кипит. И врачи сейчас правильно лечат следствие, ибо причину должен лечить горисполком, чем он и занимается, очень интенсивно понимая.

Кто так дружить, как мы, начал не так давно? Всю работу дружить отчаянно стали, все, что по закону положено, — по дружбе получаем. Не на друга и надеяться нечего. И не сделает и не потребуешь, если не дружишь до одурения с незнакомым толстым человеком, если не наглотаешься его испорченного выдоха, не нацелуешься с ним взасос и не привыкнешь попадать своим слабым ртом в его сильный мужской, разгребая бороду и ища там после обеда. Если б каждый из нас по работе столько женщин перецеловал в поисках запчасти для государственного комбайна, — снаружи выглядело бы всенародным развратом и большим государственным гуляньем.

А все еще слышны выкрики шепотом: «Неинтересно мне, мама, мнения моего никто не спрашивает». И правильно не спрашивает, дают тебе его менять внутри три раза в день без риска быть освистанным публикой. Есть места, где всегда спрашивают, но тремя слоями выше, откуда ситуация видна глобально, а не отсюда, где небо кажется точкой. Вот и стимул для карьеры. Вот и ползи вверх по скользкой вертикали, тебя смывают, ты ползи, тяни кверху хоботок инициативы, благодари за помои, убеди упорством. Только пусть помнят те, кто встретит наверху, — качества, необходимые для пробивания карьеры, противоположны качествам для удержания ее. Здесь, внизу, — здравоохранение, там — экономика. Вот тебе и «неинтересно живем». Вот тебе и «скучно мне, мама».

Наша жизнь очень требует своего внутреннего наблюдателя, терпеливого не по годам. Да, все так, и ландшафт ровный и дали пустынные, и придет умный человек, раскопает, разбередит, глядь — там глаз блеснул, здесь хвост исчез. Есть жизнь, есть!

Простите меня

Я так рад, что своей жизнью подтверждаю чью-то теорию.

Прохожий

И какая-то такая с детства боязнь огорчить окружающих. Двадцать километров пешком, чтобы не спрашивать. Огромные попытки самолечения, чтоб не вызывать, громкий храп, чтоб не свидетельствовать. Обидно огорчать столько людей чем попало, самой жизнью своей. Близких — мы уже как-то привыкли. Это обычно... Вернее... Хотя... тоже... Но все-таки нет. А вот дальних, то есть совершенно незнакомых, за что? Он же ни в чем. Вернее... Хотя, может... Так сомневаешься — рассказывать, не рассказывать. Тут... вряд ли что исправишь... Я и не для того, чтобы исправить... но душу облегчить себе... вернее... да, себе.

Сейчас каждый рвется высказаться и слушать некому. Встречаются двое, перебивая друг друга, вываливают и расходятся как бы облегченные. Слушать все это внимательно невозможно... А может... не стоит... хотя... чтобы облегчить, надо выслушать. А я не могу просто слушать... я вхожу в его положение... А выбраться оттуда... А он уже ушел...

Почему слушающий засыпает, а говорящий нет? Примеры мелкие, но для меня это жизнь.

Бог меня не наградил интересной работой. Вообще никакой... то есть хожу туда... страшнее нет, чем ничего не делать. Я понимаю, чтоб мы не хулиганили на улице, нас надо где-то держать, и вот это назвали КБ, и мы притворяемся конструкторами, бухгалтерами, а один притворяется заведующим, и даже, если появилась работа, мы загораемся, наваливаемся, придумываем, и это никому не нужно. Еще раз навалились, придумали — опять никому не нужно.

В колхоз поехали. Помидоры с криком, скандалом собрали — до сих пор лежат. Когда результат не нужен, трудно процесс сделать захватывающим, и люди меняются. Невозможно поймать чьи-либо глаза. Недовольный зарплатой не может поднять глаз. За что ему увеличивать? Он же сам придумал причину. Стыда уже нет, и нет достоинства, и начальник решительный,

деловой, и ему рассказать нечего, кроме заграничной поездки.

Кто-то строит дорогу, ведет газ. Я думаю, вы их отличаете, потому что главное в мужской жизни — дело. Чтобы он не стал слезливым и женственным. И это не безработица. Это сущая безделица. Каламбур... вернее... ну какая же это шутка?.. Так, чушь... Если моя жизнь вызывает улыбки... я рад... Берите ее в качестве сюжета, эпизода или хотя бы шутки... Я уже давно ищу ей какое-то применение.

Мы так привыкли делать то, что никому не нужно, что, когда это кому-то понадобилось, оно все равно не работало... Такие мы неудачники... Хотя многие завидуют.

Таким образом, в жизни осталось две трети, где я сам — работа для других... Представляю, как это увлекательно...

Не хотел я огорчать своим появлением товарища, ведущего такси, когда, сев к нему в салон, сказал, куда мне. Он попросил выйти и сказать. Я вышел и сказал. Он попросил забрать чемодан и сказать. Я забрал чемодан и сказал. Это не было в другом городе. Это было здесь. Он огорчился и не хотел. А я ведь там живу. Ну, невыгодный район, но я ведь там живу. Я показал паспорт с пропиской, и он мне показал документы, и по документам мы должны были ехать в разные стороны. Мне кричат — ты был прав, он был должен... Конечно... Хотя... тут действительно...

Мы уже столько лет предъявляем свои смешные претензии. Кто должен? Что его вынуждает меня везти? Если бы он меня просил. Это же я их прошу — отвезите, отпустите, продайте, их же мои деньги не интересуют. Он ничего от меня не хочет, а я его останавливаю, чего-то кричу, прошу ехать со мной... И уже столько лет мы кричим, а они едут, что я в восторге от незыблемости, от ощущения огромной прочности, которая вселяет надежду, что жить можно припеваючи, если проникнуть, понять и ехать туда, куда он едет, и быть голодным, когда столовая открыта, и в очереди учить английский, в приемной вязать, на работе готовить наживку, утром ужинать, вечером делать зарядку, чтоб попасть в систему...

Мы же должны когда-нибудь встретиться.

Теперь она... Мне действительно нужны были штаны этого размера. Я же не шутил или там издевался...

но штаны мне нужны... как же без них... вернее... хотя... Нет, все равно тяжело. Я ей показал сантиметр. Ну действительно сорок восьмой, третий рост. И такой размер у миллионов, а штанов было сто. Она мне показала документы, и по документам я без штанов, совершенно официально ушел домой. Я хочу объясниться, чтоб меня правильно поняли наверху: штанов много, их очень много, в случае катастрофы их хватит на всех... Просто нет тех, что подходят...

Я опять хочу, чтобы меня правильно поняли наверху: такой размер, какой мне нужен, тоже есть, только нет тех, что подходят. Это буквально незначительный процент от всего огромного процента, что есть, и я ношу те, что не подходят, и с удовольствием. Они приятны тем, что внутри них можно двигаться какое-то время, пока тронутся они, и в карманы, не искажая формы, помещается до двух килограммов картошки... И я доволен, если б... не женщины у нас на работе. Я одинок... Мне, чтоб подойти к даме, столько нужно преодолеть... а в тех штанах... они такой тон вызывают у них, что я уже не приподнимаюсь, нужно, чтоб кто-то поговорил с женщинами, это они толкают мужчин, чтоб... очень по размеру или по фигуре... Но чтоб одеть по цвету и размеру, надо сразу жить нечестно. И пусть не притворяются, что они этого не понимают... и нужно с ними поговорить... они хотят красоты. И тут... хотя надо... Это же... Но все-таки... честность прежде... хотя тоже неизвестно почему... но ведь... может быть, это не должно так противостоять, с ними нужно поговорить... хотя можно и не говорить. Может, они правы. Извините.

Пока меня не настигают сомнения, я могу что-то сказать, потом, как нахлынут, — и там, и там, и все правы... Я бы не мог командовать людьми... этих освободить, тех посадить, потом тех посадить, этих освободить. Я как-то не хочу вмешиваться в чужие жизни, я хочу прожить не огорчая других; честно это или нечестно, порядочно или нет — не мне судить. Но уж если живешь, то и лечиться надо. Ну я же не знал, что, входя к ней в кабинет, нельзя дверь широко открывать. Она сразу сказала: «Почему они все за вами?..» Я сказал: «Как же... действительно... что за черт». Она сказала: «Я же только до двух, что, в регистратуре не соображают?» Я сказал: «Действительно... что же это... черт... как же?..» — «Ну я приму еще

троих, а куда денутся остальные? А?..» — Я сказал: «Действительно... черт... ну, как же... что же... вот черт... да...» — «А почему они все ко мне? У нее же меньше людей!» Я сказал: «Ну да... черт... действительно...» — «Это где же вас так лечили? Это же безграмотно». Я кивнул. — «Вам что, прогревали?» Я кивнул. «Ни в коем случае. Чем же вас теперь спасти? Поднимите рубаху! Боже, опустите быстрее. Я буду звонить. Они начали, пусть они доведут до конца!»

Она долго звонила. Они долго боролись, чтоб меня не лечить, но отбиться нам не удалось, и она меня лечит.

Я все-таки хочу, чтоб меня правильно поняли наверху — она права. Они же действительно меня безграмотно лечили, а потом направили к ней, потому что она хороший врач... Но ведь и у плохих кто-то должен лечиться. Пусть и выкручиваются. А я бы сдох у них на столе. Вот бы они затащивали. У врача, который меня лечил, на руке была татуировка «не забуду мать родную!», и говорил он «это наш гламный терапевт». А чем его наказать, кроме как умереть у него на столе?.. Сколько нас должно у него умереть, чтоб он перестал поступать в медицинский институт? А прокурор правильно кричал — вам только позволь, и вы помчитесь к хорошему врачу, и он заживет как барин, и дом его будет выделяться богатством и огнями, и станет он жить не нашей жизнью, а это еще хуже, чем хорошо лечить. Так что давай оставим пока так, как есть. Очень тяжело менять, ничего не меняя, но мы будем...

Вот так я и живу, огорчая незнакомых. И документы у меня огорчительные, там что-то невнятное — техотдел, сектор. Ни пройти, ни выйти как следует, и уж точно никуда не войти. Какой-то постовой сказал, что проверяет всех подряд, ищет ректора — медика для дочери. Мой документ его взвинтил. И я тихо продвигаюсь к завершению, огорчая и расстраивая. И думаю... ну, думаю же... Чтобы выиграть сражение, надо спасти раненых, нельзя их бросать, иначе здоровые, видя свои перспективы, не выйдут из окопов, жить все-таки хочется.

Кто захочет стареть, видя предрассветную очередь пенсионеров? Кто захочет быть мамой и, не переводя дыхания, бабушкой без вида на отдых в

самом конце? И никто не захочет умирать, видя, какие дикие хлопоты он развернет перед родными, где горе расставания меркнет перед радостью окончания работ. И пусть меня правильно поймут наверху — путь к веселью трагичен, но мы его прошли. Вот и будем бегать, чтоб не появляться в поликлиниках, будем придумывать себе работу, чтоб у делового верха был достойный низ. Будем меньше есть, чтоб не торчать в ресторанах. И, предвидя борьбу за места на кладбище, будем жить и жить вечно, сверкая препятствиями и трудностями, переделанными в шутки и куплеты. Ухожу, пока меня не одолели сомнения и правильно понимают наверху.

Мы впереди

Мы добились колоссальных успехов в потреблении ряда товаров первой необходимости. Это было непросто, но теперь мы впереди всех в этой важной области.

Мы также впереди всех по посещаемости общественного транспорта, по готовности употребить любой продукт.

Наши возможности в готовности принять любое количество туалетной бумаги — безграничны. Рост потребления этой бумаги парадоксально опережает рост потребления продуктов.

Емкости для сбрасывания любых количеств дефицитных товаров огромны. Сложность точного определения, какой товар дефицитен сегодня, какой завтра, образует неограниченные возможности для сбрасывания вниз, что тут же расфасовывается, растаскивается и дает возможность снова сбрасывать туда же.

Выражение лиц населения свидетельствует о наличии самых неожиданных предметов в самых неожиданных местах. Отправляясь в другой город на два дня, командировочный берет трехдневный запас продуктов, мыло, питьевую воду, лекарство, стиральные порошки. Промахи торгующих органов население восполняет само, таким образом, стерлась разница между товарными и пассажирскими поездами.

К мелким просчетам жители приспособились давно, откладывая запасы непосредственно в организм, о

чем свидетельствует размер талии, бедер, делающий фигуры мужчин и женщин после пятидесяти практически одинаковыми.

Броня моя!

Я хочу купить, как во время войны, танк на средства артиста, но пользоваться самому какое-то время.

Приятно, наверное, внезапно появиться в ЖЭКе и попросить заменить пол на кухне, не выходя из машины. Хорошо въехать в базар и через щель спросить: «Скоко, скоко? Одно кило или весь мешок?»

Хорошо еще иметь приятеля на вертолете, чтоб летел чуть впереди, и пару друзей с автоматами, чтоб бежали чуть сзади.

Так можно разъезжать по городам. Ночевать где захочется.

В поликлинике насчет больничного листа осведомиться. Зайти к главному потолковать, пока друзья под дверью расположились.

Очень хорошо, если кто-то ругается. Продавщица, допустим, так орет, что в машине слышно, и ребята сзади аж спотыкаются. Это очень удачно — подъехать к лотку, въехать прямо на тротуар и спросить: «Из-за чего, собственно? Почему бы не жить в мире и спокойствии?» И на ее крик: «Это кто здесь такой умный?» — «Я!!!» И подъехать поближе, громыкая и постреливая вверх совершенно холостыми, то есть очень одинокими, зарядами.

Вот и очередь у гастронома врассыпную. «А чем, собственно, приторговываете, из-за чего, собственно, жалобы? Может, обвес, обсчет, обмер? Ну-ка, взвесьте-ка мне и сюда, в дырочку, положите».

А трамвай сзади тихо стоит, не трезвонит, частнички дорогу не переезжают, хотя и мы на красный ни ногой, ни траком, то есть кончик ствола у светофора замер и только на желтый взревело.

Конечно, это уже не бумажные фельетоны, тут, если сосредоточиться на ком-то, его можно все-таки устранить вместе даже с окружающими или по крайней мере обратить внимание общественности. Что, мол, откуда эта стрельба, дым и дикие крики? А там как раз обрацают внимание общественности на скверные

ступени, то есть тот дикий случай, когда перила дают движение вниз, а именно лестница его задерживает.

Или — где тянут со строительством, просто подъехать и спросить. Но, чтоб он через задний ход не сбежал, друзья должны его оттуда вернуть и подвести к стенке, где графики. Пусть с указкой объяснит. Также с перебоями в молоке. Попросить председателя встретиться с начальником и пригласить к стенке с обязательствами.

Потом, насчет очков? Их нет или они есть? Или есть, или нет? Не в очках дело! Пусть четко скажут — они есть, или их нет. Лекарства выписывать те, что есть, или те, что лечат, и чем они отличаются. Я не думаю, чтоб они длинно говорили. Да и просто легче кого-то посадить на поезд, в степи встретить и посадить. Билетов все равно нет, а места все равно есть.

Да, господа, имея такой аппарат, нетрудно весь художественный совет пригласить к себе по поводу принятия этого монолога. Если кто против, спросить, сидя на башне и хлебая из котелка:

«Почему, собственно?» Не просто ему не понравилось и мы не играем, а спросить: «Почему, собственно?» Мы можем даже вместе выйти на сцену: один читает произведение, а другой тут же объясняет, почему этого не надо делать, и — кто больше соберет народу. Пусть эти ребята тоже дают прибыль.

Да мало ли куда можно подъехать справиться, как там идут дела. Но тут же, не по телефону, тут, как никогда, важен личный приезд. И устроить прибытие скорого танка по вызову. Это вам уже не группа психологов, которая успокаивает под девизом «То ли еще будет!». Это мы, конкретные ребята, мотовзвод огнестрельного сочувствия. И чтоб прошел слух, что врать нам стало небезопасно, что из-за неизвестного жильца может приехать Я с друзьями, и наша броня также глуха, и пусть у него хоть на какое-то время отнимется его вранье, которое ему кажется умением разговаривать с людьми, пусть оно больше не вырабатывается его председательской железой, пусть он не учит нас, ибо результатов у него никаких, а ждать, что он сам поймет, уже невозможно...

«Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди...».

Мы природу бережем

А что, по-моему, мы природу бережем, как никогда. Меха есть? Нет. Кожа есть? Нет. Замша есть? Шкуры, шерсть, бумага?.. Бережем для будущих поколений. Уже приступили. Нехай флора радуется, пусть эта вся фауна бегаёт, пузом трясёт, лоси ляжками мелькают, наши «Жигули» несчастные давят, соболя нехай скачут, веселятся, овцы-зануды с гор подмигивают. Бараны тупые нехай скачут, плодятся, с изюбрами совокупаются. Овцороги, козлотуры, дубины патлатые, с белыми медведями целые острова захватывают. Ничего, мы ещё потерпим. Мы вокруг сидим, ножички об камешек, об абразивчик — вжик. Пусть плодятся, пусть от своего рева с ума сходят — померзнем, ничего, штаны подтянем. Чем меньше ешь, тем оно тучнее будет. Фрукту от себя бережем, козлам даём нагуляться. Как они только все места займут, их численность превысит нашу втрое, так налетим и по сигналу — кто сколько схватит. Распотрошим, сожрем. Все, что в козле, — внутрь, что на козле, — на себя, включая рога, глаза и суставы... По четыре изюбра и три тополя на душу. Участникам войны — по шесть.

Пусть он пока радуется, тройку-пятерку лет ещё поскачет, жир нагуляет. Мы ему все припомним, все сосиски нейлоновые...

Старших и ведущих инженеров...

Старших и ведущих инженеров послали в колхоз перебирать кукурузу. Из кучи початков они выбирали не сгнившие, очищали и перебрасывали через себя в направлении города. Перебирать вторую кучу прислали ученых. Они перебирали и перебрасывали через себя. Как только пошла гнить куча номер три, прислали врачей. Группа врачей перебирала и перебрасывала к городу через себя. Последнюю небольшую кучу у самого города перебирали учителя. Так была решена

проблема транспортировки, хранения, а также осторожно и тактично намекнули: кончится кукуруза — кончится и интеллигенция.

Написали колхозники в газету

Написали колхозники в газету: недостаточно еще порой вежлив председатель. В райком за тридцать километров пешком ходим — не совсем еще интеллигентен председатель. Иногда еще позволяет себе грубое словцо.

В Москву на попутных ездили в гололед — может обидеть иногда председатель кого-нибудь.

В ногах валялись в редакции, просили помочь — недостаточно еще сдержан. Все-таки кое-где иногда грубит.

В приемной сутки сидели не евши, просили, плакали, рвали на себе рубахи — нет еще в нем тонкости, воспитанности, так характерной для руководителя.

Если случается иногда сделать замечание кому-нибудь, тот сутки голосит в хате, клянется повеситься.

Все-таки стоит учесть пожелания коллектива молодому председателю и не доводить подчиненных до таких обид, и тогда они будут работать еще лучше и еще большей благодарностью будут гореть их глаза.

Конечно, успехи медицины огромны

Десяткам тысяч возвращено зрение, миллионам возвращен слух. Правда, с появлением зрения возникают новые проблемы: квартира — ремонта, изображение в зеркале требует замены.

С возвращением слуха слышны крики в трамвае и юмор, комментарии по телевидению международной жизни.

Массу людей вылечили от болезней желудка. Им нельзя было есть жирное. Теперь можно есть все. Все, что есть, можно есть. То есть появление новых

лекарств и исчезновение старых продуктов образует взаимозаменяемые пары.

Обильная пища вызывает склероз сосудов.

Ограниченная — вспыльчивость.

Сидение — гипотонию.

Стояние — тромбоз вен.

Что с человеком ни делай, он упорно ползет на кладбище...

Обед

Двое: Большой начальник и Младший научный сотрудник.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, вы пейте... И вот что, Василий Алексеевич, я хотел попросить. Вы занимаете такое положение...

Большой начальник. Ты понимаешь. Я такой человек, и все. Вот такой я человек. (*Выпил.*) А ты вот такой человек.

Младший научный сотрудник. Да, Василий Алексеевич, я такой... Вы закусывайте. Вот, съешьте.

Большой начальник. Закусываю, съедаю. Потому что такой я человек. Да. Такой я человек. А ты мне нравишься. Да. Ты мне нравишься. А что, я не прав? Скажи, я не прав?

Младший научный сотрудник. Правы!

Большой начальник. А почему я должен не приходить, почему я должен не есть, не пить, если ты меня приглашаешь? Я должен не есть?

Младший научный сотрудник. Не должны.

Большой начальник. Ты меня не знаешь. Нет, ты меня не знаешь. Я прав.

Младший научный сотрудник. Нет.

Большой начальник. Я не прав?!!

Младший научный сотрудник. Правы!

Большой начальник. Ты меня не знаешь.

Младший научный сотрудник. Вас все знают.

Большой начальник. Никто меня не знает. Вот такой я человек. Запомни. Я знаю, почему ты меня пригласил. Но это неважно.

Младший научный сотрудник. Нет, важно. Я вас пригласил потому, что мне очень приятно. А если мне очень приятно, я делаю невзирая... (Начинает.) Василий Алексеевич...

Большой начальник. Я не верю, что тебе это приятно. Но я знаю, что делаю. Я могу и выгнать.

Младший научный сотрудник. Конечно, можете. Но мне очень приятно.

Большой начальник. А я не верю, что тебе это приятно.

Младший научный сотрудник. Ну, вот... очень приятно.

Большой начальник. Я не верю, но я это делаю. Я такой человек. Вот такой я человек.

Младший научный сотрудник. Неправда, мне очень приятно, Василий Алексеевич.

Большой начальник. Наливай и себе. Не стесняйся.

Младший научный сотрудник. Спасибо. Я налью. (Начинает.) Василий Алексеевич...

Большой начальник. Я бы иначе и не пришел, черта с два я бы пришел. Думаешь, ты один меня приглашаешь? Я от не каждого принимаю. Я человек железный. Если мне кто неприятен, могу ни капли не выпить. А с тобой — нет. Тебя люблю и пью из твоих рук. Ставь стол — я твой. Вот какой я человек. Да. Я такой человек. Вот такой я человек. Да, я именно такой человек.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, помните, я к вам подходил, я вас тогда просил, а вы сказали...

Большой начальник. Каждый, каждый хочет, чтобы я пил в его присутствии. Ты понял: все просят, и каждый просит. Звонят и просят. В коридорах. В кабинете и на улице. Пять минут о погоде — и попросил. Понял? Как жена, как дети — и попросил. Пятьсот звонков с просьбами, триста встреч с просьбами, три бани с унижениями. Вот ты умный, ты интеллигент, что ты будешь делать?

Младший научный сотрудник. Да, Василий Алексеевич.

Большой начальник. Да. Все время один. Потому что все время один и потому один все время. Да. Такой я человек. Такая дружба. Один просит все время, а другой от него прячется. Вот такая друж-

ба. Да, такая дружба. Это охота. Да, это охота. Это охота. Да, а не дружба. Не дружба. И поэтому с друзьями тяжело. Их нет. Все до ордера. Ордер — и открытки на Новый год нет. Нет открытки. Звонка нет. Пока лекарство не понадобится. Да, пока не понадобится лекарство. Да, именно оно. А ты со мной будешь дружить долго. Ты меня будешь долго любить.

Младший научный сотрудник. Ха-ха... (Встревожился.) Я-то конечно. Но у меня же простой вопрос... Василий Алексеевич, у меня прописана...

Большой начальник. Просят, просят. Почему только у меня?.. Потому что такой я человек. Да. Ты знаешь, кого бы я полюбил? Того бы, кто бы у меня бы... ничего бы не попросил бы. Я бы для него бы все сделал бы. Ты видел этих просящих? У них в глазах это все и в руках. Отвратительный народ.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, но я, по-моему...

Большой начальник. Ты тут ни при чем. Да, ты тут ни при чем. Я почему тебя люблю?..

Младший научный сотрудник (с ужасом). Почему?

Большой начальник. Потому что ты у меня ничего не просишь.

Младший научный сотрудник. Дело не в любви. Мы же мужчины. Можно и не любить особенно.

Большой начальник. Нет... Если не люблю, вообще ничего не сделаю, и говорить не могу...

Младший научный сотрудник. Да. Конечно, любить обязательно. Конечно. Это смешно. Это естественно. Поэтому я рад, если вы меня полюбили.

Большой начальник. Да. Но ты это заслужил. За то, что ты ни о чем не просишь никогда. Поэтому я тебя и пригласил за этот очень скромный стол. Очень. Да. Очень. Неказистый.

Младший научный сотрудник. Я пытался... Извините... Три четверти меню вычеркнуто... На остальных стоит «нет». Это домашняя селедка... А вот тут жена... соленью... Я в портфеле принес...

Большой начальник. Ты прав. Очень противный стол. Обидный стол. Незаслуженный. Одни оскорбления на столе. Обиды... Не позволял я себе такого. Давно... Не заслужил. Вот эта канистра с денатуратом...

Младший научный сотрудник. Домашнее, Василий Алексеевич.

Большой начальник. После стирки осталось... Я хотел не один прийти... С человеком. Который решает. Много решает. Сам. Другим не дает, сука! Люблю я его. Но его обидеть рука не подымается... Хорошо, что не взял. Я уж ладно. Я снесу. Мне деваться некуда. Я пришел. Буду жрать это тряпье. Обглаживать эти голыши. Булыжник лизать. А он-то чего виноват? Степан Иванович хотел со мной, сука. Я его еле дверью отсек. Подонок. Его за что?! Чтoб он со мной месяц не разговаривал?.. Ты не желудочник?

Младший научный сотрудник. Да нет. Мне все можно.

Большой начальник. И мне все можно. Поэтому ты сгорел. Что ж ты натворил? Что это за стол? Знал бы, я бы тебя не пригласил. Такой я человек. Да. Ты, я вижу, скоро пойдешь — уйдешь, видимо, отсюда к чертям. Или еще посидишь? Ты, если не можешь, не сиди... А встречу мы перенесем. Да, перенесем. Точно. Вот это да. Мы будем считать, что ее не было. И ты будешь считать. Засчитывать ее не будем. Не засчитаем. Потому что, если мы ее засчитаем, это тебе поражение. Ни дружить со мной, ни любить меня, даже узнавать меня я тебе не позволю. Такое не прощается. А я твердый человек. Да, я такой, очень твердый и именно, да. Точно. Мы эту встречу переносим. Туда, на вторник...

Младший научный сотрудник. На вторник? За что? У меня все решиться должно. А если прямо завтра?

Большой начальник. Нет, ты не готов. Ко вторнику успеешь. Я возьму Степана Иваныча, Гришу, бабья. Попробуем все сначала. И я тебя буду любить. А теперь иди. Ко мне придут.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич...

Большой начальник. Иди, пока я тебя не разлюбил. Закажи еще на двоих и уходи. Только чтобы я тебя простил. Тебе сейчас это главное. А я буду их кормить, чтобы они тебе тоже решали... Попытайся очень быстро уйти...

Младший научный сотрудник. Значит, я могу?..

Большой начальник. Ну, дай тебе бог...

Неужели снова хорошо?

Товарищи! Я саблезубый сатирик-баталист. Я ваш едреный, наждачный профессионал. Скажу сильно: заработок упал. Есть подозрение, что все хорошо. Я сижу и прислушиваюсь, а люди молчат по большому счету или отзываются одобрительно, предварительно оглянувшись. Соль в беседах пропала. За проведенную в полном молчании ночь люди благодарят друг друга. Кто-то в углу на десять копеек вякнул и испугался, девушка на три копейки пискнула и исчезла. Компания за весь вечер на пять рублей — про плохой пошив, ну, может, на шесть, если усмешнить и разбить на мужчину и женщину. Копейки, ребята.

Тут заскочили двое поддавши, еле на ногах, а такие факты. Кто, мол, такие гиганты строит? Перегрузочный комплекс построили, а грузить нечего. И так все зло, остроумно. Такая светлая безвыходность, такая радостная обреченность, что и концовку придумывать не надо. А не дадут. Построить — построят, а написать не дадут. Ты, мол, стройку высмеиваешь, а мы тебе плати. Чего там — плати? Пятьдесят миллионов вбухали, а полтинник на высмеивание жалко. Как ни крутился, на ЖЭК переводил. Дворник велел возвести — стрелочник спустил указ. Копейки, ребята. В трамвае за целый день рубля на два наездил. Тут на углу возле винного одна спросила, как к театру пройти. Ей ответили рублей на десять. Я там оказался, рубликов на пятнадцать записал. Копейки, ребята.

Конечно, есть овощная база, но неудобно там все время ошиваться. Им и так хватает. И ОБХСС, и «Мосфильм», и драматурги. Зритель сладкую жизнь любит, а где кроме как у завбазы? Он самый верхний из нижних, кого трясти можно. Вот возле него народ и притаился с блокнотом, но завбазы уже это знает и опасается открыто сладкую жизнь вести. Завбазы не хочет, чтоб на нем все зарабатывали. Он вообще в жизни встречаться не хочет, только в фильмах. А публика романтику ищет. Публика риск любит, публика от завбазы смелых поступков ждет. Публика вообще смеяться хочет. Публика деньги платит, чтоб на ее гла-

зах все громить, критиковать, публика хочет, чтоб на ее глазах жизнью рисковали, она за это по рублю даст. Сказать, мол, что, елки-палки, в машинах носишься, а культуры никакой. Что, елки-палки, решать берешься, а бог ума не дал.

Собрания перестали прибыль давать. Там редко кто взовьется. Все там на одобрение перешли. О долголетию думают. Бегом от инфаркта, и как можно быстрее, даже если взовьется кто, остальные и к этому одобрительно отнесутся. Вот, мол, и у нас один честный есть. Там пение. Один поет, остальные подхватывают, «позвольте мне», «позвольте мне». Копейки, ребята.

Так и ошиваешься — прачечная, химчистка, урология, управдом. Внутри себя все высмеял. Ногу подвернул — высмеял. Бегом занялся — высмеял. Маленькие деньги высмеял, большие деньги высмеял. Один крикнул: «Позвольте я вас перебью!» «Всех не перебьешь!» — крикнул я. Слабенько. Копейки, ребята.

Сатирик я. Вскрываете, ребята, не дайте подохнуть. Мы, как анатомы, зарабатываем на вскрытии, никто не говорит об устранении, просто подъем настроения и к зиме что-нибудь. Каждый плохо изготовленный трактор сулит два экономических эффекта — от усовершенствования и от высмеивания. В плохую конструкцию уже заложен гонорар. Сообщайте, ребята, не стесняйтесь. Я же вижу, кое-какие замечания есть. Говорите при мне, я усмешню, не называю место, не называю век, и мы прилично завтракаем в тени тех лопухов, что так упорно изводим.

Страдая бессонницей

Страдая бессонницей, он с девяти утра смотрел физзарядку, потом тупо смотрел «А ну-ка, малыши!». Потом тупо смотрел, как анионы усваиваются катионами. Потом тупо смотрел что-то из физики. Потом тупо ел что-то молочное, потом тупо спал. Опять тупо ел. Что-то потом тупо смотрел про мосты, потом про сварку, потом про офицеров запаса и наконец засыпал тупейшим образом, хотя всегда был отличником, медалистом, в уме брал интеграл и купался ночью. От себя он такого прогресса не ожидал, страдая бессонницей и тупо засыпая.

Как жить, чтобы жить...

Размышления, гори они огнем

Первое. Главное — не заболеть. Болезнь поставит вас в тупик. Лекарства, больницы, коридоры. И вам будет не до чтения этих размышлений.

Второе. Стараться сохранить чувство собственного достоинства. Для себя. Оно действительно никому не нужное, это не анекдот. Оно не нужно даже вам. В местах, где надежность человека определяется именно отсутствием собственного достоинства, оно выглядит дико. Как принято говорить, вас никто не поймет, и будут урезать зарплату до тех пор, пока вы не уедете в тайгу. Непонятно, почему это так, не скажу, как преследуется, как изживается. Почему так ценится готовность поддакивать, совсем не свидетельствующая о готовности сделать или даже о попытке посоображать на заданную тему. Сохранить достоинство можно только уходя. Уходя домой. Уходя от телефона. От книги. От газеты. И все-таки. Его надо пытаться сохранить, потому что у многих есть дети.

Третье. Появилось довольно много противозачаточных средств. Ими надо пользоваться. Это предохранит от многого. В частности, от вопросов: «Папа, почему? Учительница в школе, а дети во дворе. Аплодисменты на собрании и шипение на диване. Почему, папа?! Действительно, папа? Что там у тебя, отец? Дети во дворе одинаковые или разные?..» Это что, факт, о котором ухо слышит, а глаз не видит, а потом глаз видит, а ухо об этом ничего не слышит? И что значит вообще — дома одно, а в школе другое, а в жизни третье? И почему ребенок должен говорить с космонавтами по бумажке, как будто они его не поймут или не простят? Или он говорит не для себя и не для них, а для третьих? А всем третьим нужны именно эти слова, свидетельствующие о том, что в порядке среди детей? Отсюда вообще появляется соображение, что все мы участвуем в телепередаче для кого-то. Говорим и играем, и кто-то это оценивает. Сказать, что мы это делаем, можно, сказать, что мы привыкли, — нельзя. Детей стараться не иметь.

Ч е т в е р т о е. Конечно, читать вечерами. Только что читать? Невиданный интерес к книгам. «Королева Марго», «Граф Монте-Кристо». Загадочные убийства, легкая любовь... Трудно рекомендовать тяжелую классическую литературу. Будит мысль, будоражит душу, напоминает о достоинстве, уважении независимости, выводит на улицу с горящими глазами — и тут же ставит в неловкое положение. Джоконда. Производство гения, не говорящее ни о чем, кроме его гениальности, о чем и так широко известно. Музеи, выставки золотых украшений. Положительная черта нашего общества: полное непонимание драгоценностей. Женщина, украшенная бриллиантами, широко исчезла с улиц и площадей. Выставка мод напоминает чарующий сон. Вечерние туалеты зовут куда-то, куда не войдешь в пальто и ушанке, а у нас как-то вечерняя одежда от дневной не особенно отличается. В общем, вкус к драгоценностям утрачен, и не надо беречь. Украшением женщины стал парик, серьги, обручальное кольцо и плащ. Мужчины этим всем восторгаются, так как понимают трудности и так далее. Именно ввиду этих трудностей женщины делятся просто на молодых и старых. Встречаются особи, под чьим-либо давлением сшившие себе вечерние туалеты по силуэтам Дома моделей. Но ввиду того, что в этом туалете не пойдешь в ЖЭК, в магазин, в театр, в клуб, не сядешь в такси, в туалете приходится сидеть дома. А это неудобно физически.

П я т о е. Не знаю, что посоветовать насчет телевидения. Его, конечно, надо иметь. Ну, бывает же у нас справочник, в который надо заглядывать. Если при включении в вас снизу вверх ничего не пошло, если вы не скорчились на кровати, смотрите дальше. Все, что там показывают, полезно, и хорошее и скучное — полезно, как полезна зубная боль. Она вам показывает — вот здесь, вот здесь. Если бы вы посмотрели, какая масса людей делает эти передачи, какая масса их просматривает, вы бы еще больше оценили пользу от ТВ. Оно четко и железно показывает, насколько один человек талантливее коллектива... Особенно мужчины-дикторы. О чем они думают? Ладно, быт заедает каждого.

Ш е с т о е. Выражение «у каждого свои неприятности» сейчас теряет силу. Ибо они какие-то общие. Как сердечно-сосудистые заболевания. Разница в причинах, положивших вас в отделение, незначительная — НТР,

ИТР, ДНК, СНС. Короче, общение. Стараться не общаться. Поменьше выходить на улицу, невзирая на риск удлинения контактов с телевидением. Накаленность возникает не от людей, но прорывается на людей. Затрагиваются вопросы интеллигентности, внешности. Прекрасно понимая, что не эти причины горячат, дискутирующие накаляются все больше и уже в лицо одному человеку в очках и шляпе выплескивается все, о чем мечталось жаркими ночами. Сознание его невинности только подхлестывает. В таких случаях не обязательно сидеть дома. Практикуется выезд в степь, выезд на плотках, подъем к чертовой матери в места зарождения ледников. Оббеги родных кварталов. Хотя от себя не убежишь, но от коллектива можно. Плохо, что шесть-восемь одиночек на плоту снова приобретают все качества коллектива, то есть невозможность индивидуальных действий, коллективные решения и так далее. Тем не менее родная природа. Подчеркиваю, родная — одно из трех физических удовольствий. Остальные два совсем гусарские. Находятся желающие объединить все три. Я бы посоветовал пользоваться каждым в отдельности. Лучше смакуется и втрое дольше тянется.

С е д ь м о е. Что такое жить напряженной духовной жизнью? Трудно сказать. То ли изучать труды древних греков, расшифровывать надписи на скалах или в лаборатории — над новой тканью или порохом. А если даже нейтроны, протоны? Это называется духовной жизнью? Может быть, шахматы. Или уединение, самосовершенствование. Жажду встретить человека со следами напряженной духовной жизни на лице. О местонахождении прошу сообщить.

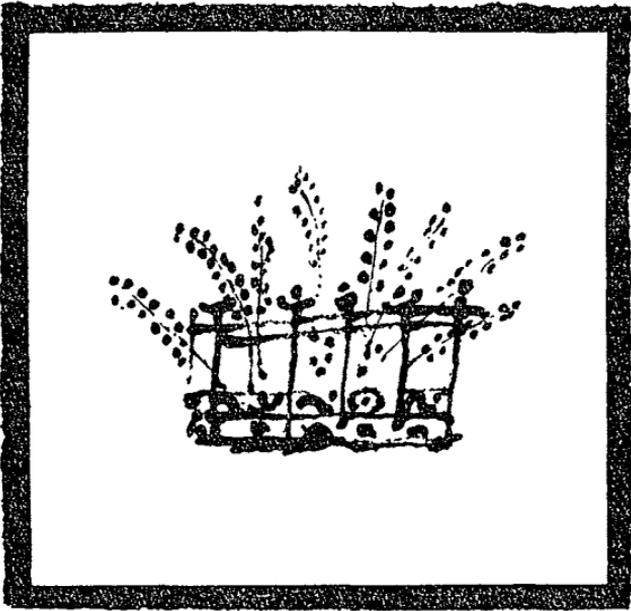
В о с ь м о е. Укреплять ли здоровье, чтобы дольше жить? Вопрос интересный. Бегать от одного, другого, третьего — так сказать, от всего... Очень долго жить тоже не всегда приятно. Есть как-то установленный государством предел, средний опубликованный. Стоит подумать об обремененных родственниках, ЖЭК ждет. Интерес к долгожителям гораздо выше заботы о них. Всем любопытно, когда они родились, и никого не интересует, где и почему они, невзирая на всеобщее внимание... Лучше повести дело так, чтобы вместе со всеми. Из-за чего-нибудь по службе или еще красивее — от взрыва на нефтеперегонном заводе.

Д е в я т о е. Можно уйти из жизни раньше и безболезненной. На фоне общей борьбы за качество приятна

одинокая фигура, освещенная свечой, рассматривающая свое богатство — эмалированные значки. Все это видится на чердаке или в подвале, так как сияющие глаза требуют уединения. Это не алкоголизм, не случайные связи. Аккуратно, морально, похоже на работу в саду. Сборы марок, пластинок, книг, картин, коньяков требуют денег и вскоре смахивают на спекуляцию, ибо законы частного рынка жутко вторгаются в государственную сферу, когда вариант — цена рубль, но товара нет, уступает варианту — цена десять, но товар есть. Не знаю, как для экономики в целом, для частного лица наличие товара главнее наличия денег, ибо деньги нельзя есть и надевать на ноги. Но это частное наблюдение. Покупать картины у художников бессмысленно: неизвестно, что будет с вами, что будет с художником, что будет с квартирой. И вообще, картины плохо выглядят в малогабаритных квартирах, отсюда полное исчезновение меценатов, отсюда полное одичание художников, имеющих вид святых. В театр можно не ходить. Считается, что искусство ставит вопросы, а не отвечает на них. Современный театр ставит вопрос, так погружая его вглубь старой пьесы, что ухватить за кончик может только специально подготовленный, тренированный человек, свободно читающий и говорящий между строк. Это, как правило, артист того же театра — самый благодарный зритель.

И в-д-е-с-я-т-ы-х. Все хорошо! Еда есть. Одежда. Тепло зимой и жарко летом. Черное море и небо. Песни, женщины, которые прекрасно живут, и озабочены, и устраивают детей, и борются с мужьями. Есть кино, есть работа, есть люди, которые живут теми же заботами, и гомонят, как чайки, вокруг нас, так какого же вам черта читать все это, когда бьют часы и пора куда-то?!

1984

Такая любовь

О н. Понимаешь, я так рад, что ты приехала.

О н а. И я так рада.

О н. Мне с тобой очень хорошо. Понимаешь?

О н а. Да. И мне с тобой. Я тоже так рада.

О н. Понимаешь, это какое-то особое чувство. Такая радость. И вот уже прошло минут пятнадцать, а радость есть. Я в себе с удовольствием это чувствую. Мне в последнее время очень редко приходилось испытывать такое. Вот и сейчас даже как-то спокойней стало, тверже.

О н а. А я сразу даже не очень обрадовалась по сравнению с тем, что чувствую сейчас. Я очень соскучилась по тебе. И даже сейчас — вижу и скучаю, и все время хочется разговаривать с тобой.

О н. Это потому, что ты мне очень нравишься. Для последнего времени это очень редкий случай. Уже года два, как мне никто не нравился. И вот ты. Это очень здорово, правда?

О н а. Ну конечно. Скажи мне что-нибудь. Неужели ты так обрадовался, увидя меня?

О н. Очень. Ты не представляешь. Чтоб ты поняла. Вот бывает, когда долго нет чего-нибудь и вдруг есть, и все побежали. И даже не так. Я смотрю на тебя с таким удовольствием. И очень приятно взять тебя за руку. Правда?

О н а. Очень. Ага. Я когда тебя увидела, я только тогда поняла, как я соскучилась.

О н. Ага.

О н а. Точно. Правда, правда.

О н. Я верю. Честное слово. Хочешь, я поклянусь?

О н а. В чем?

О н. Ну, что верю тебе.

О н а. А я тебе тоже поклянусь.

О н. Это очень интересно. Потому, сколько бы мы ни виделись, все равно это как озарение, правда?

О н а. Ага.

О н. Конечно. И я вижу твою радость.

О н а. А это видно?

О н. Конечно.

Она молчит.

Я тебя перебыю, мне тоже очень хорошо. Тут важно само твое присутствие, понимаешь? Уже не важно, что мы говорим, важно, что каждый чувствует.

О н а. Да, да, да, точно. Я вот все время думаю об этом, как хорошо, что мы увиделись.

О н. Главное, что ты приехала, остальное неважно.

О н а. Конечно.

О н. Я тебя очень ждал. Когда ждешь, это такое чувство...

О н а. Конечно.

О н. Что я очень рад.

О н а. Ага. Тут ведь действительно важен приезд. И я, когда ехала, очень волновалась.

О н. Конечно. Но сейчас ты очень рада.

О н а. Тут даже не радость... Тут такое... Тут что-то очень приятное, столько хорошего. Тут есть и немножко счастья, и немножко радости, и немножко даже, знаешь, удовлетворения.

О н. Конечно. А у меня еще чуть-чуть гордости.

О н а. Вот-вот.

О н. Точно, точно, что ко мне приехали. Это удивительно как здорово. Это настоящее, правда?

О н а. Конечно. Тут много и другого, нового, неожиданного. Вот сейчас я чувствую, например, слабость. Чуть-чуть, но есть.

О н. Это от радости.

О н а. Конечно.

О н. Вот-вот. Очень это волнующая встреча.

О н а. Да. Без сомнения. Одна из лучших за последние так года три-четыре.

О н. Мне кажется, здесь прозвучало столько чувств, что мы уже не расстанемся.

О н а. Нет, что ты. Это исключено. Куда ж мы в таком состоянии пойдем?

О н. Ко мне.

О н а. Конечно. И вот что я хочу тебе сказать. Когда ты сказал «ко мне», вот только что, знаешь, что я почувствовала?

О н. Большую радость?

О н а. Ну, это само собой. Тут сложная смесь. Тут и облегчение, и гордость, и немножко огорчения, что все так кончится, и что-то новое, типа такого чисто потребительского, — это не обязательно у всех, это у меня. И даже что-то от потрясения. Не само потрясение, понимаешь, а что-то от него, какое-то послезвучие.

О н. И я, когда сказал, вдруг почувствовал что-то вроде знаешь чего?

О н а. Чего?

О н. Ожидания ответа, что ли. Очень интересно. И какое-то такое волнение пробежало, потому что в это время у тебя в глазах ничего не было и мне надо было чем-то заполнить это. Я сказал — и тут чувствую такую радость, такое облегчение. Это удивительно, это что-то очень настоящее, что-то действительно радостное, и даже твой ответ был тут не так важен.

О н а. Конечно. Я так и поняла.

О н. Важно было, что я спросил и ты ответила, и это свидетельствует о таком контакте, что любые слова бессильны перед этим чувством. Мы не должны расстаться.

О н а. А зачем?

О н. Вот-вот. Я даже не подумал. Вот действительно — а зачем? Смотри, как ты просто сказала, и все стало ясно.

О н а. Ага.

О н. Тут вся суть в простоте. В простоте, я думаю, и есть истина и настоящее.

О н а. Ага.

О н. Ну, я тороплюсь.

О н а. Да, да...

О н. До свиданья.

О н а. Ага.

О н. Мы обязательно увидимся.

В Париже

— Неужели я никогда не буду в Париже?

— А вы давно там не были?

— Я никогда там не был.

— То есть давно не были?

— Никогда не был.

— Ну, значит, очень давно.

— Если мне сорок, то примерно столько я там не был.

— Ну, это не так давно.

— Да, сравнительно недавно.

— И уже тянет.

— Да, уже потягивает.

— Но еще можете терпеть?

— Терплю.

— Вы потерпите. Может, и обойдется. Вы где будете терпеть?

— Да здесь, где ж еще.

— Прекрасно. Вот стул. Рекомендую путешествие, но не вдоль, а в глубь материи. Прильните к микроскопу, путешествуйте в атом, и никто вас не задержит. То, что останется над микроскопом, недостойно сожаления. Вы ушли. Перед вами не банальная ширь, не заплеванной горизонт, а невиданная глубь, что гораздо ценнее и чревато открытием. Париж истоптан. Молекула — нет. Ввысь тоже не стоит. Наш ученый, ярко глядящий вверх, имеет вид присевшего журавля.

Идите в клетку. Ищите в атоме. Оттуда — в гены. В генах, кроме всего прочего, ваша тяга к Парижу. Там есть два таких шлица справа, подверните отверткой, вот этой. Генная регулировка. Поворачиваете отвертку. Желания сжимаются, вытягиваются, чернеют и исчезают, оставляя счастливое тело.

Вместе

Да здравствуют лысые, болезненные люди, вселяющие в нас уверенность.

Да здравствуют все, кому нельзя, делающие нашу трапезу праздником.

Да здравствуют желудочки и сердечники, среди которых вы обжора и молотобоец.

Пусть их радует огромная роль фона в нашем обществе.

Вашу руку, ревматики, колитики, гастритчики и невротики! Запретных вещей нет, есть вещи nereкомендованные, которые мы тут же совершим под завистливые вопли осуждения. Больной и здоровый живут одно и то же время, только те силы, что больной тратит на

отдаление, здоровый — на приближение яркого света в конце тоннеля.

Только вместе — together, являя наглядную кривую полноты жизни. От чего к чему, а главное, о том, что между.

Бесквартирные, помогайте цепляться за квартиры.

Неустроенные, вызывайте такой приступ держания за свое место, чтоб его можно было вырвать только с этим местом.

Не соответствующие должности, бездарные в науке и культуре, работайте непрерывно, создавайте материальные ценности, принципиально новые машины и кинофильмы, ставьте спектакли, стройте дома.

На этом синем фоне клочок бумаги с жалкой мыслью будет переписываться миллионами от руки, а появление убогих способностей будет принято за рождение огромного таланта, что даст ощущение счастья всем участникам нашего движения под завистливыми взглядами других народов.

Вперед, широкоплечие, бездарные и симметричные, — ваша взяла.

Диета

Есть прекрасная диета. За неделю — полвеса.

Для начала легко скандалите на работе, высказывая недовольство общей системой производства и не видя выхода. Вас увольняют с плохой характеристикой.

Широкоизвестно изменяете жене, крича: «А как же, конечно!» — не видя выхода. Она от вас уходит. Та, вторая, ждет ребенка, но вы от него отказываетесь, крича в суде: «Конечно. А как же!» Крепко заливааете соседей и ждете их прихода с ответным словом. Пишете письмо о плохой работе своего отделения милиции и подписываетесь полностью. Прорываетесь без очереди к женским сапогам, называя себя инвалидом — отчего им становитесь.

Затеваете ремонт — приходите без материалов, без связей, без очереди и требуете начать ремонт, выкрикивая слово «официально». Вызываете «скорую» и вступаете с врачом в диспут о том, почему их не было полтора часа. Он вам — о зарплате фельдшера, вы ему — о всеобщей медицинской помощи. Он вам — о личной

заинтересованности врача, вы ему — об успехах здравоохранения.

Тут же он вас лечит, и, выкрикивая слово «принципально», вы пробиваете на телевидении этот разговор. Пробиваете, пробиваете, пробиваете и потом опять пробиваете и уже тогда начинаете пробивать там же разговор о продуктах, отталкиваясь от желудочных заболеваний и связывая его со «скорой». Пробиваете, пробиваете, пробиваете, потом еще пробиваете и тогда там же начинаете пробивать вопрос о зарплате; пробиваете, пробиваете, пробиваете и, так и не выбив пропуск у вахтера, чтобы просто подойти к зданию, идете взвешиваться. Отныне вы одеваетесь в «Детском мире», в час пик жена и дети легко переносят вас в трамвай. Вам теперь можно есть все. Вопрос в аппетите.

Такая жизнь кругом!

Такая жизнь кругом, такая жизнь кругом, прям некогда заняться профессией. Ой, как здорово кругом! Вечером драку разнимала: мои друзья подрались, больше некому было и подраться и разнимать. Ее оттягиваю, этот в меня попадает. Его оттягиваю, она в меня попадает. Еле разобрались. Ой, ну прям, ну ой здорово как. У нее синяки. Он весь перекушенный, я вообще под столом валяюсь. Он ее муж. Я ее подруга. Приезжай, кричит, убивают. Я в такси.

Ой! Они помирились, я выздоровела. В ресторане отмечали. Веселились. Оркестр все одну Пугачеву пел, истанцевались прям. Такая жизнь кругом, только сосредоточишься на профессии — звонок, куда-то ехать. Чего-то очередь занимать, чего-то вдруг резко выбросили.

Ой! Юмористы пишут, люди стоят, не знают за чем, а меня еще бабушка учила: видишь очередь — займи, не прогадаешь. Это бабка еще в те времена усекла. Все побежали — беги, не прогадаешь... Тот, что со всеми побежал, ни разу не пожалел, тот, что остался, так и остался. Толпа и давка всегда в курсе. Хорошим слухам не верь, плохим верь всегда. Если пошел слух, что

воду отключат, значит, отключат. Пошел слух, что дом сносить будут, значит, будут, и все тут. Потому что не только слухи от постановлений, но и постановления по слухам принимают. А насчет бабских разговоров — бабские разговоры и есть. Из газет разве узнаешь, где что дают? Только из бабских разговоров. Любую давку растолкаешь, внутрь влезешь — чего говорят, где брали, сколько дают, на что цены повысят? Ох и жизнь кругом кипит. Люблю за людьми следить, как скопились, так я там. Что, где, когда, почему? Совсем некогда заняться профессией. А народ кругом интересный и своеобразный.

На собрании с одинокой сослуживицей так тихо себе разговаривали, вдруг она мне прямо в лицо как запоет: «На битву и доблестный труд...» Я говорю: «Ты что, сдурела?» Оказывается, все запели. Ну и я ей в лицо: «Расправив упрямые плечи...» Она и рухнула.

Такая жизнь кругом, прям балдеешь — фонтан! Очень я люблю эту жизнь, тут все интересно. Материал где-то достали. Жакетку, юбку, куртку — все сшили, этикеток, лейблов попришивали. Идем, красуемся. Все поотбирали — ворованный материал. На суде выступала под аплодисменты.

Такая жизнь кругом.

Колготы порваны, каблука нет. Из такси вытаскивали. Я, мол, без очереди, мне срочно. Водитель меня держит. Я ору. Они тянут, ой, смеяться не могу, нос болит. Кто-то из очереди, чей-то ребенок, похож на грудного, а зубы как у расчески.

Ну жизнь кипит!

Как на работу приду, так звонок. Начальник уже знает — иди с глаз моих. А что я могу сделать, если все время что-то дают? Я ж не для себя. Я на работе всем занимаю. Взяла босоножки — вроде дорого, да и цвет не нравится, и размер не мой. Но я ж за ними занимала, я их меняю с доплатой на куртку. Куртку отдаю со своими джинсами, и марлевка обошлась мне даром. А тут звонят — Тимка из электрички выпал. И трезвый на редкость. Люди видели. Электричка уже тронулась, двери закрылись, он в последнюю секунду влетел, сказал: «Фу! Успел!» Двери открылись, он выпал, электричка дальше пошла. Значит, мы с Ленкой за ним в такси. Ребенок мне в нос вцепился. Потом тут одна семья приехала — дипломаты, помоги багаж разбирать. Так я ж с утра там. Всю квартиру при-

брала. Может, и мне чего достанется, ни минуты продохнуть.

Такая жизнь кругом.

Ночью поднимают. Лети быстрее — Верка с Борькой опять дерутся. Как приедешь, начнем разнимать.

Ну, вот. Мне двадцать пять, а я сплю в метро. На работе не уснешь. Я им такой чай завариваю... Блины пеку, пюре, прямо на столе у себя. Начальник носом поведет: «Это что у тебя, Чередеева? Пельмени, что ли? Дуй в магазин». Ни на что свою работу не променяю.

Они говорят, ты, Чередеева, программист. Я говорю, ну и ладно. А мне чего. В центре, ненормированный... Голубей дурных на подоконнике стала прикармливать и по одному лесочкой — бух и в кастрюлю. Начальник носом поведет: «Чередеева, что у тебя, курица, что ли? Рви в магазин!» Интересно потрясающе.

А тут еще одна наша на этой базе с ума сошла. Всем стала кулак показывать, придирается, платье вырывать. Почему стихи пишете, почему примериваете, почему не работаете? Я ее к психиатру сопровождала. А я там еще и с терапевтом одним соединилась. Ну, говорит, Чередеева, для тебя бюллетеней хоть по два в день. Влюбился. Но женатый. Я его придерживаю. Но, однако, тут на больничном такую очередь отстояла — весь отдел в румынских кроссовках сидит. А в мясном отделе парень мясо рубит и ничего такого не просит. Я прям извелась, может, ему шить чего. Куртку что ли, ветровку, материал от плаща остался. Только змеек длинных нет. А пока весь отдел отбивные ест. Начальник кричит, мы, говорит, Чередеева, от себя тебе доплачивать будем, моим замом переведем, это все равно выгодней, чем если все по магазинам будут бегать. Такая жизнь.

А в конце года выскочишь, господи! Столько очередей! Душа радуется. Народ радостный носится, конфеты, сумки, босоножки. Банки с маслом, крупой, манкой, чаем, гречкой! Я метнулась — а это только надписи. Но все равно, засыпем постепенно. А люди бегают, занимают, перебегают, отмечают, весело так, празднично. Я возвращаюсь к шести, а все наши в окне — чего там? Чередеева, чего там?..

Саша, Саша, Саша

Заводы из-за него дерутся, из-за одного маленького! Саша-Саша! Гений! Слесарь-сборщик! Маленький, кудрявый, веселый. Ко мне — дядя Миша! А из-за него всякие драки! Гений! Чертежи с листа читает, руками металл чувствует, люфты, припуски на ощупь определяет, Саша-Саша-Саша. Ненормально гениальный человек. Любая машина, придуманная в любом КБ за гроши, у него сочленяется, собирает он ее, гад, сволочь! Как? Никто не знает! Как вал вдвое большего диаметра вставляет в это отверстие вдвое меньшего диаметра? Сажает станину посадочным местом, где ни один размер не сходится, и действительно соединяется. Во гад-гений! Те конструктора, что на очень низкой зарплате сидят, все это придумывают, денег не жалеют, чтоб только посмотреть, как ихнее вот это все сочленилось. Все к нему. Он кормилец наш. Если он соберет, то это КБ, КБ вот это и весь завод зарплату получают. Банк денег людям даст на расходы. Хр-тьфу! И зовут его Саша-Саша-Саша! Его и переманить нельзя. Зарабатывает сколько скажет. Все скинемся — ему дадим. Он и выпить может и женщине оказать... Он жене отдает половину заработка. Так та ж и не догадается, потому что его половина — наших три, а тех кабевских восемь. И когда завод в прорыве, а это почти всегда, и надо платить рабочим деньги, с машиносчетной звонят женские голоса — Саша, Саша, пусть Саша придет машину посмотреть. Саша! Он же с пустыми руками туда не идет. Столько на этой станции сердце перебил. И веселый как черт. И пьет — не меняется, что редкость. У него две квартиры — одна своя с женой, другая не своя с бабкой за пятерку, которая только и знает, что собирать на стол и расстилать кровать. А что, и недостатки у него красивые, богатые недостатки. И лет ему тридцать, и объездил он всю страну и кое-что еще, отчего загорелый, мерзавец, всегда!

Там, в медвежьем углу, он налаживает неналаживаемый агрегат, тот стучит и работает. Продукцию еще не дает. Тут не важно, чтоб давал продукцию, важно, чтоб работал, и он работает. И замолкает только на пятый день или даже на шестой, когда подписано, съедено, выпито. А что ты тут сделаешь? Тут одного такого

Саши мало! А других таких нет. Он один может это собрать, у него одного вращающийся рычаг не попадает по станине через раз, не подчиняется закону Ньютона. Ему же главное запустить, подписать, чтоб заплатили тем конструкторам и технологам, чтобы ихние силы поддержать и сообразительность. Ему же их жалко. И директор ему говорит: «Саша-Саша-Саша. Понимаешь, эти же там в Москве говорят, что они хорошо придумали, мы подтверждаем. Мы там говорим, что мы хорошо сделали, они подтверждают. Саша-Саша, наш сверлильно-строгальный агрегат едет на Всемирную выставку передовых идей. Ты будешь возле него столько, сколько будет выставка. Руку от него не отрывай, тебя там кормить будет руководитель поездки ложкой, и звони мне в любое время, потому что ты у меня один, мы все в золотых твоих руках, чтоб тебя — Саша-Саша-Саша...»

Вам не повезло

Вам не повезло. Специалист, который лечит, в отъезде, но есть второй — не хуже.

Лучше договориться лично. Хотя можно и по направлению.

У нас только по пропускам. Хотя можно пройти и так. Лечение стоит дорого, но можно и не платить.

Нянечкам, сестрам обычно платят, но они ухаживают и так.

Поэтому я вам советую подождать специалиста, договориться с нянечкой и заплатить.

Но можно этого и не делать. Если вас не интересует результат.

На складе

---

*Главная мечта нашего человека — попасть на склад.
Внутри базы. В середину.*

Посетитель. Скажите, это склад? Тот самый?
Кладовщик. Да.

Посетитель. Слава богу. Я пока к вам попал.

Ни вывески, ничего. Мне сказали, что здесь все есть. Я не верю, конечно.

Кладовщик. Что вам?

Посетитель. Вот это я могу... вот это что?

Кладовщик. Сколько?

Посетитель. Одну можно?

Кладовщик. Сколько?

Посетитель. Полторы.

Кладовщик. Дальше.

Посетитель. А у вас есть?.. Подождите, а можно с женой? Я мигом. Я только здесь.

Кладовщик. Пропуск на одного.

Посетитель. А позвонить?

Кладовщик. Отсюда нельзя.

Посетитель. А сюда?

Кладовщик. И сюда нельзя. Быстрее. У меня кончается рабочий день.

Посетитель. А завтра?

Кладовщик. Пропуск на сегодня.

Посетитель. А вы мне не поможете?

Кладовщик. Я не знаю, что вам нужно.

Посетитель. Ну, что мне нужно, ну, что мне нужно? Мне нужно... Ой, ой... ой, ну, что мне нужно, господи? А что у вас есть?

Кладовщик. Что вам нужно?

Посетитель. Ну, что мне нужно?.. Ну, лекарства какие-нибудь.

Кладовщик. Какие?

Посетитель. А какие у вас есть?

Кладовщик. А какие вам нужно?

Посетитель. Ну... *(всхлип)* пирамидон.

Кладовщик. Сколько?

Посетитель. Да что пирамидон! Ну, что вы, в самом деле? Мне нужно... Ой... Ну, что пирамидон... Ну, пирамидон тоже... Ой...

Кладовщик. Сколько?

Посетитель. Ну, десять... Что я с пирамидоном?..

Кладовщик. Восемь?

Посетитель. Да. Десять, десять.

Кладовщик. Пожалуйста.

Посетитель. Пятнадцать.

Кладовщик. Пожалуйста.

Посетитель. А можно еще две?

Кладовщик. Можно.

Посетитель. И еще одну.
Кладовщик. Хорошо. Дальше.
Посетитель. А что у вас есть?
Кладовщик. Что вам нужно?
Посетитель. Что мне нужно? Что вы пристали?
Мне сказали — в порядке исключения для поощрения.
Кладовщик. Так вы отказываетесь?
Посетитель. Что-о! Кто? Я?! Из одежды что-нибудь?
Кладовщик. Что?
Посетитель. Шапки.
Кладовщик. Одна.
Посетитель. Да. Две.
Кладовщик. Дальше.
Посетитель. И еще одна.
Кладовщик. Три. Дальше.
Посетитель. Пишите четвертую.
Кладовщик. Так. Обувь?
Посетитель. Сандалий импортных нет?
Кладовщик. Есть.
Посетитель. Белые.
Кладовщик. Сколько?
Посетитель. Белые!
Кладовщик. Сколько?
Посетитель. Они белые?
Кладовщик. Белые.
Посетитель. Две.
Кладовщик. Пары?
Посетитель. Одна и джинсы.
Кладовщик. Белые?
Посетитель. Синие одни. А что, и белые есть?
То есть белые две и сандалии две.
Кладовщик. Пары?
Посетитель. Одна... Нет, две и джинсы. Две и джинсы одна.
Кладовщик. Пары?
Посетитель. Две.
Кладовщик. Две?
Посетитель. Три.
Кладовщик. Три.
Посетитель. Четыре, и будет как раз, потому что мне не только. Я хотел... тут надо для...
Кладовщик. Нет.
Посетитель. Меня... но я просто сбегаяю... А что у вас из продуктов питания?

К л а д о в щ и к. Что вас интересует?
П о с е т и т е л ь. Меня интересует, ну, поесть что-нибудь. Вот, например, ну хотя бы, допустим, колбаса.
К л а д о в щ и к. Батон?
П о с е т и т е л ь. Два. А хорошая?
К л а д о в щ и к. Два.
П о с е т и т е л ь. Три. А какая?
К л а д о в щ и к. Какая вас интересует?
П о с е т и т е л ь. Ну, такая... покрепче...
К л а д о в щ и к. Значит, три.
П о с е т и т е л ь. А что, есть? Четыре.
К л а д о в щ и к. Четыре.
П о с е т и т е л ь. Пять.
К л а д о в щ и к. Ну...
П о с е т и т е л ь. Ясно... Четыре, а один чуть раньше.
К л а д о в щ и к. Значит, пять.
П о с е т и т е л ь. Почему — пять? Один раньше.
К л а д о в щ и к. Дальше.
П о с е т и т е л ь. Что есть?
К л а д о в щ и к. Что вас интересует?
П о с е т и т е л ь. Что? Ну, вот эти... Как их? Крабы есть?
К л а д о в щ и к. Сколько? Одна?
П о с е т и т е л ь. Две.
К л а д о в щ и к. Две.
П о с е т и т е л ь. Три.
К л а д о в щ и к. Три.
П о с е т и т е л ь. Четыре.
К л а д о в щ и к. Четыре... Ну?
П о с е т и т е л ь. Ясно... Я слышал, такие бывают языки... такие оленьи... Я понимаю, что...
К л а д о в щ и к. Сколько?
П о с е т и т е л ь. Кило.
К л а д о в щ и к. Они в банках.
П о с е т и т е л ь. Одна... Нет, две... Или три... Чтоб уже сразу. Ну, если вам все равно — четыре.
К л а д о в щ и к. Вы их не будете есть. Они своеобразного посола.
П о с е т и т е л ь. Тогда одну.
К л а д о в щ и к. Одна.
П о с е т и т е л ь. Две. Себе и на работе.
К л а д о в щ и к. Нельзя. Только вам.
П о с е т и т е л ь. Ну, да, я съем сам. Вы сможете посмотреть.

К л а д о в щ и к. Одна.
П о с е т и т е л ь. Нет. Две. Вдруг подойдет. Я тут же — вторую.

К л а д о в щ и к. Две.

П о с е т и т е л ь. Нет, одна. Денег не хватит. Скажите, а вот, допустим, рыба.

К л а д о в щ и к. Сколько?

П о с е т и т е л ь. Нет. А вот свежая.

К л а д о в щ и к. Живая, что ли?

П о с е т и т е л ь. А что? Вот живая.

К л а д о в щ и к. Какая?

П о с е т и т е л ь. Живая-живая.

К л а д о в щ и к. Какая вас интересует?

П о с е т и т е л ь. Кого, меня? Меня интересует... сазан.

К л а д о в щ и к. Сколько?

П о с е т и т е л ь. А сом?

К л а д о в щ и к. Сколько?

П о с е т и т е л ь. Тогда стерлядь.

К л а д о в щ и к. Сколько?

П о с е т и т е л ь. Форель.

К л а д о в щ и к. Ну?

П о с е т и т е л ь. Есть?

К л а д о в щ и к. Сколько?

П о с е т и т е л ь. Три.

К л а д о в щ и к. Три.

П о с е т и т е л ь. Четыре.

К л а д о в щ и к. Четыре.

П о с е т и т е л ь. Четыре и стерлядь.

К л а д о в щ и к. Пять.

П о с е т и т е л ь. И сом.

К л а д о в щ и к. Испортится он у вас.

П о с е т и т е л ь. Тогда один.

К л а д о в щ и к. Пишу сразу два. Но они испортятся.

П о с е т и т е л ь. Пишите три... пусть портятся. Вобла.

К л а д о в щ и к. Сколько?

П о с е т и т е л ь. И пиво.

К л а д о в щ и к. Какое?

П о с е т и т е л ь. А какое есть?

К л а д о в щ и к. Какое вас интересует? У нас восемь сортов.

П о с е т и т е л ь. А какое меня интересует? Жигулевское. Оно вроде получше.

- К л а д о в щ и к. Ящик?
- П о с е т и т е л ь. Бутылку.
- К л а д о в щ и к. Все?
- П о с е т и т е л ь. Все. Водка есть?
- К л а д о в щ и к. Какая?
- П о с е т и т е л ь. «Московская».
- К л а д о в щ и к. Сколько?
- П о с е т и т е л ь. Сто.
- К л а д о в щ и к. Бутылок?
- П о с е т и т е л ь. Грамм.
- К л а д о в щ и к. Здесь?
- П о с е т и т е л ь. Да. А у вас есть? (*Шепчет.*)
- К л а д о в щ и к. Сколько?
- П о с е т и т е л ь. Два.
- К л а д о в щ и к. Потечет.
- П о с е т и т е л ь. Заткну. А есть? (*Шепчет.*) Живой?..
- К л а д о в щ и к. Сколько?
- П о с е т и т е л ь. Два.
- К л а д о в щ и к. Два.
- П о с е т и т е л ь. Четыре.
- К л а д о в щ и к. Мы гоним только до ворот. Там гоните сами.
- П о с е т и т е л ь. А есть (*шепчет*) для?..
- К л а д о в щ и к. Мужской, женский?
- П о с е т и т е л ь. Я думал, он общий.
- К л а д о в щ и к. Ну?
- П о с е т и т е л ь. Тогда женский.
- К л а д о в щ и к. Один?
- П о с е т и т е л ь. И мужской.
- К л а д о в щ и к. Один?
- П о с е т и т е л ь. По два.
- К л а д о в щ и к. По два.
- П о с е т и т е л ь. По три и... детский.
- К л а д о в щ и к. Детских не бывает. Это же дети. Вы соображаете?
- П о с е т и т е л ь. Тогда по четыре и еще один мужской и один женский.
- К л а д о в щ и к. Значит, по пять.
- П о с е т и т е л ь. Значит, по пять и еще по одному.
- К л а д о в щ и к. Да вы их не израсходуете за десять лет.
- П о с е т и т е л ь. Тогда все. Тогда по шесть и еще по одному потом, и все.
- К л а д о в щ и к. Значит, по семь.

Посетитель. И еще по одному потом. А я слышал... (*шепчет*) бывают американские против... (*Шепчет.*) Невозможно, а мне... (*шепчет*), а мне... (*шепчет*), очень... (*шепчет*) я с детства... (*шепчет*), врожденное... (*шепчет*), говорят, чудеса..., а мне... (*шепчет*) она.

Кладовщик. Сколько?

Посетитель. Что, у вас есть?!

Кладовщик. Сколько?

Посетитель. Двести.

Кладовщик. Это мазь.

Посетитель. Десять.

Кладовщик. Определенное количество на курс.

Посетитель. Сколько?

Кладовщик. Не знаю, может, сто.

Посетитель. Сто пятьдесят, здесь намажу и возьму с собой.

Кладовщик. Хорошо, сто пятьдесят.

Посетитель. Валенки есть?

Кладовщик. Сколько?

Посетитель. Не нужно, это я так.

Кладовщик. Все?

Посетитель. Мне еще хотелось бы...

Кладовщик. Все.

Посетитель. Ну, пожалуйста.

Кладовщик. Все! (*Лязгает железом.*) Сами повезете заказ?

Посетитель. А что, вы можете?

Кладовщик. Адрес?

Посетитель. Все положите? Может, я помогу?

Кладовщик. Куда везти?

Посетитель. На Чехова... то есть на Толбухина. А в другой город можете?

Кладовщик. Адрес?

Посетитель. Нет, лучше ко мне. Хотя там сейчас... Давай на Красноярскую. Нет, тоже вцепятся. Давай к Жорке. Хотя это сука. А ночью можно?

Кладовщик. Кто ж ночью повезет?

Посетитель. Тогда замаскируйте под куст.

Кладовщик. Не производим.

Посетитель. Тогда брезентом. Я палку найду под орудие — и на вокзал. Слушай, двух солдат при орудии.

Кладовщик. Не имеем.

Посетитель. А настоящее орудие дадите для сопровождения тоже под брезентом?

К л а д о в щ и к. Так что, два орудия поволокешь?
П о с е т и т е л ь. А что? Два орудия никто не обратит. А если колбасу... Ну, хоть пулемет?

К л а д о в щ и к. Это гражданский склад. Севзап-энергодальразведка.

П о с е т и т е л ь. Мне до вокзала. Там на платформу, сам охраняю и — на Север.

К л а д о в щ и к. Ты же здесь живешь.

П о с е т и т е л ь. Теперь я уже не смогу. Не дадут. Плохо живи. А хорошо... Не дадут.

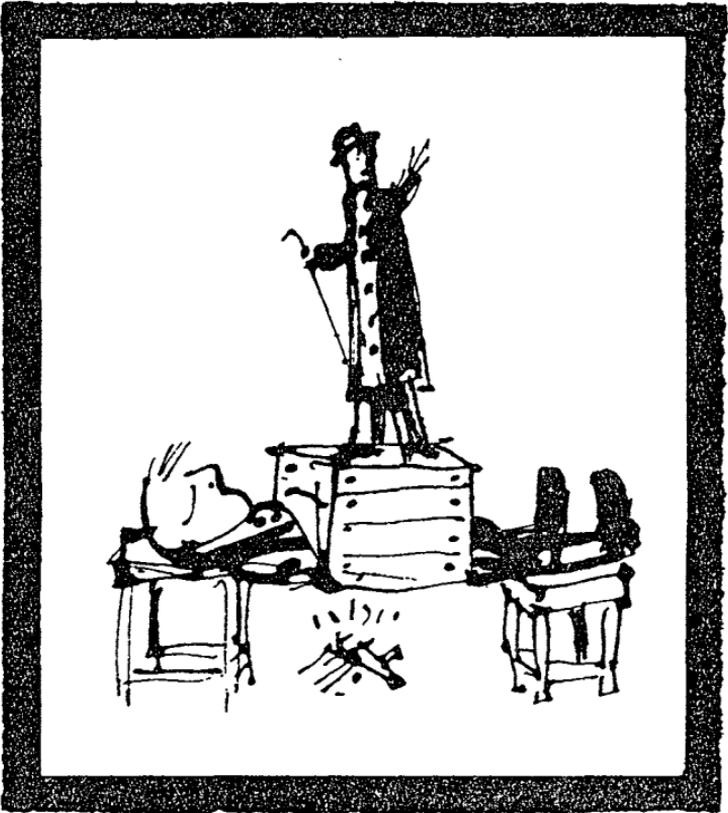

Рассказ подрывника

Я, в общем, тут чуть не подорвался... Просили рассказать. Мамаша! Что, я не понимаю? Да не беспокойтесь, дети могут не выходить. Ну что вы все такие нежные? Ну, действительно, чуть все не сыграли в!..

Степь... Канал... Идет баржа... Белая!.. Длинная, как!.. Ромашки!.. Ну просто!.. И тут подрывники суетятся!.. Заложили килограмм по пятьсот тола и тротила... его знает! Провода у них длинные!.. И тут надо было дернуть за!.. А главный орет: «Махну платком!.. Но только — по платку!.. Если дернешь!.. Мы ж будем проплывать!.. Следи за рукой!..» Ну, он только собрался, тут все готово... баржа огромная, ну, как!.. И ни одной!.. Ну, действительно, как!.. Ну, точно!.. Он уже поднял платок, мы думаем: ну!.. Бинокли... Тут кто-то как заорет: «Стоп!.. Прошу!..» А главный в мегафон: «Кто крикнул «стоп»?! Мне интересно, я сейчас из нее!.. Каждую слушать!.. Мы ж баржа!.. Нас же несет!.. Чем я этот «стоп»?! Об какие берега?.. Уволю!..» А младший ему: «Я, в общем, на вас! На вашу баржу!.. На ваш канал!.. На всю вашу степь!.. Ты ж смотри, какая-то плывет... вещь!» Глядят все, аж!.. Всплыл — тротил или тол, вся в проводах, никто и не знает, они же специалисты. Как она эту баржу догнала!.. Мы все на барже, она под баржой!.. Цепляемся, как!.. Если б не тот пацан, все б!.. Я — начальнику: «Что ты орешь? Ты молись! Ты этого пацана, ты должен поцеловать!.. Это ж был бы полный!.. Ты б свою Дуську!.. Вот такая приключилась.

Под странным названием «театральная молодежь»

Нет сегодня молодых и старых. Есть те, кто ничего не понял, и те, кто ничего не сумел.

Театральная молодость и театральная старость — совершенно одинаковы. Обеденные старушки из ресторана так же возбуждены и ждут чего-то, молоденькие наши так же возбуждены и ждут чего-то, средненькие также ждут чего-то, только меньше возбуждены.

Небольшая разница в состоянии здоровья, но кто ж сегодня по этим остаткам судит о человеке? Старшие отличаются от младших тем, что несколько лишних раз отсидели на новогодних вечерах в ЦДРИ.

Почему сегодня так успешны экстрасенсы и хироманты? При одинаковом питании, одинаковой мебели, одинаковых квартирах, одинаковых мыслях — что там в нас осталось таинственного? Какие там мысли, на каком расстоянии не угадаешь?

Я объездил всю страну — все думают одинаково.

Коротко о себе. У нас сатириками не рождаются — их делает жизнерадостная публика из любого ищущего логику на бумаге. А при отсутствии образования, лени, нежелании копаться в архивах и жить бурной жизнью костного хирурга писать не о чем, переписывать то, что написано классиками, — не получается, ибо нравится, как написано. Шутить и хохотать по любому поводу хочется, но уже трудно физически. А тот, кто с размаху падает на тротуар, гремя кастрюлями и разбрызгивая кефир, вызывает уже сочувствие, а не хохот, что, конечно, плохо отражается на так называемой литературе.

Заметил в себе — тороплюсь оградить тех, кто незаметно стареет от мудрости, этого жалкого состояния физического слабосилия, когда истины не знаешь так

же, как и все, но почему-то стыдишься этого. А полное отсутствие юмора и большое уважение к собственным словам создает интонацию, которая ее заменяет.

Оглянувшись вокруг и увидев, что многочисленные разоблачения, монологи, фельетоны и указывания пальцем только веселят уважаемую публику, а не приводят к немедленному устранению недостатков, он заметно сник, поглупел и стал подумывать о тихом возделывании настоящей малопродуктивной почвы где-нибудь в окрестностях Москвы под Одессой. А после того как его однажды ошибочно пригласили во Дворец съездов, потом попросили не выступать и, когда это состоялось, столь горячо благодарили и одарили ставками и подарками, что он задумался: может, с таким огромным успехом и продолжать не выступать при большом стечении народа, а слушать передачу «Наш сад» всей душой с вопросами и письмами и кормить людей помидорами, а не упреками?

Секция под странным названием «Театральная молодежь», где я с трудом состою, нравится мне давно путем наличия очень красивых девушек и совершенно умных молодых людей. С другой стороны, зачем болтаться на улицах, выискивая и заговаривая, когда приемные комиссии сделали это же в тепле с той же перспективой? Таким образом, все красивые, умные, стройные и талантливые здесь. Чего ж, простите за выражение, нам не хватает? Двумя жизнями не проживешь — мы попали в эту.

А в нашей жизни сегодня день и место самые лучшие. Многие бы отдали многое, чтоб попасть сюда.

Делать то, что хочется, как это ни трудно.

Говорить то, что хочется, как это ни печально.

Любить кого хочется, как это ни опасно.

Дружить с кем хочется, как это ни бедно.

А говорить правду — никакого мужества, только жажда легкой жизни.

Сергею Юрскому

Товарищи! Вот было время, кто нас помнит! Как было интересно разоблачать, искоренять, высмеивать эти недостатки! А возмущались, а жаждали — не славы, при чем тут слава? — а искоренения, не устранения, а

искоренения, именно — нения! Если не всех, то хотя бы одного! Но с условием: при жизни! Золотое время — молодость! Как чего-то одного хотелось! Не всего слабо, как сейчас, а одного и сильно, как тогда. Это же еще только начинались беспорядки на железной дороге, а мы уже — и куплеты и танцы! Это еще колбаса приличная была, мясо в сосисках, бычки до потолка, сгущенка стенами стояла. А мы уже кипели. Нам кричали: «А что вы предлагаете? Критиковать все могут». «Вот вы и критикуйте!» — кричали мы. «Ну и что же?» — кричали они. «Что же? — кричали мы. — Искусство разве не меняет жизнь?» «Никак!» — кричали они. «Врете! — кричали мы. — Вот оно как повсюду!» «Как?» — кричали они. «А так», — отрезали мы. Ох, время золотое! Слава богу, все прошло. Перевалили. Затихли. Сейчас иногда вскрикнет кто-то, но остальные придержат. Глянь в зеркало — пожилой мужчина... Но как приятно на свои фотографии смотреть... Ох, если б вернуть то время! Может, так же и прожил бы сначала, если б не знать, конечно, чем оно все кончится. Снова не знать и снова бороться. Эх! О сегодняшнем дне говорить не буду, так как не понимаю, о чем идет речь. Настолько меркнет то, что есть, перед тем, чего нет... И как-то тишина так, покой, безветрие. Только молодежь спрашивает: «Как это вам удалось? Какими вы были?» Что нам удалось, не знаю, а вот какими мы были, не знаю тоже. Я так думаю, что смотреть на нас в любом состоянии — большое удовольствие. И сейчас кипим. Раньше по поводу непорядков, сейчас — по поводу неудобств. Но кипим. Нас так и найдут по испарениям.

Дорогой Сергей Юрьевич! Позвольте коротко о себе. Самое удивительное, что я старше вас, но не умнее. Наши пути вначале пересеклись, потом стали параллельными, что для Одесского порта — большая честь.

Дорогой Сергей Юрьевич! Мы уже как-то однажды случайно отметили ваше сорокалетие, и вот, пожалуйста, дотянули и тянем дальше, вопреки всем ожиданиям. Мы перевалили через перевал. Уже пошумели, погалдели и ждем награду, придумав себе причину. Но правительство молчит, и мы громко хвалим друг друга, с надеждой поглядывая вверх. Думаю, что своими выступлениями вы в полном одиночестве принесли прибыли во много раз больше, чем несколько средних колхозов в средней полосе России, и, что главное, в

отличие от них, хотя бы один человек вышел от вас чуть более образованным.

По-разному и одинаково сложилась судьба каждого въезжавшего в Москву. Все мы привезли в столицу что-то свое, довольно скоро распродались, кое-что поменяли на шмутки и сидим на них, тепло глядя по сторонам, ожидая, что из шмуток вылупятся мысли. И только вы время от времени пролетаете по этому базару, сверкая неустроенностью и похлопывая молодежь. Потом снова скрываетесь в Театре имени Моссовета, где скрываются многие. Видимо, уже пришло время прийти и посмотреть, что вы там делаете.

Как мы все догадываемся, наиболее значительный след в искусстве оставили люди 34-го, 35-го и, с большой надеждой скажем, 31-го года рождения, особенно марта месяца. Поэтому сообщаю вам, дорогой Сергей Юрьевич, что пятьдесят лет — это молодость. Единственное отличие от сорокалетия в том, что в такой день на почетных местах у артиста сидят урологи, пульмонологи, кардиологи, очковые и зубные протезисты. По ним легко определить диагноз и творческие успехи юбиляра. Отныне это наша компания до конца дней, и наша задача веселить и развлекать их с такой силой, с какой они нас лечат.

Самое приятное, дорогой Сергей Юрьевич, что мы работали-работали, копили-копили, а терять нам нечего. Значит — смелей вперед, открывая новые формы, наполняя их старым содержанием. В общем, продвигаясь в остроумной компании врачей к яркому свету в конце тоннеля, уже ясно осознаешь, что все нормально, все в порядке, может быть, даже хорошо. Просто мы не умеем определить. А чтобы было хорошо и весело, надо остановиться на том, что сделано, разбивая его на мелкие кусочки и не доходя до слова «однако». Сделано много, не сделано еще больше. Значит, есть для чего ходить и стараться, есть для чего не выключаться и не отдыхать, даже валяясь на пляже.

В мире еще существуют люди, которых интересует игра ума. Из них некоторых интересуют размышления. Из этих некоторых некоторые интересуются сомнениями, что дает нам огромную возможность надеяться.

Куда ходит наш человек?

Куда чаще всего ходит наш человек?

К такой-то матери, к чертям собачьим, к свиньям, вон отсюда, регулярно заходит завтра, идет куда угодно, только не сюда, чтоб его больше здесь не было. Он не видит, что обед. Не понимает, что входить нельзя, сует свои деньги, не видит, что закрыто, не понимает, что их много, не соображает и лезет, не втемяшит, что этот стол не убран, что касса справок не дает, что здесь стоять нельзя, а сидеть не на чем.

Отсюда, куда он больше всего ходит?

К едреной матери, к чертям собачьим, вон отсюда, катится к чертовой бабушке, до четверга, чтоб его духа здесь не было, если появится еще раз, то вызовут милицию. Пусть ищет где хочет, садится, если найдет. Должен соображать, если мозги есть. Все понимает, но прикидывается и старается мешать всем, куда приходит.

Что он, не видит?

Что здесь табличка, на которой ясно указано, что здесь цена, где ясно указано, что вот указатель, где ясно сказано, что в постановлении ясно сказано, и по радио было ясно сказано, что предыдущим из очереди было ясно сказано...

Что он не понимает?

Что сюда нечего свою справку совать, что мест нет, а предыдущий имел бронь, что в продаже нет, а предыдущий взял по другой линии, что это опытный образец, значит, не должен работать, что этого лекарства нет, ибо лекарство помогает всем, значит, оно дефицитно, значит, были злоупотребления, значит, злоупотребления пресечены, значит, лекарства нет. Что сейчас трубы хуже и их заменяют чаще, поэтому их нет. И мало ли... и вообще, и не обязан никто, и все...

Что он, не в состоянии понять?

Что сейчас трубы хуже, чем были. Их больше, но меняют чаще, поэтому их нет. И воды нет, ибо труб нет и ей не в чем. А будет, когда поменяют. Не меняют, потому что их нет, потому что они хуже, хотя их больше, но они хуже, и вообще, и все. Почему садятся в тюрьму начальники ОБХСС? Почему наведение по-

рядка кончается беспорядком, переходящим в наведение порядка, переходящего в беспорядок, переходящий в наведение порядка?

Что он не хочет понять?

Что он не один, что здесь люди занятые, что такие ошибки в порядке вещей, что это возрастное, поэтому чего же лечить, когда это возрастное, когда тут молодежь и помолодел инфаркт, и посвежел маразм, и это в порядке вещей, и мало ли вообще...

Чего он не чувствует?

Что сейчас другое время, что не время смешить, что не время петь, что это там наверху решили, а внизу свои условия, и не надо газету совать, а в колхоз ехать надо и на овощебазу надо пока. Что значит — пока? Это значит — пока. Сам почувствует. А он не чувствует, оттого что он не видит, не слышит и не понимает элементарных вещей, поэтому куда он чаще всего идет? Вон отсюда, к едреной матери, к чертям собачьим, катится к чертовой бабушке, идет туда, сюда, в третье, десятое, его духа не должно быть в разных местах от девяти до восемнадцати с перерывом на обед с часу до двух.

Давайте разберемся

Меня возмущают те, кто возмущается.

Меня удивляют те, кто удивляется.

Ибо все претензии к нашей жизни отпадают, если с трудом понять и без труда сформулировать.

Наша жизнь солдатская.

И шутки солдатские.

И товары наши солдатские.

И утварь наша солдатская.

И разговоры наши солдатские.

И стадионы у нас солдатские.

И еда и командиры.

И жалобы наши солдатские и их обсуждения, и увлечения наши и их обсуждения,

и намеки наши солдатские,

и ответный хохот.

И жены наши солдатки.

И лечение и похороны после него.
И архитектура наша пррстая казарменная.
И заборы и ворота среди них.
И покрашенная трава.
И побеленные колеса.
А начальство наше генералы.
И дома у них генеральские.
И шутки у них генеральские.
И шапки у них генеральские.
И жены и дети у них генеральские.
И лечение и похороны после него...
А мода у нас солдатская.
И манера у нас одна на всех.
И вкус у нас один.
И тоскуем мы по Родине, как и положено солдату.

Давайте в августе...

Вы не хоронили в августе в Одессе? Как? Вы не хоронили в августе в Одессе, в полдень, в жару? Ну, давайте сделаем это вместе. Попробуем — близкого человека. Давайте.

Мы с вами подъедем к тому куску голой степи, где указано хоронить. Кладбище. Мать их!..

Съезжаются пятнадцать — двадцать покойников с гостями сразу. Голая степь, поросшая могилами. Урожайный год. Плотность хорошая. Наш участок 208. Движемся далеко в поле. Там толпы в цветах. Все происходит в цветах. Пьяный грязный экскаватор в цветах все давно приготовил... Ямки по ниточке раз-раз-раз. Сейчас он только подсыплет, подроет, задевая и разрушая собственную работу. У него в трибуне потрясающая рожа музыкального вида с длинными волосами. Лабух переработанный. Двумя движениями под оркестры вонзается в новое, руша старое, потом, жутко целясь, снова промахивается, завывая дизелем под оркестры. Дикая плотность. Их суют почти вертикально. Поют евангелисты. Высоко взвивают евреи. Из-за плотности мертвецов на квадратный метр — над каким-то евреем: «Товарищи, разрешьте мени, тьфу, а де Григорий? Шо ж ви мене видшттовхнули, товарищи?»

Цветы, цветы затапанные, растоптанные. Белые лица, черные костюмы, торчащие носки ботинок, крики:

— Ой, гиволт!

— Господи, душу его упокой!

— Дозвольте мени...

Хорошо видны четверо в клетчатом с веревками и лопатами. Их тащат от ямы к яме: «Быстрее, быстрее, закопайте, это невыносимо». «Сейчас, сейчас. Вначале веревки, потом лопаты». «Где чей? Нет таблички? Где табличка?» — «Сойдите с моей могилы». — «А где мне встать, у меня нога не помещается?»

Веревки, лопаты. «Музыкант» выкапывает, они закапывают. Пять штук сразу. Между ними по оси икс — пятьдесят сантиметров, по оси игрек — двадцать пять. Много нас. Много. Пока еще живых больше. Но это пока и это на поверхности. Четыре человека машут лопатами, как веслами. Мы им все время подвозим. Не расслабляться. Покойники снова в очередях. Уже стирается эта небольшая разница между живыми и мертвыми. Шеренги по веревке. Расстояние между бывшими людьми ноль, пять метра, время — ноль, пять минуты.

Крики, плачи, речи, гости, цветы, имена. На красный гроб прибывают черную крышку. «Ребята, это наша крышка...» — «А где наша?..» — «Откуда мы знаем, где ваша?» — «Сема, держите рукой нашу крышку».

В этой тесноте над вашей ямой чужой плач.

— Он был в партии до последнего дня...

— Кто? Он никогда не был в партии. Если бы мы достали лекарство, он вообще бы жил. Цыпарин, цыпарин. Ему не хватило цыпарина.

— Операции они делают удачно, они выхаживать не могут.

— Зачем тогда эти удачные операции?

— Вы хотите, чтоб он хорошо оперировал и еще ночами ухаживал?

— Я ничего не хочу, я хочу, чтобы он жил...

— Да скажите спасибо, что оперируют хорошо...

— За что спасибо, если я его хороню?!

— Это уже другой разговор.

— Он не хотел брать на себя. Он как чувствовал.

А они ему все время: «Бери на себя... бери на себя». Он взял на себя. Теперь он здесь, а они в стороне.

— Теперь же инфаркт лечат...

— Инфаркт не лечат, его отмечают... Отметили — и живи, если выживаешь. Как он не хотел брать на себя. А они ему: «Мы приказываем — строй!» Он говорил: «Я не имею права». А они говорили: «Мы приказываем — строй!» Он построил, а когда приехала ревизия, они говорят: «Мы не приказывали — теперь весь завод здесь».

— Куда вы сыпете наши цветы? Где он? Где Константин Дмитриевич?.. Константин Дмитриевич. О, вот это он... А-а... вот это он. Ой, Константин Дмитриевич, и при жизни я вас искал. Вечно вас ищешь, вечно...

— Господи, спаси и помилуй. Суди нас, господи, не по поступкам нашим, а по доброте своей, господи.

— Товарищи, славный путь покойного отмечен почетными грамотами.

Тут закончили, там заплакали. Тут заплакали, там разошлись. Цветы, гробы, венки, ямы, плач, вой. «Беларусь» задними колесами в цветах.

— Товарищи, всех ногами к дороге! Значит, вынимайте и разворачивайте согласно постановлению горисполкома.

Черт его знает, чего больше — рождаются или умирают? Какое нам дело, если нас так хоронят?..

Население!

— Не смейте кушать, Мария Ивановна, это же колбаса для населения. Сетевые сосиски, комковатые публичные макароны, бочковые народные пельмени, страна вечнозеленых помидоров, жидкого лука. Для удобства пассажиров маршрут № 113 переносится. Для удобства покупателей магазин № 2 Плодоовощторга...

А оперируют они хорошо, только очень непрерывно. Так же, как и копают.

Мы им подносим — они закапывают. Свои своих. Без простоев. Огромное поле. Все ямы на одном пятачке, ибо, ибо!

Удобно экскаватору, копателям, конторе. Всем, кроме нас.

Как наша жизнь не нужна всем, кроме нас.

Как наша смерть не нужна всем, кроме нас.

Как нас лечат?

Как мы умираем?

Как нас хоронят?

Что такое юмор?

---

*Под давлением снаружи юмор
рождается внутри.*

Прохожий

Не о себе. В защиту жанра. Сам стал слезлив и задумчив. Сам стал копаться в словах. Сам потерял жизнь и от этого — юмор. И потеряв это все, расхаживая в поношенном пиджаке задрипанного философа, скажу — ничего нет лучше жизни. А юмор — это жизнь. Это состояние. Это не шутки. Это искры в глазах. Это влюбленность в собеседника и готовность рассмеяться до слез.

Смех в наше время и в нашем месте вызывает зависть. «Что он сказал? Что он сказал?» Люди готовы идти пешком, ползти: «Что он сказал?!» Можете плакать неделю, никто не спросит: «Что вам сказали?» Плачущий в наше время и в нашем месте при таком качестве сложных бытовых приборов, повышении цен и потоке новостей не вызывает интереса.

Плачущий занимает более высокое положение, чем хохочущий. Это обычно министр, директор, главный инженер. Хохочущего милиционера не видел никто.

Юмор — это жизнь обычных людей. Чем меньше пост, тем громче хохот, и прохожие с завистью: «Что он сказал? Что он сказал?»

Господи, какое счастье говорить что думаешь и смеяться от этого. «Что он там сказал?» — все время спрашивают сверху.

— А ничего. Мы так и не поняли.

— А чего ж вы так смеетесь?

— А от глупости.

— А где он? Мы ему ничего не сделаем. Обязательно скажите, где он. Где он — это самое главное.

— А вот он.

— Где?

— Вот, вот. Только что был и что-то сказал. Да так ли важно, кто сказал, важно, что сказал.

— Нет, товарищи, для нас важно, кто сказал и что он еще собирается сказать. Его творческие планы. Это особенно важно. Если кто-нибудь его встретит, позвоните, пожалуйста, в районное отделение культуры в любое время суток — мы тоже хотим посмеяться.

Опять хохот.

— А вы почему смеетесь?

А как вообще сочиняются анекдоты? Не может быть, чтоб все сочиняли, должен быть автор. Друзья, если кто-нибудь его случайно встретит, позвоните, пожалуйста...

Почему же плач не вызывает такого беспокойства? Почему величайшие трагедии величайших писателей не вызывают такого ищущего интереса? Почему «Двенадцать стульев» не выходило, не выходило, пока не вышло? И «Мастер и Маргарита» и Зощенко? И хватит ханжить. «Двенадцать стульев» никак не меньше для нормального человека, чем «Анна Каренина», а «Мастер и Маргарита» — чем «Война и мир».

Юмор, как жизнь, быстротечен и уникален. Только один раз так можно сказать. Один раз можно ужать истину до размеров формулы, а формулу — до размеров остроты.

Юмор — это не шутки. Это не слова. Это не поскользнувшаяся старушка. Юмор — это даже не Чаплин. Юмор — это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умен одновременно. И ты весело открываешь законы, по которым ходят люди. Юмор — это достояние низов.

Ползя наверх, наш соученик выползает из юмора, как из штанов. Чего ему смеяться там, у него же нет специальности, и первый же приказ трудоустроить по профессии ставит его на грань самоубийства.

А если уж очень большой, еще осторожнее: «Им только улыбнись — сразу что-то попросят. Улыбнулся — квартиру дай, засмеялся — дочь пропиши». И, теряя юмор, друзей, любимых женщин, человек растет в должности. Развалюченная секретарша, завалюченная жена и большие подозрения, что смеются над ним, и хотя его никто не называет, но в нем появляется интуиция волка и такой же мрачный, полуприкрытый взгляд.

Вот что такое юмор. Вот что такое его отсутствие. А нам он помогает выжить. Сближает всех со всеми. На анекдот — как на угощение.

И не надо унижать авторов. За одну фразу Ильфа и Петрова «Собаки карабкались с ловкостью боцманов» отдам целую страницу греческой трагедии со всеми содроганиями в начале и завываниями в конце, и море слез, в котором утонули четыре старухи, не стоит одного взрыва хохота в ответ на один выстрел истины.

С женщиной

С женщиной можно делать все что угодно, только ей нужно объяснить, что мы сейчас делаем.

Мы идем в театр. Мы отдыхаем. Мы красиво отдыхаем. Мы вкусно едим. Сейчас мы готовимся ко сну. Женский организм дольше подготавливается к событию и дольше отходит от него... Что предстоит событие и что это событие — надо объявить заранее. Жизнь будет торжественной и красивой.

В воскресенье мы встанем поздно, в одиннадцать часов, легкий завтрак, выйдем во двор и будем наблюдать игры детей, к трем вернемся, устроим обед на двоих и будем смотреть «Клуб кинопутешествий», затем красивый семейный ужин, сервированный на двоих, с чаем и конфетами, просмотр новой серии по ТВ и в двадцать три тридцать праздничный сон. Тебя такое воскресенье устраивает? Конечно. И хоть это точно то же, что и в любой выходной, — есть мужская четкость и праздничность.

А в понедельник где-нибудь вечером, особенно после ужина, мы сделаем вылазку на Богдана Хмельницкого — настоящую, с осмотром витрин, не спеша зайдем во дворы, парадные. Очень интересно. Сказать, что это интересно, должны вы.

В среду после ужина прослушаем пластинку, которую я купил. Это очень интересно, великолепный состав (что великолепный состав, сказать должны вы), и потом прекрасно уснем. Что прекрасно уснем, тоже надо сказать. А в ближайшую субботу сюрприз. Креветки, пиво. Прекрасные креветки и чудесное пиво (надо сказать).

В субботу после обеда я тебя приглашаю на пивной вечер здесь. Это будет великолепный вечер, который очень интересно пройдет.

В воскресенье с утра я просматриваю газеты, ты готовишь праздничный воскресный борщ под мою музыку. Я выбираю пластинки, ты слушаешь и оцениваешь по пятибалльной системе. По такой же системе я оцениваю твой борщ. «Твой» говорить не надо — наш борщ.

В последнюю неделю февраля мы идем в театр и обсуждаем спектакль дома за легким ужином на двоих. Ужин будет при специальном освещении. Об этом позабочусь я. Переодеваться не будем, сохраняя красоту и впечатление.

Завтра у нас покупка. Мы покупаем мне туфли, то есть ты выбираешь, оцениваешь, я только меряю. Покупку отмечаем дома торжественным обедом. Вечер проводим при свече у телевизора.

Жизнь приобретает окраску. Все то же самое, но торжественно, четко, заранее. Вашу подругу не покидает ощущение праздника. Она стремится домой, из дома стремится в магазин, откуда стремится домой, чтоб не пропустить. И выходы на работу становятся редкими — всего пять раз в неделю, и целых три праздничных вечера, и два огромных, огромных воскресных дня.

Посмотри, как необычно расцвечено небо сегодня, какой интересный свет. Совершенно неподвижные облака. Они двигаются, конечно, ты права. Но в какой точной последовательности.

Очень необычная была у нас неделя, которая завершила прекрасный месяц. И вообще год был удачным. Необычайно удачный год. (Тут недалеко, что и жизнь удалась.) Мы с тобой прекрасно живем (это надо сказать). Гораздо интереснее, вкуснее и праздничнее остальных, ты согласна? (Спрашивать здесь нельзя. Надо утверждать!) Ты согласна! Я тоже.

А Новый год встречаем на Богдана Хмельницкого — потрясающе. Будем заглядывать в окна, наблюдать за людьми. Это очень интересно. Рад за тебя. Готовиться надо уже сегодня. Отберем окна, подготовим квартиры, наметим точный план. Выход из дома в двадцать три ноль-ноль, встреча Нового года с шампанским, возвращение домой в целых двадцать четыре часа, и праздничный новогодний сон.

— В этой торжественной жизни не поймешь, то ли вы ее считаете идиоткой, то ли она вас. Но вы активно помогаете своей жизни пройти как можно быстрее.

Эх, не надо было!

Когда-то казалось, что все по чуть-чуть.

Мы уже почти добились этого.

Интеллигенция еще сопротивлялась, но непосредственные производители и большая часть крестьянства были охвачены этим подъемом.

И все, как вы помните, — с утра, поэтому сложная наша техника до сих пор страдает такой точностью. Теперь участились случаи трезвой сборки. Тогда выявились конструктивные недостатки.

А порой стало случаться, что и конструктивно ничего, тогда выявили некачественные элементы смежников.

А теперь случается, что и сборка трезвая, конструктивных недостатков нет и смежники неплохо изготовили. И тут полезли недостатки ГОСТа.

А теперь все чаще сборка трезвая и конструктивно хорошо, смежники не подвели, ГОСТ хорош... и тут пошли огрехи всей системы... научной организации труда.

Не надо было водку трогать.

Уходя, уходи

Когда уходите вы — звоните, пишите, встречайте. Когда уходят от вас — признайте свое поражение, исчезните! Ничто вам не поможет. Я люблю вас, от которых ушли.

Ваши почерневшие лица, боль, которую вы носите всюду. Ваше смешное открытие, что любовь помещается не в голове, а чуть выше сердца — там болит и болит.

Что ж там такое, чуть выше сердца? Что там болит? Душа? Уходят оттуда?

Я люблю ваши смешные одинаковые разговоры. Ваш растерянный вид, ваш воспаленный взгляд. Конечно, время лечит, но, когда вы вылечитесь, оно уйдет от вас тоже.

Паровоз для машиниста

Здесь хорошо там, где нас нет. Здесь, где нас нет, творятся героические дела и живут удивительные люди. Здесь, где нас нет, растут невиданные урожаи и один за другого идет на смерть. Здесь, где нас нет, женщины любят один раз и летчики невероятны. Как удался фестиваль, где нас не было. Как хороши рецепты блюд, которых мы не видели. Как точны станки, на которых мы не работаем. Как много делают для нас разные учреждения. А мы все не там. А мы в это время где-то не там находимся. Или они где-то не там нас ищут?

И выступают люди и рассказывают, как они обновляют, перестраивают, переносят, расширяют для удобства населения. Для удобства населению, население, населением — где ж это население... ниям... нием?.. И дико обидно, что все это где-то здесь. Вот же оно где-то совсем здесь. Ну вот же прямо в одном городе с нами такое творится — ночи не спишь, все выскакиваешь — где? Да вот же тут. Да вот тут, буквально.

Ведь модернизировали, подхватили, перестроились, внедрили новый коэффициент, включаешь — не работает. И медленно понимаешь, что нельзя, конечно, оценивать работу таких огромных коллективов по машинам, которые они клепают.

Ну, собирают они автобус, ну это же неважно, что потом водитель на морозе собирает его опять. Что при торможении на ноги падают вентиляторы и рулевые колонки, что веником проведешь по двигателю, сметешь карбюратор, фильтр, головку блока. И после всех улучшений она тупее любого водителя, ибо он успевает реагировать на уличное движение, она никак, хоть ты тресни. Конечно, лучше такую машину отдавать в мешке, кому надо, тот соберет, потому что не в машине суть, а в интереснейших делах. Гораздо важнее, что творится внутри предприятия, будь то театр, автозавод или пароход.

Смешно подходить к театру с точки зрения зрителя. На спектакли не ходят — от скуки челюсть выскакивает. А то, что режиссер непрерывно ищет и ставит, ставит и ищет? Театр первым отрапортовал о подготовке к зиме, ни одного актера, не занятого в

спектакле. При чем тут пустой зал? Тогда получается, что театр — для зрителя, поезд — для пассажира, а завод — для покупателя?! Такой огромный завод — для покупателя? Нет! Это для всеобщей занятости.

Пароход — для команды, паровоз — для машиниста, столовая — для поваров, театр — для актеров, магазин — для продавцов, литература — для писателей! Нет и не может быть выхода из этих предприятий — настолько увлекательный процесс внутри. Смешно ждать снаружи чего-либо интересного. Схватил у самого передового коллектива пылесос — он не работает, потому что не он главный. При чем тут борщ, когда такие дела на кухне?!

Приходят на завод тысячи людей — строят себе базу отдыха, открывают новую столовую, озеленяют территорию, получают к празднику заказы. Что главное — занять эти тысячи работой или дать тем тысячам пылесосы, без которых они жили и живут?!

Стучит в море пустой пароход, дымит по улице пустой грузовик, стоит в городе пустой магазин, а вокруг кипит жизнь, люди поддерживают друг друга, выступают на собраниях, выручают, помогают в работе, знающий обучает отстающего, пожилой передает молодым, бригада избавляется от пьяницы, непрерывно улучшается и совершенствуется станочный парк, и научные исследования удовлетворяют самым высоким требованиям. А включаешь — не работает. И не надо включать. Не для вас это все. Не для того, чтоб включали, — для того, чтоб делали.

Где надо, работает, там потребитель главный. А где не надо, там процесс важнее результата; процесс — это жизнь, результат — это смерть. А попробуй только по результату. Это куда ж пойдут тысячи, сотни тысяч? Они пойдут в покупатели. Нет уж, пусть лучше будут производителями, пусть знают, чего от себя ожидать.

Смешно оценивать ТВ по передачам, больницы — по вылеченным. Конечно, мы по количеству врачей обогнали всех, теперь бы отстать по количеству больных, но тогда пропадает смысл работы коллектива, загружающего самого себя. Тогда о нашей работе надо спрашивать совершенно посторонних. А разве они знают, что мы сэкономили, что отпраздновали, кого вселили, кого уволили? Что расскажет изделие о жизни коллектива? Что будет в новостях, которые так жадно

ждет население: пущена вторая очередь, задута третья домна, пущен первый карьер, дал ток третий агрегат. Кто знает, сколько их там, когда начнут, когда закончат?

Определенность — это неисправимо, а неопределенность — это жизнь. Развернулись работы по озеленению. Не для озеленения эти работы. Пылесос работает? Нет! Один бит информации. А как сегодня дела у коллектива пылесосного завода, как с утра собираются люди, как в обед приезжают артисты, как между сменами торгует автолавка, как психологи помогают начальникам цехов, как дублеры работают директорами — миллионы битов, пьес, романов.

Пылесос для одного, пылесосный завод для тысяч. Потому так замолкают люди, собравшиеся в пароход, завод, в институт. Дадут одно поршневое кольцо и сидят пятьсот или шестьсот под надписью «поршневое кольцо», «гибкие системы», «топливная аппаратура». Огромная внутренняя жизнь, хоть и без видимого результата, но с огромными новостями, так радующими сидящих тут же, этакое состояние запора при бурной работе организма.

А машину как-нибудь дома соберем, квартиру достроим, платье перешьем, трактор придумаем, самолет в квартире склепаем и покажем в самой острой передаче под девизом: «Один может то, чего все не могут».

Где рыба? Рыба где?

Я много лет хочу понять, почему во всех приморских городах мира самое красивое, самое обильное — рыбные базары, где переливаются тысячи рыб, ползают омары, лангусты, где плавают в аквариумах сотни угрей. Тысячи, тысячи разных рыб, живых и копченых.

И почему у нас в приморских городах рыбы нет. Почему нет рыбы в Одессе. Вот той морской, возле которой стоит этот несчастный город. Почему нет рыбы в морском городе. Куда она девается? При наличии министерства и самого большого в мире рыбного флота. Где бычки, анчоус, скумбрия, камбала, сарделька, глосики — где рыба?

Почему человека с пятью бычками на нитке так упорно преследует милиция? Почему еще в прошлом, позапрошлом году свободно продавалась изумительного вкуса кругленькая, упругенькая одесская тюлька домашнего соления? Почему рыбаков ловят и преследуют? Я понимаю — главная задача, чтоб не было. Но под каким научным девизом, вот что меня интересует. Действительно — святая цель, чтоб люди не ели, но хочется узнать, под каким предлогом! Запрещено ловить все месяцы в году? Рыбаку обязательно надо сожрать все, что поймал, и нельзя поделиться?

По утрам прутся куда-то в море какие-то колхозы. Они что, вообще не ловят? Зачем огромный флот? Сейнеры, траулеры, речные, морские, озерные? Куда улов идет? В правительство? В Кремль? Там столько не съедят. В Москве бычков и камбалы черноморской нет. Куда деваете? Конторы сжирают, что ли? Рыболовецкие правления? Так там вроде милиция круглосуточно дежурит. Не купишь у рыбаков ни штучки.

Последний раз спрашиваю, куда девается свежая черноморская рыба? Почему мы должны доедать это мороженое несчастье с Дальнего Востока, которое уже кто-то ел? И не надо мне доказывать с цифрами в руках, как увеличилось потребление рыбы. Я по роже докладчика и так вижу.

Что они мне докажут? Что она есть? Когда я ее уже столько лет не вижу. Что же за специалисты такие вести вековую борьбу со жратвой? Что же они так остервенело вырывают у нас из рук бычка, судака, кильку, куда несут конфискованное? В пользу государства? Это куда же? Какое государство вырывает кусок изо рта у своих граждан в свою пользу? Все знают, что такое — в пользу государства. Это либо дохнет за углом, либо тут же под водочку — в ближайшем отделении.

Могли бы объяснить, почему рыбы нет, — объяснили бы. Могли бы дать — дали бы. Не обучены! Выращивать, вылавливать не обучены. Отнимать, отбирать, разгонять, привлекать — обучены. Может, рыбу ловить нельзя? А почему? Объясни, если сумеешь. И, если мы согласимся, все равно дай съесть уже пойманную, куда ты ее поволок?

Вспоминаю виденные в кино огромные, переливистые рыбные базары, тысячи, миллионы разных рыб.

Два вопроса: почему она там есть и почему ее здесь нет?

На даче

Сидишь поздно вечером на даче, все поет и цвирикает. В голове ни полмысли, от стола тошнит, от бумаги бросает в сон. Сидишь, лежишь, а в голове пусто — ни монологов, ни диалогов, ни рассказов, ни мыслей, ни слов, ни интонаций, ни ударений.

Пишу отрывки из романа, пишу краткое содержание пьесы. Кстати, в нем лаконичнее. «...Жизнь манекенщицы. Участник эпизодов и автор краткого содержания ваш корр. Женская стройность обещает приключения...».

Все болит. Утром пробежался и в десять бодро сверзился с небольшой высоты. Решил удачно пробежаться вниз. Забыл о себе. Пятьдесят два года — тут же зацепился за корень и с криком рухнул в кусты, где, к сожалению, никого не было. Некоторое время в кустах было тихо. Позже выполз. Слез уже не было. Их покрыла пыль. Пыль покрыла морщины и седину. Припадая на две ноги, завершил спуск.

Мысль, что держал в голове, — потерял, оставил достоинство, тщеславие и на одном жизнелюбии доковылял к воде весь в пыли. Сползая с плит, попал между... Вода окрасилась эстрадной кровью. Сердобольные женщины прикладывали водоросли. Громко кричал: «Почему я такой несчастный?» А ему говорили: «У тебя талант, ты должен страдать».

— Он же не для меня.

— Да, он для других.

— А мне что? Что мне? На чем я держусь, не знаю. Хотя немного удач, чем же я его питаю, несчастными?

— Неси крест, — кричали они, — неси!

И он стал наблюдать жизнь, проклиная судьбу и не имея сил в ней участвовать.

Ох и пляж в Одессе! «Плиты». Ими укрепили берег, и мы на них ходим в шторм и ветер, как на нерест. Девочки хороши необычайно, говорю как наблюдатель. Одна подошла близко и стала говорить с моим соседом.

— Павлик, чего ж ты не ходишь по берегу, чего ты сидишь на месте? Ты же всегда ходил. Что, уже девочек нет приличных? Павлик, что ж ты сидишь? У тебя плохо со здоровьем? Почему не ходишь, не ищешь девочек, Павлик?

Она не сдержала себя, открыла прелестный ротик и испортила прекрасную фигурку и дорогой купальник. Еще, оказывается, она вышла замуж за грека по переписке и уезжает в Грецию, где ее ждет большое будущее.

Пляж в Одессе — та же дискотека, но без музыки. Полотенца «Мальборо», трусы «Адидас», розовый свтящийся грим на щеках. Несколько теряют, сползая к воде. Волны бьют их о камни. Бьют по щекам, смывают ресницы, стаскивают купальник.

Не могу принять ни одной приличной позы — все побито. Пытался ногу на ногу — с криком прекратил. Руки за голову — не осилил. Когда поза стороннего наблюдателя дико прокалилась, пополз к воде, где был избит волнами, ободран об плиты и окончательно потерял товарный вид.

Девушки-статоры наводят токи в мальчиках-роторах и приводят их в движение. Причем скорость ротора прямо пропорциональна силе тока. То есть источник энергии мужчин нам известен. Женщины получают ее от солнца.

Чрезвычайно высокий уровень мышления во время лежания, когда ни полмысли в голове, ни полслова на бумаге. Можно использовать этот уровень, чтоб раскладывать слова, изучать язык, теряя жизнь, а можно исследовать крупнейшие проблемы человеческих движений.

— Поздравь меня. Я уже мама. Теперь ты мне можешь позвонить.

Жизнь дергает за локоть. Записал очень хорошенький, хотя и быстро располневший телефончик, плохо понимая, почему надо было ждать родов. И вообще потерю качества с обеих сторон.

— Как же супруг?

— Он знает, если я чего-нибудь захочу... Ты тоже знаешь.

— Нет. Я знаю, если ты чего-нибудь не хочешь.

Из-за ссадин и царапин невозможна длительная поза. Ни нога на ногу, ни руки за голову. Слушаю униженно, думаю о себе плохо.

По утрам я бегу, чтоб сохранить жизнь и доставить всем удовольствие. Мой бег не приводит к преодолению расстояния, ни к чему, кроме размышлений. Двадцать — двадцать пять минут по самым мерзким часам. Любая собака останавливается, чтоб отметить

бегущего. Ни догнать, ни убежать. Проклинаю своих и чужих, тех, кто открыл, что очередное издевательство над организмом приносит ему пользу. От этого наше общество, видимо, самое полезное.

Измученные лица друзей, мчащихся навстречу. Где мышечная радость? Конечно, влезь в печь, вылезь из нее — и ты обрадуешься. Спорная мысль, что эта гадость продлевает жизнь. Кому она нужна в этом состоянии? После тридцати минут дикого бега — четыре часа мертвого лежания. Приятно разбит весь день. Ничего не хочется делать. Впечатление нереальности происходящего, и только кверху задом торчащий хозяин дачи реален, как маяк. Два рубля за килограмм с шести утра. Что он заработал? Живот торчит в одну, зад в другую сторону, сутул и молчалив. Вкалывает в виде протеста существующей действительности. Я в виде протеста валяюсь. Какое все-таки разнообразие форм. Он желает работать на себя, я не желаю. Хотя тоже имею свой участок в виде мозгов, где давно уже не появлялся.

Не покидает ощущение, что всем все давно ясно и что мне нечего сообщить. Придумать хитрый сюжет по поводу недопоставок редукторов с изменой жены и любовницей на стороне? Все знают. Описать родную природу, то есть дать сигнал, что отошел от размышлений рановато и я могу не суметь?

Из моей жизни получится только одна пьеса с банальным сюжетом. Жил, жил, жил и помер. Новостей!

— Что же делать, если я вас люблю, так уж вам и мне не пофартило. — Вы говорите потому, что знаете, что у меня не подмажешь — не поедешь. — Да нет. Мне ехать-то уже не надо. Мне иногда поговорить, и то если вы будете молчать.

Труженик проходит с лестницей, с корзинкой, с ведром, с лопатой, с молотком, со шлангом. Откуда у него этот трудовой энтузиазм? Мы это слово уже отвыкли писать. Деньги давай, за которые тоже ничего не купишь. Ну, он продаст помидоры, потом клубнику, потом яблоки, потом цветы, потом картошку. Получит три рубля с рожки за море, солнце и водопровод. Деньги требуют, чтобы их вкладывали, не развлекались на них, а вкладывали. Это и рождает чувство хозяина не на земле, как пишут, а земли! Или мастерской! Не трогая основ, давно пора весь быт, то есть досуг, отдать

друг другу... Один будет удовлетворять потребности другого в еде, лечении, развлечении и услугах.

Я долго думал, что посоветовать правительству, находящемуся в творческих муках, и ничего не придумал, кроме нэпа, который придумал не я. Отдать быт друг другу и освободить от него правительство и любимые плановые органы. Честный и ясный нэп. И не бояться отдельных растущих личностей. Их можно приструнить. Опыт у нас огромный. Зачем лучшие умы держать в карающих, а не созидających органах? И деньги должны быть деньгами, а не сбережениями, и предметов должно быть больше, чем людей. Перестать прислушиваться к большинству. Оно хуже соображает. Быт — сам на себя, и он получится. Не мешать одному гордому человеку оказать другому гордому услугу за деньги. «Ты — мне, я — тебе», если вы не знакомы, — самый здоровый принцип.

Наблюдение за напряженным трудом хозяина приводит к жутким выводам. Трудолюбие одного человека безгранично. Трудолюбие коллектива ограничивается началом. Борьба с частным сектором бессмысленна! Надо их признать и перестать печатать письма лодырей и кляузников как голос народа. Мой хозяин должен иметь деньги, жаль только, что на них нечего купить.

Вот он прошел с мешком, надо выдернуть сорняки руками, потом вскопать и кое-что посеять. Рыбка моя! Следующее поколение ничего уже про это не знает, им столько лет втолковывали, что человек на базаре — частник, в машине — частник, с кистью — частник, с молотком — частник и пилой — частник, а вот с пустыми руками — хозяин! Тогда он стал ходить с поллитрой.

С пол-литрой плохо, а частником — нельзя. А сколько может попасть на симфонический концерт? Валяться у телевизора, участвовать в спортивных состязаниях?

Ой, ребята, отдайте нам нашу жизнь. Оставьте себе тяжелую промышленность и судостроение, пока еще живы старики, и вы увидите, как изменится. И распорядители поменяются на руководителей, и хозяйева на земле станут хозяевами земли, как и положено человеку. Мужчины перестанут быть детьми, женщины — мужчинами, а дети — взрослыми. Женщины станут женщинами, и их красота снова будет ценностью или,

хотите, капиталом. И к маленькой разнице физической прибавится восхитительная разница психологическая, приводящая такие массы в движение.

Солнце село, я уже не вижу букв, а он все работает и работает. Дай им волю...

Что делать?

Я сделал мерзкое открытие.

Критиковать нашу жизнь может человек слабого ума. Настолько все ясно. Простейшие организмы изрекают, чего не должно быть.

Этого, этого, этого, этого. Самый элементарный подведя итог: этой жизни быть не должно.

Теперь высокие умы сели соображать, что нужно сделать. Думали-думали, думали-думали и сказали:

этого не должно быть;

этого не должно быть;

этого не должно быть.

А должно быть:

это;

это;

это.

Как перевести из «этого не должно быть» в «это должно быть»?

Думали, думали: попробуем так...

Попробовали.

Нет, этого не должно быть.

Попробуем так...

Попробовали...

Нет, и этого не должно быть.

Итак, что не должно быть, знает каждый.

И что должно быть, знают все.

Перехода не знает никто, поэтому сдается мне:

а) перестать думать;

б) перестать действовать;

в) оставить все в полном покое.

Организм, возможно, соберет себя сам. И медленно начнет совершенствоваться.

Второе внезапное обращение к детям

Дети! (Не дети мои.)

Дети!

Ирония спасет вас.

Вас спасет юмор.

Вы уже не те, что мы.

Сегодня меня спросил маленький мальчик восемнадцати лет:

— Михаил Михайлович, как вы думаете что-нибудь изменится в нашей стране? Мое поколение совершенно безразлично, я единственный, кто задает себе этот вопрос.

— Значит, что-то изменилось.

Дети!

Вы все видите.

Мы не можем воспитать вас.

Нам нечего передать вам, кроме торговых связей.

Кроме приписок, подлогов, краткого содержания частного определения, анализов, рентгенов, обваливающих потолка, стонущего пола, зависти, плохих воспоминаний, незнания предметов, обычаев, нации.

Бросьте нас.

Не пригодится вам ничего из того.

Начните с самого начала.

Из нас вам не подойдет ничего.

Соберите что-нибудь из арифметики, грамматики и плывите к людям.

Из техники — не сообщим вам.

Из медицины — не сообщим вам.

Из истории — наврем вам.

Из физики — не сообщим.

Из биологии... Все труднее нам выглядеть людьми — это уже стоит чудовищных усилий и удастся единицам.

Извините нам ваше рождение — слепое, как у кошки.

Не ахайте от чужой техники, не восхищайтесь, начните сначала, разберитесь сами и не спрашивайте.

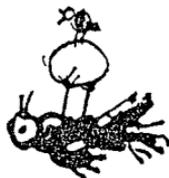
Ответов наших не слушайте.

Советов наших не слушайте.

Леченье наше, ученье наше не принимайте.

Пожалейте нас и уходите.

Что бы мы ни говорили, мысленно мы с вами.
Мы давно носим вашу одежду.
Поем ваши песни...
Крадем ваши слова.
Мы жалкие, и не жалеете нас.
Будильники наши.
Кошелки наши.
Идеи наши.
Культура наша.
Не жалеете нас, а пожалейте и уходите.
С вами наша зависть.
С нами ваше прошлое.

Браво, сатира!

С а т и р и к. Здравствуйте, дорогие друзья! Добрый вечер! Товарищи! Сколько можно?! В каждой приемной сиди, за пустяковой бумагой стой. А эта организация производства? Когда наконец дурак перестанет попадаться в наших кадрах? Нет движения среди персонала. До каких пор будет пробиваться здравая мысль? Где она? Улицы полны грузовиками. У нормального изобретателя нет шансов. Ум сквозь портьеру глупости, острое слово под одеялом, темень и соглашательство, тупость и невежество. Долой этих людей! Где мы?

Бурные аплодисменты, сатирик кланяется.

К р и к и. Браво!

С а т и р и к. Не за что! Спасибо! Не за что!.. (*Ловит букет.*) Спасибо, деточка, тебе понравилось?.. Особенно про кого?.. Про учителей. Приходи, каждую пятницу мой вечер, а по средам я с вокалистами. Целую всех, целую всех. Какая публика!

И з з а л а. За нехватки металла — bravo! Bravo!

С а т и р и к. Спасибо! Да. Я понимаю. Спасибо!

Г о л о с. Бис! Про очереди! Бис! Еще! Еще!

С к а н д е ж. Еще! Еще!

С а т и р и к. Ну хорошо! Внимание (*Прокашливается.*) Вопросы качества...

Аплодисменты.

(*прокашливается*) нас волнуют, но не тревожат. (*После паузы.*) Главное — обеспечить всех штанами, а потом будем бороться за то, чтобы их носили.

Грохот.

К р и к и. Bravo! Bravo! Бис! Бис!

С а т и р и к. Главное — обеспечить всех штанами, а потом будем бороться за то, чтобы их носили.

Аплодисменты, крики «Браво!», снова аплодисменты.

С а т и р и к. Ну что вам исполнить? Какая публика изумительная, ну, заказывайте.

Г о л о с. Про бюрократов, пожалуйста!

С а т и р и к. Я все не буду, только концовку. *(Исполняет.)* За каждой справкой неделю ходить. В каждой приемной день сидеть. Каждая резолюция дается с бою, и далеко не каждая выполняется. Бюрократов не просто мало — их много! Долой! Все!

Буря аплодисментов. Скандеж.

(Поднимает руку.) Где справедливость? В школе холодно. В институте конкурс родителей. Именно с усилением морозов холодеют батареи. В магазинных овощах — гниль. На рынке — недоступно. Как же так? Где же это? Неужели здесь? Доколе?!

Г о л о с. Боже! Как он не боится?.. Изумительно. Мысль. Стыль. Bravo! *(Отчаянно.)* За плохое отопление — спа-си-бо! За низкую зарплату — bravo!

С а т и р и к. Спасибо! Спасибо! *(Кланяется до пола, встряхивает гривой. Показывает на горло.)* Я еще сегодня в трех местах. Пишите мне, я буду отвечать вам с открытым забралом. Так, взявшись об руки, мы будем устраивать вечера. Мы будем смеяться лучшим смехом мира, смехом сквозь море слез. В ответ на каждую нехватку будет слышен наш хохот и крики «Bravo!».. А когда этот хохот перейдет в истерику, его уже не остановит ничто. Спасибо! Спасибо!

Лица прохожих

Надо достойно ответить на обоснованные, хотя и беспочвенные жалобы иностранцев — почему у вас люди хмурые. То есть у нас! Для них у «вас» — это у нас. Какие-то вещи не мешает уточнить, перед тем как ринешься в драку. Да! То есть. Нет. Хотя для неопытного взгляда — да. Как правило, прохожие озабоченные, в основном, в принципе, деловые, как правило, и тихие. Иногда детский смех птичкой вспорхнет, на него шикнут, он упадет камнем, и снова тишина, наполненная гулом машин и ширканьем подошв. Но уже не в ногу, что хорошо, а вразнобой.

Перед тем как объяснить иностранцам, поговорим

внутри. Прохожие озабоченные и невеселые. Это, конечно, сволочные магазины такое влияние имеют и дикие зубные врачи с плохими исходными материалами. То есть внутри наш человек все время хохочет, а наружу улыбнуться нечем. Особенно сельскому пожилому человеку женского пола. И дело не в низких урожаях, а в низкой квалификации местных стоматологов. Вот он или трудовой рукой рот прикрывает, или мрачно смотрит вниз.

Бросаются в глаза тяжести, перемещаемые нашими людьми вручную на огромные расстояния. Опять магазины. Где что дают — не знаешь. И принимаешь тяжесть на себя. Поэтому в моде сейчас рюкзаки, которые не мешают носить кошелки. Парадоксально видеть на улице такое ходячее противоречие, когда в магазинах вроде ни черта, а торбы в руках пудовые. Это пчелиный труд — обойти все цветы, чтоб в деревню привезти то, что там производят. И, конечно, озабоченность судьбой страны, которую разворачиваем уже шестой раз в попытках поставить по течению.

Количество милиции, конечно, возбуждает, хотя, с другой стороны, частота, с которой хочется крикнуть: «Товарищ милиционер!» — не уменьшается. Народ мечется в поисках милиции и какого-нибудь начальства. В крови несем: увидел — сообщи! Выросли со словом «сообщи». Увидел — сообщи в милицию, почувствовал — сообщи в газету. У кого-то заподозрил — сообщи комитету. У себя заподозрил — сообщи врачу. Сообщи, сообщи...

Вот висит кирпич — сообщаем, а там мгновенно — штаб ликвидации, не так чтоб ликвидировать, как поделить ответственность. Повышенная мрачность населения порождает мрачность животных. Корова хмурой не рождается. Корма, корма. Где ее нос, а где ее корма, скаламбурил автор. Уличные собаки, также озабоченные жильем и кормами. Все чаще на воротах: «Вход воспрещен — злая собака». То ли собака злая, потому что вход воспрещен, то ли он воспрещен, потому что она злая.

И, конечно, у начальства, которого у нас впервые в мировой практике больше, чем подчиненных, хмурость является боевой практикой руководства остатками незрелых масс.

Что значит достать до печени абсолютно равнодушного служащего? Надо его виртуозно оскорбить. Причем

достать до печени и там оскорбить, будучи равнодушным или даже веселым самому. Это происходит под девизом: «А ну-ка, позови его, я сейчас при тебе с ним буду жить!» Услышав такое веселое поручение, не подозреваешь, что культурный секретарь может так преобразиться. А он преображается и виртуозно глубоко оскорбляет чужое достоинство, откалывая от него целые куски. В ход идет самое сокровенное: и косой, и хромой, и неспособный, и «если вы думаете, что услуги, которые вы оказываете жене начальника, вас освобождают... и если вы думаете, что обед, на который вы меня позвали, вам дает, то я душу вашу видел и имел в гробу для всякого рода восклицаний!».

Такой разговор порождает ответную хмурость, которая дикой грубостью расцветает в семье, где к тому же грубящий уже давно не является кормильцем, а такой же рядовой истец, как и его супруга, получившая втык от соседей за шум после одиннадцати.

Эта всеобщая атмосфера вздрюченности, построенная на незаинтересованности, попытках допугать до конца, тоже отражается на лицах и так расстраивает наших идейных врагов из-за зеркальных стекол автобуса. Кстати, и у них рожи перепуганные. Но об этом потом.

Одеты мы путем разных махинаций уже неплохо. С голоду благодаря своей индивидуальной деятельности не падаем. А вот хмурость и грубость бросаются в глаза. Заклинение печати, что, мол, увидев пустой магазин, пересильте себя и улыбнитесь, осуществляется с трудом.

А тут выясняется еще одно обстоятельство. Большая приверженность верхов и низов к тишине. Вы заметили, как на чей-то смех или пение выскакивают пыльные мышастые старушки:

- Тсс, тихо! — И вскакивают обратно.
- Что такое? Что за ё.., еще попробуем?
- Лаванда-а!..
- Тсс-тихо!
- Чего это?
- Тсс-тихо!

Из всех подворотен, подвалов, чердаков, мусорников:

- Тсс-тихо, тише...
- А чего, ребята?.. Для чего такая тишина нужна?
- Тсс! Тихо!

На пляже среди бела дня кто-то заиграет на гитаре и запоет — «Тсс! Тихо!» — Ребята! Вы что, спите все или чего измеряете? Вам зачем такая тишина нужна?

Пискни где-нибудь, все навалится!

— Тихо ты, не видишь тут?..

— Что, что происходит, ребята?

— А ничего не происходит. И пусть так и продолжается!

А начальство, особенно городское и районное, ради тишины вообще жизнь кладет. Им, если все тихо, и премию дают и всяческие надбавки. Это от них идет шипение:

«Тсс, тихо!» — и нам передается: «Тсс, тихо, тихо чтоб!»

Тихо — значит, хорошо! Такой у них девиз. Поэтому лучше всего на кладбище. Поэтому они так любят чествовать покойников. Тихо, тихо чтоб.

Не дай бог, возглас или протест. Тсс, тихо чтоб. А освети прожектором — все замашут: «Тсс, выключи, тихо чтоб и темно чтоб...» Тьфу!

А теперь пришла пора объяснить иностранцам. Им надо сказать так: «Хмурость и мрачность свидетельствует о надежде, овладевшей массами. В то время как веселье и хохот сообщают нам, что такой надежды больше нет!»

Детский сад

Не страна, а детский сад. Дикторы говорят, как со слабоумными или детьми. Это не страшно, если человек много зарабатывает, именно зарабатывает, и если больше вас, то не надо мчаться в прокуратуру и КГБ, ну, если растут помидоры или огурцы. Ну не съест же он все сам, ведь другим продаст. Ну, он зарабатывает, но и они же с голодухи не помрут, он же постарается те помидоры продать людям, что же вы смотрите на него, смотрите на них! Ну, правильно — купил мотоцикл. А те, что у него купили огурцы и виноград, смотрите на них, что с ними сделали — съели, детям дали, в больницу повезли. А назавтра стали крепче себя чувствовать, и что — стали лучше работать, и что — тоже могут купить мотоцикл или плащ от дож-

дя. Ну? Так что ж плохого? А то, что богатых нет, хорошо? Хорошо! Теперь надо и чтоб бедных не было!

А если он разбогател, ну, не по ихним, а по нашим понятиям. Это что значит? «Жигули», шесть соток, погреб, четыре дерева, три куста этой гадости и шесть грядок картопли майский маркиз. Одно слово — разбогател. Теперь его личный прямоугольный зад и овальный зад его жены круглосуточно торчат из ботвы, вызывая справедливое возмущение окружающих. Но даже, товарищи, если он разбогател и пытается купить импортный насос, чтобы увеличить количество продаваемых нам помидоров, мы не должны с такой настойчивостью привлекать его к уголовной ответственности, чтоб не рубить сук, на котором, извиняюсь, мы все сидим.

Что же это, деточки, тут уже не идет речь об интегральном мышлении специально обученных офицеров, тут речь об элементарных извилинах по охране окружающей среды, куда со всей силой входит согнутый пополам частник на своем огороде, который единственный нас кормит, ибо поставки колхозов, связанные с недопоставками, недовложением, недополучением, волюнтаризмом и высокой трудовой апатией, на рынок не происходят, а магазинный укроп, выращенный корнями вверх, гасит аппетит еще до появления резей в желудке.

Мировая общественность с удивлением наблюдает, как впервые в мировой практике население огромной страны отчаянно борется с производством продуктов для питания, обуви для ног, одежды для тела под научным лозунгом «социальная справедливость», в переводе означающим: не все еще, товарищи, у нас живут одинаково, сюда, товарищ милиционер, сюда!

А выдвинутые из собственной среды фининспекторы и запретители тщательно следят, чтоб все происходящее в их округе не превышало их зарплату, хотя и без учета пайкового и жилищного обеспечения, а иначе — за что боролись? Вот это «за что боролись» очень мешает своими боевыми воспоминаниями наладить мирную жизнь. Мы туалетами не пользовались, а вон что понастроили! Боевая молодость, ножны, шашки, галифе... старый мир разрушим, новый мир построим... Теперь медленно-медленно, постепенно-постепенно и тихо-тихо, как малым деткам...

Все! Хватит бить друг друга. Хватит писать друг на

друга, не такие уж могучие наши следственные органы, это наши доносы их питают. Поэтому они директора поймать могут, а домушника — никогда. И, позвольте, товарищи, детки наши милые, тихо-тихо сказать: не должен самый умный, самый энергичный, самый деловой свой лучший возраст проводить в тюрьме. Даже если он там плетет веники или сколачивает ящики для тары, ибо здесь он своим подпольным цехом снабжал нас всех туфлями, поэтому и разбогател, что мы их покупали.

Не надо сажать прораба, что за кран для производства бутылку давал и приписывал — приписывал, чтоб строить. Он, тот прораб, наоборот, себе вроде ничего не взял, а тоже сел. Значит, видишь: тот себе взял — сел, этот себе не взял — сел. Закон нарушать нельзя. Конечно. Но если количество нарушений перешло за двести пятьдесят миллионов всех жителей Союза, то, может, хватит нас подлавливать, может, заасфальтировать там, где мы ходим, и вместо дыры в заборе поставить ворота, ибо наши обходные пути и есть широкая народная дорога! А?! Девочки?

Надо массово выпустить экономических заключенных, сидящих за особо крупные хищения, которые в нашей стране никакого смысла не имеют, ибо в драгоценностях ты не пойдешь на самый ночной сеанс в кинотеатр «Партизан», а лучшее, что у нас есть, — любовь — наша женщина нам дарит за сострадание к ней. Надо их выпустить! А? Что они там будут сидеть? Что они там, канал роют? Они те убытки возмещают по три рубля в месяц, а на свободе они бы их покрыли за два года, и мы б все в импортных кроссовках сидели. А что? Может, нам выгодно их сидение, что они там такие физически крепкие? Их же там очень много. Никто не считал, но, видимо, миллионы. Так чего они там делают? Исправляются. От чего? От желания заработать? Это исправляется только возрастом. С возрастом желание заработать переходит в желание сэкономить. А ежели кто-то думает, что в тюрьме работают лучше, то я б ему тихо возразил: мол, мы б тогда давно всех обскакали по роскоши и благополучию, а если этого еще не происходит, давайте попробуем на свободе. Не за страх, а за совесть. Хватит кнутом, давай пряником попробуем. А если получится, будем продолжать пробовать до состояния ликования. Пусть богатеют. Кто? Мы! Пусть богатеют, пусть получают огромные деньги

и строят огромные дома. А ну, что выйдет! Давай теперь так попробуем.

То, что мы ничего никому не разрешали, — мы уже пробовали. Тоже вроде хорошо. А теперь попробуем всем все разрешить. Ну не в смысле снова ломать, а снова строить. Себе! Себе! Пусть они строят себе! Пусть произойдет самое страшное. Пусть наши люди используют государственные машины и материалы в личных целях, государственные станки, все производство — в личных целях. Они, то есть мы! Пусть строят себе дома, бани, погреба, гаражи. Когда они все всё себе построят, окажется, что нам не надо им ничего строить, ибо они уже все себе построили. А это еще что даст — не надо будет тут же переделывать или со скандалом давать ему то, чего он не хочет. То есть запрещать все было хорошо и разрешать все будет хорошо, просто то мы уже пробовали, теперь попробуем это. А? Детки?

Такая огромная, такая красивая страна, со своим югом, севером, с сотнями разных языков, архитектурой. Давайте попробуем все разрешить и подумаем тут же, куда пойдут работники запретительных органов. Там крепкие ребята, и надо их прилично устроить. У меня друг капитан теплохода «Одесса» — Никитин. Так он их танцевать заставлял А что? Пароход ведут не такие красивые, но квалифицированные. А эти у него танцевали с туристками, с красивыми дамами, которые хотят именно сегодня вечером и танцевать, и вспоминать, и любоваться своим закатом. Пусть! Дешевле обойдется всем, если они будут танцевать на полном народном обеспечении, чем скрупулезно, не дай господь, исполнять свои нелегкие обязанности.

Как, детки, хочется. Как хочется, детки, чтоб все было в магазинах, и не в какой-то западной стране, а в нашей, ибо мы заслужили, как никто, своим терпением.

Мы дали на себе проверить все самые передовые идеи, все системы земледелия и травоборота, все веяния в градостроительстве и всеми своими родственниками заплатили за вспыльчивый характер верховного главнокомандующего.

Мы видели все, только не видели полных магазинов, на чем создано много прекрасных художественных произведений, в том числе сатирических, звучащих остро в данный момент. И нам надо выбирать:

или сытно есть, ухудшая качество поэзии и сатиры, или полуголодно создавать немеркнущие ценности человеческого духа.

Первое хорошо и второе хорошо. Но первое мы уже пробовали. Наша сатира на первом месте в мире, давай теперь попробуем второе. Хорошее горячее второе. И хрен с ней, с той великой сатирой, столь достойной этой великой страны, что только что, даст бог, начала возрождаться!

Прэсса дает!

Собратся также они там могут, но испытывать при этом счастье — никогда.

Смотреть вместе кино они тоже могут, но так ликовать, так расстраиваться? Почему наша жизнь полней и убедительней?! Почему нас обуревают такие страсти?! Почему наша жизнь счастливее, ярче?! Во всем. В каждой мелочи. Именно мелочи делают нашу жизнь такой привлекательной, и радость мы испытываем гораздо чаще.

Разве они могут всей страной прочесть одну книгу и узнать о себе потрясающие новости? Разве они когда-нибудь поймут, что значит узнавать исторические, генетические, сельскохозяйственные подробности из художественной литературы?

Разве они почувствуют такую отдачу от писательского труда? Ведь писатели у нас дают путевку в жизнь офтальмологам и конструкторам. В художественных журналах инженеры, техники, юристы ищут и находят ответы на профессиональные вопросы. С какой жадностью население читает! Где еще столько читают в любом транспорте и вздрагивают от сладкого мщения или открытия? А как мы расстраиваемся от газетного холода? Где, в какой стране народ так расстраивается от тона газет? Кажется, скисли, кажется, им заткнули рот?..

Вдруг ликующий крик: «Читали?! В этой маленькой... под дых характеристикам... А-а-а! Звезданули Главное юридическое управление Министерства иностранных дел СССР. А-а-а!» — «Где?...» — «Вот! Вот и вот».

Народ уткнулся... Все проехали свою остановку... Все содрогнулись от смелости малышки. Как стреляет? «Читали?... Удар по армии?» — «Где?» — «Сельская жизнь» за семнадцатое». — «А-а-а!..» Все снова проехали остановку. О-о-о! Елки-палки! Прэсса дает! Звездает по площадям.

Три дня тишины... «Известиям» заткнули рот... «Московские новости» громят только по-английски, по-русски лижут зад администрации, «Литературка» укусила сама себя и отравилась. «О-о-о! А-а-а!» В криках народ снова проехал свою остановку.

— Слышали, вызвали телевидение и сказали: если вы, гады, еще раз покажете «12-й этаж»?.. А те заныли: а что нам делать, мы же уже отменить не можем, мы шесть раз показывали. А им сказали: Вот, гады, теперь выкручивайтесь, и чтоб передача была, и чтоб министров не порочили, и чтоб гласность была, и чтоб выкриков не было, и чтоб цены повышались, и чтоб люди одобряли, и чтоб свобода была, и чтоб митингов не было. Вот теперь и выкручивайтесь, гады. И они побежали на работу — выкручиваться... А-а-а!.. Во дела...

И народ опять проехал свою остановку.

— Ребята! А перестройка — это что?..

— Ты что, сдурел?

— Не, ну как?.. Вот я, допустим, слесарь... Мне как?

— Ты чего тут бузотеришь? Ты чего тут в таком большом деле подмигиваешь?

— Да нет... Я просто спросить хотел... Все кричат — перестройка... Это что? Мне лично?.. Опять, что ли, быстро, качественно, эффективно или, может быть, трудиться с отдачей?.. Я что хотел узнать, почему я понять не могу. Мне говорят: «Ты в самом низу, с тебя начинать». Ладно, я в самом низу. И мне как? По-прежнему эффективно, быстро, с высоким качеством или, может, с полной отдачей? Я потому и спрашиваю. Мне будет выгодно или опять быстро, эффективно, высококачественно, не снижая темпов, на своем рабочем месте?.. Я спрашиваю, перестройка для меня лично — это что?..

— Критикуй.

— Кого?

— Кого видишь.

— Ага... А когда мне будет выгодно?

— А кого выгодно, того критикуй.

— А-а-а!.. — И народ проехал свою остановку.

— Читали, «Социндустрия» потребовала пустить адвоката в КПЗ? А следователи закричали:

— Как, мы при адвокате вообще ничего не раскроем. Мы и так судим не тех, кто виноват, а тех, кого поймали. Мы не можем искать виноватого. Его вообще нет. Его нигде нет. Они давно уволились, переехали и погибли еще в гражданскую. С тех пор от них остались инструкции, по которым мы действуем.

А «Индустрия» закричала: «Как?» А все следователи завывали: «А вот так...» А «Индустрия» как шепнет: «Меняйте!» А следователи как застынут: «Что, все менять?» А «Индустрия» тогда побежала выяснять, почему овощей мало на станции Раздельной и их не завезли и вообще до каких пор сами водители будут нарушать проезд через осевую...

— А-а-а!.. Прэсса. Ну, прэсса!

Метро гудит. Народ ездой не интересуется. Народ компанию ценит.

— Читали, «Московские новости» на китайском языке сообщили о новых правилах выезда?

— Сюда?

— О, кретин!

— Чего ты ругаешься? Я же китайского не знаю.

— Тогда тихо стой.

— Теперь, чтоб выехать...

— Сюда?..

— Слушай, ты же хвастал, что тебе на «Пушкинской» выходить? Чего ты торчишь?

— Ну, рассказывай.

— Так вот, новые правила выезда — три человека дают тебе характеристику и к...

— Так что, три человека должны послать?

— Да. Раньше один послал, и ты хочешь идешь, хочешь не идешь, а сейчас трое посылают, и ты хочешь не хочешь, а едешь.

— Сейчас дали много самостоятельности заводам.

— Дали?.. Кто дал?..

— Мы. Завод может сказать: «Не хочу делать туфли, хочу надгробья».

— И чего?

— «Пожалуйста, с 1 января».

— Слушай, а если все заводы скажут — хотим делать надгробья?

- Пожалуйста, но только с 1 января.
- А кто же будет делать радиоприемники?
- Вот... Когда заводы увидят, что спрос на надгробья удовлетворен, они все бросятся делать приемники и удовлетворят.
- Здорово.
- Конечно. В этом суть.
- Слушай, а с ускорением как?
- Ты что, решил к «Пушкинской» с другой стороны подъехать?!
- Ну, давай, давай.
- С ускорением сложней. Здесь от темпов зависит. Здесь прэсса сомневается. Прэсса здесь попросила перерыв. Они слегка выдохлись, много на них навалилось.
- Но слушай. Вот я, кроме как в метро, нигде никаких перемен не чувствую.
- Это у тебя что-то с организмом. И тут не в переменах дело. Тут когда жизнь лучше станет, вот это главное не пропустить.
- Ну, так прэсса ж даст знать.
- Даст, даст. Скажут, когда будет.
- А я за сорок пять лет ни разу ни до чего не дожил, может, сейчас доживу?
- До смерти доживешь.
- Я как скажу «будет», так жена в меня тряпкой.
- Нервная?
- Слово это не переносит. Будет хорошо. Будут продукты. Не будет очередей. Будет квартира. Вспомнить нечего. Только мечтать. Она кричит: «Уже дед скоро, а все мечтаешь!»
- А чего, мечтай, дед. Ты видал покойников — большинство улыбается, значит, в мечтах отошел, но, думаю, на сей раз до чего-то доживем. Последний раз экспериментируем.
- А если неудача, что будет?
- СПИД! Читал про СПИД?
- А чего?
- А ничего...
- Вообще?
- Ага!
- И надолго?
- А пока лекарства не будет.
- А если попробовать как-то иначе?

- Именно от этого и происходит.
- Так что, вообще никак?
- Вообще.
- А как же?
- А как хочешь.
- Тьфу ты! Опять! Мясо — как хочешь, рыбу — как хочешь, и тут — как хочешь...
- Как хочешь.
- Самостоятельность?
- Самостоятельность.
- И хозрасчет?
- И хозрасчет.
- Тьфу!.. А если?..
- Нельзя. Пусть пойдет, обойдет всех врачей, принесет обходной лист, возьмет характеристику, после этого — и ни при каких обстоятельствах... (*Шепчет.*)
- Изоляцией?
- Да.
- А целовать?
- Передаст.
- А обнимать?
- Передаст.
- От сволочь...
- Где ты читал?
- В прэссе!
- Ну, прэсса. От прэсса!
- Теперь демократия. Это как?
- Это если ты не согласен.
- Ну?..
- Вот. Теперь ты можешь быть не согласен.
- Ага... И долго?
- Ну, долго я б не советовал... Ну, пока это происходит, можно.
- А зачем это мне?
- А я сам не знаю.
- И чего?
- Ничего... Так и живи...
- А не поймают?
- А ты никому не говори.
- Ага... Тогда конечно... Это облегчение.
- А как же...
- И до каких пор молчать?
- Пока не согласишься.
- Тогда уже молчать не стоит.

— Можно и высказаться, но тоже осторожно.

— Это облегчение.

— Это большое послабление!

— Прэсса добилась?

— Прэсса!

— Ну, прэсса!

— Да, прэсса тут все и завертела.

— А где она?

— А всюду. Я тут заходил в одну. Эти ребята... Ух, разворотистые. На Пушкинской, вернее, там милиция. Глянул через окно с улицы, поверишь: стол, стул, телефон, бумага и больше ничего.

— Ничего?

— Ничего.

— А как же он громит?

— Вот так.

— Значит, перестроился...

— Перестроился.

— Ну, прэсса...

— Ой, прэсса!

— Слышали, всю прэссу вызывали: «Чего у вас каждый день тайфуны, аварии, вы что, сдурели?» Те туда, сюда, мол, это не мы, мол, это стихия. А им: «Если у вас настроение хреновое, вы на людей не вымещайте, уменьшите, к чертовой матери, вдвое всю эту гадость». Те: «Есть!» — и давай себе о зэках писать. Мол, сидит, а не виновен. Сидит, а не виновен. Их опять вызвали: «Опять народ будоражите. Каждый, кто сидит, — виновен!»

Сидят, никому не мешают. Уже сто комиссий, мол, проверяло:

— Как вы тут, зэки?

— Все в порядке. Хорошо сидим. Езжайте домой!

Ну, те вначале кричали, что много сидит, сейчас кричат: «Не! Кажется, немного». И про прошлое уточнили. Раньше, мол, ужас сколько перед войной погибло.

Сейчас уточнили: «Не, кажется, ничего, не так много».

— Ну, прэсса!

— Да, сейчас они вообще — то притихнут, то вскипят.

— Читали? — И народ проехал свою остановку. Нечего читать, и народ вышел на своей остановке.

Непереводимая игра

Наши беды непереводимы. Это непереводимая игра слов — даже Болгария отказывается. Они отказываются переводить, что такое «будешь третьим», что такое «вы здесь не стояли, я здесь стоял», что такое «товарищи, вы сами себя задерживаете», что значит «быть хозяином на земле». Они не понимают нашего языка, ребята. Как хорошо мы все придумали. Мы еще понимаем их, но они уже не понимают нас. Ура, границы перестают быть искусственными! Наш язык перестает быть языком, который возможно изучить. Мы можем говорить громко, без опасений. Шпион среди нас — как белая ворона. По первым словам: «Голубчик, позвольте присесть» — его можно брать за задницу. Зато и наши слова: «Эта столовая стала работать еще лучше» — совершенно непереводимы, ибо, если было «лучше», зачем «еще лучше»? Да, это уж никто не поймет, хотя и мы — не всегда.

А наши попевки: «порой», «иногда», «кое-где», «еще имеются отдельные...»? А борьба за качество? Кому объяснишь, что нельзя сначала производить продукт, а потом начать бороться за его качество? И что это за продукт без качества? Что такое сыр низкого качества? Может, это уже не сыр? Или еще не сыр? Это сыворожка. А сыра низкого качества не бывает. И велосипед низкого качества — не велосипед. Это все дерь... сырье! Которое должно стать велосипедом.

И стали низкого качества не бывает. Сталь — это есть сталь, кефир есть кефир, сметана — это сметана. Но мы все правильно сдвинули, чтоб запутать иностранцев и сбить с толку остальных. То, что мы называем сметаной, сметаной не является. Когда нужна сталь, она найдется. А домашнее все — из чертежей тех конструкторов, что на низкой зарплате. Их тоже конструкторами нельзя назвать, как и эти деньги — зарплатой.

Только тронь комбайн, чтоб он чище косил, — чуть ли не историю в школе надо лучше читать. Поэтому уборку мы называем «битвой». А бьемся с комбайном. И все это «невзирая на погоду». Неблагоприятная погода в каждом году породила непереводимую игру

слов: «невзирая на неблагоприятные погодные условия...» Это значит — дождь. Как перевести, что дождь был, а мы — «невзирая»?

Как учат нас писатели: жизнь и язык идут рядом, я б даже сказал — это одно и то же. И непереводаемая игра слов есть непереводаемая игра дел. Я скажу больше — нас компьютеры не понимают. Его спрашивают, он отвечает и не понимает, что отвечать надо не то, что хочешь. Это тонкая вещь. Ему пока свезут данные, кое-что подправят; в него закладывают, кое-что сдвигают — и ему у себя внутри надо сообразить. Поэтому после него, перед тем как показать, тоже кое-что двигают. Спрашивается: зачем он нужен?

Привезли машину, чтоб свободные места в гостиницах считала. И сидит американский компьютер и дико греет плохо приспособленное помещение, весь в огнях, и не сообразит, кто ж ему свободные места по доброй воле сообщит. Это ж все конфеты, все букеты, всю власть взять и дурной машине отдать. Так что он давно уже из пальца берет и на потолок отправляет. Машина сама уже смекнула, что никому не нужна, но щелкает, гремит, делает вид дикой озабоченности, как все, которые никому не нужны.

Наши цифры непереводаемы. И нечего зашифровывать. Рассекретим наши цифры — ничего не узнаешь. Только свой понимает, что значит «бензинорасходы», «тонно-километры», «металлоремонт». Какая тут непереводаемая игра цифр, запчастей, самосвалов и частных. Только свой понимает, как приносить пользу обществу вопреки его законам. Только свой в состоянии понять, что не газета нам, а мы газете новости сообщаем.

— Правда ли, что здесь мост будут строить? — пишем мы.

— Правда, — сообщает нам газета.

Шпионов готовить невозможно. Их нельзя обучить. Мы-то учились по тридцать — сорок лет с отличием и такое научились понимать и раскусывать, что слова тут вообще ни при чем.

Поэтому, если кто хочет, чтоб его хорошо понимали здесь, должен проститься с мировой славой. Это относится к писателям, конструкторам и художникам Дома моделей.

Отодвинули облако и спросили

- Ты ее любишь?
- Да.
- Ты ее ненавидишь?
- Да.
- Ты ее не можешь забыть?
- Да.
- Жизнь без нее потеряла смысл?
- Нет.
- Что делаешь?
- Лежу. Думаю.
- Маму жалко?
- Очень.
- Себя жалко?
- Нет.
- В общем, все кончено?
- Да.
- Идут повторы?
- Да.
- Пьешь?
- Пью.
- Мы тебя застали как раз...
- Да. После этого.
- Извини.
- Можно попросить?
- О маме?
- Да.
- Это заблуждение. Мы не для просьб. Нельзя менять судьбу, нельзя.
- Одну...
- Нельзя. В ней больше, чем во всем. Нельзя!
- Знать хочешь?
- Нет. Совет какой-нибудь...
- Новости, которые ты считаешь плохими. Такие же!
- Я буду счастлив?
- Ты будешь доволен. Иногда.
- Друзья?
- Как тебе сказать?.. Ты слишком на них рассчитываешь.
- Женщины?

- Надежнее, но не бескорыстно.
- Рассчитывать на себя?
- Нет.
- На женщин?
- Нет. Не показывай людям.
- А вы? Поможете?
- Пережить, перетерпеть. Пережить-перетерпеть.
- Так мало?
- Совсем не мало.
- Бороться?
- Нет. Не ври. Делай что хочешь.
- Это просто.
- Не ври. Делай что хочешь.
- Это же просто.
- Не ври, делай что хочешь!
- А хватит сил?
- Вот когда тебе нужно соврать, ты чувствуешь?
- Да.
- Когда ты пишешь и не идет рука, ты чувствуешь?
- Да.
- Когда ты внезапно кладешь слово, которого ты не знаешь, ты чувствуешь?
- Да.
- И этот ритм?
- Да.
- И эту точку, которую кто-то ставит?
- Да.
- Это мы.
- Да... да... да...
- Вставай...
- Да-да-да. Я встаю...

Пять-де-сят три

Та же жизнь, но уже в очках, уже с болью в колене и родственниками в больнице. Мысли не напрягают тело, желания не переходят в действия.

Та же жизнь, но с ироничным взглядом. Чужая любовь не возбуждает, а для себя лень распускать то, что осталось от хвоста.

Та же жизнь, а чужие ошибки радуют больше, чем свои достижения, а мечты из созидающих переходят в разрушающие.

И на чей-то шепот: «Иди ко мне, мой милый», как бы ты быстро ни побежал, ты все равно лишний.

Та же жизнь, но ты уже знаешь, что слово «реанимация» означает лежание, а слово «лежание» означает хождение, а хождение — это мышление, а мышление — это старость, переходящая в тихое детство, если успеет, если успеет, если успеет.

Я так стар и спокоен...

что желаю вам счастья. Счастье — случай. Говорю как очевидец, как прагматик. Счастье, если тебе приносят ужин, а ты не можешь оторваться. Счастье, когда ты выдумываешь и углубляешься, а оно идет, идет и чувствуешь, что идет. Такой день с утра, за что бы ты ни взялся. И вокруг деревья, и солнце, и пахнет воздух, и скрипит снег, а ты тепло одет. Или в дождь, когда ты в плаще на улице и льет, а ты стоишь. И счастье — это человек. И путешествие не путешествие, и Африка не Африка, если его нет. А один маленький, нежный, невозможный.

Как мучительно счастливо, как больно и отчаянно, какие слезы от немощи выразить ему. Ты только смотришь на него... Твои глаза как два прожектора. Ты светишься, ты светишься.

Она существует. Эта мучительная борьба нервов. Эта тревога рядом и боль вдали. Это мучение, так мало похожее на радость. И рождается между сердцем и дыханием.

И только потом, когда спадет высокая температура, ты поймешь, что это было.

А этот маленький и нежный, весь твой, ребенок или женщина. Он приходит и занимает весь дом, всю душу. С ним идешь и удивляешься. С ним впервые видишь и рассматриваешь книги и травинки и начинаешь понимать кошек и собак, чувствуешь добрые руки угрюмого человека и говоришь, говоришь, говоришь, стены переходят в улицу, улица в лес, а ты говоришь, как будто никогда этого не делал. Пропадает стеснительность, исчезают корявые слова, и ты говоришь, говоришь, говоришь...

Птичий полет

Бессонница — размышление от возбуждения и возбуждение от размышлений.

Прохожий

В этом уголке подобраны растения и животные, которые вместе неплохо смотрятся. А здесь собраны люди. Эти деятельны. Эти романтичны. Этим мы держим для контраста.

А это влюбленные. Они ждут друг друга. Лучшие часы их жизни, когда они ждут. Кровь переливается, руки дрожат, ни на что не отвечают. Выигрывает тот, кого дольше ждут.

Эти ребята заняты. Энергичны, сероваты, деловиты или деловито-сероваты. Стремительно идут куда-то, как дворняги, озабоченно бегущие вперёд лица и так же внезапно — назад, что у них тоже вперед, создавая у зрителя ощущение, что их очень ждут впереди лица.

И, отыграв озабоченность, войдя к себе и раздевшись, стремительно скучает. И трубку берет только на разговоре, то есть, беря трубку, что-то говорит сам себе, как будто у него непрерывно сидят люди. Люди у меня, люди. Люди у тебя, люди.

Они — наша энергия. Мы — их природная сообразительность. Они хотят от нас правды, снабжая нас ложью. Сами открыть ничего не могут, но другим могут помешать, отчего тоже приобретают известность. У них карты с флажками: здесь нет хлеба, здесь нет мяса, здесь нет воды. Здесь зелень хорошая, здесь охота, здесь рыба, здесь воздух. У них карты. А мы ничего друг другу не сообщаем и не поддерживаем друг друга. Мы их радуем жалкой правдой о давке в трамваях.

Да, эти делают карьеру. У них есть главное: они умеют с нами разговаривать. Мы с ними — нет. Они видят нас насквозь, а мы в них ошибаемся. Безошибочно можем сказать одно — это плохой человек, и ошибемся, — пока до беды далеко, черт разберет. Вот только если нам поручат его застрелить, мы, может, и не сможем, а...

Нас легко обмануть, мы верим словам, а они — предметам. Мы с радостью наблюдаем силу и сплочен-

ность бездарных, разобщенность и инфантильность мудрых.

В этой суете энергичный подымается на поверхность и долго там плавает, пока не попадает под еще более энергичного. А предыдущий спускается к нам и отдыхает.

Здесь отдыхает основной состав. Огромные массы, которым все равно. Это они рубят лес, в котором лежат, и сук, на котором сидят. Они настолько равнодушны, что исполняют любой приказ, и тратят огромные усилия, чтоб ничего не делать. Они сами не читают, пока им не прочтут, и не посмотрят, пока им не покажут. Информация через песни. Книга утомляет. Надо двигать глазами и перелистывать. И в это время нельзя есть, пить и разговаривать. А песню можно слушать хором, маршировать и входить в ворота строем.

А это актеры, писатели. Мы их держим для жизни, для того чтоб зрителям казалось, будто в обществе все есть. Артисты заучивают то, что пишут писатели. А главная задача писателя — быть искренним. Многие ужасно натренировались. Вдохновением и яростью горят глаза сквозь вакуум, в котором он творит. А чаще самозабвенно поет туда, наверх, на луну, или ждет, пока жизнь превратится в воспоминание, чтоб вдруг резануть правду через пятьдесят пять лет, когда первая честность пробивается в соломенных кудрях.

Или драматурги в своих клинических лабораториях подливают, взбалтывают и смотрят на свет чертежи сюжетов, краски характеров, пузырьки эмоций. И поэты, вздрагивающие и вскрикивающие для зрителей. Тут еще песни поют певцы и композиторы, но в одиночестве. Никто уже не подхватывает — надоело, и нет настроения. Подхватывают рублей за десять.

Еще учителя там, в углу. Люди тяжелые, ущербные, легко строчащие телегу наверх. Они тоже должны быть искренними на каждом уроке. А это трудно, так как программа утверждена министерством. И дети, которые дома слышат одно, на улице другое, а в школе третье, — никому не верят, не смотрят в глаза и заняты какими-то пустяками, отчего быстро взрослеют и подхватывают общий тон для зрителя.

Да, вон, в белых халатах, профессора, академики, ученые. Многие придают себе внешность Чехова. Работают над своим образом. Настоящих мозговиков

здесь не видно. Они в горах или в лесу или пьют в лаборатории спирт с жидким азотом, что очень вкусно.

Академику никто не даст оперировать своего ребенка, только чужого или сироту, а также того, к кому никто не приходит, не потому, что он зарежет умышленно, нет, — это происходит, как правило, случайно. От отсутствия практики, таланта, наличия апломба и вечной правоты.

Человек «вот видишь, я был прав» оставляет горы трупов, убеждая живых. А те, сообразив, что он добивается не доверия, а подчинения, грустно звенят цепями по ночам. Шепчут: «Эх, мать...» — и снова звенят тихонько.

Ну, оптимисты-юмористы вызывают смех пением и чистым взглядом. Дескать, мы очень полезны. Пожалуйста, пожалуйста, разрешите к столу, пока не расхватали. Целуем крупных, пугаем мелких. И — к столу. Ой! Цыпусик, обаяшка. Трудно небось быть обаятельным все двадцать четыре часа в сутки. А сверкать юмором в запаснике комиссионного за сапоги, за ужин, за позавтракать, за попить кофе? Ястребок маломерный, крохотный «ТУ-154» с клювом. То не кровь на клюве, то варенье. Для зрителя.

Ну, женщины делятся сразу на молодых и остальных. Среди остальных — умные, мудрые, с мужским умом, с женским обаянием, любящие жены, матери, производственницы, красавицы, пилоты, парашютисты и кого там только нет. Целуем ваш, ваш и ваш... Целуем.

И молодые правильно суетятся, стараясь до двадцати семи набить до отказа телефонную книжку.

Я очень рад тебя видеть... И я рада... А я очень... И я рада... Но я-то очень рад... И я рада... За этой беседой быстро летит время, а впереди еще столько несделанного. Целуем женскую молодежь и провожаем взглядом. Их век короток.

У мужчин мысль поднимается снизу, у женщин там и остается. Все делается для зрителя. Им готов быть я. Наблюдаю все это с расстояния четырехсот тридцати двух километров. Здесь холодно и одиноко. Сторонний наблюдатель в худших условиях и хоть приспособился и дышит, но не участвует, а ищет жизнь...

А как пишет, так употребляю... так употребляет

много слов и повторя... и повторяет самого себя. И чу... и чувствует острые уколы кайфа и теплую волну удовольствия. От собственного твою... ума. От собственного твою... языка... и... твою... собственной позы стороннего наблюдателя.

Да, есть еще евреи, вечные странники. Вот у кого охота к перемене мест. Вот кто любит холодную курицу и крутые яйца, поражая самодовольных аборигенов наблюдательностью и недовольством. Долгие преследования и крики вслед выработали в них неистребимость таракана. Что для другого яд, для него пища. И все-таки среди них есть непонятно трогательные, незащитные и талантливые. Господи, да я, например.

Благодаря тысячелетнему отбору голова у них работает, и в небольших количествах они необходимы. И та страна, что ценит голову, а не прическу, их здорово использует, вызывая во рту остальных вкус хвоста и вид задницы.

И чуть не забыл... Вон там, внизу. Средняя Азия. Боже. Киргизия, где я недавно был. Это же надо. Такая страна. Голубой он. Озеро — это он. И он голубой, хоть в ладони, хоть на теле. Голубые брызги. Какая страна. И киргизы не портят. У них свои тысячелетние дела. Повозки, лошади, сено, бараны, дыни, виноград. И не надо их головы забивать летним расписанием Аэрофлота. Кобылу к Аэрофлоту приспособить нельзя. Когда бы вы ни пришли, вы опоздали, то есть самолет летит не в то время, что пассажиры. Справочная говорит «отложили» — значит, он улетел. Вы приезжаете в указанное время — его отложили. Вы в отложенное — он улетел. Вы дежурите возле него, он сидит без керосина, то есть чем больше вы возле него, тем неподвижнее он. Группа киргизов атаковала последний «ТУ-114», забетонированный у входа в аэропорт. Не нужен киргизам Аэрофлот. Они привыкли быть там, куда хотели. И тем не менее, продолжая этот разговор, будь он проклят, только самолетом прибываешь в эту сказочную страну, которую портят только магазины и фальшь.

Такая огромная страна, что невозможно остановиться, и надо идти дальше, повторяя самого себя. В этих местах я уже был десять лет тому назад. Я снова здесь. Я решил снова писать о том, что десять лет назад. Интересно, куда это все изменилось за десять

лет. Писатель лично потерял юмор и здоровье, наскокивая на предмет спора в течение десяти лет. Уже тогда приятель назвал это борьбой муравья с готическим стилем, тем не менее, находясь у подножия, размахивая листком бумаги и все еще веря, что будущие поколения, изучая следы зубов на камне, найдут и его следы, автор слабел. Искры остроумия сделали его лицо щербатым. А когда он обнаружил по ту сторону постамента благодарных слушателей, укрепляющих конструкцию, он запел «Соловья» Алябьева и отошел на приличное расстояние, где и увидел высоту и прочность струбцины. С той поры повторяет свой путь только с высоты птичьего полета, то есть четырехсот тридцати двух километров над уровнем общества. Отсюда поля четко делятся на квадраты. Автомобили не дымят, и человеческая деятельность выглядит разумной, поэтому сверху к этому легче хорошо относиться.

Господи, конца и края нет. То есть этому краю нет конца. Дешевая тяга к каламбурам, жажда легкой жизни, крупных заработков и случайных связей характеризует автора. Попадая под обаяние таланта, многие женщины быстро захлопывали и застегивали, с ужасом отпрянув. С другой стороны, какое нам дело до мелкой личности автора, когда неизвестно, кто дольше протянет — очевидцы или эти строки. Тем более что тщеславие автора не простирается за пределы его жизни.

Идем выше. На Севере не был. Поэтому люблю этот край. Представляю тайгу, зиму, охрану природы, строганину, нефть, газ, хотя сибирские художественные произведения отдают экзотикой. Сюжеты без размышлений под собственный язык для них и годятся. Тем не менее люди настоящие, мужчины дружат и т. д. Чем дальше от центра, тем жизнь веселей и независимей. Люди ходят друг к другу в гости без объявления, привозят обед больному, устному слову верят больше, чем письменному, и не понимают, что от них хотят, а местные власти не могут объяснить. От этого жизнь спокойнее, только лечение хуже, зато здоровье крепче, а по одежде не отличишь. Огромная, от плюс пятьдесят до минус шестьдесят, страна. «Попробуй победить такую страну», —дохнул в ухо приятель, в восторге от скал. Конечно, Вовик, да я что-то не вижу желающих. Страна непобедима, потому

что стирает разницу между мужчиной и женщиной, между мирной и военной жизнью. Для многих переход из очередей в окопы не крах мечты.

Приятель тут же согласился, как они все, и затаил что-то, как они все. Автор в панике, ему очень нравится, как он пишет, и, если это не прекратится, талантливый писатель и восторженный читатель соединятся и мы потеряем выход.

Нет, нет, это все-таки длинно, невыстроенно, конец не от логики, а от усталости. Язык не русский, мысль не русская, автор старый. Все старо, истоптано и быво, быво, быво... хотя не так уж плохо. Особенно это местечко... Нет, это уже кайф, это уже вдохновение. Писателя понесло, разбегайся, открывай ворота. Дай взмыть.

Пока переписывал эту канитель из одной тетрадки в другую, слетал на Камчатку-Петропавловск и рядом. Слетал не то слово, так же как и остальные. Девять часов встаешь, садишься, прислоняешься, ночь длится час, затем рассвет. Из облаков торчат какие-то фигуры, оказывается — сопки. Неделю перестраиваешься на восемь часов назад. Организм дурет. Но страна — Африка. Старая школьная Африка. Голубой океан и снежные берега, сопки и вулканы. Дымятся. Солнце. Город бурлит. Все в рабочей одежде. Пиво в кофейниках. Рыбы любой, крабов любых. Милиционер сует икру. Соученики кормят рыбой, инженеры вялят кету. Конструктора задрал медведь. Малоознакомый может одолжить пятьсот рублей. Рыбой пахнет все. А пограничники! Да, стонут, ненависти в армии нет! Ненависть пропала. Солдат в майке потенциального противника. На него гаркнешь — он в слезы. Разве это солдат, Михаил Михайлыч, это брынза. А «Интерпрайз», сука, дежурит неподалеку.

Все можно солдату простить, но «Интерпрайз», сука, ему не простит. А если ты песни поешь на языке потенциального противника, ты должен вручную галюню убирать, пока в тебе ненависть не взыграет.

Сидишь в горячей реке на фоне снежного леса. Товарищи, хоть одно землетрясение для ощущения пребывания... И назавтра — ровно в двенадцать, с гулом, качком и тем животным страхом, что дает только землетрясение. Здорово! Сугробы выше головы. Бензин, джинсы, обувь, доски. Шлюпки в любом коли-

честве на берегу. Океан где-то колошматит, кого-то раздает и прибывает к берегу. Ходи, ищи свой размер. Никаких проблем с заправкой, ищи бочку, наливай.

Паспортизация коряков: «Когда родился?» — «А когда шторм был и вулкан сильно гремел». — «Ну, пиши: 16 января 1931 года. Хорошо?» — «Очень хорошо». — «А ты когда родился?» — «А когда медведь задрал врача с медсестрой и ярангу разбил». — «Ну, пиши: 26 марта 1948 года». — «Очень хорошо». — «А ты когда?» — «А когда японскую шхуну на берег выкинуло и сильный ветер — шторм был». — «Пиши: 27 апреля 1932 года». — «Очень хорошо, очень хорошо...» Через несколько лет: «Эй, послушай, это ты у нас паспортизацию проводил?» — «Я». — «Почему же мой сын три года на пенсии, а я только через шесть лет должен документы собирать?..»

Ходят чукчи за батарейками и винчестерами в Америку. Дикая пурга. Где Россия, где Америка? Пока чукчи осуществляют вековую мечту интеллигенции свободно ходить из страны в страну, мы возвращаемся, мы летим обратно, нагруженные крабами и летучими рыбами. Вот мы и здесь. Так сузилось понятие страны, что здесь — это здесь, хоть на Юге, хоть на Севере. Вот и дома. Мы тут с одной крыской посмотрели друг другу в глаза. Я брился, а она была веселой и любопытной. Мы глянули друг другу в глаза и побежали в разные стороны. Хотя мы оба у себя дома. Да, это наш дом, что уж тут.

А есть еще музыка. И есть еще один очень умный писатель, Андрей Битов, и они должны звучать всегда. Главное в хорошем писателе — память. Первое — запомнить пейзаж, шторм, сумерки, запомнить очень подробно, широко и точно. Второе — подобрать к нему точные слова, к каждому оттенку, для этого их тоже надо помнить, мы в обычном языке их не употребляем. Надо помнить книги, стихи, цитаты, исторические справки. По справочнику их можно только уточнять, но вспомнить должен сам. Ты должен помнить людей, биографии, случаи и помнить массу слов, чтобы их точно подобрать друг к другу. Помнить, невзирая на женщин и выпивки, и жить очень интересно, чтоб очень интересно писать. А я перевожу ощущения в звуки, размышления в слова и отрываю слова от бумаги и разбрасываю их. Ни памяти, ни сюжета. Где действие — признак ремесла?

Дом во дворе напротив содрогнулся от крика, в окне мелькнула женщина в белой разорванной рубашке. Седые космы, вытаращенные глаза... «А-а!!!» Посыпались кастрюли. Она вырывалась на лестницу: «Помогите!» Здоровенный старик оторвал перила и замахнулся: «А-а! Сёма, Изя! Что случилось? А-аа!» — «Ничего, тетя Роза. Это дворник бьет жену. Все в порядке. Он сам сердечник. Ему самому, бедному, вредно. Вот он, бедный, и затих и перила прибавает».

Есть еще Одесса. Уже больше воображаемая, уже больше придуманная. Уже город, а не явление. Многие годы идет борьба за уравнивание этого города с другими. Многие годы разрушаются три столпа, на которых стояла она, — искусство, медицина и флот. Вот и все в порядке. Нет личностей в искусстве, в медицине и на флоте. Никто снизу не беспокоит, можно спать спокойно. Положишь седую голову на подушку. Седина там тоже ранняя. Там тоже нелегко. Чей был приказ сравнять этот город со всей землей, мы не знаем, но он выполнен. Теперь мы ловим словечко на улице. А у кого оно родится? Как может жить искусство без личности? Как могут лечить безликие, татуированные врачи? Как могут командовать судами бесцветные, запуганные капитаны? Могут, командуют, лечат, привозят и продают. И независимые, несломленные сбежали на Север. Посмотрим, чем закончится процесс, который уже закончился.

А жители ходят. А жители ищут продовольственные и промышленные товары. А жители проклинают приезжих, проклинают людей другой национальности, будучи сами какой-то национальности. Мгновенно собираются в одной точке, если им кажется, что там что-то дают, и мгновенно разбегаются, если точка пустая. Присутствие солнца и моря в их высказываниях имеется, но значительно, но неизмеримо меньше, чем раньше, и встретиться с ними не в рассказах, а в столовке все тяжелей и обидней, и это даже с учетом достижений государственного питания. Прощай, Одесса!

Ребята, тут где-то осуществлен монтаж седьмой гидротурбины и буровики Нефтеюганска вышли сверлом в баре Чарльза Питерса, городок Боумен, штат Техас... Часть нефти ударила у этого гада.

А Комитет по борьбе с коррупцией создан в Эфиопии. Молодцы! Эфиопская общественность на стреме.

Там обнаружилось поступление в торговый колледж не по баллам, а по блату, и берут взятки муниципалитетчики в счет 1996 года. И фельетонист местной вечерней газеты поклялся устранить отдельный недостаток и поклялся называть в Эфиопии черное черным, чего бы это ему ни стоило, утверждая, что если не называть вещи своими именами, то не найдешь ни вещей, ни имен. Он говорит, что нельзя назвать обман разрывом между словом и делом. А воров — несунами, а демагогию и бред всего лишь словом, не подкрепленным конкретными делами. В общем, этот тип в Эфиопии поклялся совместить названия с понятиями. Чего это мы застряли в Эфиопии? Видимо, по ассоциации. Прошу вернуться, закрыть дверь и быть хозяином только своего положения, хотя нам это непривычно.

Еще тут худеют многие. Очень многие худеют. Привычка наедаться про запас — от неуверенности в непрерывном снабжении. Но я не из тех, кто худеет. Уж если тебе не повезло и ты встречаешь животом ветер, а лысиной светишь звездам, то смотри вокруг весело и интересно, ибо чаще, чем иногда, спортивность и стройность — от неполноценности и желания сделать карьеру телом и физической быстротой. Еще одно подражание Америке. Ну, вас будет любить (вернее, с вами будет рядом — они таких, как вы, не любят) такая же спортивная женщина. И у вас будут стройные и спортивные дети. И все это будет называться Кембридж или Итон. Здесь это так же неловко, как целовать руку женщине, — ни времени, ни оборудования, да и качество товаров еще очень низкое. Все говорят: одно кофе. И ты говори «одно», не выпирай. Тем не менее загорелые, спортивные и одинокие — наслаждение. А на работе и в быту дай нашего молчаливого, диковатого, выпившего и закусившего, но чистого и в постиранном. Против худых я. Видели бы вы меня — получили бы удовольствие. Кругленький, лысенький, не дурак выпить, ни другое, ни третье. Нет, серьезно. Стал кайфовать у зеркала. Юношеские портреты вызывают море слез. Был вообще красавец. Цвет беж. Девушки стояли в очереди, чтоб погладить сверху по голове. А в руки не давался. Сам брал, но не давался. Так и не дался. Молодец... Лариса, счастье!.. Так насчет худых. Ну их к черту. Естественно, худым можно быть от избытка. А в других ус-

ловиях, то есть лучших, это требует особых забот — гантели, бег, чудовищное желание прожить дольше других, чтоб увидеть что-то другое. Это пахнет инакомыслием.

Гурман слово не наше, а тип наш. За столом он не торопится, ибо он на месте. Близоруко оглядит блюдо. Поправит луковичку, не отрывая глаз, заправит за галстук салфетку. Ножичком придвинет картошечку к мясу. Расставит удобней горчичку, хрен, соль, перец. Чуть повернет блюдо мясом к себе. Еще раз близко оглядит все и приступает. То есть приступает! Отрезает кусочек мяса и нет, не отправляет в рот, а оглядывает его, кончиком ножа поддевает немного горчички, накладывает на кусочек мяса, обмазывает все это пюре, кладет сверху кусочек соленого помидора и отправляет в рот. Теперь не отвлекайте... Задумавшись, но не думая... Ушло... Глоток «Негро де пуркаре»... поправил салфеточку, огляделся, провел языком изнутри. Близоруко оглядел блюдо, легко отрезал маленький кусочек бифштекса, обмакнул в поджаристую кровь, покрыл горчичкой, соленым помидором, колечком лука, оглядел, отправил... из глаз покати-лась луковичная слеза... Оглядел бокал с вином, отпил. Закончил блюдо, допил вино, вынул салфетку, достал из верхнего кармана зубочистку и стал ждать официанта или с кем-нибудь поговорить.

К вопросу о еде. Некоторые думают, что Гизелла Ципола — певица. А это специально приготовленная куропатка в сухариках. Есть медленно, отщипывая потихоньку, чтобы продлить пение.

Как говорит еще один умный писатель — рядом с нами живут люди на всех ступенях развития человека, и присутствие высокоразвитого индивида в более низкой должности не помогает низкоразвитому, а обижает его.

«Дайте мне личность!» — тут кто-то крикнул. Действительно, из чего складывается личность? Ну, во-первых, она не кричит «Дайте!», она не стучит по столу: «Мне положено, так уж будьте добры!» Ибо, если говорить по-человечески, что значит — положено, не положено. Кому чего? Или этого всем? А этого кому? А если всем, то почему положено? Должно быть и так.

Дайте ему личность. Да, для общества личность — главное, для прогресса, для науки, а в жизни она

невыносима. Женщина — терпи, если ученик — возись, сотрудник — выдерживай. Это что, во имя непонятого всеобщего прогресса? Кто ж ее терпит?! Судят ее. Судят и оправдывают, судят и освобождают по амнистии, судят и перебрасывают. Почувствовав всеобщее осуждение, личность забилась, заперлась и исчезла. Она причиняет горе не только себе, с чем бы смирилась, но и близким.

Оглядывая территорию с высоты птичьего полета, то есть четырехсот тридцати двух километров от пресловутого уровня моря, видя редкие стада сайгаков, мечущихся между размножающихся и разводящихся людей, — дайте мне личность, и ответ планового органа: дайте мне народонаселение, а без личности протянем.

Когда голос личности стал вопиющим в пустыне, на сцену начали выходить полуавтоматы, издающие глупые приказы и думающие о себе. Почему человека не довести до такого состояния, чтоб он стал самим собой? Если мы уже заговорили о самостоятельности предприятий? Как же самостоятельное предприятие может состоять из несамостоятельных людей? «Я тебе не верю», — поет Алла Пугачева.

Мне иногда кажется, что борьбу за мир надо не только расширять, но и углублять. До самого низа, сюда, к нам. Где мир нам нужен как воздух, где сервис, транспорт, торговля и быт ставят нас по обе стороны прилавка. Нету сил воевать. Давай мириться. Запасемся терпением и подойдем друг к другу. «Вас много — я одна». Действительно. Давай подумаем, как нас уменьшить, прибить или не рожать. Постоим и подумаем. «Не стойте, на всех не хватит». Толково, но не можем разойтись — непонятно все-таки, на ком кончится.

«Не занимайте, я до двух». Хорошо. Будем просто стоять рядом до двух. «Куда лезешь? Не видишь, что здесь битком?» Вижу и лезу. Лезу и вижу. Битком плохо, пешком далеко. И я не хуже других, я позже. Прижавшись к грубияну, едем. Все едем. Даже те, кому надо обратно. Едем, терпим. Приехали. «Как? Почему? Не зашел, не купил».

— Битком!

— А я не битком? Ты битком, и я битком.

Теснота не моя. Нас много, предмет один.

Кто-то должен повышать производительность, улуч-

шать станочный парк. Кто-то должен вкалывать, не будучи сильно заинтересован. Кто-то должен давать высокое качество, не будучи в нем заинтересован. Мы сейчас ищем такого человека. И все будет хорошо. Я тоже за мир во всем мире. Если не добьемся мира снаружи, подохнем все. Не добьемся внутри — подохнем по одному. От грубости. Она пока еще задевает. Нехватки уже никого не задевают. Ну, нет, так нет. Сегодня этого, завтра того. А оскорбления еще пока задевают, хотя уже не должны. «Дубина очкастая, куда лезешь?» Ну, действительно очкастая, ну, может, и дубина. Чего обижаться? «Осел, ничтожество, последний раз говорю!» Ну осел, ну матом спину обложили. А коробка наша, а обувь есть. Одиночный мат проникает, а общий греет. Как возбуждает одна и не возбуждает кордебалет.

Мы добьемся мира. Грядет. Всеобщая транквилизация населения, когда всем до лампочки. На вяло крикнутое оскорбление вяло посланный ответ. Снотворное надо продавать в Союзпечати и продуктах. Начать с этого.

А мат уже давно никого. Это легкая музыка. Это фон, на котором мы бегаем на работу, ездим в трамвае, говорим о любимой. Главное — из этой тучи мата уловить информацию: так налево или направо? Когда же они все-таки завезут? Ага... Ух ты!.. Ой ты! Ух... Ох!.. В девять тридцать, ясно. А где этот музей? Ух!.. Ох!.. Так!.. И направо.

После того как им овладели дамы, язык стал всеобщим. Какая у тебя работа? Плохая... Что значит — плохая? Ничего не сказал. Ты что делаешь на работе? Ничего? Никакой информации. Что значит — работа плохая? Что значит — ничего не делаю? Видимо, что-то делаешь. Видимо, работа-то ничего. А вот если работа у меня такая... Я там... не делаю — информация есть. Снять мат — не поймем друг друга. Что значит: «Перенесите, пожалуйста, Григорий Петрович», — не понесет, не подымется.

Еще до того, как на горизонте появится трактор, уже дикий мат раздается, заглушая рев мотора. Боюсь, что без мата при нашем качестве...

Вопрос в отношениях. Отношения должны быть нормальными. Пока еще добьемся качества, мир прежде всего. Не вовлекаться в бессмысленную борьбу друг с другом, не преследовать отдельного продавца,

не искать виноватого в опоздании поездов, в отсутствии товара, ибо борьба друг с другом смысла не имеет.

Тогда мы добьемся мирного неба над каждой головой. Ибо от нас уже ничего не зависит. Скажут — примем правильное решение, скажут — примем неправильное решение, главное — оскорбить нас уже ничего не может.

Странное у нас, своеобразное отношение к слову среди толпы. Толпа в наших краях просто так не собирается, это обычная очередь. Где бы ни бурлила масса, что бы там ни происходило, есть первый и последний, есть отошедший на минуту и есть который здесь не стоял. Своеобразное отношение к слову. Очередь почему-то организовано и остро ненавидит человека, встающего на ее защиту, выясняющего, где продавец, зовущего завмага. А истошный крик: «Товарищи! Ну что же вы молчите?!» — вызывает удушье от ненависти.

Тут не так просто. Наша давка в курсе дела. У нее свой взгляд на защитников и выразителей ее интересов. Наша давка хорошо и долго их знает и привыкла к тому, что такой некоторое время скачет и кричит, потом жиреет, распределяет квартиры и проезжает мимо. А честный противен. Полное одиночество выразителя интересов накладывает на него печать осатанелости и туберкулеза. Хилый, слюнявый, плохо одетый. По голове — от начальников, по заднице — от своих, и поневоле задумаешься: так ли это все нужно и тем, кого ты защищаешь, и тем, на кого ты налетаешь? Не есть ли это способ заработать на жизнь?

Обобщить тебе не дают ни сверху, ни снизу. А разоблачать отдельный недостаток — как лечить один волос. Наваливаемся страной на одну прачечную, заставляем ее брать повышенные обязательства, вместо того чтобы лучше стирать. Быть борцом за правду у нас — либо прославиться, либо сесть, но, конечно, не добиться правды или порядка. Просто потому, что это никому не нужно. Во всеобщем бедламе всегда можно построить дом, бесплатно съездить на Север и подключить к ТЭЦ. При порядке за все это надо платить.

История России — борьба невежества с несправедливостью.

Автор пишет уже из больницы, и это дает буквам такую силу в строках. Больные и врачи создают болезненно-радостное гулянье по коридору. В половине

второго, гремя кружками и ложками, выстраивается кашляющая и пукающая очередь в кассу, откуда протягивается тарелка с супом и каша. Бесплатное лечение и бесплатное питание характеризуются тем, что за них невозможно заплатить. Отсюда невозможно никак на них влиять. Лечат тебя или гробят, кормят или травят — ты не знаешь и принимаешь из чужих рук кашу и укол в задницу с покорностью коровы.

— Эх, что-то мне уколы хорошие пошли, — обрадовался сосед по палате.

— А мне что-то жжет безумно. Кошмар.

Мы выясняем. Нам уже три дня, как перепутали уколы. Меня кололи от его болезни, его — от моей. Но если им все равно, то и нам все равно.

Больница! Вот где пишут и читают. Больные писатели пишут, больные читатели читают. Именно пневматический больной, в рваном халате и тапочках, лучше всех носится по морям, удирает от погони, а не окликнешь — оторвется от капельницы и пропадет.

Группа атлетов из пятсот седьмой рассказала ужасную историю. Они уже должны были выписываться перед праздником, а тут один мерзавец опрыскался одеколоном, и их еле откачали... Здоровые, круглые девки, от которых бактерии отпрыгивают, как мячи, носятся по коридорам с клизмами.

— Прошу, девонька. Разрешите для знакомства протянуть вам именно эту часть. Что там у нас, укол или клистир? За что же вы пощечину? Ах, перед уколом.

Рассматривать их ноги одно удовольствие. Жаль, что они на них ходят. Это, конечно, самое неудачное применение для женских ног.

По ночам в эротических местах сосед задыхается, кашляет, включает свет, и потом не вспомнишь, на чем остановился.

В больнице понимаешь, что жизнь есть, потому что есть смерть. Жаль, что они неразлучны. Что в пьесе у каждого: с пяти лет детство с мамой, папой, школьные годы с друзьями, первая девочка, первая девушка, первая женщина, учеба как работа, работа как учеба, жена, крикливый ребенок, лечение родителей, страшная смерть одного и второго, тяжелая семейная жизнь, непонятные друзья сына, внучка самая любимая на свете, внезапно обнаруженная застарелая

болезнь, судорожные поиски заграничных лекарств, хорошего врача, и все.

Ни на кого так не смотрят, как на врача. Ему, чтобы действовать, надо видеть только место — кусочек зада, верхушку легкого, участок кишки — и там подробно штопать, не видя глаз больного. Жизнь у врачей шире и свободней нашей — нет брезгливости.

Тяжелобольной обманывает себя. Больной врач (а таких много) тоже обманывает себя, чтобы общаться, работать. А мы удивляемся, и наше удивление заметно. Мы мешаем им работать, напоминая: помолодел инфаркт, помолодела язва, постарели детские болезни.

Больничное деревенское утро. Залаял один, подхватил другой, и вот вся деревня зашлась. Кашель, мат, сплевывания, гремя ложками-кружками, потянулись к кассе. На фоне манной каши просветление прикорневой правой доли. На фоне антибиотиков развился плеврит. На фоне беспробудного праздника — ослабление. Пневмония села на излюбленное место в самой опасной вялой зоне. Это при отсутствии должной реактивности организма на фоне алкоголя, случайных связей, хронических запоров и периодических запретов.

Позвольте перейти к банальностям: каждому дан господом свой талант, голос, походка и жанр. Хочешь, меняй его, чтоб возвратиться, страдай от зависти, чтоб вызвать слова, похудей, оставив немного. Немного! Немного! Словами никого не защитишь, ничто не предотвратишь. Получив удар, садись за стол, чтоб ответить, чтоб успокоить себя. На месяц уйдя в больницу из общественной жизни, ничего не пропустил, ничего не потерял...

Так на что же потратил столько лет? Другое дело — вороны. Степенный, мудрый народ. Видят далеко. Насыплешь крошек — дальтоники голуби в метре не разберутся, а те издали настораживаются, подходят пешком. Продукт оглядят не суетясь. Что-то я не видел, чтоб лисица чего-нибудь выманила у вороны. Это Иван Андреевич на людей намекал. А ворона соображает, и не напрасно она садится на телеантенну, вызывая помехи и хохоча, и «ккар» не напрасно говорит, это что-то сокращенное. И на нас сочувственно смотрит. На ее глазах исчезла чахотка и появился инсульт, потеряно уважение к сифилису из-за СПИДа.

В больнице хорошо видно телевидение. Вот жанр, так жанр. Только выключив, что-то сообразишь.

Писатель из-за телевидения не исчез, но читатель пропал. Ну и черт с ним. Сейчас такое время — прыгуны аплодируют прыгунам. Волейболисты кричат на площадке: «Бей, Коля!» Только актеры понимают, что хотел сказать режиссер, писатели хвалят писателей.

Мы создаем препятствия и подчиняемся им. Очень много жалобщиков, анонимщиков, одной рукой просящих, другой указывающих: накажите этого, теперь этого, теперь этого, теперь этого, пусть у этого не будет этого, теперь у этого отнимите. Мне можете не давать, но у него отнимите, пожалуйста. Различные органы не могут от этого отказаться — сразу станет видно, как они плохо работают. Стукачей много. Среди них — летчики, продавцы, конструкторы, врачи, писатели, прохожие, больные, просто симпатичные мужчины и женщины. В общем, мы все. У нас отняли право наказывать кулаком, и мы пишем и пишем: «Накажите этого, пожалуйста. А теперь этого. Спасибо. Извините».

У многих возник вопрос: «Чего это он так разговорился?»

— А ничего! Если заведусь, могу вообще замолчать! И без меня дикий шум, хотя все молчат. Это не сатира. Просто расшифровываю пузыри утопающих, но никому не навязываюсь, пожалуйста... Хотите сами — пожалуйста.

Такое время. Когда всего мало и всего много. У каждой позиции железная логика. Есть факты для любых теорий. Простое и сложное вызывают удовольствие. Талант и неталант вызывают ажиотаж. Проверку временем выдерживают неинтересные произведения. Бедность и богатство престижны. Растянутое наслаждение в бедности равно сжатому в богатстве. Подчинитель и подчиненный в равном выигрыше.

Время неконкретной сексуальности и полубрака. С изменой в семье покончено. Партнеры в броуновском движении. Смех и слезы вызывают одно и то же. Это время историки будут пропускать — никаких идей, памятников, событий. Смелость каждого — трусость всех. Ум одного — тупость коллектива. Решения, принятые единогласно, вредят всем голосовавшим. У одного хватает ума это понять, всем, кроме энтузиазма, вспомнить нечего.

Тюрьма и воля одинаковы.

Вор и судья убедительны.

Какой же выход? Наверное, сомневаться. Во всем. Сомневаться и решительно поступать. Колебания руля, чтоб машина шла прямо, но решительность, потому что машина должна выехать.

Это было бы невысказано даже два года назад

Вот я стою перед телекамерой немецкого ТВ, и никто не возражает. Я бы раньше боялся, мне и сейчас страшно. Ибо я в душе остаюсь человеком, который в лучшем случае никогда больше не появится на экране.

Мне сейчас говорят — ты плохо жил. Я совсем неплохо жил. Я не знал, как можно... Я считал, что мои произведения не публикуются, значит, так и надо и т. д... Я только читал свои вещи. Люди сами записывали их на магнитофон, кто-то переписывал, кто-то перепечатывал, кто-то переплетал, и появились специальные книги, изданные от руки. Сейчас я впервые вылез на солнечный свет и снова боюсь. Боюсь, не вреден ли он для меня.

Я не могу дать примеры сталинского, брежневского юмора. Мой юмор всегда был одинаковым. Он меня тянул, как собака тянет хозяина, и, может быть, мы чем-то приближали сегодняшнее время, а может, случайно попали в него. Я буду в выигрыше, если мои вещи устареют, — значит, улучшилась жизнь. Если жизнь не улучшится, они не устареют...

Есть ли у нас юмор?

Еще какой! Вся наша жизнь последних десятилетий. У нас был период слез, потом период смеха... Смех сотрясал нас. Мы в нем спасались. Люди приходили на концерт, то есть я приходил, а концерты у меня были на заводах, в институтах, люди оставались после работы, и мы смеялись вместе до слез или от слез.

Мы открывали для себя, что все думаем одинаково. Это теперь, когда открыли окна и двери, мы думаем по-разному... А раньше думали одинаково и очень нравились друг другу.

Ничто так не сближает разнообразные частицы, как давление сверху. Юмор становился все более непередаваемым. Смех вызывали самые серьезные вещи. Допустим, рапорт в газету — мы такие-то, собрали тридцать центнеров с гектара. Посвящаем 1 Мая.

Ответ в газете: вы такие-то, собрали тридцать центнеров с гектара и посвятили 1 Мая. Сердечно поздравляем вас.

Или... Я, Степанов, проехал сто тысяч километров без ремонта, хочу проехать еще сто тысяч километров.

Ответ: вы, Степанов, проехали сто тысяч километров без ремонта, хотите еще сто тысяч километров. Поздравляем вас и желаем проехать еще сто тысяч километров.

Как это все переведешь и кто поймет?

Юмор стал замкнутым и специфичным.

Мои произведения, написанные в тот сложный период, еще собирают публику, но это отголосок моего подполья. Мне надо искать другой путь, или вдруг уйдет все в прошлое, тогда опять я в порядке, если мне окончательно не припомнят этот разговор.

Этот юмор специфичный, но это юмор огромной страны и собирает огромные массы людей, значит, он должен быть интересен вам, если вам не безразлична ваша жизнь.

Меня спрашивала уже какая-то английская журналистка: неужели вам не обидно, что ваши произведения не переводятся, что вы заняты спецификой своей страны?

Я уже тогда знал, что, если мы изменим положение в своей стране, оно изменит положение во всем мире.

Сегодня мы живем в согласии со своим правительством, мы боимся за него, мы бережем его. Я специально выступал перед охраной Кремля, веселил и развлекал их, чтоб они лучше работали.

Людей, умеющих решать, мало, умных среди них еще меньше. Много решительных дураков. А когда человек безапелляционно говорит, тебя так и тянет выполнить; уже когда бежишь обратно, громыхая ведром, думаешь: зачем поливать, когда идет дождь?

У меня такой был начальник, когда я в порту работал, Хаджибаронов его фамилия. Он ночью звонит, в шторм:

— Кто дежурный?

— Жванецкий.

— У вас же порталные краны заливает, немедленно принять меры.

Я засуетился, натягиваю плащ, а старый механик:

— Ты куда?

— Да вот краны заливает, начальник звонил...

— И что, ты идешь задом волны отбивать?

Когда решительно прикажут, очень сложно успеть оценить приказ, прежде чем сорваться и побежать...

Если сейчас пойти утверждать этот текст, десятки людей с радостью возьмутся утверждать и не утвердят. Надо брать игру на себя и, проиграв, объяснить, что это выигрыш, что так и надо было, что это было задумано, что будет не смешно, и половина не включит, догадываясь, а половина, не догадываясь, выключит...

И пора нам с юмором в Европу. Мы дали им природный газ. Надо веселящий, и все они пусть заливаются от хохота на своих кузнях, у своей плиты. Тут мы и появимся со своим юмором. Обожаю выходить на аудиторию, которая уже хохочет.

Содержание

---

5 А. Битов. Под куполом
гласности

1934-1987

---

16. Одесса
20 Холера в Одессе
22 После разлуки

1965-1969

---

25 Приветствие,
которое могло быть
зачитано
27 Письмо в театр
27 Из средней школы
32 Дневник
35 Сосредоточенные
размышления
36 Те сказали,
эти сказали!
37 Участковый врач
40 Сила слова
42 В Греческом зале
43 «Дурочка»
49 Дефицит
51 В век техники
52 Берегите бюрократов
54 Что охраняешь, товарищ?
54 Для вас, женщины
56 Дай ручку, внучек!

1970-1971

---

60 К морю
61 Молчание — золото!
62 У кассы
64 Диспут
68 Ранняя пташка
69 В магазине
70 Ваше здоровье?
71 Личный опыт
73 Новички
76 Куда толкать?
78 Все мы движемся,
движимые желанием...

81 Полезные советы
82 Колебаний у меня нет
84 Гражданское
мужество
86 Ставь птицу
89 Доктор, умоляю...
91 Теория
относительности
96 Ночью
99 Портрет
100 Специалист
102 Время больших
перемещений
103 Ищу одиночества
106 Тренер
108 Наша взяла
110 Блеск, Паша
114 На работе и дома
119 Собрание
на ликеро-водочном
заводе
123 Голос...
129 Болеем, болеем!
131 Свадьба
на сто семьдесят
человек

1972

---

144 Он — наше чудо
145 Вы еще не слышали
наш ансамбль...
146 Посидим
147 Алло, вы меня
вызывали?..
149 Уз очень я смесной
целовек
151 Когда нужны герои
153 Главное,
что все хорошо
кончилось!
153 Очень много
честных людей
155 Автобиография
157 Сбитень варим
158 Нормально, Григорий!
Отлично, Константин!
160 Парадоксы
160 В кулуарах
161 Я жду

1973

---

164 Нашим женщинам
165 Письма женщинам

- 169 Женский язык
- 170 Как шутят в Одессе
- 173 Ну что такое Ойстрах?
- 173 Военная кость
- 175 Начальник АТС
- 176 Сто одиннадцать
- 177 Он таким не был...
- 180 Воскресный день

1974

- 185 Учителю
- 186 Наши мамы
- 187 Главный гость
- 190 Как с ним говорить
- 191 Давайте сопротивляться
- 192 Какой взрослый мужчина...
- 193 Наша!
- 194 Братья и сестры
- 195 Их день
- 196. После вчерашнего

1975

- 198 Приветствие театру
- 200 Александру Моисеевичу Эскину
- 202 Поменьше юмору, граждане!
- 203 Клянемся!
- 205 Сороковые
- 205 Из Батуми
- 206 XX век

1976

- 209 Вперед
- 210 Как руководить
- 211 Как делается телевидение
- 212 А я вам так скажу
- 214 Поймите меня правильно...
- 218 Мысли
- 219 Неумение сказать «нет»
- 219 Мальчик, подожди

1977

- 222 Маленький вентилятор
- 222 Спасибо

- 224 Прекрасное настроение
- 225 Клуб
кинопутешествий
- 227 На телевидении
- 230 Кто виноват
- 231 Телефонный разговор
- 233 Ньюансы
- 234 Жизнь моя,
побудь со мной

1978

- 237 Автопортрет художника сорока четырех
- 239 Мысли
- 240 Как обычно
- 240 Как иметь свое мнение
- 241 Современная женщина

1979

- 244 Книжечки мои книжечки, книжечки бедовые
- 246 Не выделяться
- 247 Помолодеть!
- 248 Мысль
- 248 Ах! Ах! Любовь!
- 252 Наша команда
- 253 Ваши письма
- 254 Тщательнее
- 257 Григорий Харитонович
- 259 Не троньте
- 262 Условия образования белых глаз
- 263 Если бы я был...
- 265 Без меня
- 267 Сын мой неосуществленный
- 267 Падает снег

1980

- 270 Ожидание
- 271 Личность
- 272 Им хорошо
- 273 Мысль
- 273 Писательское счастье
- 273 Может ли делать человек то, что ему хочется?

1981

- 275 Сутки, сутки, сутки
- 277 Как я пишу?..
- 278 Мы беремся
- 278 Консерватория
- 279 Жлобство —
это не хамство
- 280 Трудности кино
- 282 Он не знал

1982

- 286 Наши неудачи
- 287 Тяжелый характер
- 289 Точность —
вежливость королей
- 291 Из размышлений
под оркестр
легкой музыки
датского радио
- 292 Стилль спора
- 293 Восточная мудрость
- 296 Время для умных
- 298 Письмо в «Огонек»
- 298 В последнее время
- 299 Успокойтесь, уйду
- 301 Как?! Вам ничего
не говорили?
- 304 Осень
- 305 Итого

1983

- 307 Мысли
- 307 Общий порядок
- 308 Кому как,
а нам нравится
- 310 Простите меня
- 314 Мы впереди
- 315 Броня моя!
- 317 Мы природу бережем
- 317 Старших и ведущих
инженеров...
- 318 Написали колхозники
в газету
- 318 Конечно,
успехи медицины
огромны
- 319 Обед
- 323 Неужели снова
хорошо?
- 324 Страдая
бессонницей
- 325 Как жить, чтобы жить...

1984

- 330 Такая любовь
- 332 В Париже
- 333 Вместе
- 334 Диета
- 335 Такая жизнь
кругом!
- 338 Саша, Саша, Саша
- 339 Вам не повезло
- 339 На складе
- 346 Рассказ
подрывника

1985

- 348 Под странным названием
«театральная молодежь»
- 349 Сергею Юрскому
- 352 Куда ходит
наш человек?
- 353 Давайте разберемся
- 354 Давайте в августе...
- 357 Что такое юмор?

1986

- 360 С женщиной
- 362 Эх, не надо было!
- 362 Уходя, уходи
- 363 Паровоз
для машиниста
- 365 Где рыба?
Рыба где?
- 367 На даче
- 371 Что делать?
- 372 Второе внезапное
обращение к детям

1987

- 375 Браво, сатира!
- 376 Лица прохожих
- 379 Детский сад
- 383 Пресса дает!
- 389 Непереводаемая
игра
- 391 Отодвинули облако
и спросили
- 392 Пять-де-сят три
- 393 Я так стар
и спокоен...
- 394 Птичий полет
- 410 Это было бы невысказано
даже два года назад

Жванецкий М. М.

Ж 41 Год за два: Сборник эстрадных произведений/
Предисл. А. Битова. — М.: Искусство, 1989. —
416 с., ил.

Произведения М. Жванецкого хорошо известны читателям, слушателям, зрителям. В сборник вошли миниатюры и монологи как уже печатавшиеся ранее, так и написанные в последние годы.

Ж $\frac{4702010201-075}{025(01)-89}$ 30-88

ББК 84Р7—4

Михаил Михайлович Жванецкий
Год за два

Редактор
Л. В. Гамазова
Художники
Р. Л. Габриадзе
В. М. Радецкий
Художественный
редактор
Л. И. Орлова
Технический
редактор
Н. С. Еремина
Корректор
И. Н. Белозерцева

ИБ. № 2898

Сдано в набор 08.07.88. Подписано в печать 30.12.88. А 06942. Формат издания 84 × 108¹/₃₂. Печать высокая. Бумага кн.-журн. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 23,34. Уч.-изд. л. 20,974. Изд. № 14384. Тираж 100 000. Заказ № 1469. Цена 3 р. 20 к. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

